

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ
ЧЕЛОВЕК
С МАРСА

СТАНИСЛАВ ЛЕМ
ЧЕЛОВЕК С МАРСА

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

STANISŁAW LEM

Człowiek z Marsa

Koniec świata o ósmej

Astronauci

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Человек с Марса
повесть

Конец света в восемь часов
американская сказка

Астронавты
роман

МОСКВА 1998

УДК 884-31
ББК 84(4П)
Л 44

Разработка серийного оформления
художников *И. Саукова* и *А. Яковлева*

Серия основана в 1997 году

В оформлении обложки использована работа
художника *Don Maitz* с согласия самого художника
и его агента *Александра Корженевского*

Л 44 Лем С.
Человек с Марса: Фантастические произведения: —
М.: Изд-во Текст, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998.—
448 с. (Серия «Классика приключений и научной фантастики»).

ISBN 5-04-000670-5 («ЭКСМО-Пресс»)
ISBN 5-7516-0104-1 («Текст»)

В книгу вошли впервые публикуемая на русском языке научно-фантастическая повесть Станислава Лема «Человек с Марса» — о противоборстве людей и искусственного мозга-убийцы, фантазмагория «Конец света в восемь часов» — о безумном ученом, придумавшем порошок для уничтожения Вселенной, и роман «Астронавты» — о путешествии на Венеру.

УДК 884-31
ББК 84(4П)

Права на издание приобретены через
Литературное Агентство «Александр
Корженевский»

- © Stanislaw Lem, 1947, 1950
- © Перевод, подготовка текста.
Издательство «Текст», 1998 г.
- © Издание на русском языке. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО», 1998 г.
- © Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1998 г.

ISBN 5-04-000670-5 («ЭКСМО-Пресс»)
ISBN 5-7516-0104-1 («Текст»)

Человек с Марса

повесть

Улица жила. Лязг вагонов надземки, сигналы автомашин, громыханье мчащихся троллейбусов, мощный гул человеческих голосов кипели в темно-синем воздухе, разрываемом на ключья тьмы снопами огней всех цветов и оттенков. Толпа переливалась как множество змей, плотно заполняя тротуары, поблескивая в светлых квадратах витрин и погружаясь в полумрак домов. Только что омытый асфальт шипел под сотнями автомобильных шин. Одно за одним проносились скользкие на вид черные и серебристые тела длинных машин.

Я шел без цели и мысли, втиснутый в толпу, ставший ее нераздельной частицей, позволяя нести себя, как волна несет пробку.

Улица дышала, ворчала и гудела, меня омывали потоки света и струи тяжелого аромата женских духов, охватывал то резкий дым южных сигарет, то сладковатый, удушающий запах опиумированных сигар. По фасадам домов в головокружительном темпе взбегали неоновые буквы утасающих и разгорающихся вновь реклам, взвивались фонтаны огней, мигали сумасшедшие сполохи ракет и фейерверков, осыпаясь последними искрами на головы толпы.

Я проходил под гигантскими, ярко освещенными порталами, шел мимо темных магазинов, надменных колонн каких-то незнакомых зданий: погруженный в подвижную, многоязыкую, ни на мгновение не умолкающую массу

Człowiek z Marsa, 1947

Перевод Е.Вайсброта, 1997

людей, и все-таки более одинокий, чем на необитаемом острове. Пальцы машинально перебирали в кармане два пятицентовика, составлявших весь мой капитал.

На пересечении трех больших улиц, каменные жерла которых уходили вдаль сужающимися в перспективе шеями с позвоночником фонарей, я отделился от толпы и остановился на бордюре.

В зависимости от цвета загорающихся огней толпа переползала через проезжую часть, словно выпущенная из какого-то гигантского шлюза. Гудели, выли, рычали моторы автомобилей; время от времени раздавался душераздирающий визг тормозов. Пробегаящий мимо разносчик сунул мне в руку какую-то ненужную газету. Я купил ее, чтобы только отделаться от него, засунул за манжет и продолжал наблюдать.

Толпа, вообще-то говоря, всякий раз была иной, одновременно оставаясь той же самой. Улица продолжала пульсировать в двух противоположных направлениях, пропуская через свою асфальтированную горловину человеческие массы попеременно с блестящими железяками автомобилей.

Неожиданно с узкой полосы проезжей части съехала огромная, блестящая тень и с тихим шуршанием покрышек остановилась около меня. Это был гигантский «бьюик». Опустилось правое переднее стекло и изнутри послышалось:

— Что у вас за газета?

Одновременно рука в тяжелой шоферской перчатке указала на белый краешек бумаги, торчащий у меня из-за рукава.

Тон, каким был задан вопрос, и его содержание показали мне, разумеется, очень странными, но жизнь научила меня ничему не удивляться, особенно в крупных городах. Я ответил, вытащив газету (поскольку и сам не знал ее названия):

— «Нью-Йорк таймс».

— А какое сегодня число? Какой день? — спросил тот же голос.

Эта дурацкая игра мне наскучила.

— Пятница! — ответил я, чтобы отвязаться.

В тот же момент дверь автомобиля открылась и голос приказал:

— Садитесь.

Я сделал такое движение, словно хотел попятиться.

— Быстро! — было произнесено с такой силой, что я невольно послушался.

Не знаю, как я упал на мягкие подушки, как дверь хлопнула и тут же, словно в гангстерских фильмах, машина рванулась с места. Уличные фонари задрожали, вытянулись в пульсирующую ленту — мы мчались вперед.

Я осмотрелся. В машине было темно. Я сидел один на заднем сиденье. Впереди, на фоне слабо освещенной приборной доски и лобового стекла, маячили два почти одинаковых мужских силуэта — водитель и его спутник. Я принялся раздумывать. Правда, ум мой был немного «тронут» вынужденным двухдневным недоеданием, но работал достаточно исправно. Голод скорее подталкивал к нетривиальным решениям и вызывал некоторое безразличие к внешним событиям. Но сейчас... А собственно, что сейчас происходило? Машина, по-видимому, выехала на какую-то не столь забитую улицу, поскольку мотор начал издавать тот характерный высокий тон, который свойствен высокооборотным агрегатам, работающим на полном газу. Неожиданно резкий поворот — тормоза, на которые вдруг сильно нажали, запищали, машина, несколько раз мягко подпрыгнув, въехала в какое-то углубление и остановилась.

Двери не открылись. Водитель дал сигнал — один короткий, второй длинный. Мигнул яркими фарами, переключил на слабые, а потом вырубил и их. Мы оказались в кромешной тьме.

— Что за комедия, черт побед... — начал я громко, но голос мой прозвучал слишком слабо, уши еще были полны шумом мотора. Впрочем, в тот же момент перед носом машины вспыхнул четырехугольник слабого света. Автомобиль заворчал и двинулся вперед. Неожиданно я почувствовал, как пол опускается. «Ага, — подумал я. — Подземный гараж». И тут мы остановились.

Двери машины открылись. Водитель повернулся ко мне лицом — огромным, широким с мощными челюстями и кустистыми бровями, лицом одновременно сухим и мясистым. Я вышел. Ноги ступали легко — полы в этой подземной галерее были из заглушающего звука материала. Потом откры-

лась какая-то боковая дверь и стал виден темно-голубой зал, в котором сидело пятеро мужчин. Зал был невелик. Мужчины, сидевшие за маленьким круглым столом, тут же поднялись и молча уставились на меня, как бы ожидая чего-то.

Самый невысокий, темный блондин, человек среднего возраста, со слегка одутловатым, бледным и блестящим лицом, обратился к моему спутнику-водителю.

— Это он?

Водитель, казалось, был немного удивлен вопросом, замялся, но ответил:

— Конечно.

Теперь спрашивающий обратился ко мне, подходя так, что мы оказались лицом к лицу:

— Какой сегодня день?

На этот раз я ответил, уже не отступив от истины: дескать, среда — и это вызвало как бы дрожь, пробежавшую по лицам присутствующих. Какое-то мгновение я думал, что оказался среди сумасшедших, но даже не успел испугаться, потому что водитель, человек атлетического сложения, быстро шагнул вперед и заговорил:

— Господин Фрэйзер, клянусь, он сказал «пятница». И у него была «Нью-Йорк таймс». И стоял он на углу Пятой улицы.

— В чем дело? — спросил мужчина с бледным лицом. — Откуда вы взялись?

— Из Чикаго, — ответил я. — Может, теперь моя очередь задавать вопросы? Что значит это сборище? И странная поездка на машине?

— Не напрягайтесь, — прервал он ледяным тоном. — Ваша очередь задавать вопросы еще не настала. Почему вы сказали, что сегодня пятница?

У меня мелькнула мысль, что все-таки передо мной психи. Надо бы вести себя поуступчивее и мягче. Где-то я читал об этом.

— Если как следует подумать, — начал я, — то, может, и верно пятница. Особенно если считать по Гринвичу...

— Не городите чепухи, ближе к делу. Письмо и инструменты при вас?

Я молчал.

— Так... — медленно сказал мой собеседник. — Так. Ну,

прежде чем... прежде чем... Короче, скажите нам, кто вас подслал? С какой целью вы приехали? И кто вам сказал, что и как следует сделать, чтобы попасть сюда?

Последние слова он чуть ли не прошипел, показав при этом зубы, которые были еще белее или, скорее, бледнее, чем лицо. Остальные четверо по-прежнему стояли неподвижно, уставившись на меня не то угрожающе, не то выжидающе.

Понемногу я начал что-то соображать. Во всяком случае, это не были психи. Нет. Я оказался полным идиотом. И влип в какую-то паршивую историю.

— Господа, — начал я. Беззаботный тон тут явно был не к месту, однако я продолжал держать марку: — Господа, я — репортер, то есть был репортером «Чикаго уорд». По некоторым причинам два месяца тому назад меня уволили. В поисках работы я приехал в Нью-Йорк. Я здесь уже несколько недель, но ничего не нашел, а что касается того, как я к вам попал, то уверяю вас, это чистая случайность. Думаю, никому не возбраняется покупать «Нью-Йорк таймс»?

— И, отвечая на вопрос о дне недели, говорить в среду, что сегодня пятница... Так, да?

Услышав слова, впервые произнесенные высоким худощавым мужчиной в очках, я повернулся к нему и одновременно отметил, что дверь была загорожена. Там стоял водитель машины с массивным, каменным, невыразительным лицом и целиком заполнял собою дверной проем. Я понял, что они мне не верят.

— Господа, — начал я. — Это глупое стечение обстоятельств... Пожалуйста, позвольте мне уйти... Я ведь ничего не знаю и не понимаю. Не знаю даже, где нахожусь.

— Вы, похоже, не ориентируетесь в ситуации, — медленно проговорил мужчина с бледным блестящим лицом. — Вы не можете отсюда уйти.

— Сейчас — нет. А когда?

— Никогда.

Мне сразу как бы полегчало. Теперь все стало ясно. Те четверо медленно, не спеша ели, прикурили сигареты от маленькой масляной лампы, а я глядел. Я глядел с особой жадностью на их движения, на ярко освещенную комнату, на лицо стоящего передо мной человека, выносившего мне

приговор. «Наверно, — думал я, — надо что-то сказать, просить, убеждать, подробно объяснять?» Объяснять? Но стоило заглянуть в его глаза, блекло-голубые, далекие, как становилось понятно, что любые мои заверения не имеют смысла.

— Ничего не понимаю, — сказал я, выпрямляясь. — Я устал и голоден. Я не знаю, за что должен умирать. И зачем. Но даже людоеды кормят свои жертвы... Простите, я голоден. — Я замолчал, подошел к столу, вынул из коробки сигарету и прикурил от пламени лампы.

И тут я заметил, что мужчины молча переглянулись, потом — поверх меня — глянули на того, который разговаривал со мной, вроде бы их предводителя, и снова застыли. Дверь была забаррикадирована телом, загораживающим доступ к ручке, — оно тянуло фунтов на двести. Я не выспался, был утомлен, голоден. Борьбаться не имело смысла.

— Дайте ему поесть, — сказал бледнолицый мужчина, — и позаботьтесь о нем. Но как следует!

Водитель молча отворил дверь и подал мне знак.

— Спокойной ночи, господа, — сказал я и последовал за ним.

Дверь хлопнула, я вышел в полумрак коридора.

В тот же момент меня схватили две сильные руки, послышался щелчок, и я почувствовал на запястьях холод наручников.

— Так-то вы обходитесь с гостями, — бросил я, не поднимая головы.

Шофер и его невидимый в темноте помощник, сковавший меня, были не из болтливых. Один тщательно ощупал мои карманы и, не найдя ничего подозрительного, легонько подтолкнул меня вперед.

Я понял это как приглашение к завтраку. Мы шли в тьме египетской не меньше минуты, и тут мой провожатый остановился так резко, что я чуть было не налетел на неожиданно выросшую передо мной, до того невидимую стену. Раздался глухой щелчок, и открылась дверь — прямоугольник света.

Новое помещение напоминало банковское хранилище, вернее сказать, такими их представляют любители детективных романов. Огромные стальные двери хлопнулись за спиной у меня и моего провожатого, заблокированные ги-

гантскими когтями задвижек, ушедшими в пазы дверной коробки. Комната ярко освещалась голой лампочкой. Стены были образованы правильными рядами стальных дверок с массивными ручками и многочисленными замочными скважинами. Единственной мебелью были два стоящих на бетонном полу низеньких стульчика, табурет о трех ножках и небольшой столик. Странно — все предметы были из стали. Правда, заметил я это лишь после того, как шофер пододвинул ко мне ногой табурет — тот издал характерный звук.

Я сел, шофер подошел к столику, приподнял крышку и достал из открывшегося таким манером ящика несколько банок консервов и длинную булку. Потом извлек из кармана огромный складной нож, открыл нужное острие, вспорол одну банку, тем же ножом нарезал хлеб и снова принялся шарить по карманам. Наконец он вытащил ключик от моих наручников — именно в тот момент, когда я уже подумал, что он собирается кормить меня сам. Потом сел напротив и принялся наблюдать за моими достаточно однообразными действиями. Созерцание продолжалось до тех пор, пока не опорожнилась банка. Я взглянул на следующую — омары (я очень люблю омаров) — и протянул руку: нож. Шофер немного покривил свою загорелую массивную физиономию, что, видимо, должно было изображать улыбку, отрицательно покачал головой и сам вскрыл банку. «Он меня боится!» — подумал я с удовлетворением, поскольку он весил наверняка раза в два больше меня. Когда и эта банка опустела и была тщательно протерта корочкой хлеба, я спросил:

— Сухой закон?

Шофер снова растянул в улыбке рот, теперь чуть пошире, поднял крышку стола и достал бутылку отличного коньяка. Я думал, он чокнется со мной, но он только вынул пробку и поставил передо мной рюмку для яиц, которой я, однако, пренебрег. Солидная порция коньяка просветлила мне мозговую машинерию: я подумал, что оказался в достаточно интересной ситуации, и уже собрался спросить о возможности хоть как-то поспать в этом паршивом отеле, когда у меня над головой раздался низкий короткий гудок, повторившийся трижды. Шофер едва заметно вздрогнул, вынул наручники и сказал:

— Пошли.

Я заколебался — он отступил на шаг и дотронулся до подозрительно выпячивающегося кармана брюк.

— Подчиняюсь силе, — сказал я громко, улыбнулся и подал руки. Он тоже улыбнулся, правда, малость кривовато, открыл дверь, и мы погрузились в царящую по другую их сторону темень.

Теперь мы шли явно в другое место, потому что в определенный момент он взял меня за руку и потянул. Это было вполне своевременно, иначе б я растянулся во весь рост на ступенях. Мы поднимались по лестнице. Вскоре я заметил постепенно усиливающийся бледно-голубой свет, и наконец мы вошли в широкий безоконный коридор, стены которого освещали заглубленные в поверхность матовые лампочки. Коридор кончался дверью размером во всю замыкающую его стену. Когда мы подошли, шофер подтолкнул меня вперед — дверь сама раскрылась и сама за нами, вернее, за мной закрылась.

Я оказался в огромной библиотеке — таким было первое мое впечатление. Стены до потолка закрывали книжные шкафы и полки, забитые книгами. Рядом с полками стояли лесенки, столики с лампами, кресла, в середине — небольшой овальный столик, за которым сидели уже знакомые мне мужчины. Один — тот, который только однажды обратился ко мне, высокий и худощавый, с седыми висками, сверкнул в мою сторону стеклами очков. Я подошел ближе.

— Мы только что говорили о вас, — сказал этот человек медленно и довольно тихо. Казалось, он очень утомлен. Я слегка поклонился и ждал. — Хотелось бы вам верить... Проверка показала, что, скорее всего, вы не солгали...

Я удивленно взглянул на него. Какая еще проверка? Неужто завтрак с молчаливым шофером был проверкой? В таком случае мне приходилось признать ее весьма поверхностной. Седой мужчина, казалось, не обратил внимания на мое удивление.

— Вы не по своей воле попали в определенное... весьма сложное положение, — было видно, что он обдумывает каждое слово. — Одно вам следует знать: таким, каким вы были до этого, вам отсюда выйти невозможно.

У меня мгновенно мелькнула мысль, что я оказался в центре какой-то идеально организованной гангстерской

банды, а может, шайки политических экстремистов или чего-то в этом роде. Но книги? Книги-то зачем?

— Вы не выйдете вообще, либо... — он осекся, глядя на меня внешне спокойно, но я чувствовал напряженность.

— Либо? — спросил я. И, обращаясь к тому, кто уже при мне прикуривал сигарету, добавил: — Простите, можно вас попросить? Понимаете, я не могу пользоваться руками, а с удовольствием бы закурил.

Он медленно (они все делали в замедленном темпе — это было смешно, но одновременно и страшно) сунул мне сигарету в рот и поднес огонь. Другие тут же снова обменялись взглядами.

— Либо вы будете нашим... — закончил мужчина в очках. — И, судя по вашей внешности, кажется мне, случится именно так.

— Внешность бывает обманчива, — сказал я, тоже стараясь говорить медленно, не столько для того, чтобы подладиться под них, сколько, чтобы совладать с действием выпитого после долгого поста коньяка. — Можно ли узнать, в чем дело?

Молчавший до того мужчина с широким бледным лицом поднял голову.

— Этого вы, конечно, знать не можете, — сказал он как бы извиняясь. И добавил громче: — Да и не все ли вам равно? Все очень просто: слушать и молчать.

Должен признаться, беседа повергла меня в весьма странное состояние. Когда мне казалось, что это удивительное общество обрекло меня на исчезновение, то есть смерть, и я понимал, что мое положение безнадежно, я вроде бы даже успокоился, но теперь новый поворот пробудил во мне какие-то странные силы. Человека в безвыходном положении охватывает апатия, оупение, однако достаточно малейшего проблеска надежды — и силы возрастают в сотни раз, все органы чувств обостряются до крайности, и он обращается в сплошной напряженный мускул, чтобы в бешеном усилии спасти свою жизнь. Так было и со мной. Разговаривая приглушенным голосом, медленно, я одновременно внимательно рассматривал все окружающее меня из-под полу-прикрытых век, изучая детали. Бежать?.. А почему бы и нет? Конечно, это была крайность. Можно схватить массивную

пепельницу со стола и запустить в лоб председателю, но это глупо. Гораздо лучше бросить ее в большой освещавший зал светильник. Однако надо было знать, сколько лампочек горят внутри матового шара. Одна или несколько? От этого могло зависеть все. Ну, хорошо, но еще оставались двери. Странные двери, отворявшиеся и закрывавшиеся как бы самостоятельно. Я стоял к ним спиной и не знал, была ли у них ручка.

— Вы не должны задавать вопросов, — медленно, с нажимом продолжал мужчина с бледным потным лицом, сминая сигарету в серебряной резной пепельнице.

Сказав это, он стряхнул с манжета невидимую пылинку и неожиданно охватил меня своим холодно-голубым взглядом.

— Простите... — улыбнулся я, слегка пожав плечами, и глянул краем глаза. У дверей была обыкновенная ручка. — Мне кажется, я все же могу хотя б в общих чертах...

Один из мужчин, который, казалось, вовсе не слушал наш разговор, неожиданно бросил несколько слов на каком-то непонятном мне языке. Странные горловые звуки. Мой собеседник наклонился над крышкой стола и сказал быстро и тихо:

— Вы согласны?

— На что? — Я любой ценой хотел выиграть время.

— У вас есть выбор: либо вы вступите в нашу... — Он замаялся.

«По-видимому, у них нет практики, — подумал я. — Это никакая не гангстерская банда, там правят другие законы».

— В нашу организацию, — продолжил мой собеседник, — либо вас обезвредят.

— То есть охладят до температуры грунта, так, что ли?

— Нет, — спокойно сказал он. — Мы вас не убьем. Просто сделаем над вами маленькую операцию, после чего вы на всю жизнь останетесь идиотом, психически недоразвитым.

— Так... А что мне придется в вашей «организации» делать?

— Ничего такого, чего бы вы сделать не могли.

— Это противоречит закону?

— Чьему закону?

Я был заинтригован.

— Ну, как же... нашему закону, закону Соединенных Штатов Америки.

— Несомненно... иногда, — ответил он. Все как бы по приказу едва заметно улыгнулись. Я бы сказал: на мгновение ожившие маски. Я сделал медленное движение ногами, чтобы, развернувшись назад, схватить пепельницу. Но сумею ли кинуть ее в лампу скованными руками? Я был неплохим гимнастом. В тот же момент мужчина в очках отвернулся от стоящего у столика олеандра в шикарной малахитовой вазе и бросил несколько слов, которых я не расслышал. Дверь раскрылась, и появились шофер с помощником.

— Отведите его... в операционную, — сказал председатель. — И снимите наручники.

Шофер подошел ко мне, скрипнул ключик в замке. В следующий момент я нанес ему удар стальным браслетом левой, еще скованной руки в висок и добавил сильным ударом ноги в живот. Он упал, не издав ни звука. Но когда его грузное тело еще летело на меня, я схватил его за лацканы кожаной куртки и изо всей силы кинул на вскакивающих из-за стола мужчин. Огромное массивное тело перевернуло стол, несколько кресел свалилось. Я не стал ждать, что будет дальше, а прыгнул к двери. Поразительно, никто еще не выстрелил, а помощник шофера стоял в дверях спокойно, слегка раскинув руки, словно встретил знакомого после долгой разлуки.

Я ударил его левой в подбородок, вернее, я целился в то место, но он парировал удар ребром ладони так, что я почувствовал резкую боль и моя рука беспомощно повисла. Парень знал джиу-джитсу. Мне не повезло.

В этой сумятице, когда я слышал за спиной приближающиеся шаги, у меня в памяти на мгновение мелькнула фигурка коренастого маленького Иши-Хасама, который учил меня в Киото японской борьбе. На последнем занятии он показал два интересных приема, которые европейцы не знают. Это удар снизу двумя руками, которые словно ножницы переламаывают гортань. Удар, нанесенный со всей силой отчаяния, удался только частично. В тот момент, когда я уже почувствовал его напряженное тело, несколько сильных рук схватили меня сзади. Я бросился на пол, но

схватка длилась недолго. Из массы рук и ног я выбрался, но тут меня крепко схватили за одежду и — о диво! — отвели к столику.

Здесь один из задыхающихся после боя мужчин пододвинул мне кресло, а когда я, обалдев и дрожа, повалился в него, второй сунул мне в рот длинную сигарету, третий подал огня, и теперь все сидели вокруг меня словно после краткого перерыва в дружеской беседе.

Шофер быстро убрался вместе с помощником.

— Вы сдали экзамен. Вы уже наш. Все это, конечно, была комедия, — добавил он в ответ на мой изумленный взгляд. — Мы дали вам шанс, и вы им воспользовались.

— Оригинальный способ, — сказал я, массируя себе левое предплечье. — Позвольте узнать, какие шуточки вы еще держите за пазухой. Сколько я ни работал репортером, ничего подобного со мной еще не случилось.

— Охотно верю, — сказал мужчина с бледным лицом. — Разрешите познакомить вас с присутствующими: доктор Томас Кеннеди, — он указал на мужчину в очках, — синьор Джедевани, инженер Финк. Меня зовут Фрэйзер.

Мужчины наклоняли головы и подавали руки. Я не знал, злиться мне или смеяться.

— А мое имя...

— Знаем, знаем прекрасно, господин Макмур, вы ведь из Шотландии, верно?

— Простите, господа, может быть, уже довольно шуточек?

— Мы прекрасно вас понимаем, — сказал Фрэйзер. — Так вот, все сидящие здесь представляют собой организацию, которая, собственно, не ставит перед собой ни чисто научных, ни финансовых, ни даже, — он улыбнулся, — разбойничьих целей. Не думайте, ради Бога, что мы фашисты, — быстро добавил он, видя, как у меня вытягивается физиономия. — Мы также не клуб умирающих от скуки миллио...

— Так перечислять вы можете целый час, — язвительно прервал я. — Вы — не общество защиты от пережаренных шницелей и не клуб присмотра за собственными карманами...

— Дело наше очень трудно понять, а еще труднее в него

поверить, — впервые заговорил мужчина в черном костюме с узким, украшенным холеными седоватыми усиками лицом. Председатель назвал его инженером Финком. — Судя по всему, вы им не только заинтересуетесь, но отдадите то, что отдали мы.

— То есть?

— То есть все, — сказал он, вставая. Остальные тоже поднялись, а Фрэйзер повернулся ко мне.

— Извольте пройти со мной. Я должен как следует ознакомиться с вами...

Я поклонился и пошел следом за ним по заглушающему все звуки толстому ковру.

Мы подошли к дверям, которые раскрылись сами, когда мы были в двух шагах от них. Я обратил внимание на то, что мы были одни, остальные «заговорщики», как я мысленно их называл, остались в библиотеке. Коридор вывел нас к незнакомой лестнице, ступени которой, казалось, вырублены в монолитном блоке бетона. В стенах всюду спокойно горели приглушенным светом квадратные, заглубленные в стены лампы. На третьем этаже коридор был таким же, как внизу. Мой провожатый вел меня к выходящим на площадку дверям и, отворив их, вошел первым.

Маленькая комната оказалась забитой физическими приборами и книгами, на стенах висели географические карты каких-то, как мне казалось, пустынных районов, на полу стояли различной величины глобусы. Мебель составляли огромный письменный стол, несколько кресел и стоящие вдоль стен столы с какими-то очень сложными аппаратами, начиненными огромным количеством катодных ламп.

Сколько я успел заметить, когда по приглашению хозяина сел и взглянул на него, он был крайне сосредоточен и серьезен.

— Господин Макмур, убедительно прошу постараться понять меня как следует и, насколько это возможно, поверить в то, что я скажу. Впоследствии я постараюсь развеять ваши сомнения с помощью наглядных доказательств, — он проделал широкий жест и спросил, поднимая со стола какую-то газету: — Вы не припомните, какое явление наблюдалось на небе нашего полушария три месяца назад?

Я напряг память.

— Сдается мне, появилась какая-то крупная комета или метеорит, точно не помню, — сказал я. — В то время нас занимала капитуляция Германии. Астрономия и метеорология были задвинуты в угол.

— Именно так оно и было. — Казалось, мой собеседник ответом удовлетворен. — Вам следует знать, что я по профессии физик. Даже астрофизик, — после недолгого молчания добавил он, как бы раздумывая. — Упомянутый вами метеорит упал на границе Северной и Южной Дакоты, вызвав пожар, уничтоживший леса на площади три с лишним тысячи гектаров. Я в то время как раз находился поблизости и решил с коллегами из обсерватории в Маунт-Уилсон обследовать место падения метеорита. Это было нечто вроде большого рва, а космическое тело, казалось, не очень-то подчинялось законам небесной механики: оно столкнулось с земной поверхностью под очень острым углом, почти по касательной. Примерно два километра оно мчалось сквозь лес, местами прорывая борозду глубиной до двенадцати метров, зажигая и валя воздушной волной деревья, и наконец зарылось в холм, вершину которого смело на глубину нескольких десятков метров. Высокая температура и горящий лес затрудняли доступ к тому месту, в котором находился загадочный метеорит. Самое странное, что вблизи мы не обнаружили ни осколков метеоритного железа, ни вообще чего-либо, что могло бы объяснить строение этого предмета. С помощью доставленных машин и нанятых рабочих нам удалось, предварительно охладив, выкопать это тело. О сложностях, связанных с его извлечением, я подробнее расскажу в свое время. Сейчас болид находится здесь, вы можете его увидеть даже завтра. Это, собственно говоря, не болид... — Он замялся.

— Может быть, ракетный снаряд из Европы? — спросил я. — Немцы пытались их запускать, но, насколько мне известно, только в сторону Англии.

— Да, это реактивный снаряд, — сказал Фрэйзер, — вы очень догадливы, только он не из Европы.

— Из Японии?

— И не из Японии... — Он указал на огромные карты полушарий, висящие на стене. Я глянул внимательней. Какие-то странные обширные желтые поверхности, крутые, тем-

ные, как бы лесистые, массивы, белые шапки снегов на по-
лосах... Я вдруг увидел мелкую, узловатую сеть каналов...

— Марс, — почти крикнул я.

— Да, это снаряд с Марса, — медленно сказал Фрэйзер и положил передо мной предмет, который очень осторожно вынул из шкафа. — А это — первая весть с другой планеты.

На красной доске стола лежал отсвечивающий голубым валик из какого-то металла. Я взял его в руку — рука повисла.

— Свинец? — спросил я.

Фрэйзер улыбнулся.

— Нет, не свинец. Это очень редкий на Земле металл, палладий.

Я принялся медленно отвинчивать крышку — матово блеснула резьба. Я заглянул внутрь — это был пустотелый цилиндр, заполненный каким-то порошком.

— И что же это такое?

Фрэйзер высыпал порошок на кусочек белой бумаги, положил бумажку на стеклянную пластину, подвешенную на двух штативах, и поднес снизу металлический цилиндр. Провел им в одну, другую сторону. Мне кажется, я вскрикнул. На бумаге частички порошка наподобие железных опилок сложились в рисунок: треугольник с построенными по его сторонам квадратами. Теорема Пифагора. Внизу виднелись три маленьких значка, немного напоминающих ноты. Фрэйзер старательно высыпал порошок в цилиндр, закрыл его и спрятал в шкаф. Затем взглянул на меня, словно хотел проверить, какое впечатление произвела на меня эта странная демонстрация, и продолжал:

— Господин Макмур, снаряд принес с другой планеты не только вести, но и нечто осязаемое.

— Люди с Марса?

— Если 6 люди... В снаряде находился очень сложный механизм. Как бы вам сказать? Для этого вообще нет слов... Что-то вроде механического робота. Вы его увидите. Мы считали, что это некое подобие робота-пилота, управлявшего ракетой... Пойдемте, вы должны увидеть это своими глазами. Я сам всякий раз, когда гляжу на него, начинаю сомневаться, в своем ли я уме.

Мы вышли в коридор. В голове гудело. Помню, мы

вошли в кабину лифта, шахта которого располагалась в середине блока, оплетенного лестницами. Кабина дрогнула, и пол провалился под нами. Опускались мы недолго. Внизу был такой же коридор — длинный, только более темный, потому что каждая вторая лампа на стене не горела.

Скрипнули засовы. Мощные, на манер металлического шлюза, двери медленно раздвинулись. Я вошел.

В воздухе чувствовался тяжелый неприятный запах. Я услышал ритмичное слабое постукивание — так работает насос — и как бы почмокивание масла в вентилях. Загорелся свет. У комнаты были стальные стены и низкий потолок. В центре располагались два мощных деревянных столба, а между ними, как бы на козлах, покоилась какая-то бесформенная махина, поблескивающая черным и голубым. Она походила на гигантскую сахарную голову, снабженную свисающими до пола спиральными металлическими змеями. Основание щетинилось винтами и скобами.

В разных местах виднелись более светлые перегородки, как бы из стекловидной массы, а на самой макушке конуса располагалось что-то вроде металлической шляпки или очень большой гайки.

— Это и есть «человек с Марса», — очень тихо сказал Фрэйзер. Творение лежало неподвижно, только изнутри исходило ритмичное тикание.

— А...он...оно... живое?

— Мы еще не знаем, как оно действует, — сказал Фрэйзер. — Видите, — он подошел и медленно повернул шляпку сначала в одну, потом в другую сторону, — здесь камера. Только, ради Бога, не прикасайтесь, — испуганно добавил он, когда я наклонился слишком низко.

Я увидел небольшую, не больше апельсина, металлическую грушу, из одного полюса которой торчало множество проволочек.

— Вот здесь оконце...

Действительно, на противоположной стороне этой стальной — или палладиевой? — груши было оконце, заполненное прозрачной массой. Я заглянул туда. Различил очень слабую, медленную, но ритмичную пульсацию. В моменты усиления становились видимы ленточки светящегося желатина или рыбьей слизи. В минуты затемнения появлялись

единичные бледно светящиеся точки, которые при разгорании сливались в единую светлую вспышку.

— Что это? — невольно перешел я на шепот.

— Он, похоже, еще не пришел в себя, а может, в нем что-то повредилось при посадке, — сказал Фрэйзер, возвращая шляпку на свое место.

Он быстро вывел меня в коридор, повернул штурвал, толстые стальные плиты дверей замкнулись. Он оглянулся как бы с облегчением — куда девался уравновешенный мужчина из верхнего зала? — и сказал:

— То, что вы видели, собственно, единственное живое в нем.

— В ком?

— Ну, в этом госте-марсианине. Нечто вроде плазмы, мы еще не знаем толком, что именно.

Он пошел быстрее. Я глядел на него сбоку, пока он не поднял головы.

— Я понимаю, что вы думаете, но если б вы видели, что он может сделать, как это видел я, то не знаю, вошли бы вы добровольно еще раз в эту комнату.

И подтолкнул меня в кабину.

Кабина тихо заурчала и рванулась вверх. В голове у меня зашумело, я почувствовал легкое головокружение и схватился за ручку двери. Мы резко остановились. Фрэйзер долго не спускал глаз с моего лица, словно проверяя, какое впечатление произвела на меня необычная демонстрация. Потом открыл двери и вышел первым.

Мы снова были на втором этаже. Направляясь в противоположную библиотеке сторону, дошли до излома коридора. Здесь стены неожиданно оборвались, с правой стороны возникли высокие стеклянные плиты, заглубленные в бетонные ровики, ограждающие часть пространства, похожего на обсерваторию. Фрэйзер потянул меня дальше к маленьким белым дверям и постучал.

Изнутри долетел тихий, хриловатый голос:

— Войдите!

Мы вошли в маленькую комнатку, настолько заваленную и замусоренную бумагами, какими-то фотографиями, эскизами, лежавшими на огромном столе, подоконниках, стульях и шкафах, что казалось, нет места ни для кого, кроме неболь-

шого человечка, который в ответ на наше приветствие приподнял голову. Это был интересный тип — старичок с румяной физиономией, покрытой серебристой щетиной. Карамелька в сахарной пудре. На этом лице, ежеминутно изменяющем выражение, блестели огромные, оправленные в золото очки, а за ними — глаза, черные, пронзительные, вовсе не веселые, контрастирующие с добродушной внешностью.

— Хи-хи, так это вы? Что, попали в наши силки, да? — спросил старичок, сдвигая очки на лоб. — Думаю, из вас получится человек. — Он критически осмотрел мою одежду, которая, кроме следов недавней драки в библиотеке, носила явные признаки потрепанности. — У нас вы не пропадете. Да, это серьезное дело. Ах, пожалуйста, садитесь.

Мы присели. Пришлось снять со стульев какие-то диаграммы, кипы исписанных листов и таблиц. Профессор говорил не переставая.

— Итак... Господин Фрэйзер показал вам нашего, кх, кх, хм, хм, нашего гостя?

Я кивнул.

— Невероятно, а? Ага, знаю, знаю... Что это я хотел сказать? Ах да, вас наверняка удивляет здешняя таинственность и здешние стены, а замки-то, замки, словно у шайки гангстеров... — Он засмеялся, поднял очки, которые сползли ему на нос, и продолжал совсем другим тоном, ровно и спокойно, подчеркивая слова поднятым пальцем: — Дело выглядит так: этот гость с Марса может принести человечеству огромную пользу, но еще больше несчастий. Потому-то собралось несколько человек, они дали нужные деньги, средства и знания с тем, чтобы ознакомиться с сущностью пришельца, гонца с другой планеты, найти с ним общий язык, выяснить, знает ли он о нас, и если да, то много ли, в чем его техническое или интеллектуальное превосходство — все это для того, чтобы использовать его на благо людей либо, при необходимости, уничтожить. — Последние слова он произнес не поднимая голоса, спокойно, и именно это особенно усилило впечатление.

— Конечно, мы вынуждены опасаться любопытных, в первую очередь прессы, нашей изумительной прессы, — добавил он, хитро подмигнув. Он уже опять был добродушным дядюшкой. — Вы меня хорошо поняли?

— Понял. А теперь позвольте спросить, могу ли я и в какой степени быть всем вам нужен? У меня нет никаких специальных знаний. Я мог бы дать слово и уйти. Признаюсь, то, что вы сказали, невероятно интригующе, и возможность описать случившееся хотя бы после того, как уже отпадет нужда блюсти тайну, соблазняла бы меня невероятно, но я не думаю, что мне следует оставаться у вас только потому, что я случайно попал сюда и должен разделить судьбу марсианского пришельца.

Маленькие светлые точки плясали в очках профессора.

— Что до вашего ухода отсюда — не знаю, удастся ли это осуществить... — Он несколько раз взмахнул рукой, как бы поглаживая что-то, и сказал: — Не чувствуйте себя обиженным... Я не сомневаюсь в вашей искренности и слове, слове шотландца, — улыбнулся он, — но, хм, вы ведь сами знаете, что такое репортерская струнка... Впрочем, вы нам пригодитесь. Думаю, и мы вам не меньше. Мы сейчас ожидаем одного... — он замялся, — одного инженера, который должен прибыть из Орегона и привезти от наших друзей некоторые детали. Знаете, у нас коллектив исключительно крупных специалистов, но нам недостает простого человека, с обычным здравым рассудком, — он опять лукаво подмигнул мне, — а такой рассудок — прекрасная штука и может нам очень даже пригодиться... Вы что-нибудь слышали о конструкции ареантропа?

— По правде говоря, я еще не успел этого переварить. Впрочем, я и видел-то его всего несколько минут.

— Знаю, знаю. Сидеть там и без того не очень полезно, — тихо заметил профессор, не глядя на меня. — Нам еще не ясно, каким образом это воздействует на наш организм. Думается мне, это разновидность излучения, некоторые тела вблизи аппарата светятся. Кроме того, во время извлечения его из снаряда...

Я внимательно смотрел на профессора. Он как бы немножго съезжился и вздрогнул.

— Впрочем, на сегодня довольно. Вы еще услышите обо всем. — Он поднял голову и резко бросил: — Знайте же, наша игра очень опасна, у этого аппарата, или зверя, или же у зверя, заключенного в аппарате — мы пока что не знаем, — довольно удивительные свойства, и от него можно ожидать чего угодно.

— Почему бы не попытаться разобрать его на части? — вырвалось у меня.

Мужчины поморщились.

— К сожалению, такие попытки были. Нас ведь вначале было шестеро, а теперь вот осталось только пять. Все далеко не так просто.

— Теперь вы уже знаете почти столько же, сколько мы, — тихо сказал Фрэйзер. — Согласны ли вы на наши условия, то есть — полная свобода, равноправное участие в нашей работе и честное слово, что не попытаетесь бежать?

— Что значит — бежать? — сказал я. — Я не смогу отсюда выходить?

Мужчины улыбнулись.

— Конечно, нет, — сказал Фрэйзер. — Надеюсь, вы не думаете...

— В таком случае, я согласен. Но никакого слова не дам, — сказал я. — Слово, дорогие мои, возможно, вы этого не понимаете, было бы для меня непреодолимым препятствием. Другое дело — ваши стены. Я могу остаться, но только на тех же правах и условиях, которые действуют между вами.

Я встал.

Профессор улыбнулся, вынул из кармана пузатые золотые часы.

— Три минуты второго. Думаю, сегодня мы пережили уже достаточно. Желаю спокойной ночи.

И он снова погрузился в свои бумаги. Он уже не видел нас, не замечал, выписывая длинные колонки цифр.

Фрэйзер взял меня за руку — мы вышли в коридор.

Свет ламп как будто немного ослаб. Я почувствовал холод в груди и чудовищную усталость.

2

Разбудил меня яркий солнечный свет. Я удивленно потянулся — почувствовал мягкость постели, — подскочил на кровати и осмотрелся.

Большую светлую комнату заливало солнце, и первой моей мыслью было, что я видел какой-то странный, дурной

сон, но уже в следующее мгновение мой взгляд упал на дверь без ручки, и я вспомнил все. Я быстро встал, подошел к окну и выглянул. Подо мной раскинул свои воды большой темный пруд, берега которого тонули в утреннем тумане. Я смотрел на гладкое, слегка морщинящееся черно-золотое зеркало с высоты по меньшей мере четырех этажей. Осмотрелся. Моя одежда исчезла, на стуле лежал темно-серый костюм в шотландскую клетку. Я невольно улыбнулся — заботливые мне достались хозяева. Неожиданно я заметил небольшую, покрытую росписью дверцу в стене комнаты. Я открыл ее — засветилась белизной кафеля и никелем небольшая элегантная ванная.

В следующий момент я уже стоял под шумящим горячим душем и наслаждался пеной дорогого ароматного мыла, без которого мне довелось так долго обходиться. Я уже кончал одеваться, когда в дверь тихо постучали и в комнату вошел Фрэйзер.

— Ого! Ранняя пташка, это хорошо.

Он выглядел отдохнувшим, улыбался и, казалось, был полностью уверен во мне. Взял меня под локоть и потянул за собой.

— Прошу к завтраку. — Потом пояснил: — Мы всегда едим вместе. Вы услышите много интересного. Приехал инженер Линдсей из Орегона.

Мы спустились на один этаж. Зал, в который я вошел, можно было увидеть в любом старом английском замке. Огромный камин, длинный узкий стол, окруженный высокими креслами с резными спинками красного дерева, серебро и фарфор, гербы на стенах — воистину люди, к которым я попал, умели устроить себе жизнь даже в самых удивительных условиях.

За столом уже сидели знакомые мужчины и один новый — широкоплечий и коренастый, с крепкой костлявой физиономией, загоревший до бронзы. Он назвался инженером Линдсеем. Когда я занял место, вошел уже знакомый мне помощник шофера и начал разливать чай и кофе. Я взглянул на него сбоку — интересно, как он чувствует себя после нашей вчерашней стычки.

Походило на то, что чувствует он себя прекрасно, только кадык сильно припух, да и взгляд, которым он меня одарил,

не показался мне особо дружелюбным. Впрочем, я не мог уделить ему внимания, так как за столом продолжился разговор, прерванный моим появлением.

Профессор, сидевший на конце стола и макавший кусочек хлеба в наклоненную чашечку кофе, обратился ко мне. При этом очки шевелились на его коротковатом носу.

— Господин Макмур, обычно за столом мы обсуждаем случившееся за предыдущий день. Так вот, вчера мы ожидали прибытия господина инженера, который привез необходимые для дальнейших экспериментов материалы, то есть свинцово-асбестовые костюмы. Дело в том, что машина, *aganthoros*, излучает некоего рода энергию, пагубно влияющую на наши ткани. Из подвергнутых облучению в течение двух часов морских свинок не выжила ни одна. Вам следует знать, что это воздействие, как мы предполагаем, ослаблено, поскольку состояние аппарата, вероятнее всего, далеко от нормального.

— Собственно, это лишь наши предположения, — проговорил Фрэйзер. — Дело в том, что остатки атмосферы, сохранившиеся в снаряде и, скорее всего, аналогичные по составу атмосфере Марса, были исключительно богаты двуокисью углерода и другими газами, чуждыми нашему земному воздуху. Поэтому мы думаем, что организм, вернее — органическое вещество, управляющее деятельностью механизма, было отравлено несвойственным ему составом нашей атмосферы.

— А может быть, состояние, в котором сейчас пребывает машина, это ее нормальное состояние? — спросил я. — Ведь неизвестно, как должно вести себя такое создание... Мне кажется, нам не следует заниматься сравнениями, то есть стараться очеловечивать... объект.

Все внимательно посмотрели на меня.

— Простите, возможно, я ляпнул глупость. Это были речи дилетанта.

— Мы ничуть не меньшие дилетанты, — возразил профессор, который уже разделался со второй чашечкой кофе и теперь крутил хлебные шарики, — а ваше мнение вполне справедливо. Увы, реакция машины в тот момент, когда мы открыли снаряд, была аналогичной...

— Можно ли наконец узнать, что, собственно, происхо-

дит? — спросил я. — Мне уже пришлось услышать столько недомолвок, что я прямо-таки стораю от любопытства.

— Вы правы, — сказал седоватый стройный мужчина, которого называли доктором. — В тот момент, когда мы, воспользовавшись ацетиленовыми резаками, отсекали макушку раскаленной стальной сигары, которую представлял собой снаряд с Марса, в отверстии показался этакий металлический змеевик. Вы его, вероятно, заметили, если смотрели внимательно...

Я кивнул.

— Змеевик, возможно, коснулся одного из наших рабочих, точно установить не удалось, при этом он проделывал резкие, как бы спазматические движения. Потом появился корпус, который вывалился на землю с высоты нескольких метров и замер. Неподвижность он сохраняет до сих пор, то есть уже больше недели.

— И что же тут странного? — сказал я.

— А то, что рабочий, у которого в руках был резак, умер в тот же день. С признаками апоплексического удара. А вскрытие не показало никаких других изменений, кроме легкого перенасыщения мозга кровью...

— И вы предполагаете...

— Мы, молодой человек, ничего не предполагаем. Помните, что сказал старик Ньютон? *Hypotheses non fingo* — гипотез не измышляю. Да, да, мы только исследуем, но никаких гипотез не придумываем. Установлено, что близость машины может привести к некоторым печальным последствиям вплоть до потери жизни, и об этом надлежит помнить.

Потом он обратился деловым тоном к Фрэйзеру:

— Коллега, вы подготовили на сегодня все?

— Да. В девять арвантропа переведут с помощью доставленных подъемников в малый монтажный зал, там мы поместим его в контейнер, заполненный смесью газов, рекомендованных доктором, и постараемся, снизив давление до марсианского, восстановить его жизненные функции. Я думаю, это должно получиться, если, конечно, нет никаких повреждений в его механизме.

— А как чувствуют себя свинки, помещенные в камеру со свинцовым экраном?

— Я еще не видел... — смутился Фрэйзер. — Не знаю, ведь мы поместили их туда лишь в пять утра.

Розовое личико профессора налилось кровью.

— Если все мы станем работать как вы, господин Фрэйзер, то марсианин сбежит от нас через окно и его не поймаете. Ничего себе! Не видел... не знаю... — бурчал старый холерик, разбрасывая хлебные шарики по всему столу. Фрэйзер быстро встал и подошел к нише в стене. Я услышал, как звякнула трубка интеркома.

Минуты через полторы Фрэйзер вернулся на свое место, медленно опустился в кресло и посмотрел в глаза профессора. Тот поерзал на стуле, открыл рот и ждал.

— Ну?!

— Все свинки подошли, — глухо сказал Фрэйзер. — Теперь есть две возможности: либо доза безвредна для человека, но убийственна для защищенных свинцовым экраном свинок, либо...

— Либо... Короче, ничего толком не известно, — сказал профессор. — Надо подождать до вечера, если мы хотим встретиться за ужином в полном составе. Усильте экран до максимума. Сколько у нас свинцовых пластин?

— Тридцать шесть по восемь сантиметров толщиной каждая, — сказал широкоплечий инженер.

— Значит, надо дать пятьдесят шесть сантиметров свинца...

— А если это не обычное линейное излучение и свинок необходимо экранировать со всех сторон? — спросил доктор.

— Вы считаете, что на Марсе действуют другие физические законы? — насмешливо бросил Фрэйзер.

— А вы уверены, что постигли уже все без остатка? — поддержал доктора профессор. — Когда я был в ваших летах, мне тоже казалось, что я знаю все... Я думаю, доктор прав. Пожалуйста, сделайте экран в форме цилиндра и дайте фильтры для дыхания. Или нет, лучше закрыть герметично, а внутрь поместить баллон с кислородом. Пожалуйста, сделайте это сейчас же и поместите в камеру с марсианином.

Все медленно вставали из-за стола. Профессор ухватил Фрэйзера за руку, подвел к окну и принялся что-то втолковывать, вода пальцем по стеклу.

Доктор подошел ко мне.

— Как вам нравится наш профессор? — спросил он, потирая тонкий длинный нос. — Ворчун, а? Но скажу вам: голова! — и он постучал себя пальцем по лбу. — Знаете, я уговорю Финка показать вам все, что мы вынули из снаряда. Любопытные вещицы. Правда, я уже один раз видел, но, понимаете, профессор все держит под замком.

Доктор кивнул инженеру, седому брюнету со светло-голубыми глазами и смуглым лицом, и мы вышли в коридор.

— Простите, господа, но, если я верно понимаю, в вашей работе нет ничего противозаконного, так почему такая таинственность? И странные пароли, способы переговариваться... Почему инженер Линдсей не мог просто приехать сюда? Я бы, возможно, не стал участником столь невероятно любопытных исследований, если б...

— Потому, видите ли, что ваши коллеги по перу жить нам не дадут, — прервал импульсивный доктор. — Потому, понимаете ли, что парк пришлось бы обнести колючей проволокой и пустить собак. Потому, наконец, что они уже унюхали, не знаю только как, что профессор Уиддлтон как-то связан с упавшим метеоритом... К счастью, головы у ваших соперников забиты Японией. И все же узнай они, что здесь находится светоч современной астрофизики вместе с крупными специалистами по атомной физике, что с нами такие инженеры-конструкторы, как господин Финк, и такие электротехники, как Линдсей, которого мы, к слову, привлекли всего лишь три дня назад, то, уверяю вас, никакие стены, заборы и рвы нам бы не помогли.

Беседуя, мы подошли к лаборатории — большому залу с частично застекленным потолком, оборудованному новейшим образом. Воздух перемешивали лопасти больших вентиляторов, всюду блестели стекла стоящей рядами аппаратуры, по стенам выстроились сосуды, заполненные химическими реактивами всех цветов. Там и сям шипели газовые горелки. В другой части зала столы были забиты оптическими приборами и сложными механизмами, напоминающими часовые, назначение которых было мне не известно. Мы прошли через этот зал, и в следующем помещении я увидел развешенные по стенам цветные снимки, изображающие местность, в которой упал метеорит.

Признаюсь, рассматривал я их весьма бегло. Да и снимки самого снаряда, сигары с тупым концом, не вызвали у меня особого интереса. Мои спутники это заметили.

— Вижу, вам не терпится увидеть самое важное, — заметил доктор. — Пошли вниз.

Мы спустились лифтом на первый этаж, потом по лестницам до знакомого мне подземного коридора. Каково же было мое удивление, когда в конце короткого пути я оказался в хорошо знакомой мне стальной комнате, где ужинал в обществе молчуна-шофера.

— Вам, кажется, известна эта комната? — шутливо бросил доктор. Я улыбнулся в ответ, инженер же тем временем устанавливал цифровые валики нескольких сейфов, и спустя минуту щелчок известил, что дверцы открыты.

Инженер вынул из темного чрева несколько предметов и разложил на столике.

— Что это? — спросил я, указывая на палладиевый цилиндр, на боковой стенке которого было что-то вроде кнопки или клавиши.

— Кажется, прибор для письма или увековечивания мыслей. Там внутри порошок, что-то вроде крошек какого-то органического вещества. Цилиндр снабжен хитроумным приспособлением, создающим переменное электрическое поле, воздействующее на порошок... Изменения воздействуют на порошок так, что если его насыпать на бумагу...

— А, я уже знаю, — прервал я, — видел вчера, но как такое возможно?

— Этого мы еще не знаем. Такие ответы вам придется слышать часто. Пока что, — заметил доктор.

На втором предмете в виде треугольника из серебристого металла располагались три пересекающиеся выпуклости, как бы изготовленные из толстой проволоки.

— Что это?

— Возьмите в руку...

Я хотел было так и сделать, но треугольник тут же отодвинулся. Тогда я резким движением схватил его. Это было что-то твердое и холодное, которое, однако, тут же вздрогнуло, начало извиваться у меня в руке и теплеть, так что я невольно разжал пальцы. Треугольник упал на стол и замер.

— На первый взгляд металлическое вещество, наделен-

ное возбудимостью, — выговаривал доктор, полуприкрыв глаза. — Нарушает все наши понятия о живой материи и различии между живым и мертвым...

Третьим предметом была маленькая черная кассетка.

Доктор поднял ее и подержал между моими глазами и светом.

Когда глаза освоились, я увидел, что стенка кассетки время от времени затемняется, образуя что-то вроде зеленоватой фосфоресцирующей поверхности, по которой медленно пробегают более светлые линии. Они то и дело на несколько секунд останавливались, а потом убыстряли движение.

— Относительно этого, — проговорил инженер, — мнения разделились. Я считаю, что кассетка — нечто вроде телевизора, возможно, для связи с Марсом. Линдсей полагает, что это приемник какого-то неизвестного рода энергии. Причем не исключено, — добавил он, улыбнувшись, — что в действительности это нечто третье, совершенно отличное от наших предположений.

Последним предметом оказалась сигара, изготовленная как бы из резины или не очень твердой пластмассы, которая напомнила мне знакомый по фотографиям метеорит.

— Модель снаряда? — сказал я, почувствовав некоторое облегчение от того, что у гостей с Марса есть хоть что-то общее с людьми: они обожают уменьшенные копии своих технических устройств.

— Увы, нет, — сказал доктор, иронически усмехнувшись. — Перед вами всего лишь внешняя оболочка. Инженер, может быть, вы покажете господину Макмуру, что находится внутри сигарки. Мой палец, — он заботливо осмотрел кончик большого пальца, — еще не зажил.

Инженер криво усмехнулся, но взял сигару и положил в стеклянный аквариум, стоявший на столике. Потом вынул из стенного шкафчика длинные щипцы, прихватил сигару и медленно нажал на ее кончик.

Кончик тут же раскрылся на манер рыбьей пасти, и оттуда выскочило нечто красное, не очень большое, но очень подвижное. Это было создание размером с грецкий орех, непрерывно подпрыгивающее, как мячик. Над ним, казалось, висели два темно-голубых шипа.

— Образчик марсианской фауны, может, флоры, — заметил доктор Кеннеди. — Кусается солидно, но вытерпеть можно. — Он сунул мне под нос большой палец, украшенный малоприятной, вроде бы выжженной, ранкой. — Эти зверьки, похоже, близкие родственники наших паукообразных или членистоногих, хоть у них и нет ног. Однако, как мне представляется, они толковее всех насекомых земного шара, вместе взятых.

— Из чего это видно? И почему вы так дружески настроены? — спросил я. Невероятная странность, превосходство и в то же время чуждость всех этих предметов, которые отказывался принимать мой обычно столь ясный мозг, начали меня раздражать.

— Очень просто. После двухдневных опытов они проявили память, которой не постыдился бы и пес из лаборатории условных рефлексов, к тому же память гораздо более совершенную. Обратите внимание на их механизм движения: у них нет конечностей, но они передвигаются скачками благодаря сокращениям нижней части живота...

Я смотрел на кирпично-красное существо, прыгающее по дну пустого аквариума, и заметил, что оно украшено светлыми и темными полосками и снабжено чем-то вроде тонких волосков, на концах которых размещены шипы.

— Но это вовсе не его конечности! — изумленно воскликнул я.

Действительно, «шипы» представляли собою две челюсти, тщательно изготовленные из серебристо-голубого металла и отличающиеся почти математически строго вычисленной системой зацепления. Удерживающие эти челюсти выступы закручивались в спиральки.

— К сожалению, вы правы. Оказывается, насекомые на Марсе владеют инструментами, — сказал доктор. Он схватил животное щипцами, что удалось сделать не сразу. Инженер принялся недоверчиво рассматривать существо, советуя соблюдать осторожность, а потом засунул его в футлярчик-сигарку. Пока инженер тщательно прятал все предметы в сейф, доктор заметил: — Мне становится дурно, когда я вижу все это. Не будь я таким старым сумасшедшим, нога б моя никогда сюда не ступила. Я не говорю об опасности, — он немного выпрямился, — у меня военные на-

грады за храбрость, но эти свихнувшиеся предметы, да и наш механический покойничек выводят меня из равновесия. И зачем им врач? — удивлялся он, провожая меня в коридор, освещенный, как всегда, несмотря на дневное время, искусственным светом. — Им нужен часовщик для этого марсианина, ха, ха, ха!

Инженер задвинул большой засов и повернулся к нам.

— Не обращайтесь внимания на слова доктора, — сказал он. — И на его пессимизм: он сам не принимает этого всерьез.

Мы поднялись на площадку первого этажа, инженер нажал кнопку, раздался тихий свист, двери распахнулись, и небольшая, освещенная приглушенным светом кабина лифта раскрылась перед нами. Я глянул на своих спутников.

— Поедем в библиотеку, — сказал доктор, посмотрев на часы. — Одиннадцать. Сейчас начнется военный совет.

В библиотеке было пусто, так мне по крайней мере в первый момент показалось. Только у бокового окна стоял мужчина, с которым до того я не разговаривал. Он был невысок, коренаст, свободная одежда, скроенная с большим припуском, свисала с его достаточно выпуклых форм, тщетно пытаясь замаскировать их округлость. Лицо у него было почти оливковое, волосы иссиня-черные, только глаза были зелеными, словно пересаженными с лица норвежца, и светились, как льдинки на солнце.

— О, вы уже здесь, синьор Джедевани. — Доктор казался довольным. — Ну и что новенького?

Синьор Джедевани испытывал явные затруднения с английским.

— Доктор, вас вызывать профессор. Уже трижды звонить наверх и вниз. Идите же вконец на малую операционную.

Доктор замолк, движения его стали целенаправленными, быстрыми, левой рукой он схватился за внутренний карман. Проверил, на месте ли шприцы, и выбежал из комнаты.

— Что случилось? — спросил я.

— Не знаю. — Синьор Джедевани стучал пальцами по столу. — Кажется, наш друг Линдсей хочет показать господину Фрэйзеру, что, хм... что машина, то есть человек из

Марса, не выделяет сквозь двери от камеры никакого излучение...

— И что с ним случилось?

— Бэрк нашел его без сознания в лифте. Наверно, убежать отсюда, я знаю?

В этот момент двери раскрылись, и словно маленький темный гном с седой шевелюрой в библиотеку ввалился профессор. Спустя секунду следом за ним вошли остальные мужчины, кроме доктора и Линдсея. Профессор бегал по ковру вдоль библиотечных шкафов, топал ногами, бурчал и метал из-за очков гневные взгляды на мужчин, которые медленно рассаживались в креслах, закуривали и, казалось, ждали, пока у старика кончится заряд злости.

— Говорил ведь тысячу раз: никаких опытов на свой страх и риск. Или это кончится, или я завтра же утром уеду. Мы что — дети? — взорвался наконец профессор. — Дело слишком серьезно, а тут крупный ученый из-за амбиций или ради состряпанной к данному случаю теориейки сует голову... — Он осекся, вытащил из кармашка невероятно памятную сигару, отгрыз кончик, прикурил и продолжал совершенно другим тоном: — Кажется, наш друг Линдсей выйдет из этой истории целым и невредимым... А теперь я хотел бы выслушать результаты работы за день и ваши предложения. Однако убедительно рекомендую заботиться не столько о темпах исследований, сколько о безопасности. Прошу вас, Финк, изложите техническую сторону.

Инженер встал и принялся раскладывать на своем столике записки.

— Итак, все выглядит следующим образом. В настоящее время машина находится в бронированной камере, экранированной, как вам известно, свинцовыми пластинами толщиной шестьдесят сантиметров. Судя по результатам воздействия излучений, полученным в наших лабораториях, полметра свинца должны были дать стопроцентную защиту от любой волновой энергии. Однако это оказалось ошибкой. Несчастный случай с коллегой Линдсеем показал, что излучения, создаваемые машиной, проникают сквозь наш экран как сквозь лист картона. Таким образом, опыты с морскими свинками оказались совершенно беспредметными. Наша цель — подвергнуть всю машину целиком воздействию

некой измененной атмосферы, поскольку попытки демонтажа окончились неудачей, а предложение полного отравления живой составляющей было отвергнуто.

Чтобы осуществить сказанное, я предлагаю, во-первых, изготовить свинцовую трубу с толщиной стенок два метра. В эту трубу поместить машину и заглушить с обоих концов плитами соответствующей толщины. Во-вторых, внутри трубы смонтировать телевизионный аппарат, это позволит нам наблюдать все, что там будет происходить. Я считаю, что предложенный мною метод обеспечит максимум безопасности.

— Вы закончили? — спросил профессор.

— Да.

— В таком случае прошу пройти к Бэрку, он оденет вас в наш скафандр, вы спуститесь в подземелье и попытаетесь электрометром определить силу излучения, проникающего из камеры сквозь закрытые двери. Только после этого вы сможете рассчитать необходимую толщину стенок предлагаемой свинцовой трубы, причем с достаточной степенью безопасности. И пожалуйста, без фокусов — в камеру без нужды не входить. Пусть Бэрк все время ожидает в коридоре, у лифта. Если хоть что-то случится, немедленно сообщайте. Вы меня хорошо поняли? До сих пор я думал, что все вы хорошо понимаете по-английски, но после случая с Линдсеем я сильно в этом усомнился.

Инженер поклонился, сложил бумаги и вышел.

В дверях он столкнулся с доктором, который, войдя, тут же подошел к профессору и сказал тому что-то так тихо, что я ничего не мог расслышать. Профессор вытаращил глаза, глянул на доктора, потом стукнул себя пальцем по лбу и пожал плечами. Доктор, казалось, в чем-то убеждал его и вырисовывал что-то пальцем на ладони.

— Он спятил! — взорвался наконец профессор.

Доктор, похоже, пропустил его слова мимо ушей.

— Он такой же нормальный, как и я, — сказал он. — Другое дело, что это могла быть галлюцинация, — и, обращаясь к нам, добавил: — Понимаете, Линдсей пришел в себя и рассказал, что, намереваясь измерить силу излучения у закрытых дверей камеры, пробыл там с электрометром около полчаса. Сейчас выяснилось, что электрометр был неис-

правен и не зарегистрировал никакого излучения, которое меж тем было чрезвычайно сильным. Доказательством чему тот факт, что инженер потерял сознание. Видимо, он упал и пополз к выходу в коридор. Бэрк нашел его у лифта.

Инженер утверждает, что около трех минут десятого, то есть после четверти часа наблюдений за электрометром, который, кстати, даже не дрогнул, он заметил, что участок стальных дверей, замыкающих камеру, начал светиться, как бы раскалившись до вишневого цвета. Он поднес к нему руку, но температура оказалась нормальной. Спустя несколько секунд эта часть двери исчезла совершенно и в образовавшемся просвете появилось что-то вроде черного блестящего свинцового кабеля. Он думал, что это конец одного из змеевиков, которые, кажется, выполняют у марсианина роль конечностей. Однако инженер находился в таком состоянии (вероятно, под вредным влиянием излучения), что совершенно не удивился увиденному, а сидел там еще минут десять, пока не потерял сознания. Я предполагаю, что если это явление, то есть локальное исчезновение пятнадцатисантиметровой стальной плиты, даже не имело места и представляет собою всего лишь плод отравленного воображения, то все равно оно в какой-то мере указывает на механизм действия лучей, генерируемых ареантропом. Эти лучи приводят к потере способности критически оценивать ситуацию, медленно и незаметно погружают человека в бессознательное состояние. Причем уберечься от этого, видимо, невозможно.

Когда доктор закончил, наступило долгое молчание.

— Собственно, это ничего не меняет, — наконец заметил профессор. — Синьор Джедевани, вы у нас, да и не только у нас, лучший специалист по экспериментальной атомной физике. Ведь вы работали в Чикаго четыре года с циклотронами Лоуренса, хотелось бы знать ваше мнение: возможна ли подобная, хм, диффузия какого-либо тела сквозь стальную плиту при нормальных давлении и температуре? Если да, объясните это по возможности исчерпывающе.

Маленький оливковокожий Джедевани встал, немного помолчал, наконец воскликнул:

— Господин профессор, господа! Если возможно такое, то возможно все... Теоретически — конечно. Должен ска-

зять, что теоретически, то есть с точки зрения теории вероятностей, брошенный навверх камень может не упасть, вода, поставленный на газ, не закипеться, все это лишь вероятно... как это говориться? — что это... произойти. Но в данный случай — нет. Я думаю, что если такой явлений возможен, то фундамент наших знаний по материя и ее структура будет сотрясен.

— Быть может, это уже произошло и пришелец разрушил наши представления о мире, — вполголоса заметил доктор.

— Если даже так, то взамен он даст нам нечто лучшее, более совершенное, — сказал профессор.

— Относительно излучений, — продолжал синьор Джедевани, — так я думаю, что все очень просто. Если части машины выделяют их, то в любой случай существует такой экран, панцирь, который их глушит, даже если их эмиссионное напряжение эквивалентно напряжению тела под давлением в шестнадцать триллионов атмосфер при температуре десять миллионов градусов, то есть звезд, высылающих такое излучение.

— А какова же толщина такого панциря? — спросил профессор.

— Около трехсот метров слоя свинца.

Изумление окружающих было неопишваемым.

— Так мы здесь сидим на вулкане! — воскликнул доктор. — Может, все мы давно спятили под влиянием этих лучей. Смешно!

— Я не говорю, что такое напряжение существует, это максимум. Но ведь машина не может создавать такие давления или такие температуры...

— А вы-то откуда знаете?

— И вы еще спрашиваете, господин инженер? Только давление от излучения тела с такой температурой повалило бы все в радиусе нескольких километров... А у нас, хвала Богу, все стоит... — Он постучал согнутым пальцем по столу.

Профессор Уиддлтон не выдержал.

— Вы приехали сюда не для того, чтобы по дереву стучать, дорогой синьор Джедевани, — сладко проворковал он. — Каковы ваши предложения?

— Я хочу знать, чего вы хотите?

— Разве не ясно? Я хочу поставить эксперимент, предложенный доктором.

— И в чем же он состоит?

— Вы что, памяти лишились? Мы будем воздействовать на машину марсианской атмосферой...

— Зачем?

— Чтобы машина вернулась к норме.

— А откуда вы знать, как эта норма проявляется?

У меня несколько секунд усиленно пульсировала кровь в висках. Я заметил, что у всех немного покраснели лица — надулись жилы на лбу.

Неожиданно мы ощутили толчок, из окна на нижнем этаже вылетело стекло. Все умолкли.

Потом двери распахнулись, и какое-то существо, ошалевшее от ужаса, с пеной на губах влетело в библиотеку.

— В чем дело, Бэрк?! — воскликнул профессор. — Вы пьяны?

— Спасите, профессор! Он идет сюда! Идет сюда! — заорал шофер, лицо которого от страха превратилось в пепельно-серую маску.

— Кто? Вы рехнулись?

В этот момент в зал вбежал инженер.

По лицу у него текла кровь, весь он был покрыт пылью и штукатуркой.

— Господа, внимание, он вырвался! — тяжело дыша, крикнул он.

— Что, где, как? — повскакивали все с кресел.

Я успел заметить, как синьор Джедевани подбежал к окну, что-то крича, и в этот момент прогремел стальной голос, моментально обративший хаос в тишину.

— Труссы!

Это крикнул профессор. Его тщедушная фигурка как бы выросла. Сверкая глазами, он стоял, склонившись над столом и крепко опираясь о него.

— Немедленно успокойтесь! Господин инженер, что случилось?

— Машина вышла из камеры — не знаю, как ей удалось. Я был внизу, электрометр у дверей показал сильнейшее излучение, которое увеличивалось скачками с двенадцатисекундными интервалами. Тогда я пошел на первый этаж,

чтобы проверить, регистрируется ли излучение на потолке камеры, и тут почувствовал толчок, который бросил меня на пол. Приборы разбились...

В этот момент со двора — а может, со стороны фасада — донесся дикий крик, ударивший нам в уши так, что все вздрогнули и повернулись к окнам. Крик повторился, раздался сдавленный хрип, который перешел в нечленораздельное бормотание — и все стихло.

— Мы бессильны чем-либо помочь, — медленно и тяжело цедил слова профессор. — Мы не знаем его возможностей, не знаем, как защищаться, мы можем только советовать.

— Но мы же тут сгинем! Нет, я уезжаю, — прошипел Джедевани.

— Извольте. Двери открыты, я никого не задерживаю, мое место здесь, даже если мне суждено погибнуть на половине фразы. — Лицо профессора было словно высечено из камня.

Да! Это был могучий старик!

Джедевани повалился на стул.

— Как он вышел, куда? И что делает? — спросил профессор.

— Не знаю, не видел. Может, Бэрк скажет? — бормотал инженер, силы которого были на исходе. Он тяжело опустился на стул и с трудом дышал, вытирая платком со лба и волос кровь, смешанную с побелкой.

Бэрк, нашедший убежище между двумя библиотечными шкафами, был извлечен оттуда доктором, который медленно и флегматично достал из нагрудного кармашка футляр, отыскал ампулу сердечного средства и сделал огромному, трясущемуся мужчине укол. Затем убрал шприц и обратился к профессору:

— Если так пойдет и дальше, то скоро у меня кончатся ампулы. Такой эпидемии я не предвидел.

Он старался выдерживать шуточный тон. Профессор пожал плечами — теперь мне показалось, что его болтливость и рассеянность были лишь маской, за которой скрывался дьявольски твердый и крепкий стержень. Словно ядрышко в скорлупе ореха.

— Говорите, Бэрк, что вы видели?

— Господин профессор, а он сюда не придет? — Шофер все еще дрожал.

— Нет! Да говорите же, чертов осел!

— Я стоял у лифта, вдруг вижу какую-то вспышку, словно небесный огонь, гляжу — там, где были двери, только пыль, да такая, будто потолок обвалился, и из этой пыли выдвигается...

Он затрясся, лицо побледнело.

— Ну что? Что вы видели?

Все стояли вокруг, напряженные, бледные. Профессор наклонил голову, и его черные глаза горели, казалось, каким-то бессмертным огнем. В этот момент я подумал, что даже марсианин не выдержал бы такого взгляда.

— Огромная черная сахарная голова медленно плыла, а перед ней и за ней извивались в воздухе странные змеи, словно щупальца. Она двигалась, раскачиваясь из стороны в сторону, и один раз даже ударилась о колонну. Я почувствовал толчок.

— Так вот что это было. Значит, дверь он не вырвал, — шепнул мне Финк.

— Гляжу: кирпичи летят, ноги мои сами оторвались от пола, и я влетел в лифт, слава Богу, он еще действовал, — закончил шофер, испуганно оглядываясь на дверь.

— Черт возьми, сахарная голова, от которой приходится бежать... — начал кто-то у меня за спиной.

В этот момент воздух в зале взорвал единый крик.

Немного потемнело, через окно я увидел плотные клубы пара.

— Пруд кипит, — раздался чей-то голос. Действительно, вода в пруду кипела и взвивалась небольшими смерчками, которые тут же сливались воедино. Так продолжалось минут пять и прекратилось так же быстро, как и началось.

— Мне кажется, я понимаю: машина частично пришла в норму, но не совсем. Говоря по-нашему, она как бы пьяна, отсюда удар о колонну, отсюда раскачивание, отсюда же, похоже, этот спектакль, — профессор говорил медленно, потирая рукой лоб. — Хм, по-видимому, она приспособилась к нашей атмосфере... Господа...

Все обернулись к нему.

— Господа, остается последнее средство: надо воспользо-

ваться нашими гранатометами. Несколько близко взорвавшихся гранат со смесью углекислого газа, хлора и ацетилена должны дать желаемый эффект. Если мы снова изменим ему состав окружающей атмосферы, он опять впадет в коматозное состояние, которое мы сумеем использовать получше.

Мысль показалась удачной.

— Надо спуститься в подвалы за гранатами и гранатометами, — бросил кто-то.

— Кто это сказал? Ну...

Все переглянулись.

— Ну, в чем дело? Никто не хочет спускаться?

В ушах у меня все еще бился страшный крик, крик человека, который видит приближающуюся смерть.

— Я пойду! — сказал я.

— Благодарю, Макмур, вы еще не вполне освоились у нас. Пойду я сам. — Профессор отошел от стола.

Кучка мужчин ожила.

— Пойдем все!

Профессор взглянул на них, как бы извиняясь.

— Нет нужды, господа. Достаточно троих. Пусть пойдут доктор, инженер и Макмур.

Мы вышли из зала. В коридоре лежал тонкий слой осыпавшейся штукатурки, побелившей темную ковровую дорожку. А вообще было тихо и спокойно. Мы вошли в кабину лифта и спустились в подzemелье. Там царил хаос. Один из поддерживающих потолок столбов утончился почти наполовину. Куски железобетонных конструкций с разорванной арматурой, песок, штукатурка устилали пол.

— Какая дьявольская сила! А ведь он не выше полутора метров, — сказал инженер. — Мы его, кстати, взвесили, в нем неполных четыреста килограммов.

Мы почти бегом добрались до конца коридора.

В воздухе стоял неприятный, какой-то приторно-тошнотворный запах, который походил на тот, что я почувствовал во время первого осмотра чудовища. Правда, тогда он был послабее.

В уже знакомой мне стальной комнате инженер вынул из шкафов длинные, закругленные на концах газовые гранаты, помеченные цветными кольцами у основания, и на каждого из нас погрузил по шесть штук, взяв себе еще три гранаты

и два гранатомета, укрепленных на небольших легких салазках с алюминиевыми полозьями.

Кроме того, каждый повесил через плечо по несколько противогазных масок, и мы двинулись в обратный путь.

В библиотеке напряжение немного спало, когда остававшиеся там увидели, что мы возвратились без помех.

— Итак, начинаем! — сказал профессор, передавая каждому маску противогаза. — Маски не снимать, пока я не прикажу. В случае, если меня... если я не смогу отдать приказ, командовать будет господин Фрэйзер, а после него инженер Финк.

Мы разобрали гранаты и вышли из библиотеки. Профессор провел нас на третий этаж, потом на четвертый, наконец по узкой лесенке мы поднялись в маленький купол, расположенный на крыше. Здесь стояли стулья, небольшая подзорная труба на штативе и несколько метеорологических приборов.

Мужчины подошли к оконцам в боковых стенах довольно темного помещения и принялись наблюдать. Мне досталось отверстие размером с голову, сделанное для того, чтобы выдвигать подзорную трубу. Я видел поля, отделявшие нас от Нью-Йорка с севера. В нескольких километрах дальше небо заволакивали дымы большого города.

Поля в эту раннюю весну уже зеленели высокими всходами. Молодой зеленью покрылись деревья. Глаза напрягались до боли, ибо наблюдал я не приятности ради: каждая точка, каждое темное пятно казались мне подозрительными.

— Есть! Есть! — крикнул профессор. Все кинулись к нему. Я попытался через свое отверстие увидеть что-нибудь там, куда он указывал.

Кто-то уже опускал часть куполообразного потолка, открылось почти полгоризонта, и я ясно увидел, как в трехстах-четырёхстах метрах от нас какая-то черная фигурка, сильно отражающая солнечный свет, очень медленно и ровно двигалась среди молодых хлебов, оставляя за собой узкую дорожку растопганных стеблей.

— Быстрее, гранатометы! — Профессор снова был спокоен. Он приблизил прицельную рамку к лицу. — Внимание, прошу одновременно стрелять и наблюдать за его реакциями. Огонь!

Послышалось довольно слабое шипение, две полоски

дыма отмечали параболическую траекторию гранат, которые разорвались почти одновременно в нескольких метрах от цели. В момент взрыва я заметил, что фигурка остановилась и змевики, которые она несла перед собой словно щупальца, выдвинулись вперед и в стороны.

— Огонь!

Второй залп оказался удачнее, но взрыв был слабый и не смог даже перевернуть машину. Мне казалось, что я слышу, как по ней колотят осколки, но, скорее всего, при таком расстоянии это было иллюзией.

— Огонь!

На этот раз гранаты были, по-видимому, хлорные. В воздух поднялись темные облачка газа. Когда ветер немного развеял их, я увидел, что черный маленький конус смешно раскачивается из стороны в сторону.

Неожиданно по молодому хлебу прошла длинная тонкая лента огня, словно кто-то лил по земле горящий бензин — зелень сохла, чернела, и ее мгновенно охватывало пламя. Огненная лента двигалась с колоссальной скоростью в нашу сторону и уже почти подходила к зданию.

— Огонь!

Новый гул разорвал воздух. Я почувствовал удар в грудь волны горячего воздуха и, задохнувшись, упал на пол.

Когда вскочил и подбежал к краю купола, все уже было кончено. Зелень еще немного дымилась, но маленький черный конус лежал на боку, а его щупальца были бессильно разбросаны на стороны.

— Есть! Он наш!

Я повернулся. Профессор Уиддлтон отступил от еще дымящегося гранатомета, сорвал с лица маску и достал из кармашка сигару.

— Господа, прошу вниз. Приступаем ко второму этапу нашей операции.

3

Когда черный блестящий конус наконец замер в неподвижности под слепящим светом дуговых ламп, инженер Финк ребром руки отер пот со лба, поправил съехавший на бок

галстук и, поглядывая на потные красные физиономии окружающих его мужчин, сказал:

— Да, теперь он наш. Надо подумать, что делать дальше.

Профессор Уиддлтон, единственный, на ком не было свинцово-асбестового скафандра, вышел из-за наспех сложенного экрана, возведенного из поставленных на попа свинцовых плит и, не отрывая глаз от своей золотой луковицы — часов, сказал:

— Господа. Уже двенадцать минут вы подвергаетесь воздействию облучения. Соболаговолите пройти со мной.

Мы вышли, бросая беспокойные взгляды на этот таинственный черный предмет. Выходя последним, я взглянул еще раз. Странное творение покоилось на деревянном настиле: три змеевика, выходящих из его боков, лежали неправильными кольцами. Знакомое металлическое тиканье доносилось изнутри, перемежаемое долгими промежутками молчания и прерываемое тихим шипением или, скорее, звуками трущихся одна о другую металлических поверхностей. Свет играл на блестящей черной оболочке, сильнее отражаясь в тех точках поверхности, где разместились выпуклые стекловидные вставки, как бы слепые глаза. Дрожь пробежала у меня по позвоночнику, я с облегчением прикрыл дверь. Мы шли парами по коридору, ведущему к лифту.

— Как думаете, доктор, могут ли накапливаться дозы облучения? То есть если мы прервемся на несколько минут или, скажем, на полчаса, то вредное воздействие новой дозы облучения не наложится на предыдущую? — спросил Уиддлтон.

Доктор развел руками:

— Не знаю, дорогой профессор, я не знаю ничего. Если проводить аналогию с радием, то надо ориентироваться на более длительные перерывы. По меньшей мере в несколько дней.

— Скверно, — буркнул профессор. — Нам необходимо действовать немедленно.

Через несколько минут мы уже сидели в удобных креслах библиотеки. Я с облегчением затащился хорошей сигаретой. Мускулы еще дрожали от усилий: нам пришлось своими силами переносить обезвреженное чудовище в экспериментальную камеру, пока оно не пришло в себя.

Профессор раскурил погасшую сигару.

— Господа, ситуация ясна: либо мы оставим нашего милого гостя и даем драпака на сотни миль отсюда, либо приступаем к операции немедленно, сейчас же. Третьего пути не дано, если мы не хотим, чтобы он распался у нас под руками, превратив нас самих в атомную пыль...

— Позвольте, профессор, — начал Фрэйзер. Лицо у него горело в лучах заходящего солнца. — Единственный способ, который я вижу, это разобрать машину на безвредные части, возможно, отключить «шарик», то есть регулирующий живой центр. В оконце этого центра, как мы знаем, есть несколько небольших отверстий, вероятно служащих для дыхания. Если б не это, мы не смогли бы так быстро отравить его. Так вот, повторяю, этот центр надо как-то отключить...

— Такая попытка равносильна самоубийству, — тихо заметил профессор. — Кто согласится сделать это под руководством и по указаниям двух наших инженеров?

Не глядя друг на друга, все мужчины поднялись. Я тоже встал, не отдавая отчета в происходящем, но тут увидел обращенные на нас черные, излучающие тепло глаза профессора.

— Благодарю, господа. Так я и думал, но расставаться с жизнью впустую не позволю. Господин инженер, у вас есть какие-нибудь предложения?

Финк что-то лихорадочно чертил в записной книжке, выписывая какие-то формулы, и вдруг встал:

— Есть! Необходимо использовать фотопластинки.

— Это ничего не даст, — сказал я. — Излучение наверняка засветит их...

— Если даже и так, не беда. — Финка, казалось, не сбило мое возражение. — Экспонируем несколько пластинок в различных местах машины и, во-первых, найдем непосредственный источник излучения, а во-вторых, быть может, составим какое-нибудь, пусть не вполне ясное представление о внутреннем строении машины.

— И каким же образом? — спросил доктор.

— Очень простым: различные части аппарата поглощают генерируемые внутри него лучи в различной степени и дадут на приложенной к конусу пластинке следы, подобные рент-

геновским, по которым, возможно, мы определим контуры внутренних деталей.

— Ну, что ж, инженер, — кивнул профессор. — Так и сделайте. — Но тут же добавил, видя, что Финк встает: — Однако пусть кто-нибудь пойдет с вами и наблюдает сквозь щель в броневых дверях, не случится ли чего-нибудь. Такой контроль на будущее обязателен. Мы же еще немного побеседуем.

Поскольку, казалось, никто не хотел пропустить интересного совещания, пойти с инженером вызвался я. По дороге в камеру он прихватил толстую пачку фотопластинок, обернутую слоем свинцовых листов, которые весили столько, что мы едва дотащили свой груз до места. Здесь инженер оставил меня за дверью и велел наблюдать за ним через фильтр из свинцового стекла, вделанный в броневую плиту двери, а сам взял несколько пластинок и вошел в камеру. Сняв свинцовую обертку, он экспонировал одну пластинку, потом вторую и так продолжал, прижимая их всякий раз к другому месту черного конуса, двигаясь по спирали. Все происходило в абсолютной тишине, нарушаемой только далеким, тихим тиканием внутри машины.

Когда инженер вышел, я обратил внимание на то, что лицо у него покраснело. Мне подумалось, что это первое проявление вредного воздействия излучения. Однако я ничего не сказал, чтобы не волновать его, и мы пошли в лабораторию.

Инженер провел меня в небольшую затемненную комнату. Зажглись маленькие рубиновые лампочки. Забулькали растворы реактивов. Я присел на табурет. Я чувствовал сильное утомление, мне казалось, что я не спал больше месяца. Но инженер наклонился над пластинками, и я мгновенно забыл и про усталость, и про бессонницу. Пластинка на просвет показала один почерневший участок, какие-то нечеткие параллельные полосы, а в самом центре была засвечена полностью. На второй была та же картина. Все остальные оказались засвеченными целиком.

— Черт побери, впустую, — проворчал инженер. — Надо повторить. Только сократим экспозицию в два раза. У лучей очень большая проникающая способность.

— Вы больше не пойдете, — сказал я. — Теперь моя оче-

редь. С вас хватит. Когда вы вышли из камеры, у вас было красное лицо, а что это означает, вам известно.

Инженер начал возражать, но я настоял на своем. Мы опять сходили за пластинками, и я вошел в камеру. Впервые я был один на один с нашим таинственным, смертоносным гостем — а его тиканье, временами напоминающее очень слабый человеческий хрип (а может, это была только игра моего воображения), тоже действовало не очень-то успокаивающе.

Я быстро прикладывал пластинки, сверяясь с укрепленным на запястье секундомером, и выбегал из камеры с экспонированными, где их принимал у меня инженер. Покончив с последней пластинкой, мы отправились в темную комнату.

И снова потянулись минуты ожидания, пластинки хлопнули в широких ванночках, какие-то пятна появлялись на стекле, возникали, усиливались и светлели тени... Две пластинки были засвечены. Инженер проверил их номера, сравнил с планом машины и сказал:

— Центр излучения находится между двумя нижними стекловидными отверстиями. Именно там засветились две эти пластинки.

— А остальные? — спросил я, пытаясь заглянуть ему через плечо.

— Еще минута, только положу в закрепитель.

Секундомер тикал в темноте. Было слышно наше ускоренное дыхание.

Наконец инженер вынул пластинки из ванночки, и мы вышли в коридор.

— Вот первая: путаница светлых и темных полос, какие-то линии, а это? Не слабая ли это овальная тень? Да, но ведь это...

— Центральная груша, вы правы. Значит, она непроницаема для лучей, и это говорит о том, что излучение неопасно для плазмы, содержащейся в груше, так как она изготовлена из какого-то загадочного материала, не пропускающего эти лучи.

Вторая и третья пластинки показали новые детали в виде наслаивающихся теней, темных и светлых пересекающихся полос.

— Те, что резче, — пояснил инженер, — провода или трубки, идущие у самой поверхности, к которой вы прикладывали пластинки, а размытые — из более удаленных частей.

— Вы что-то знаете и как-то разбираетесь? — тихо спросил я.

— У вас слишком высокое мнение о моих знаниях, — улыбнулся инженер. — Пока что я знаю не больше вашего. Надо будет сделать несколько эскизов.

Мы прошли в лабораторию, где Финк начал с карандашом в руке набрасывать на большой, приколотый к чертежной доске лист какие-то прямые и кривые линии, налагая их друг на друга. На белом листе возник клубок контуров, который в принципе изображал тело вращения, напоминающее конус.

— Двигающий механизм почти ясен... — ворчал инженер, — ну и что... Как извлечь чертовое ядро из скорлупы, вот в чем дело...

— Но принцип конструкции в общих чертах вам понятен? — спросил я.

— Все это дьявольски запутано: там есть части, несомненно имеющие что-то общее с системами трансформации, но что, черт побери, является источником энергии? Понятия не имею. Я не вижу ни одной вращающейся части.

— Мне кажется, тиканье, скорее всего, исходит из верхней части конуса, — заметил я. — Впрочем, возможно, я ошибаюсь.

— Ну, мне тоже это пришло в голову. Там есть подвижная часть — вот эта, — решил он, указывая на размытую тень, что-то вроде неравнобедренного треугольника, который выглядел, как...

— Ну, конечно! — воскликнул я. — Это же копия волчка, детского волчка.

— Вы думаете? — наморщил брови инженер. — Принцип гироскопа, а следовательно, его сердце — гироскоп. Пожалуй, вы правы, — сказал он после недолгого раздумья и нанес на рисунок несколько линий. Теперь в центре тела вращения стал виден волчок, похожий на два конуса, соединенных основаниями. Волчок находился в пробеле цент-

ральной тени — как бы трубы, которая шла посредине машины, разрываясь, чтобы принять волчок, и оканчивалась наверху розеткой, на которой размещалась таинственная груша. — Пошли, — сказал инженер, сорвал с доски несколько кнопок, державших бумагу, свернул лист в трубку и взял под мышку.

Наше появление было воспринято с напряженным ожиданием. Инженер разложил бумагу перед профессором и принялся кратко пояснять.

— Принцип действия мне совершенно непонятен, — сказал он. — Я вижу единственный путь: задержать излучение. Это необходимое условие.

Уиддлтон прищурившись смотрел на него и молча слушал.

— Поскольку — хотя и не могу это утверждать со стопроцентной уверенностью — центральным механическим элементом является этот волчок, или гироскоп, обнаруженный Макмуром, — тут все удивленно взглянули на меня, — постольку необходимо его остановить. Эта размытая тень на пластинке — единственная подвижная деталь. Напрашивается возможно не слишком умное сравнение этой детали с человеческим сердцем, но, остановив это «сердце», мы, пожалуй, сумеем заняться демонтажем...

— И как вы намерены это сделать? — спросил профессор.

— Я вижу единственный способ. Трагический опыт профессора Гавлея показал, что трогать центральную грушу с плазмой нельзя. За попытку извлечь ее он поплатился жизнью. Значит, надо пробить панцирь конуса в этом месте, — он бросил красный мелок на лист, — и с помощью какого-либо инструмента остановить гироскоп.

Наступило молчание. Его прервал доктор.

— Допустим, нам удастся тихо и безболезненно высверлить отверстие в панцире. Однако, я думаю, его так называемое «сердце» каким-то образом защищено от внешних помех и попытка остановить его может окончиться плачевно.

— Я в этом просто уверен, — сказал инженер, — но иного пути не вижу.

Уиддлтон внимательно рассматривал рисунок, сравнивал его со снимками, потом взглянул на часы и сказал:

— Господа. Дело тут не в мудрости или глупости. В данном случае я уже не ваш руководитель. Давайте проголосуем, следует ли нам принять предложение инженера Финка? Прошу как следует подумать: может быть, есть другие идеи?

— У меня есть предложение, — сказал я. — Отверстие можно просверлить управляемой на расстоянии дрелью. Это несложно сделать. А наблюдение за всем вести с помощью телевизионной камеры и действовать соответственно.

— Соответственно — это как? — спросил Фрэйзер.

— Может быть, удастся создать дистанционно управляемый прибор, вроде робота, который мог бы демонтировать... гостя...

— Мысль отличная, — сказал инженер, — но, к сожалению, у нас мало времени. Аппаратов такого рода здесь нет, а чтобы доставить — даже самолетом, — потребуется как минимум три дня.

— Столько я не дам, — сказал профессор. — До двенадцати, самое большее до половины первого мы уже должны чего-то добиться.

— За столь короткое время такого оборудования нам не достать, — сказал Финк. — Но есть другая возможность: взорвать конус, например, экразитом.

— Что? Уничтожить? Ни за что! — раздались голоса.

— Я горжусь вами, господа! — Профессор Уиддлтон встал. — Спрашиваю еще раз: следует ли нам поддержать первое предложение инженера Финка?

— Да!

— В таком случае — за работу. — Профессор смотрел на Финка. — Каковы оптимальные условия защиты?

Финк задумался.

— Все должны носить скафандры, в коридоре тоже. В камере всегда будет находиться только один человек, газовые гранаты и противогазы должны быть в полной готовности. Первый этап — сверление. Думаю, это удастся сделать так, как предложил Макмур. Только наблюдать надо будет сквозь глазок в двери. Что дальше — увидим.

Коридор опустел. Пришла моя очередь — я стоял у стальных дверей, держа у рта трубку телефона, и напряженно гля-

дел внутрь камеры. Я был вторым, после доктора, и видел, как в бледно-голубом электрическом свете шипела и тихо свистела дрель, подвешенная на консоли, закрепленной на козлах с таинственной машиной.

Сверло большого диаметра из кремний-ванадиевой стали впивалось в твердую оболочку конуса. Одной рукой я сжимал трубку, другой — электровыключатель дрели, выведенный за двери камеры, и ждал. Пока ничего не происходило — сверло углублялось почти незаметно, но, уже зная способности механического чудовища, я был напряжен до предела.

— Ну, что там? — раздался в трубке голос профессора.

— Все по-прежнему, — ответил я. — Дырка в зубе сверлится, но чертовски медленно. Может, сменить сверло?

Было слышно, как профессор разговаривает с кем-то, видимо с инженером, и вдруг я окаменел. Длинный — метра два, а то и больше — черный змеевик, лежавший на настиле, дрогнул, потом пошевелился второй, слабая волна спазм пробежала по стальным виткам.

— Профессор, — сказал я и тут же рявкнул в трубку: — Он шевелится, шевелит щупальцами! Выключить дрель?

— Ни в коем случае, продолжайте, ради Бога! — раздался слабый далекий голос.

Я ждал. Я не трус и никогда им не был, но чувствовал, что начинаю покрываться холодным потом. Ждал и знал, что вот-вот что-то должно случиться. И то, что опасность была таинственной и неведомой, пугало меня еще сильнее, нежели угроза смерти.

Один змеевик поднялся, свистнул в воздухе, как стальной бич, и ударил по дрели. Раздался тонкий, высокий, сверлящий звук ломающейся стали, разлетелись осколки. Я нажал кнопку выключателя — дрель остановилась.

— Он сломал своей треклятой лапой сверло! — закричал я в трубку.

— Я сейчас приду, — откликнулся профессор.

Я ждал. Тем временем марсианское творение успокоилось, и я больше не замечал никаких признаков жизни.

Профессор подошел почти беззвучно в сопровождении инженера, который нес новое сверло. Я отошел в сторону, и они заглянули в глазок.

— Говорите, махнул змеевиком? — покачал головой профессор. — Ведь упрямая скотина, а?

— Надо бы дать ему порцию газа. Может быть, применить какое-то новое средство — хлороформ или эфир, а?

— Чтобы окончательно его отравить? — сказал профессор с таким возмущением в голосе, словно мы стояли у постели его больного друга.

Финк кивнул.

— Профессор прав. Потерю любого из нас можно восполнить, а вот уничтожив его, мы уже исправить ничего не сумеем, — сказав это, Финк отодвинул засов камеры и вошел внутрь.

Мы ждали, затаив дыхание. Инженер медленно отодвинул ногой обломки сверла, укрепил в патроне дрели новое, установил его как следует и вышел. Внешне он был спокоен, но, выйдя в коридор, отер платком лоб.

— Ну, поехали дальше! Макмур, включайте!

Я нажал кнопку. Дрель завывала, сверло впилося в конус. Долгие минуты уходили в напряженном ожидании.

— Вроде бы все идет хорошо, — сказал профессор. — Пошли, Финк, а вы, Макмур, еще минут десять постоит. Потом вас сменит Дждедевани.

Они ушли, а я почувствовал себя ужасно одиноким. Напряженно следил за происходящим.

Опять волны прошли по бессильным щупальцам. Свесившиеся с настила, дергались на бетонном полу пружинистые, круглые в сечении змеевики.

Неожиданно щупальца медленно поднялись и повисли в воздухе — только их концы мелко дрожали, раскачиваясь из стороны в сторону. Я увидел, как корпус дрели вздрогнул, сверло легко прошло внутрь. Так! Готово! Есть отверстие, подумал я и тут же совершенно автоматически нажал кнопку выключателя. Но это было уже лишним.

Воздух прорезала голубая вспышка. Потом чудовищный порыв горячего воздуха отбросил меня к противоположной стене коридора — я почувствовал сильнейший удар по голове и потерял сознание.

Когда я проснулся, было утро. Я лежал в своей комнате, а доктор сидел на моей кровати и раскладывал на одеяле папьянс.

— Ага! И так, мы снова живы. Ну, как чувствуем себя? — спросил он, собирая карты.

— Доктор, — с трудом открыл я пересохший рот, — как там? Он снова сбежал?

— Вас интересует не дырка в собственной голове, а только судьба нашего любимчика с Марса? Так, что ли? Нет, не сбежал. Это была его последняя шуточка. Сверло угодило в тот хитроумный механизм, в то квазисердце, и он в своем квазиумирании наделал, ох, наделал дел. Что там творилось, ого-го! Вы, вероятно, этого не видели, да и как могли? — качал головой доктор. — Мы прибежали, коридор полон пыли, штукатурка осыпалась... Ну, думаю, конец нашему репортеру. Двери в камеру почти вырваны, висят на одной петле, помост сломан, их превосходительство марсианин лежат на полу, а дрель, уму непостижимо, расплавлена — ничего от нее не осталось. Инженер утверждает, что в течение минуты температура там держалась на уровне шести-семи тысяч градусов... Как вы себя чувствовали в этой баньке?

— Помню только вспышку и страшный удар по голове, а до того волну кипятка — вероятно, это был воздух.

— Вас спасли двери и то, что вы целиком завернулись в асбестовую дорожку, когда падали. Благодарите Финка: дорожки из асбеста — его идея. Порыв воздуха завернул вас в асбест, как драгоценную покупку, и не стукнишь вы слегка головой...

— Как там? — я вытянул из-под одеяла руку в синяках и дотронулся до головы. Она немного шумела, но была цела. Только узкий бинт пересекал лоб.

— Была дырочка, а как же! — не переставал болтать доктор. — Но шотландцы, ох уж эти шотландцы! У вас крепкие головы, да и похороны тоже обходятся недешево, верно? Ха-ха-ха! — смеялся он. — Так что вы решили еще пожить.

— Послушайте, доктор, Бога ради, что происходит? Что они делают?

— Так, вы вспоминаете Бога, да? А позавчера, когда вы от нас вырывались... Ну, ну, все, молчу, молчу, — добавил он. — Понемногу его разбирают. Металлическое сердце остановилось от удара сверлом. Камера с плазмой уже, вероятно, ждет меня в лаборатории. — Он взглянул на часы. —

Я ведь, между нами говоря, врач так себе, в шутку, а в действительности-то я биолог. Биолог по убеждениям, — чуть не пропел он, собираясь уходить.

— Я с вами!

— Да вы сдурели! Лежать! И точка!

Я встал с постели. Ноги были ватные в коленях, в голове немного шумело, но в остальном я чувствовал себя неплохо.

Я быстро оделся, взял доктора под руку, и мы вышли в коридор. Часы показывали десять. Уже или еще?

— Ясно, сейчас будет совещание, — сказал я. — Пойду в библиотеку. — Доктор кивнул и двинулся к лестнице, ведущей в лабораторию. Я спустился лифтом на второй этаж и был там встречен с энтузиазмом.

— Ого! Герой дня! Как вы себя чувствуете?

Я пожимал всем руки. Профессор, улыбнувшись, кивнул мне.

У окна сидел инженер Линдсей. Он был бледен, но каких-либо признаков слабости не проявлял.

— Приветствую друга по несчастью! — сказал он.

Инженера Финк отсутствовал.

— Как дела у нашего гостя? — спросил я.

— Интересные вещи, дорогой мой, интересные. Все идет неплохо. Плазма, похоже, в порядке — в груше наблюдается нормальная пульсация.

— А что с излучением?

— Прекратилось. Сразу же после взрыва. Сейчас он безопасен, как старая пустая консервная банка. — Профессор рассмеялся мелким хохотком. — Теперь план прост: надо изъять все, что связано с генерацией излучения, ликвидировать возможность этих безобразий — потоков огня, кипения воды в пруду, всего этого цирка. А потом постараемся его собрать и начнем с ним болтать.

— Что значит — «болтать»? — удивленно спросил я.

— Ну, как-то он, наверное, нас воспринимает. Поместим его в атмосферу Марса. Думаю, весь шум, который он устраивал, вся эта чехарда явились результатом ядовитого воздействия нашего воздуха, а может, и повышенного земного тяготения.

В этот момент вошел инженер.

— Господа... О, Макмур уже здесь, очень рад, — он по-

здоровался со мной. — Господа, перед нами твердый орешек. Коллега, — обратился он к Линдсею, — насколько я понимаю, машина приводится в движение атомной энергией, которую она черпает из небольшого кусочка урана, помещенного в нижней части конуса. Эта энергия в виде электрического тока используется для передвижения, а специальная аппаратура позволяет передавать ее на расстояние в виде тепловой либо магнитной энергии. Эту аппаратуру, я думаю, можно демонтировать, но сама радиоактивность — условие жизни машины. Ликвидировав радиоактивное излучение, мы тем самым остановим функционирование всего устройства, выключим его. Конечно, можно просто ослабить машину, убрав специальные приспособления для усиления энергии, управления и передачи.

Профессор задумался.

— А нельзя ли запустить машину без центральной груши? Я имею в виду запуск стального сердца...

— Попытаюсь, но не уверен. Я не знаю деталей конструкции: эта чертовски сложная машина построена, кстати, совершенно поразительно, совершенно не по-человечески.

— Еще бы, — улыбнулся профессор. — И как же оно выглядит, это совершенно нечеловеческое поразительное устройство?

— Не смейтесь, основные части сменные, но добраться до них невозможно. У меня здесь самый лучший комплект инструментов, о каком только может мечтать техник, и он не справляется. Вместо винтов там очень остроумные соединения. — Инженер вынул из кармана два кусочка металла. — Взгляните, профессор.

Это было что-то вроде двух болтов. Инженер составил их плоскими концами и повернул на сто восемьдесят градусов.

— А теперь попытайтесь разъединить.

Лицо старика покрылось румянцем.

— Что еще за колдовство!

Инженер снова повернул «болты» вокруг длинной оси и легко разъединил их.

— Какая-то разновидность притяжения. В таком положении, — продемонстрировал он, — не действуют никакие силы. Однако если повернуть болты вот так, разорвать их невозможно.

— Невозможно руками, но в тисках... — заметил Фрэйзер.

— У меня уже есть такая пара. Я пробовал, — ответил инженер. — В разрывной машине я подверг их растяжению силой в пятьдесят тысяч килограммов, и они разорвались, но не в месте соприкосновения, а рядом с головкой. Однородный материал лопнул, а место простого соприкосновения выдержало! — Он бросил обломки на стол. — Вот это изобретение! Не надо никаких винтов и гаек, одно движение — и все держится, словно сваренное.

— Как вы думаете, каков механизм действия? — спросил Джедевани.

— Это, скорее всего, ваша область. Я думаю, что-то вроде магнита, двух магнитов... Да что там, — он махнул рукой, — тысячи подобных мелочишек упрятаны в дьявольской машине, и нам не известно, с чего начать. Где доктор?

— Сказал, что пойдет в лабораторию, — ответил я.

— Ах да, центральная груша... Вот это — настоящая загадка. Все его механические фокусы еще можно в конце концов понять...

— Господа, — сказал профессор, — теперь мы разделимся на группы. Инженеры и доктор попытаются изучить элементы конструкции, функционирование машины и ее живого организма, а мы, — он повернулся к Фрэйзеру, Джедевани и ко мне, — подумаем о том, как добиться взаимопонимания с нашим гостем, если, конечно, нам удастся после обезвреживания его оживить...

Когда мы удобнее устроились в креслах, профессор взглянул на нас и сказал:

— Друзья мои, нам кажется, будто мы уже обуздали пришельца с Марса. Возможно, вы так именно и думаете. Однако я считаю, что та часть работы, которая выпала на нашу долю, окажется сложнее первой, хотя, может быть, не столь опасной. Уничтожать всегда легче, нежели создавать. Это первое. А второе — проблема общего языка. Что вы об этом думаете? — обратился он ко мне.

Я удивился.

— Я польщен, профессор, вашим обращением ко мне, но, по-моему, не я должен быть первым...

— К чему красивые слова, дорогой, к чему! Именно то,

что вы не предубеждены и, возможно, не столь перегружены балластом знаний, как мы, наверняка облегчит вам принятие нетривиального решения. Я наблюдал за вами в различных ситуациях и видел, что вам свойственны свежие суждения, что вы обладаете, я бы сказал, весьма оригинальным мышлением.

Я поклонился.

— Думаю, начать следует с геометрического языка: концентрические окружности, какие-то простые уравнения типа тех, что создал великий Пифагор. Вот возможный путь к контакту.

— Мне это приходило на ум, — заметил Фрэйзер, — но такова может быть первая стадия. А дальше?

— Все зависит от его реакций. Например, от того, каким образом он даст нам знать о себе? И вообще, видит ли он в нашем понимании этого слова? Какие участки видимого спектра он воспринимает и каковы его реакции, то есть способы проявления происходящих в нем жизненных процессов?

Профессор протер платочком очки, нацепил их на нос и долго глядел на меня. Я вспомнил школьные годы и скулсил. Может, ляпнул глупость?

— Видимо, я вас недооценил, — проговорил старик. — Да, да, начинаю стареть... Вы напомнили мне то, что я сказал вчера: слова Ньютона. Не перебивайте. Тут дело не в намерениях. Прежде чем мы пожелаем с ним познакомиться, необходимо его познать. Это самая настоящая «вещь в себе» Канта. Вот в чем секрет.

В этот момент на полочке камина замигал красный сигнал. Фрэйзер подошел к нише и снял трубку телефона.

— Доктор вызывает нас в лабораторию. Может, какие-то новости. Мы спускаемся, — бросил он в трубку.

Все встали. Синьор Джедевани вынул из кармана щеточку, почистил пиджак, изучающе глянул в зеркало, висевшее между шкафами, и направился к двери. Мы последовали за ним.

В лаборатории находился только доктор. На длинном столе стояло несколько аппаратов, а таинственная черная груша была укреплена на штативе словно какой-то ядовитый, но уже безопасный фрукт, и, как я заметил, соединялась с чувствительным гальванометром.

— Интересное дело: она испускает слабые токи, словно возбужденная живая плазма, — повернулся к нам доктор. — Подобные тем, какие излучает возбужденный человеческий мозг. Надо достать хороший и чувствительный регистрирующий прибор. Быть может, это путь к пониманию. Взгляните.

Доктор взял в руку небольшой электрический фонарик и, включив его, поднес к той части груши, на которой было прозрачное оконце. В тот момент, когда на оконце упал луч света, стрелка гальванометра несколько раз довольно сильно качнулась.

— Типичная фототропическая реакция, — сказал доктор. Профессор не проявлял особого воодушевления.

— Я думаю, такой путь потребует множества длительных опытов. Что вы собираетесь делать?

— Буду помещать перед оконцем свет различной интенсивности, различных цветов и оттенков — может быть, какие-то рисунки — и изучать реакцию.

— Электрическую?

— Ну да, пока что иное невозможно. Вы видите: у груши внизу двадцать семь тонких проволочек, которые связаны с соответствующими гнездами розетки в машине. Я исследовал ток в этих проводках и обнаружил интересную вещь: некоторые реагируют на свет, другие — нет.

— Сколько из них реагируют на свет? — спросил я.

— Кажется, три.

Доктор соединил два других проводка с гальванометром и показал, что теперь свет не вызывает никакой реакции. Я подошел и приложил руку к груше. Стрелка гальванометра дрогнула.

— Ого, может быть, действует тепло вашей руки? Значит, таким путем можно регистрировать термические изменения? Попробуем иначе.

Он начал новые опыты. Из хаоса фактов он, казалось, создавал все более ясную картину: тоненькие проволочки служили рецепторами физических изменений в окружающей среде. Мы один за одним выявили рецепторы напряженности электрического поля и его частоты, но это было всего несколько проволочек. Подавляющее же их число оставалось загадкой. Мы применяли химические, тепловые, магнитные и звуковые раздражители — никакого результата.

— Трудное дело, — сказал наконец доктор. — Может быть, эта самодостаточная груша вовсе не «вещь в себе»? Что, если организованная плазма на Марсе пошла иным путем, нежели на Земле: у нас ей пришлось на путях эволюции создавать себе и из себя двигательный аппарат, систему питания и нервную систему, а на Марсе было иначе, гораздо проще. Создалась мыслящая, но очень беспомощная плазма, которая ускорила эволюцию, создав себе машину для перемещения, зрения, слуха и защиты от опасности. В таком случае, исследование самой груши мало что даст.

Профессор слушал его и кивал.

— Да, да... Это-то как раз и есть нечеловеческая паразитическая штука, как кто-то из нас выразился вчера, с которой может встретиться человек... — повернулся он к доктору. — Ничего страшного, не отчаивайтесь, продолжайте опыты. А теперь мы отправимся к нашим конструкторам.

В большом монтажном зале, который я видел впервые, стоял дикий лязг. На длинных шинах из прессованного эбонита медленно, хотелось бы сказать, «величественно», передвигались две огромных фарфоровых колонны, на которых покоились большие никелированные шары. Между шарами извивалась светло-фиолетовая гроыхающая и трепещущая молния, которая то и дело пыталась сорваться с гигантского искрового разрядника. Эхо грома отражалось от стеклянного потолка.

Под ногами дрожал бетонный пол. В первый момент мне показалось, что зал пуст, но тут же я увидел, что между платформами, на которых были смонтированы колонны и шары разрядника, стоял изготовленный из матового металла прибор, похожий на перевернутую гигантскую грушу, а рядом с ним — маленькая фигурка в асбестовом скафандре. Когда она повернулась, я увидел за оконцем из свинцового стекла блеск зубов. Это нам улыбался инженер Финк. Он поднял вверх обе руки и скрестил их. По этому знаку молния исчезла, и мои уши наполнились гулким звоном неожиданно возникшей тишины. Инженер сбросил с головы капюшон и принялся вытирать вспотевшее лицо.

— Все идет хорошо, — сказал он. — Мы пытаемся «завести» машину, не прибегая к атомной энергии, которой еще

не умеем управлять, а для этого требуется от двух до трех миллионов вольт.

— Удастся вам к вечеру создать хотя бы примерный эскиз машины, понять принцип ее действия, обнаружить отдельные органы и, самое важное, постичь конструктивную идею, в ней заключенную?

— Вы слишком многого требуете, профессор, — покачал головой инженер. — Я попытаюсь, но предупреждаю: не питайте особых иллюзий. Хуже всего, что машина чертовски проста и в то же время в ней так много всего происходит без участия каких-либо ясных для меня устройств преобразования энергии — страх берет... Например, атомная энергия переходит непосредственно в электрическую либо тепловую... Взгляните.

Он провел нас в затемненный угол зала. Там стоял Линдсей, который в этот момент укреплял внутри неподвижного черного конуса марсианина два толстых кабеля, унизанных фарфоровыми бусами изоляторов.

Инженер подтолкнул нас к небольшой камере из свинца, молча указал на визир и вышел. Я еще не видел, как он подошел к мраморному распределительному щиту на стене и передвинул большой рубильник. Воздух снова разорвал оглушительный грохот искусственной молнии. Фиолетовые вспышки осветили все уголки зала. Призрачный свет играл на наших лицах. Я взглянул на конус — инженер Линдсей, стоявший рядом с ним, прикрепил что-то и вдруг сунул руку, одетую в огромную красную перчатку, в отверстие, просверленное дрелью.

Кажется, я крикнул. Беспорядочно лежавшие змеевики конуса задрожали, зашевелились и стали, словно в приступе бешенства, биться о пол. Инженер продолжал манипулировать. Теперь щупальца медленно поднялись — дрожали у них только концы — и повисли в воздухе. Наконец один из них приблизился к свисающей на веревке стальной плите. Я не понимал, зачем там висит эта штука, но очень скоро все стало ясно. Тупой черный конец змеевика подошел вплотную к стальному блоку. Быть может, мне это только показалось, но центр плиты налился красным. Неожиданно веревка задрожала, стальная плита начала раскачиваться на манер огромного маятника, и тут в ее центре возникло отверстие,

сквозь которое щупальце свободно проникло на другую сторону, а затем снова отступило. Линдсей поднял левую руку — молния с треском оборвалась и погасла, и щупальца бессильно упали на землю, прервав необычное представление, иллюзию жизни.

Мы вышли из кабины.

— Линдсей не ошибся, — сказал Финк, провожая нас к двери. — А это только одна из многих возможностей...

— Вы все время только и говорите о технических возможностях, — бросил профессор.

— О чем же еще говорить? — Инженер, казалось, не понял.

— Я понимаю, это ваша область, но ведь и доктор тоже... Дело-то в том, как нам подойти, приблизиться... А то, что делаете вы, только отдаляет. Не смею давать каких-либо указаний, но прошу учесть: нам важен синтез. Анализ тоже необходим, но нельзя плутать в его деталях. Насколько проще будет, если он сам нам все объяснит.

Инженер беззвучно рассмеялся.

— Нет, не зря вас называют старым метафизиком, пожалуйста, не обижайтесь, профессор...

— Потому что я верю в Бога и в другие странные в вашем понимании вещи, которые у тупоголовых не могут уместиться на грядках мозговых извилин? — тихо спросил профессор. — Разве можно на это обижаться? Так понимаемое прозвище «метафизик» — просто комплимент.

Он пожал руку инженеру и вышел из зала.

4

И опять мы сидели под белым светом матовых ламп, напряженно слушая инженера Финка, который разложил на столике кипы своих бумаг.

— Итак, я уже понял устройство двигательной системы нашей машины, сутью которой является непосредственное использование напряжения, то есть преобразование излучения во вращательное движение валиков. Мы не понимали, почему так медленно и вроде бы неуклюже она перемещается, почему у нее нет хватательного аппарата. Оказывается,

возможности наших неловких приспособлений, сконструированных по образу руки, значительно ниже, чем у марсианского механизма. Дело в том, что щупальца, или эмсевики, могут испускать из своих концов, которые я назвал эмиттерами, энергию, способную создавать тепловое, магнитное или электрическое поля. Одним словом, за счет синхронизации собственных колебаний атомов и колебаний соприкасающегося с ними вещества могут осуществляться такое притяжение и такая фиксация, каких мы не получили бы даже при винтовом соединении. Трагический конец Уайта, который находился во дворе в тот момент, когда ареантроп вырвался из дома, был вызван его полным распылением на атомы. И это объясняет тот факт, что он исчез совершенно неожиданно и от него не осталось ничего. Относительно энергетических проявлений деятельности машины мы уже хоть немного, но знаем. Хотя, подчеркиваю, далеко не все. Беда в том, что у нас нет датчиков ощущений и физических приборов для регистрации напряженности волн материи, а мне кажется, именно колебание материи является основным фактором в функционировании некоторых элементов конструкции аппарата. Это одна сторона дела. Что касается регистрации воздействия внешнего мира на машину, и в первую очередь на ее живое ядро, помещенное в груше, то об этом я могу, к сожалению, сказать очень мало, перепоручив это доктору. Правда, у ареантропа есть устройства, напоминающие упрощенную светочувствительную систему, есть какие-то биметаллические соединения, служащие, возможно, для фиксации разности температур, напряжений, внешнего давления, — но это только элементы. Пути от них доходят до центральной трубы и там оканчиваются, не соединяясь ни с чем. Труба эта заполнена чем-то вроде жидкости... но это, собственно, никакая не жидкость. — Он поставил на стол небольшую стеклянную колбу. — Вот проба этого вещества. Я могу о нем сказать только одно: по всей вероятности, это органика... Впрочем, я слишком плохой химик, чтобы точно определить состав. Во всяком случае, действие этой «жидкости» поразительно. Впрочем, убедитесь сами. Никакие слова не в состоянии этого описать.

Мы переглянулись, как бы подумав: сейчас начнутся чудеса.

— Смелее, доктор, — сказал Финк, — и, вынув пробку, поднес колбу ему к носу. Доктор осторожно втянул воздух, лицо у него дрогнуло, он вдруг чуть ли не вырвал сосуд из рук инженера, лихорадочно вдыхая.

Лицо у него сначала покраснело, потом побледнело, он упал в кресло и прикрыл глаза.

— В чем дело, инженер?! — выкрикнул профессор. — Это не отрава?

Финк подошел к доктору, тот позволил ему взять колбочку и подать мне. Я решил быть крайне осторожным и только чуть-чуть потянул носом.

Не знаю, что со мной случилось. Вначале я увидел невыразимо прекрасные, туманные, медленно вращающиеся круги. Потом возникла мешанина резких и мягких, но очень гармоничных цветных пятен. Все это сливалось в единую палитру цвета, света и аромата. Аромат не был приятен, скорее наоборот, как сказал бы я теперь, когда пишу эти строки и пытаюсь по памяти воспроизвести его характер, но неприятность эта оказалась сладостной до боли. Это было ощущение могучей и бурной жизни, приносящей наслаждение с каждым ударом сердца, движением мускулов, вдохом, — и все было как бы прикрыто шелковой вуалью. В то же время я прекрасно видел все, что творится вокруг, мысли мои были ясными как никогда, все казалось таким четким и цветным, словно я смотрел через какой-то волшебный прибор. Кто-то, кажется инженер, попытался отнять у меня сосуд. Я лихорадочно прижал его, как бы желая задержать, но почувствовал легкое недомогание и отпустил.

Теперь я не удивляюсь... не удивляюсь уже ничему. Я увидел, как доктор, скорчившись в кресле, плакал. И у меня слезы наворачивались на глаза — таким страшным казалось возвращение в себя, в того себя, который минуту назад был вполне удовлетворенным жизнью, нормальным человеком, а теперь чувствовал себя несчастным, словно изгнанным из потерянного навсегда рая. Я понимал, конечно, что это смешно, что я — старый, глупый мерин, трезво мыслящий репортер, и все же спазм грусти и тоски стиснул мне горло.

Колба шла по кругу, даря каждому минуту нечеловеческого счастья и горького человеческого разочарования.

Профессор отказался взять сосуд.

— Вероятно, какой-то наркотик, — сказал он. — Я не любитель травить себя гашишем или опиумом.

— Отнюдь, профессор. Простите, что я перешел дорогу нашему биологу. — Финк поставил на стол вынутую из портфеля баночку.

В ней сидели две лягушки, одна малюсенькая, худенькая, вторая — ненормальной величины, как бы раздувшаяся.

— И что это за чудо с Марса? — ехидно прошипел доктор, стараясь сохранять видимость спокойствия. Он, как и все мы, чувствовал неловкость за ту грусть, которая охватила нас после того, как у нас отняли странную жидкость.

— А то, что обе лягушки еще утром были головастиками. Только большой я добавил в воду аквариума капельку этой жидкости, вот и все, — спокойно закончил инженер.

Профессор сурово глядел на нас.

— Сдается мне, синьора Джедевани сильнее всех нас влечет к этой чудотворной бутылочке, а? Так вот, напоминаю, мы здесь не какие-то люди с улицы и даже не просто ученые, а земная делегация, в задачу которой входит знакомство с пришельцем с Марса. Следует ли говорить, как должны вести себя члены такой делегации?

Мы опустили глаза. Как ни говори, профессор был слишком резок. Ведь он не испытал на себе пугающего и одновременно чудесного воздействия жидкости.

Старик, казалось, читал наши мысли.

— И будь сия субстанция даже живой водой, я позволю себе напомнить, что таковую называют aqua vitae, а это — шутовское наименование водки. По окончании наших исследований каждый волен посвятить себя изучению ее достоинств... Я никому запрещать не намерен.

Старик явно издевался, но я чувствовал, что он прав.

— Профессор, — сказал я, — никто ни в чем не повинен. Уверяю вас, все будет хорошо, и позволю себе обещать это от лица всех присутствующих. Мы прежде всего люди, и именно поэтому будем поступать так, как того требует ситуация.

— Я этого ожидал, — сухо докончил профессор. — На будущее попрошу воздержаться от подобных демонстраций, господин инженер, а сейчас хотелось бы услышать, что скажет доктор.

Впоследствии инженер признался мне, что вся история с демонстрацией центральной жидкости арсантропа имела целью показать профессору, что он точно такой же «слабый человек», как и мы. Однако ловушка оказалась слишком простой. Старик, правда, как я узнал позже, взял колбу к себе в кабинет, но наверняка не для того, чтобы испытать минутное удовлетворение. Уверен, что точно так же он позволил бы ужалить себя отвратительнейшему насекомому, если б мог из этого извлечь какой-либо научный вывод. Просто он боялся потерять самообладание, но был достаточно умен, чтобы не попасть перед нами в смешное положение.

Доктор, который уже пришел в себя после странного эксперимента (действие жидкости прекратилось очень быстро), встал и положил перед собой стопку листов бумаги различной формы и размеров. У него была привычка записывать результаты работы на манжетах, обрывках газет, использованных промокашках, старых счетах, пренебрегая блокнотами веленовой бумаги, которых всегда полно в лабораториях. Он признался мне, что белизна и непорушенность бумаги приводит к разжижению мозгового вещества, а тем самым ослабляет интеллект.

— Простите, к сожалению, я не могу ни удивить вас чем-то, ни продемонстрировать нечто волшебное. — Он был явно зол на Финка за его эксперимент. — Мое положение гораздо серьезнее, чем у предыдущего оратора, и еще по двум причинам. Во-первых, гораздо легче вырвать тайну у мертвого вещества, нежели у живого, а во-вторых, машина уже больше недели не соприкасается с какими-либо внешними субстанциями, кроме ядовитого или, по меньшей мере, вредного для ее живой части земного воздуха. Возможно, вам покажется это преувеличенным очеловечиванием с моей стороны, но если перед нами живая субстанция, а у меня есть все основания так считать, то ей для поддержания основного обмена веществ необходимо пополнять убыль, принимая химические компоненты извне. Это единственная возможность.

— Ошибаетесь, доктор, — прервал Джедевани. — Есть и еще одна. Не исключено, что жизненная энергия попадать к живой части машины снаружи без химических, как это

сказать, соединений. Например, излучение либо волны, выделяемые нейтронами, напрямую отдавать свою кинетическую энергию атомам этой живой существе...

Доктор наклонил голову.

— Возможно, вы правы. Возможно, такое «питание» энергией имеет место. Во всяком случае, в половине одиннадцатого плазма начала проявлять вызывающие беспокойство признаки как бы «старения», «замирания функций». Первым симптомом было ослабление токов...

— Говорите проще и короче, что произошло с плазмой? — Профессор раздраженно глядел поверх очков на доктора, который, казалось, обиделся.

— Я еще не кончил. Мне результаты даются не так легко, как это можно сделать, развинчивая шестеренки да болтики.

— Что еще такое? Уж не думаете ли вы учинить ссору?

Профессор покраснел как пион.

Доктор сдержался.

— Возможно, всему виной чертова жидкость... Во всяком случае, я здорово струхнул, когда световая пульсация упала почти до нуля, токи тоже страшно ослабли, я давал кислород, двуокись, но результат был почти незаметен. В одиннадцать пятьдесят пять наступила стадия умирания, тогда я в отчаянии взял и... задержал...

— Что вы, черт вас возьми, сделали?

— Ввел через отверстие в груше один кубик адреналина. Результат был потрясающий! Все функции восстановились, и когда я через четверть часа ушел...

Профессор встал.

— Но это могла быть временная ремиссия. С момента отключения груши от конуса минуло двенадцать часов. Если плазма так чувствительна и не получает необходимой для нее энергии...

— Быстрее, господа! В лабораторию! Финк, бутылочку с жидкостью, быстро!

Мы помчались к двери, словно ученики, подгоняемые громким голосом.

— Осторожнее, мой пиджак! — крикнул Джедевани, сопевший рядом со мной и, казалось, пребывавший в жутком настроении. — Я знал, что так просто это не кончится, что оно выкинет еще не один фортель.

— Кто «оно»?

— Ну, человек с Марса.

В лаборатории было тихо. Я первым подбежал к гальванометру, глянул в оконце — темное!

— Черт, господин доктор, этого я от вас ну никак не ожидал... Он уничтожен, он, похоже, мертв... Мы там сидим и болтаем, а здесь плазма погибает. Ареантроп погибает, неужели вам не ясно? А вы препираетесь с инженером, отставив свои никчемные мелкие амбиции.

Доктор, казалось, готов был провалиться сквозь землю.

— Я... даю слово, когда я уходил, состояние плазмы было прекрасное, ведь я же всю ночь здесь просидел...

— Тише! Инженер — жидкость!

Профессор Уиддлтон был, как говорится, в своей стихии. Молниеносно вырвал у доктора шприц, набрал несколько капель загадочной жидкости и сунул иглу в отверстие панциря. Шли секунды — поршень шприца дошел до конца. Мы затаили дыхание.

Неожиданно в оконце еле заметно блеснуло, одновременно шевельнулась стрелка гальванометра. Блеск повторился — по внутренности «пузыря» разлилось слабое световое пульсирование.

— Слава Богу, — просиял профессор. — Ничего не поделаешь, придется начинать сборку. — Он окинул нас взглядом. — Похоже, вы намерены создать здесь этакую модель ученого мира в миниатюре. Сколько ученых, столько точек зрения, теорий и так далее. Играем, значит, а ареантроп тем временем поддыхает. Этому надо положить конец, говорю вам. Подобные академические дискуссии и доклады на полдня необходимо прекратить. Здесь надобно действовать. Господин инженер, извольте-ка совместно с доктором собрать машину, чтобы она могла принять необходимую ей для жизни энергию. Болтать будем потом.

— Ну, ну, чтобы оно, стало быть, снова могло психовать, — бросил Джедевани.

— А вы что, сюда загорать приехали? — С профессором шутки были плохи.

— Профессор, — отважился я заметить, — сможет ли инженер на сто процентов поручиться, что овладеет излучением и сумеет его выключить в любой момент?

— Думаю, да, разве что машина перестанет быть машиной, — бросил Финк после недолгого раздумья.

— Что это значит?

— А то значит, что если он мыслит и, как я думаю, плазма является реальным конструктором всей машины, то он сумеет сообразить, что произошло, а снова овладев своим аппаратом, сможет реконструировать устройство атомной трансформации. Вот тогда-то я не отвечаю ни за что.

— Похоже, вы умываете руки? — медленно проговорил профессор.

— Нет. Просто не дам никакой гарантии, но монтаж начну немедленно.

— Понятно. Убедительно прошу — приступайте.

Инженер с помощью доктора извлек грушу из штативов, осторожно взял ее в руки и вышел. Мы еще некоторое время оставались в лаборатории.

— Что будем делать, профессор? — спросил я.

— Поместим конус в камеру с марсианской атмосферой и попытаемся втолковать ему, что мы не враги, то есть станем воздействовать на него уже не газовыми снарядами, а мыслью, — профессор говорил медленно, явно раздумывая.

— А не возвращаемся ли мы к исходному пункту? — заметил я. — Сведения, которыми мы располагаем о его конструкции, весьма туманны, не говоря уж о самой плазме, об этом «центральном мозге»...

— Мозге? Прекрасное определение, — профессор, казалось, пришел в восторг. — Есть идея, — воскликнул он и выбежал из лаборатории. Фрэйзер пошел следом.

Маленький синьор Джедевани остался со мной. Тщательно протер лоб платком, оглянулся и сказал:

— Я чувствовал, что это кончит себя скверно. Четыре года я стоял у циклотрона с тремя миллионами вольт, но это была игра. Что тут творит, что тут творит! — и с этими словами отчаяния он вышел.

Я пошел вверх, раздумывая над словами профессора. Неужели он наконец нашел ключ к взаимопониманию с марсианином? Поверить в это было трудно. В малом монтажном зале, куда я заглянул по пути, стоял Линдсей с профессором. Профессор быстро устанавливал какие-то аппа-

раты, среди которых я узнал большой динаatronный усилитель и каскад усилителей высокой частоты.

В центре зала стоял большой стул, что-то вроде электрического — так мне показалось в первый момент, поскольку на верхней части спинки размещалось нечто вроде металлического чепчика, к которому были подведены кабели.

— Включайте поскорее аккумуляторы, — сказал профессор, — и давайте сюда катодный осциллограф, на площадку. Позвоните Бэрку, пусть поможет, — и, обращаясь ко мне, заметил, — знаете, что я надумал? Это фантастический проект, но что нам поможет еще, как не фантазия? Понимаете, я хочу уловить электрические токи, которые вырабатывает кора головного мозга одного из нас, усилить их в несколько миллионов раз и послать на электроды рентгеновской трубки. В зависимости от напряжения, сила рентгеновских лучей будет изменяться. Этим, регулируемым токами нашего мозга, излучением я стану воздействовать на ареантропа.

Вошел Бэрк. Они с инженером принялись монтировать части аппаратуры. Профессор велел мне сесть на стул, наложил на голову медный обруч и подключил несколько контактов.

Послышался низкий гул. Профессор возился с аппаратурой, не переставая говорить:

— Вы понимаете, что я имею в виду? Наша речь, наши жесты и так далее непонятны пришельцу с Марса. Но быть может, характер его психических процессов в самом центре, в его мозгу, более близок нам. Я намерен, отбросив окольные пути, воздействовать биотоками наших мозгов на его мозг.

Тем временем лампы усилителей накалились до бледно-розового цвета. Гудение усилилось. Я почувствовал, как у меня на голове стягивают ремнем металлическую каску.

— Не волнуйтесь, сидите спокойно, — дошел до меня голос профессора. — Ничего не случится, глядите на экран.

Большая, похожая на стеклянный цилиндр с конически расширяющимся основанием труба катодного осциллографа лежала на двух эбонитовых стойках. Я увидел, как на ее бледно-желтоватой флюоресцирующей поверхности появились медленно извивающиеся светлые линии.

— Это биотоки вашего мозга. Попробуйте мысленно перемножить тридцать на восемнадцать.

Теперь световые зигзаги на экране заструились быстрее.

— Прекрасно, аппарат действует идеально.

Гудение резко оборвалось, я почувствовал, что инженер ослабил ремень и снял у меня с головы «чепец».

— Пожалуйста, спуститесь, а мы подадим через вентиляционную шахту кабель осциллографа, там вы его примете из выходного отверстия и дождетесь меня, — сказал Линдсей.

Я по лестнице сбежал на первый этаж. В большом монтажном зале гудел электромотор, небольшой тельфер поднимал безжизненное тело марсианской машины с ее ложа и переносил в центр зала. Инженер шел под ней и подавал знаки доктору, который управлял перемещением с пульта. Я нашел выход вентиляционной шахты и вскоре увидел, как оттуда высовывается черный конец кабеля. Я легонько потянул за него и стал ждать. Через минуту появился Линдсей с большой рентгеновской трубкой. Укрепив кабель на стенном изоляторе, он начал устанавливать необходимые приборы.

— Газовые гранаты готовы, — сказал он и, обращаясь к Джедевани, стоявшему рядом, добавил: — Не думайте, что мне жизнь не мила... А теперь так: дадим ему ток на десять секунд и будем повторять это до тех пор, пока он не дрогнет. Тогда выключим ожививший его ток и подвергнем его мозг или рецептор, а еще лучше — все сразу действию рентгеновских лучей. Один из нас будет сидеть наверху и медленно, спокойно думать, мыслить, но не словами — это ничего не даст, — а образами. Картинки, которые надо вызвать в воображении, я уже набросал. Потом опять дадим ему «бодрящий» ток, посмотрим, реагирует ли он, и так будем повторять до получения результата.

— И как долго? — спросил Джедевани.

— До утра, если потребуется, — нервно бросил профессор.

Я взглянул на часы — было семь вечера.

— Макмур, вы — человек уравновешенный, здравомыслящий, — профессор быстро взглянул на итальянца, но тот и не думал обижаться. — Пойдемте наверх. На листке, что лежит у меня на столе, найдете картинки, о которых сказал

инженер. Мыслить надо медленно, каждый образ представлять себе не меньше двадцати секунд. Начнете после красного сигнала, по зеленому — прекратите. Если что-нибудь получится, вы станете первым человеком на Земле, переговорившим с обитателем Марса. Ну, дай Бог счастья и вам и нам. Жаль, что одного инженера у нас черти взяли, а он бы пригодился. Ну да ничего; Фрэйзер тоже хороший физик. Господин Фрэйзер, пойдите с Макмуром и подключите все, что необходимо для записи и передачи биотоков мозга через усилители. Не отнимайте телефонной трубки от уха: если я позвоню, то в зависимости от указаний будете либо увеличивать, либо уменьшать ток, подаваемый отсюда, снизу.

Кончив, профессор обратился к Линдсею.

Я оправился с Фрэйзером наверх. В малом монтажном зале сел на стул, Фрэйзер надел мне на голову металлический колпак и дал в руки листок, на котором было написано несколько фраз, и пачку пронумерованных фотографий.

Вначале мне предстояло внимательно рассматривать карту Марса, «активно смотреть, а не просто пялиться, как баран на новые ворота», — написал профессор под фотографией своим ужасно неразборчивым почерком. Потом — фотографию Земли. Затем — карту Америки, далее — района, в котором мы находились, и при этом я должен был «испытывать положительные эмоции без примеси страха или ненависти».

Хорош старичок. Я уже чувствовал раздражение от его наставлений. Следующая фотография изображала всех нас (кроме меня) на платформе у телескопа. Здесь опять следовало подумать о Марсе, «но образно, не словами», — записал на полях профессор. Наконец была фотография снаряда, снимки района его падения и самого марсианина, при интенсивном рассмотрении которых, выполняя указание профессора, я должен был пребывать в хорошем настроении и дружеском расположении к нашему гостю. Признаюсь, первое, что мне пришло в голову после ознакомления с профессорской писаниной, было пожелание, чтоб удар хватил это механическое чудовище, которое уже прикончило нескольких человек, но я взял себя в руки. Неожиданно звякнул телефон — звонил профессор. Он сообщал наверх, что они начинают раздражать ареантропа напряжением в три миллиона

вольт, и предупреждал нас, чтобы мы были готовы мгновенно включиться по их сигналу. Я выпрямился на стуле и ждал. Спустя секунду почувствовал, как пол слегка завибрировал.

— Электризуют нашего марсианина, — бросил Фрэйзер. — Электризуют!

Измумительная штука — три миллиона вольт! По мне тоже прошла дрожь. Оп-ля! — надо быть в хорошем настроении. Я принялся думать о Шотландии, о лесистых горах, о добрых старых временах, о миллионных тиражах газет с моими сенсационными репортажами.

Мысль мою прервал звонок.

— Что? Как? — кричал в трубку Фрэйзер. — Громче! Ничего не слышу!

Даже я слышал на расстоянии в несколько шагов, что трубка аж хрипит от гула, — и ничего странного: все генераторы работали в полную силу, чтобы дать нужные миллионы.

Фрэйзер бросил трубку.

— После третьего включения он дрогнул, пошевелился. Профессор велел сказать, чтобы вы подготовились.

Тем временем Финк опустил марсианина на пол, установил на площадке в нормальном положении и теперь был занят тем, что размещал проводочки груши с плазмой в их гнездах. Потом закрыл верхнее отверстие колпаком и попытался расшевелить сердце — или гироскоп — через просверленное нами отверстие.

— Осторожней, инженер! — крикнул я.

— Не бойтесь, у него сейчас нет устройства для трансформации атомной энергии, и пока мы не дадим ему из нашей сети трех миллионов вольт, он безопасен, как пень.

Финк сунул руку в отверстие и принялся там шевелить. Послышалось уже знакомое чавканье, инженер вдруг охнул, побледнел и опустился на дрожащий пол.

— Чтоб тебя! — взревел я, бросаясь к Финку, но тут почувствовал сильнейший удар в руку и отлетел к стене. Уже бежал Линдсей в красных резиновых перчатках и оттаскивал потерявшего сознание Финка в сторону. Я поднял его на руки, хоть ноги у меня дрожали, а пальцы правой руки горели огнем, и положил на стол. Доктор молча вынул из кармашка футляр, быстро и ловко сделал укол, пощупал пульс,

потом пересчитал глазами ампулы, посмотрел на меня, как бы говоря: вот, видишь? — и начал массировать инженеру область сердца.

Тем временем внутренний телефон звонил так, словно вознамерился прыгнуть со стены, но в суматохе о нем все забыли. Только теперь к нему подошел Линдсей и кратко сообщил профессору о случившемся.

— Может, лучше отнести его наверх? — спросил я доктора, указывая глазами на Финка. — Если здесь что-нибудь случится, он может пострадать больше всех.

Доктор кивнул. Я взял Финка на руки и отнес в мою спальню. По пути столкнулся с профессором. Он ничего не сказал, только взглянул на меня так, что у меня мурашки прошли по спине, и побежал к лифту.

Я посидел несколько минут около Финка, но, видя, что он дышит равномерно, решил спуститься вниз и вышел, прикрыв его как следует одеялом.

В монтажном зале во всю командовал Уиддлтон.

Его непрекращающиеся окрики и указания начали меня раздражать. Чтобы сохранить хорошее настроение, я принялся потихоньку повторять известный английский стишок: «У нашей Мэри есть баран, собаки он верней. В грозу, и в бурю, и в туман баран бредет за ней». Когда стишок кончился, я стал проговаривать его с конца, но тут раздался резкий тройной звонок и красная лампочка загорелась у меня перед лицом.

— Внимание! — прозвучал громкий голос Фрэйзера. — Макмур, думайте медленно и спокойно, включая ток!

Я начал копать в глубинах памяти, интенсивно выискивая в ней телескопные карты Марса, вспоминая каналы, пустыни. За спиной послышался звонок — я не обращал на него внимания. Одну за другой просматривал фотографии, то прикрывал глаза, воспроизводя их в памяти по возможности точно, то снова переходил от снимка к снимку. Теперь мне следовало «обрести хорошее настроение и преисполниться дружелюбия». Я представил себе Землю с Америкой во все полушарие, связанную широкой лентой с Марсом, а на этой ленте было написано... Стоп! Слова не нужны.

В этот момент красный свет погас. Фрэйзер выключил усилитель и подбежал к телефону. Поскольку он, похоже,

забыл обо мне, я сам освободился от чепца и взглянул на него. Он держал трубку около уха и ждал.

Медленно бежали секунды.

— Ну, что там? — спросил я.

Фрэйзер отрицательно покрутил головой. Я встал, Фрэйзер несколько раз нажал на рычаг телефона, крикнул: «Алло! Алло!» — и продолжал ждать.

Я не выдержал.

— Бегу вниз! Бог знает, что там творится! — и не успел он рта раскрыть, как меня уже в комнате не было. Не в силах спокойно ждать лифта, я буквально слетел на первый этаж, перескакивая через четыре ступеньки. У входа в монтажный зал меня оглушил гул моторов. Я отворил дверь — и замер.

В фиолетовом свете искусственной молнии я увидел, что черный приземистый конус... жил. Он медленно раскачивался на месте, а его щупальца спокойно, неторопливо шевелились, будто проделывали гипнотические пассы. Воздух был заполнен дьявольским ревом и треском.

Группка мужчин столпилась у распределительного щита. Высокий Линдсей с покрытым потом лицом, в кожаном фартуке, держал руку на рубильнике. Около него стоял профессор, а за ним и немного позади, синьор Джедевани. Я прикрыл двери. Не знаю, заметил ли меня марсианин, во всяком случае, он выставил щупальца в стороны и несколько секунд держал их горизонтально. Потом вдруг два из них подтянул к себе, и тут я увидел проскакивающие между их концами искры. Затем он снова раздвинул щупальца в стороны и немного вверх и закрутил ими в воздухе, как бы описывая конусы. Неужели он хотел что-то выразить таким образом? Марсианин неустанно повторял движения, словно машина. Но ведь он и есть машина, промелькнуло у меня в голове.

Он то опускал щупальца, то снова поднимал их и выписывал горизонтальные круги, причем иногда так быстро, что становились видны как бы два размытых цилиндра. Профессор вдруг отделился от группы и вышел в боковую дверь. Я стоял, словно прикованный к полу, глядя широко раскрытыми глазами. Марсианин повторял свои движения, все убыстряя темп. Снова соединил два щупальца, развел и про-

пустил через просвет между ними несколько слабо потрескивающих искр.

В этот момент появился профессор. Маленький, темный, сутуловатый, он быстро шел, неся что-то в вытянутых руках. И вышел прямо на середину зала — неужто собрался покончить жизнь самоубийством? Я прыгнул, чтобы его задержать. Но он наклонился и покатил по полу два металлических цилиндра. Один из них катился, подскакивая на неровностях пола. Я их узнал — это были цилиндры из снаряда. Я видел их вчера, в одном был уже «записанный» порошок, в другом — механизм для фиксации мыслей.

Теперь профессор стоял в пяти шагах от черного монстра. Щупальца перестали кружиться, опустились, и оба цилиндра прилипли к ним, как бы притянутые магнитом. Конус замер — щупальца поднялись, и в верхней части колпака открылся клапан, а может, образовалось отверстие в монолитном металле — не знаю, но оба цилиндра вдруг исчезли, да так быстро, что я только и успел моргнуть. Не прошло и секунды, как они опять оказались снаружи, были опущены на пол и катились к профессору.

Выглядело это прямо-таки забавно: группка сбившихся у стены людей и металлический конус, который, казалось, играет в кегли.

По знаку профессора Линдсей выключил ток. В голове у меня зашумело от неожиданно наступившей тишины. Профессор жадно схватил оба цилиндра, подбежал к столу, на котором лежали листы бумаги, и начал раскручивать первый из них. Мелкий порошок высыпался на бумагу. Несколько движений — и на белой поверхности возникла четкая карта Марса, а рядом — Земля. Их связывала широкая лента.

Я раскрыл рот.

— Но ведь именно это я и представил в мыслях! — вылетело у меня. Никто не ответил. Порошок под рисунком собрался в несколько малюсеньких значков, похожих на ноты. Профессор уже раскручивал второй цилиндр и высыпал содержимое на другой лист — глаза у нас прямо-таки вылезали из орбит.

На белом листе возник треугольник, окруженный венком таинственных знаков, — они больше походили на цифры, чем на буквы, — а рядом вырисовывались нечеткие контуры.

Я присмотрелся внимательнее. Ну, конечно — наша лаборатория, начерченная очень странным образом, без пространственной перспективы, совершенно плоско, как бы в геометрической проекции. В центре — два столба и шары разрядника, но тонкий зигзаг, обозначающий искру, был перечеркнут параллельными штрихами.

— Не означает ли это, что он не хочет, чтобы мы его щекотали током? — первым прервал тишину инженер, всматриваясь в рисунок.

— Мне кажется, он требует вернуть ему аппаратуру для атомного преобразования и, добавлю, он чрезвычайно любезен. Не уверен, что я на его месте вел бы себя так сдержанно после подобной вивисекции... При его-то возможностях. — Профессор просто излучал восторг. Каждая морщинка на его давно не бритом лице источала удовольствие, даже искорки в очках, казалось, весело подмигивают. Он похлопал нас по плечам, установил штатив подготовленного заранее фотоаппарата и запечатлел рисунки, а затем осторожно ссыпал порошок в цилиндрики. Мы дышали тяжело, как после долгого бега. — Думаю, на сегодня довольно, — сказал профессор. — Уже одиннадцатый час, а мы не спали почти две ночи.

— Хорошо, а что делать с ним? — спросил я.

— И верно, как быть с ареантропом? — сказал профессор. — Скверное дело, он ведь не лабораторная морская свинка.

— Думаете, он обидится, если его на ночь посадить в стальную камеру? — скептически бросил доктор.

— Вы-то уж наверняка б не обиделись, — ответил профессор. — Ну, начало положено, во всяком случае, он уже знает, что мы не абсолютные дикари. Значит, Бог с ним, пусть сидит здесь.

— Я бы все же вынул из него центральную грушу, — сказал доктор, а осторожный синьор Джедевани сразу же подержал его.

— Ну, конечно, чтобы спать спокойно, да? — ехидно спросил старик. — Ничего не выйдет, милейший синьор, разве что вы просидите здесь всю ночь, наблюдая, пульсирует ли в оконце нормальная жизнь, иначе придется сделать ему укол и вложить «пузырь» обратно в конус.

— Простите, — вмешался я, — но если нет тока, то он лишен энергии: ведь инженер Финк полностью демонтировал его собственную энергетическую атомную установку.

— Верно, демонтировал, но тогда скажите, почему Финк сейчас не здесь, с нами, а валяется наверху, без чувств? — иронично спросил профессор. — Откуда вы знаете, что именно он демонтировал, а чего нет? Ясно, что загадочная для нас жидкость нашему гостю невероятно нужна, может быть, абсолютно необходима. Поэтому пусть она в нем сидит, а мы пойдем баиньки, — говоря это, он подошел к мраморной доске распределительного щита и принялся выключать дуговые лампы.

— Но он может неожиданно, ночью... — начал, заикаясь, синьор Джедевани.

— Так шепните ему на ушко, чтобы вел себя прилично, — сказал неумолимый профессор и продолжал выключать лампы. Нам не оставалось ничего иного, как покинуть зал. Когда мы собрались у лифта, профессор сказал: — Неплохо бы поужинать, господа, а?

— Верно, — в один голос отозвались мы.

— Ну, так сейчас организуем лукуллов пир, только я на минуточку загляну к бедняге Финку. И позовите, пожалуйста, Фрэйзера. Пусть Бэрк приготовит все в столовой.

Кабина лифта остановилась, мы вышли в коридор. Инженер Финк спал горячечным беспокойным сном. Доктор проверил его пульс, сделал укол успокоительного и велел всем выйти.

В столовой горели свечи — идея профессора. Их оранжево-желтый, мягкий неверный свет отлично успокаивал нервы.

На стол подавал Бэрк — впрочем, все блюда были из банок, подогретые на электроплитке, так что отсутствие повара не ощущалось. После ужина профессор принялся катать хлебные шарики по столу.

— Господа, — сказал он, — наконец-то мы сделали шаг вперед. Возможно, марсианин отреагировал на наши рентгеновские депеши подобным же излучением. Я предпочитал этого не записывать, хотя мог бы установить в зале несколько чувствительных счетчиков Гейгера с автоматическими регистраторами. Просто запись в любом случае оказалась бы

нам непонятна: ведь мы не умеем прочесть даже сигналы собственного электроэнцефалографа, что же говорить об электрическом языке марсиан. Опыт удался, мы сможем общаться изображениями, картинками, постараемся научить его каким-нибудь знакам, может быть, рисуночному алфавиту, а возможно, и он нас научит чему-нибудь новому, чтобы облегчить контакт. Во всяком случае, хочу надеяться, что самое худшее позади. Незачем ухмыляться, доктор, так хитро и иронически. Дай Бог, чтобы это предсказание сбылось. Может быть, у вас, коллеги, есть какие-нибудь предложения?

— По-моему, — сказал я, — ясно одно: его живая субстанция близка нашему мозгу, если судить по функционированию, а не строению. Видимо, он воспринимает только суть, истоки явлений, а не их побочные, внешние проявления: голос, свет для него не так важны, как энергетические изменения характера излучения, перепад потенциалов. С другой стороны, количество «картин», которые можно ему таким способом передать, достаточно ограничено. И мне кажется, для передачи пригодны только конкретные понятия, но не хорошие, добрые, дружеские настроения, о которых, инструктируя меня, писал профессор...

5

В ту ночь я спал мертвецким сном. Смутно помню, как повалился на диван, потому что на кровати тихо постанывал инженер, и погрузился в сон, словно в мрачную бездну. Разбудил меня мощный гул. Я вскочил и, полупьяный от сна, бросился к окну. Было тихо, только над прудом поднималось легкое облачко утреннего тумана. Неужто гул мне просто приснился? Вполне возможно. Я быстро оделся и, мельком взглянув на все еще спящего Финка, выбежал в коридор. Тихо и пусто. Теперь я ощутил, что пол слегка дрожит. Что такое? Генераторы включены? Я почувствовал обиду на коллег, не разбудивших меня своевременно. Оказалось, что лифт не работает, по-видимому, использовали всю мощность сети. Я сбежал на первый этаж немного обеспокоенный, слыша и чувствуя усиливающуюся вибрацию стен и воздуха. В большом монтажном зале все собрались у стены

напротив маленького черного конуса, который мягко переваливался с боку на бок и, казалось, беседовал с ними — это было и страшно и смешно.

Профессор махнул мне рукой.

— Что слышно? Что-то новенькое? — крикнул я ему в ухо, потому что при стоявшем в зале диком грохоте нормально общаться было невозможно.

— Все прекрасно, мы как раз беседуем с ареантропом, — крикнул в ответ Фрэйзер.

Они действительно как-то беседовали с ним, и странная же была эта беседа! С помощью маленького проектора они высвечивали на экране то ли какие-то модели, то ли эскизы, которые профессор помещал на столик проектора. Все происходило так быстро, что я не успевал рассматривать отдельные картинки, но профессор этого вроде бы не замечал. Все выглядело немного глуповато. Мне казалось, что я как бы выброшен за борт, как бы не нужен, — стою с заложенными за спину руками, ничего не понимая в происходящем...

Неожиданно наступила тишина, два металлических цилиндра снова покатались по полу, и профессор принялся высыпать порошок на приготовленные заранее листы бумаги.

Это были совершенно бессмысленные клубки спутанных линий. Рядом с ними — опять же странные значки, напоминающие ноты. Что-то вроде схемы планетарной системы, длинные концентрические эллипсы, густо усыпанные таинственными значками. Все молчали, вглядываясь в эти изображения. Наконец заговорил Джедевани:

— Я думаю, он скверно себя чувствует... Ведь это все бессмысленно — может, он болен?

Профессор посмотрел на итальянца, словно хотел сказать: «Сам ты болен», — но смолчал.

— Нас все еще разделяет пропасть непонимания, — сказал он и велел включить ток. Загудели, завывли электромоторы, начинающие работу басовым гулом, от которого дрожали стальные крепления; гул этот отозвался более высокими аккордами в изломах потолка и наконец перешел в пронзительный, высокий звук. Конус снова ожил, закачался и вдруг... пошел. Он шел неуклюже, как бы неуверенно, но тут его остановили кабели, тянувшиеся от генераторов.

Он был словно на привязи. Сам он того хотел или просто не мог освободиться? Мне невольно почудилось, что я встал на его сторону, хочу, чтобы он вышел на волю, за пределы назначенных нами границ. Не знаю, как выразить эти странные мысли, но мне казалось, что нас с ним что-то связывает. С кем? С этим творением из безумного сна, металлическим конусом с желеобразной светящейся массой, выполняющей функции мозга?

Теперь профессор высветил на экране параллельные ряды уравнений, описывающих геометрические законы. Цифры казались ему наиболее верным языком, которым можно было соединить края разделяющих нас пропастей. Так ли?

Неожиданно я заметил нечто странное. Как известно, у конуса было три щупальца. В то время как два лежали спокойно, изредка немного приподнимаясь, третье, заднее, усиленно колотило по бетону, словно то ли что-то выколачивало из него, то ли лепило. Металлический цилиндр, образовавший его тупое окончание, проделывал явно целенаправленные быстрые движения. Мне показалось, что бетон краснеет, но это, вероятно, было невозможно. Никто не мог этого видеть, кроме меня, потому что конус стоял перед нами, загораживая собою тыльный змеевик.

Ну, конечно! Вот он поднимает третье щупальце, на конце которого чернеет что-то небольшое, вроде бы зубчатки.

— Профессор! — рявкнул я. — Выключайте ток! Ради Бога, выключайте ток!

Я понял, что собирается сделать ареантроп. Какое же дьявольское создание! Все его поведение было подвохом, сатанинской дипломатией. Он использовал наш ток не для установления контакта, а чтобы освободиться от нас. Он старался восстановить изъятые нами детали из любого материала — а раз он умел уничтожать, значит, мог и создавать.

— Выключайте ток! — крикнул я снова.

Теперь все видели, как щупальце поднимается и как в нижней части основания конуса образуется неправильное отверстие с размытыми краями. Отверстие поглотило зубчатый механизм и занесшее его туда щупальце, которое что-то там делало. Осоловевший Линдсей подскочил к щиту и по-

скользнулся. Вместо того чтобы выключить ток, он передвинул рычаг в противоположную сторону, туда, где были изображены красные молнии и стояла надпись:

ПРЕДЕЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ — ОПАСНО!

Громыкнуло. Туча пыли поглотила вибрирующий конус, провода сыпанули голубыми искрами, с грохотом выбило главные предохранители перегрузки, и все утихло. Но кто может описать мое изумление и ужас, когда я увидел, что конус по-прежнему жив, двигается, стряхнул с себя два удерживающих его кабеля, словно два пучка соломы, и одним прикосновением черного конца щупальца «заварил» просверленное напротив его механического сердца отверстие.

Конус, казалось, размышлял. Сценка была необычная: неожиданно замершие моторы, неподвижные с широко раскрытыми глазами люди и этот смешной конус, который раскачивался и двигался, размахивая щупальцами, будто не знал, что делать со вновь обретенной свободой, с чего начать. Я чувствовал, как у меня опять лихорадочно заработал мозг. Что делать? Что делать? Я вспомнил, что в углу зала стоят газовые гранаты и гранатомет. Теперь я уже был не на стороне марсианина, о, нет! Теперь на карту была поставлена жизнь! Но это порождение ада двигалось вперед, а кто отважится попасть в пределы досягаемости трехметровых змеевиков? Вот он протягивает их вперед и — о, ужас! — пирамидка гранат разваливается, превращается в какой-то вращающийся смерч и исчезает, словно ее никогда и не было! Еще видны остатки пыли на полу в том месте, где они лежали, следы хвостовиков... Вот и все... А громыхающий конус передвигается по бетону, выписывает круги, приближается к людям!

Люди пятятся, дым закрывает путь к двери. Сейчас марсианин движется к Фрэйзеру, Линдсею и Джедевани. Профессор стоит в стороне, у свинцового экрана.

— Беги! — слышу я чей-то крик, и ноги сами срываются с места. — Он их отрезает от двери. Беги! Ты им не поможешь!

И тут я как бы слышу спокойный голос профессора: «Мы не просто ученые, мы — земная делегация, в задачу которой

входит знакомство с пришельцем. Следует ли говорить, как должны вести себя члены такой делегации?»

Я чувствую, как у меня краснеет лицо. Я стою и гляжу, ощущая свое бессилие.

Конус приближается к трем мужчинам. Линдсей стоит, прикусив губу, в лице — ни кровинки, глаза горят, мускулы напряжены, я бы сказал — кариатида, удерживающая гигантскую тяжесть.

Крик. Это Джедевани, его коснулось щупальце, приближается второе, и я вижу повисшее в воздухе тело, дергающиеся ноги, слышу ужасный вопль — и неожиданная тишина. Тишина бьет по ушам молотом. Конус идет на профессора, а Джедевани? Ах да, он лежит у стены плоский, как воздушный шарик, из которого выпустили газ. Конус движется к профессору. Они стоят друг против друга. Как странно смотрят глаза старика. Он словно бы вырос. Что теперь будет? Щупальца извиваются по земле, я слышу их грохот. Роли поменялись: те, кто собирался исследовать, стоят у стен — бессильные, дрожащие... Дрожащие? Нет, профессор Уиддлтон скрестил руки на груди и смотрит в выпуклые сверкающие диски на панцире ареантропа. Конус двигается, отдаляется от профессора — вдруг его щупальце касается старика, и тот падает на землю, словно молнией пораженный. Конус не обращает на это внимания. Он направляется ко мне, постукивает щупальцами, колотит сегментами своих спиралей о бетон, так что вспыхивают искры и сыплотся крошки цемента. Вот он останавливается передо мной — бесконечная минута. Я вижу все как в тумане, только этот конус, черный, с извивающимися щупальцами... И тут ударил гром.

Я куда-то летел. Вокруг выло и гудело. Словно ураган. Куда я лечу? — удивлялся я. Тело ничего не весило, но это не казалось мне странным. Неожиданно начало светлеть, словно кто-то протирал большое запотевшее окно, перед которым я стоял. Что происходит?

Пустыня. Раскинувшаяся на многие километры, серо-желтая, усыпанная обломками камней, усеянная огромными воронками и песчаными холмами пуэтыня, над которой висело огромное, невероятно глубокое, светло-зеленое небо.

Какое странное небо! На нем — звезды, хотя было и солнце. Оно показалось мне вроде бы немного поменьше, чем обычно, но грело сильнее и висело высоко, над самой головой. Пустыня приближалась ко мне. Я летел? Где мои руки и ноги? Ни рук, ни ног. Ничего. Только глаза или, может, мозг. Но я видел! Головокружительный полет нес меня вниз. Неожиданно я увидел: подо мной двигались как бы две огромные стальные башни, глубоко врытые в песок.

Я опускался все ниже. Башни двигались сами, шевеля тонкими горизонтальными ручками, оканчивающимися широкими блестящими дисками. И когда эти диски на гибких «руках» приближались к грунту, песок вздыбливался, лопался, словно под ним разверзалась пустота, и исчезал на глазах. Его остатки разметывал гудящий горячий пустынный ветер. Так рождался гигантской ширины канал, уходивший в бесконечность. Зачем был нужен этот канал? Кому? Как работают эти машины? Но ведь такое невозможно, говорил я себе. Куда же девается выкопанный песок? Не исчезает же? И кто управляет машинами? Они работают медленно и ритмично, при каждом движении «рук» проделывая правильной формы выемку в грунте шириной в несколько сотен метров, даже в километр. Дико ревел ветер.

Теперь воздух подо мною начал клубиться, сгущаться, темнеть, уплотняться... Боже! Это был черный металлический конус со щупальцами, который медленно опускался, вращаясь при этом, словно лист, падающий с дерева. Он упал, маленький, рядом с машинами и заполз под них. Спустя минуту вынырнул, поднял щупальца. Рядом с ним возник, казалось из ничего, и начал увеличиваться в размерах какой-то стекловидный контур. Перед глазами у меня закружилось. Черный конус исчез в песчаном вихре. Куда он подевался? Я еще больше напряг зрение и тут вдруг обнаружил, что касаюсь грунта, продолжаю опускаться: я погружался в песок. Хотел кричать, звать на помощь, но меня охватила тьма. Я свободно дышал, но где были мои легкие? Тело? Слышал ли я? Да, слышал ритмичный, далекий, очень глухой гул: боммм — и пауза, и снова — боммм. Зажегся свет. Нет, неправда, не было никакого света. Как бы это лучше сказать? Не было света, но я видел. Собственно, я не видел освещенных предметов, но знал, что они есть. Ощущение чьего-то

взгляда, вперившегося в спину, но в тысячи раз более сильное. Это вызывало страх. Я чувствовал, что вокруг меня масса предметов. Я не видел их, но знал о них. Словно в неприятном сне, словно не мог вспомнить, не понимал их назначения, смысла. Появлялись залы эллипсоидной формы, огромные, погруженные во тьму, в которых передвигались ряды конусов. Все эти конусы, одинаково держащие щупальца в виде петель, шли бесконечной чередой, шли и шли в одном направлении. И я шел туда же. Проходил мимо каких-то аппаратов, которые — я это чувствовал — находятся везде, сразу со всех сторон.

Огромные машины, но без каких-либо движущихся частей, состоящие из одних только слившихся меж собой фрагментов тел вращения, и еще какие-то маленькие тени да черные точки, ползающие по выпуклым поверхностям. Гул нарастал. И ударил свет. Подземелья Марса? Галереи, эллипсоидные залы соединялись во все более крупные и широкие, уже тонущие в свете объемы, по которым непрерывно двигались шеренги конусов. Это было необычно, но как бы понятно. И вдруг...

Пространство. Огромное поле, именно поле, потому что я не могу назвать его залом, раскинувшееся на много миль. Гигантское, геометрически вздутое пространство. Вздыхающийся над двумя шарами длинный цилиндр с тупым, закругленным носом стоял наклонно на пологом возвышении. И тысячи, тысячи черных подвижных конусов. Теперь я увидел, что потолок пространства был образован полусферическим сводом из какого-то однородного, слабо поблескивающего, видимо металлического, материала. На середине сферы зияло отверстие, напоминающее воронку, сквозь которое светило солнце: отверстие выходило на поверхность планеты...

Неожиданно я почувствовал, как по машинам прошла волна. Поле конусов замерло, на возвышении сгустился смерч, и там, где только что был прозрачный воздух, возник ареантроп. Он приблизился к цилиндру и слился с его тенью. Или опять улетучился? Теперь гул звучал как бы во мне самом, настырный, громкий, требовательный. Мне казалось, что надо считать удары пульса. Не знаю почему. На двадцать шестом я почувствовал легкий толчок. Вздрыгнул —

цилиндра не было. Осталась вздутая пустая площадка и два шара, как бы немного уменьшившиеся в размерах. Над мажками конусов вздымался пым, а может, разреженный туман... потом я уже не видел ничего. Какое-то мгновение я чувствовал, что падаю. В абсолютной темноте ощущал, что нахожусь внутри вертикальной трубы, в которой опускаюсь медленно, словно капля масла в алкоголе. Я оказался в зале с низкими сводами и наклонным полом. Свет померк. Какая-то сила принудила меня поднять глаза: над головой распахнулось красное отверстие. В глубине заискрилось море звезд Млечного Пути. На его фоне мчался длинный темный снаряд с закругленным носом, оставляющий позади себя хвост белого пламени. Снаряд падал. На него надвигался вращающийся диск планеты, увеличивающейся на глазах. Вот диск занял уже все поле зрения. Чудовищно огромная, черно-серая планета раскинулась на половину горизонта, обрамленного звездами, и мчалась навстречу мутным, бездонным водоворотом.

И тут я почувствовал удар. Мне казалось, что он был слабым, но я услышал хруст и грохот. Меня охватил сильный жар, и я потерял сознание.

Я открыл глаза. Было совершенно темно, и голову ломило.

Что случилось? Я принялся шарить вокруг себя руками — бетон. А это? Это — кабель. Монтажный зал? Но как я попал сюда?

— Эй! Профессор!

Тишина.

— Господин Линдсей!

Тишина.

— Господин Фрэйзер! Послушайте, это я, Макмур...

Тишина. Горло болело, а голова прямо-таки раскалывалась. Что случилось? Был эксперимент, потом конус вырвался, ах да, правда... А потом? Сон? Это был сон? И где все остальные? Я пошевелился. Приподнялся на колени, встал, провел рукой по стене. Ужасная слабость.

Где я? Упал у главного подъемника? Если так, то где-то тут, в трех шагах, выключатели освещения. Было совершенно темно, я усиленно моргал, но не видел даже собственной руки. Ага. Вот выключатели, я повернул их — тишина и

тьма. Ну, конечно же, полетели предохранители, тока нет. Но где все? Я принялся шарить по карманам. Вот зажигалка, скрипнул кремь — слабый огонек осветил небольшое пространство. Зал был, кажется, пуст. Пламя зажигалки трепетало — огромные уродливые тени бегали по стенам.

Что за темный предмет?

Это был Джедевани. Он лежал навзничь, как упал. Я подбежал к нему... Рядом с ним, повернувшись лицами друг к другу, лежали Фрэйзер и Линдсей. У Фрэйзера предплечье было прижато к лицу, словно он хотел заслониться от удара. Я дернул Джедевани за лацкан пиджака. Он слабо застонал.

Жив! Слава Богу. Я подошел к остальным. Сердца бились.

Но где профессор? Я не мог его найти. Фитиль начал потрескивать, догорая.

— Господин профессор! — крикнул я. Старичок лежал неподвижно у противоположной опоры, там, где упал. Да, конечно, он ведь стоял у экрана.

Я потянул его за рукав, перевернул на спину. Зажигалка погасла. В темноте еще несколько мгновений светила красная искра, и опустился мрак.

Я ощупывал шероховатое от щетины лицо профессора — дышит ли? Мне казалось, что он теплый. Сердце? Да, сердце билось. Очень слабо и замедленно, но билось.

Я спотыкаясь кинулся к дверям. Ударился головой о какую-то невидимую преграду. В глазах вспыхнули искры — дьявольщина! — я вылетел в коридор.

Тьма. Я побежал наверх. В малом монтажном зале должен быть фонарик... А где доктор? Может, Финк уже пришел в себя?

Я влетел в свою комнату.

— Господин Финк!

Тишина.

Я принялся ощупывать постель. Пусто. Финк встал?

Я ничего не понимал. Выскочил в коридор. Всюду темно. Я придерживался рукой стены, почти бежал. Вот дверь монтажного зала. Я отворил ее и остолбенел. Посередине зала размещалась площадка, на которой стоял ареантроп, касаясь щупальцами большого металлического шара, блестящего в свете рефлекторов. Но не это меня изумило, нет. Рядом с

марсианином стоял Финк в пижаме, бледный, с забинтованной левой рукой и, казалось, помогал арсантропу прикреплять стальную полосу к чему-то большому и черному, что лежало позади площадки.

— Господин Финк! — крикнул я, но из глотки вырвался лишь хрип. — Инженер!

Он не обернулся. Медленно, со свойственной ему тщательностью затягивал какой-то винт.

Я испугался. Я боялся его еще больше, чем марсианина.

Неожиданно конус вроде бы заметил меня. Странно, когда марсианин обнаружил мое присутствие, Финк заметил тоже. Он глядел на меня, но лицо инженера было совершенно чужим. Чужим и безразличным. Финк наклонился и, не обращая на меня внимания, продолжал закручивать винт.

— Господин инженер! — рявкнул я. Страх страхом, но злость меня брала. — Что вы делаете с этим проклятым железным болваном? Вы спятили?

Финк даже не дрогнул. Зато конус повернул в мою сторону щупальце.

Я молниеносно выскочил за дверь, хлопнул ею и сбежал вниз.

Не знаю, гнался ли он за мной. Я влетел в большой зал на первом этаже и принялся лихорадочно собирать кусочки целлулоида, бумаги, зажег все это от зажигалки и в слабом свете «костра» нашел аккумулятор. Он дал мне ток для запасного рефлектора. Наконец-то у меня был свет. Я занялся людьми, лежавшими неподвижно. Меня охватил страх. Неужто и они спятили, как Финк? Или он сошел с ума еще от того удара током?

Первым очнулся Фрэйзер. Он громко застонал, и его начало рвать. Джедевани лежал без сознания еще долго. Тем временем раскрыл глаза Линдсей. Больше всего меня беспокоил профессор. Я делал ему искусственное дыхание осторожно, чтобы не поломать медвежьей услугой хрупкие ребра, и проклинал отсутствие доктора. К тому же я боялся оставить их одних, так как не знал, что делают на третьем этаже проклятый конус с Финком.

Наконец веки на бледном, похудевшем лице дрогнули, и мои глаза встретились с горящим темным взглядом старого ученого. Какое-то мгновение он глядел, потом прикрыл

глаза, так что я испугался и потормошил его, может быть, слинчком сильно.

— Осторожнее, Макмур, вопреки вашим усилиям я еще жив, — дошел до меня слабый шепот. И бледная тень улыбки скользнула по лицу старика.

Я поднял его, усадил и принес воды. Через минуту он уже смог говорить. Первое, что он сказал, было:

— Вы тоже видели Марс?

У меня, вероятно, была идиотская мина, потому что он нетерпеливо добавил:

— Ну, не прикидывайтесь глупее, чем вы есть. Вы ничего не видели, или — если вам так больше нравится — вам ничего не снилось?

— Ах, вот вы о чем! — воскликнул я. — Да, мне кое-что снилось, а может, это была галлюцинация...

— Об этом после, — сказал профессор. — Мне думается, я могу встать. Для рассказов будет время в другой раз, как говорит синьор Джедевани. Кстати, как он, как остальные?

— Живы.

Подошел Фрэйзер. Он тяжело дышал, и лицо у него было зеленоватое.

— Слава Богу, профессор, вы живы...

Линдсей стоял, опершись о столб, и вытирал лицо платком.

— Да, мы живы, но у меня странно кружится голова...

— Что с ареантропом? — спросил профессор. — Это самое важное, пока мы еще, хе-хе, кудахтаем. Я перестану заботиться о нем, наверное, лишь после смерти, — добавил он, слабо улыбнувшись.

— Эта коварная железная скотина в малом монтажном зале.

— Что? А вы-то откуда знаете? — Мужчины сразу выздоровели. Даже Джедевани попытался встать на ноги.

— Я был там, видел его — горят аварийные лампы. С марсианином работает Финк.

— Вы хотите сказать, Финк работает над ним? Инженеру снова удалось его обезвредить? — быстро спросил профессор.

— Я хочу сказать то, что сказал: Финк работает как бы под управлением ареантропа. Я окликнул его, но инженер не отвечал.

— Может, это был не Финк? — спросил Джедевани.

— Да, это была моя тетя. — У меня лопнуло терпение. — Профессор, вы мне верите?

— Верю! Какой же я старый осел... Но тут и ваша вина. Не ваша, Макмур, — добавил он, не поднимая головы, когда я удивленно взглянул на него. — Вы — единственный из нас, кто сохранил трезвость ума и недоверчивость, а нам, видите ли, захотелось поэкспериментировать, этак, знаете ли, связать барашка — и на операционный стол. И вот, извольте получить барашка, — закончил он, ударив кулачком по подъемнику, около которого мы стояли. — Теперь надо крепко подумать, что делать. Есть тут хоть что-нибудь, на что можно сесть?

Нашлось несколько треног. Профессор, морщась, пригнулся на одной из них.

— О чем тут думать, это конец, — сказал Джедевани, который все еще чувствовал себя скверно. — Надо отыскать Бэрка, пусть готовит автомобиль.

— Лишаю вас голоса, — уже пришел в себя профессор. — Надо думать не о том, как сбежать, а о том, что делать с ним дальше. Да, вот что — где доктор?

— Я его сегодня не видел, а где он был утром?

— Собирался провести в лаборатории какие-то опыты с центральной жидкостью, — ответил Фрэйзер.

— Господа, — насутился профессор, — у нас нет времени на болтовню. Газовые гранаты еще есть?

— Были внизу, только не уничтожил ли он их, — сказал я. — Там оставалось еще штук тридцать. Можно сходить.

— Господа, — сказал профессор, — возможно, кому-то мои указания покажутся странными, однако я решаю так: принесите сюда газовые гранаты, гранатометы и нацельте их на двери. Мы, прихватив маски, будем сидеть здесь. И пусть каждый расскажет, что видел во время своего... отсутствия. Не исключено, что это нам как-то поможет. Кто-нибудь против?

Таковых не оказалось. Я пошел с Линдсеем, который чувствовал себя лучше других, и через пятнадцать минут мы уже сидели в зале, обложившись гранатами и держа в руках шнуры запалов. Стволы гранатометов были направлены на двери.

— Уверен, еще до того, как мы его отравим, он исхитрится отправить нас к праотцам, — воскликнул профессор. — Не надо иллюзий. Иллюзии полезны только ко времени и в меру, кроме того, человек без иллюзий действует смелее. А теперь прошу, пусть кто-нибудь сбегает наверх за доктором, только не приближайтесь к малому залу.

Вызвался, конечно, я. Однако в лаборатории было пусто и темно. Напрасно я кричал и искал. Вернулся я один.

— Странно, — сказал профессор. — Ну, прежде чем мы начнем действовать, надо сориентироваться. Хотелось бы от вас кое-что услышать. Макмур, вы расскажете первым, что видели во время своей, как вы ее окрестили, «галлюцинации».

Когда я закончил, воцарилось недолгое молчание.

— Да, мне знакомы эти ощущения, — профессор поправил очки. — Я пережил подобное, но с гораздо большими подробностями. Ваши выводы?

Мне что-то засветило.

— Думаю, это была сцена отправки ракеты с Марса на Землю, а потом ее полет через межпланетное пространство... Остальное — марсианские обычаи, сооружения, технические приспособления...

— Очень хорошо, — профессор сказал это так, словно похвалил ученика за правильный ответ. — Наблюдательный вы парень, Макмур. Когда вы принялись болтать о снах и галлюцинациях, я, честно говоря, подумал, что вы головой стукнулись. Скажу правду: я тоже... тоже родом из Шотландии... Тссс... — он, видимо, заметил, что я расплылся в улыбке, — сейчас не время лобызаться. Думаю, касаясь нас своим щупальцем, марсианин определенным энергетическим зарядом принуждал наши мозги работать в желаемом для него направлении.

— А зачем ему понадобилась комедия с цилиндрами, волшебным порошком и прочим? — спросил Фрэйзер.

— Это понятно: вылетая с Марса, они, думается, не знали, кого встретят здесь, на Земле. Поэтому он подготовился к любой возможности, а здесь до поры до времени вел себя так, как того хотели мы, — пока не приспособился к нашей атмосфере и не исправил нанесенных ему повреждений. Мою безграничную глупость он использовал...

— Профессор, — прервал я, — полагаю...

— Повторяю, мою безграничную глупость, — перебил старичок, — он использовал, чтобы освободиться, пока я с детской наивностью демонстрировал ему наш алфавит или учил началам геометрии. Вот и все. Хотелось бы, посмотреть сейчас на доктора, — добавил он раздраженно, — это он уговорил меня на такие штучки... Ну, хватит. Упреки ни к чему не приведут.

— Господин профессор, — сказал Фрэйзер, — начни мы по-другому, он тоже воспользовался бы временем, когда в его распоряжении был ток, ведь ему хватило бы нескольких секунд. Лучше расскажите, что видели вы.

— Что видел я? Хм, если б мы рассказывали только увеселения ради, я вообще промолчал бы. В моей голове, друзья, сейчас такая пустота... Хотя, — добавил он, сверкнув глазами, — я не поддаюсь. Для меня поддаться — значит умереть.

И он с такой силой потянул за шнур спуска гранатомета, что Джедевани подпрыгнул.

— Я, — тихо продолжал Уиддлтон, — как и вы, дорогие мои, видел диск Марса. Был на его поверхности. Сейчас нет времени на подробности, но я видел машины для преобразования материи в энергию, видел, каким образом они перемещаются с места на место.

— Ну, ну? — спросил я, заинтересованный. — И как же это происходит?

— Вы видели только одну стадию процесса и как следует не поняли. Ареантроп входит в своего рода приемную камеру из какой-то прозрачной субстанции и там распыляется на атомы... И точно такой же ареантроп в ту же (или следующую) секунду материализуется на произвольном расстоянии. Условие одно: поблизости должна присутствовать соответствующая аппаратура. Например, башни, что копают каналы, тоже выполняют роль приемников...

— Вон оно как, — воскликнул я, — вот, значит, как они появлялись и исчезали... Но каков механизм?

— Не знаю. Есть две возможности: либо сами атомы переносятся через пространство, либо, как я думаю, потеря энергии и материи в одном месте приводит в другой точке пространства, как-то идеально уравновешенной с первой, к

возникновению точно такой же конфигурации атомов и молекул.

— А как вы считаете, профессор, каналы-то зачем? — спросил я. — Смешно думать, что при их техническом совершенстве они занимаются возделыванием земли и ее мелиорацией. Кстати, я не видел на поверхности ничего, кроме песков. Все внизу... Наверху — лишь одна гигантская пустыня.

— Не везде, дорогой Макмур, — странно улыбнулся профессор, — не везде пустыня. Есть там чудесные районы, рощи деревьев с пурпурными листьями, впадины, заполненные соленой черной водой. По берегам ползают мириады насекомых, вооруженных изготовленными ими же самими орудиями: рогами, челюстями, даже своего рода снарядами — есть такие, которые выбрасывают на расстояние ядовитое жало. В воде кружат флюоресцирующие тени каких-то других животных. Но все это панически убегает, скрывается, исчезает под камнями, на дне, в воздухе, когда приближается хотя бы один хозяин Марса. Ageanthropos.

— Следовательно, они тоже овладели поверхностью планеты, вытесняют и уничтожают других животных? — прервал я профессора.

— Что значит — тоже? — спросил он. — Наши средства — ребячество... О, они умеют убивать, но в их железных футлярах скрываются более серьезные вещи... — и, отвечая на наши удивленные взгляды, добавил: — Ну, не в голове же, ведь голов у них нет. И перестаньте меня все время перебивать. Так вот, несмотря на все их возможности, это очень печальная страна, потому что я вообще не видел цели в их деятельности. Конечно, какое-то время я восхищался автоматами, иногда каким-нибудь ареантропом, который на значительном расстоянии уничтожал ненужный или мешающий каменный выступ или, наоборот, чудесным путем создавал какой-то предмет из ничего... Я осматривал их эллипсоидные залы, подземелья, в которых не видишь, но воспринимаешь все каким-то волшебным органом чувств, но я не улавливал смысла их действий, не видел цели, а одну лишь перегруженность поразительными деталями. Есть ли у них человеческие инстинкты? Чувствуют ли они? Любят ли? ненавидят? Зачем на Землю прибыло так поразившее нас со-

здание? Макмур, вы не задумывались над этим в своем «сне»?

— Нет, признаться, я был слишком ошеломлен, профессор...

— Скверно... Я не хотел поддаться страшной чуждости всего увиденного, чуждости, поражающей меня как человека, как ученого, как представителя Земли, наконец... Я хотел видеть сквозь нее, вне нее. Это было чрезвычайно трудно, ибо множество явлений я понять не мог. Как они живут? — вопрошал я. Ну, хорошо, я наблюдал, как они беззвучно передвигаются, и думал: быть может, я вижу лишь часть явлений. Ведь он, погрузив меня на Земле в свой марсианский мир, не мог наделить новыми средствами восприятия. Мы как бы видели в темноте, но я воспринимал это как некий импульс, активирующий кору моего мозга при закрытых глазах. Так происходит во сне. Но, думал я, может, они воспринимают как блаженство инфракрасное или, например, космическое излучение? Может, какое-то иное проявление материи? А если марсианину доступно чувство юмора, то ему мог бы показаться смешным вид курящего человека или пожирающего какую-то падаль, залитую вдобавок ее соусом и сваренную в грязной воде... Или, к примеру, футляры из ослиной и коровьей кожи на ногах, все эти наши одежды, сшитые в виде мешка, рассеченного к тому же спереди, с трубами для рук и ног... и так далее и так далее. Математика — да, техника — разумеется, но эти смехотворные штучки... Наши ежедневные увеселения, вроде стаканчика водки, ну, а проблема женщины, то есть вообще пола?

— И долго вы еще намерены пытаться нас, возбуждая любопытство? — проговорил Линдсей. — Пожалуйста, профессор, ответьте наконец на этот миллион вопросов.

— Дорогие мои, не думайте, будто я забыл о том, что наш друг, инженер Финк, сидит на третьем этаже и вынужден, похоже, выполнять приказы ареантропа, который что-то там творит... замышляет... не знаю, против ли нас, против ли человечества? Что мы можем сделать?

— Взорвать дом, — крикнул вдруг Фрэйзер. — Мины подложены под фундаменты с позавчерашнего вечера. Главный запал по указанию профессора питается не от сети, а от аккумуляторов...

— Только, пожалуйста, без меня, или вы хотите отправить всех на тот свет только потому, что профессору грезится героическая смерть? — с дрожью в голосе спросил Джедева-ни. Мне показалось, что он был в ярости.

— Успокойтесь и сядьте, — улыбнулся профессор. — Это уже в крайнем случае. Рубильник рядом. Я не забывал о нем ни на минуту. Благодарю вас, Фрэйзер. Он ведь был у меня под рукой в ту критическую минуту, когда марсианин отшиб у меня ум, прежде чем одним прикосновением послать нас всех на Марс.

— То есть? — крикнули мы, а я добавил: — Профессор! И вы не включили рубильник? Я б это сделал, ведь я шотландец!

— А я ждал, — сказал профессор. — Я рассуждал просто: зачем ему нас убивать? Какая ему от этого польза? Я уже знал, что он — чертовски умное создание и ему нет нужды нас убивать, потому как корысти ему с этого никакой, ничего плохого мы ему уже сделать не могли, а убивать ради удовольствия? Увы, я верю, что такое свойственно только человеку, — добавил он тише. — Я хотел испытать до конца чашу сию, и не сожалею. Не знаю, возможно, наш гость, используя несчастного Финка, готовит аппараты для уничтожения мира, возможно, они хотят всех нас прикончить, чтобы колонизировать Землю, ибо им у себя тесно.

Я встал.

— Хорошенькое дельце! А мы сидим себе и в ус не дуем. Нет, пока я еще могу хоть мизинцем пошевелить...

— Садитесь, садитесь! Почему же вы не пошевелили мизинцем утром? — сказал профессор. — Что делать, он сильнее нас. Вы обратили внимание: время для него — совсем не то, что для нас. Как я установил, ему понадобилось меньше секунды, чтобы записать два металлических цилиндра... И это еще не все. Коснувшись щупальцем — а это отняло у него всего несколько мгновений, — он погрузил нас в состояние поразительного сна или гипноза, содержание которого для каждого он создал и передал почти моментально. Наши мысли, дорогие коллеги, по сравнению с интеллектуальными процессами марсианина ползут как улитки. Разве вы не понимаете, что даже при всех прочих равных условиях он способен познать тысячи истин, пока мы познаем одну?

— Профессор, — сказал я, — мы знаем, вы правы. Он сильнее. Поэтому говорите, ответьте на вопросы, поставленные вами же.

— Друзья мои, — ответил Уиддлтон, — мне ужасно тяжело. Так просто что-либо уничтожить и так трудно потом исправить ошибку. Существуют различные истины: есть созидающие, но есть и разрушающие. Поэтому я в нерешительности...

— О чем вы? Я вас не понимаю. Они пьют кровь? Режут друг друга? Может быть, съедают? — сказал я. — Давайте, смело, профессор, нам это знакомо... Все это есть и на Земле, так чем же можно нас поразить? Смешно...

— Нет, дорогой друг, не смешно, а страшно, — возразил профессор, — ибо то, что я видел, разрушило мои представления о многом, может быть, обо всем. Внешне я вроде бы остался прежним, верно? Однако я отличаюсь от вас. Я уже знаю, в чем цель и смысл жизни. — Он замялся. — Я побывал в южном полушарии Марса, — сказал он и громовым голосом добавил: — Кто-нибудь из вас еще был в южном полушарии?

— Я видел то же, что и Макмур, — заметил Фрэйзер.

— И я, — подтвердил Линдсей. — Видел сеть каналов, заполненных какой-то жидкостью, машины... Говорите, профессор, говорите...

Старик наклонился, лицо у него побледнело.

— Да, я был в южном полушарии, — повторил он таким странным голосом, что мне стало не по себе.

— И что вы там, черт побери, видели?

Профессор раскрыл рот. В этот момент дверь отворилась и какое-то качающееся, трясущееся тело ввалилось в зал, сделало несколько шагов и повалилось на пол.

— Доктор! — крикнул я. — Доктор!

Он лежал без сознания. Из рассеченного лба текла кровь, рисуя темную полосу на бетоне.

Мы пытались привести его в чувство. Я вытащил у него из кармашка футляр с ампулами — все были разбиты. Он дышал очень поверхностно, хрипло. Удивительно, как ему удалось собственными силами добраться до зала.

— Где Бэрк? — спросил кто-то.

Никто не ответил.

Доктор открыл глаза и застонал. Из рта у него вытекло немного крови.

— У него внутреннее кровоизлияние, — испуганно сказал я. — Профессор!

Старик стоял неподвижно.

— Я не всемогущ, Макмур, не всемогущ... Боюсь, наш друг умирает.

Дыхание доктора то и дело прерывалось. Я расстегнул ему рубашку и увидел ужасные сине-красные вздутия на груди.

— Его душили! — крикнул я. — У него сломаны ребра!

Доктор снова раскрыл глаза, проблеск сознания засветился в них. Он разжал губы, на подбородок снова вытекла струйка крови и сползла к вырезу рубашки.

— Друзья... — шепнул он и сделал такое движение, словно хотел подняться.

— Он силится что-то сказать. Вам нельзя, не напрягайтесь! — воскликнул я, но доктор взглянул на меня так, что я сам же первый приподнял его, осторожно поддерживая голову. Он начал шептать, с перерывами, вызванными все более усиливающимся кровотечением.

— Взорвать... взорвать все... — прохрипел он. — Уничтожить его, немедленно, через минуту может быть поздно...

— Что случилось? Что с вами случилось, — наперебой спрашивали мы.

— Это Финк... это Финк... я видел... видел...

Что он сказал о Финке? Я ничего не мог понять.

Голова доктора становилась все тяжелее.

— Все мины, одновременно, сразу же, взорвать.

Доктор терял сознание.

— Он бредит, — сказал Фрэйзер.

Последняя яркая искра появилась в глазах доктора. Он выплюнул огромный сгусток крови из легких, задохнулся и произнес почти нормальным голосом:

— Немедленно взорвать весь дом, иначе всем верная гибель, — и добавил тише: — Это Финк... Финк...

Голова упала набок. Я взял его запястье: пульса не было.

— Он умер.

Мы постояли над мертвым телом. Что делать?

— Надо пойти наверх, посмотреть, что творится с Фин-

ком, и попробовать его спасти, — сказал профессор. — Потом мы взорвем здание. После того, что я узнал... Я думал, не ошибаюсь ли я? Хотел понять, по-человечески объяснить ту страшную картину, но теперь вижу, что был не прав. Это не были призрачные галлюцинации, все гораздо хуже: это реальность.

Он выпрямился и прежним сильным голосом сказал:

— Господа, кто пойдет наверх?

Вызвались мы с Линдсеем.

— С вас на сегодня довольно, — сказал Уиддлтон. — Вы уже ходили за газовыми гранатами и доктором, вы уже виделись с ареантропом, хватит. Пойдете вы, инженер.

Линдсей затянул потуже ремень брюк.

— Пистолет у вас есть? — спросил профессор каким-то странным голосом.

— Зачем мне пистолет? — поразился инженер. — Ареантропа пулей не возьмешь.

— Конечно, марсианина нет, наверняка нет... — сказал профессор, быстро подошел к одному из шкафов, немного покопался в нем и вручил Линдсею черный плоский браунинг. — Возьмите. На всякий случай.

Инженер минуту глядел на блестящее оружие, взвесил в руке, пожал плечами и вышел, освещая себе путь фонариком. Мы стояли в дверях. Фрэйзер остался у гранатометов, Джедевани — около «адской машины», а я и профессор вышли в коридор. Тишина стала напряженнее. Я не мог так вот просто стоять и ждать.

— Я пройду только до лестницы, — сказал я и сделал шаг.

Он остановил меня, сильно дернув за пиджак.

— Под честное слово, Макмур?

— Слово, профессор! — воскликнул я и побежал к площадке. Было видно в темноте, как слабый лучик фонарика забирается по маршам лестницы все выше и выше. Потом простучали шаги на уровне третьего этажа, я услышал, как тихо раскрылась дверь малого монтажного зала — и наступила тишина.

Кровь пульсировала у меня в висках, мышцы напряглись, я стоял в чернильно-черной тьме и считал: сорок пять, сорок шесть, сорок семь, сорок восемь, сорок девять, пятьдесят...

Неожиданно громыхнул выстрел. Я вздрогнул, подскочил к лестнице, но проклятое честное слово удержало меня. Второй выстрел, третий. И вдруг впервые в жизни волосы встали у меня на голове дыбом. Раздался вопль ужаса, рев ошалевшего от страха человека. Громкий, быстрый топот ног, над самой лестничной клеткой прогремел выстрел, резкий, душераздирающий крик ударил в уши. Я ощутил порыв воздуха, и какая-то темная масса свалилась на бетон в метре от меня.

Что-то мокрое и теплое брызнуло в лицо, я прыгнул вперед — из фонарика вырвался сноп света.

В желтом круге возникло разmozженное падением с третьего этажа, изуродованное, с вдавленной в плечи головой тело инженера Линдсея. Я узнал его по брюкам, а когда схватился за одежду и перевернул его навзничь, тут же отскочил, крикнув от ужаса. Глаза у Линдсея были вытаращены, из широко раскрытого рта торчал язык, который он откусил, падая, кровавая пена заливала лицо. Я услышал шаги — это был профессор.

— Я боялся этого, — остановившись у меня за спиной, шепнул он. — Этого я боялся.

— Что случилось, профессор? Марсианин спятил?

Профессор долго смотрел на меня.

— Милый мой мальчик, — сокрушенно сказал он наконец, — не от марсианина бежал Линдсей так, что потерял ориентацию и упал с лестницы, пролетев два этажа... И не марсианин поломал доктору ребра.

— А кто? — спросил я, чувствуя, как замирает сердце.

— Финк, — сказал профессор, развернулся и пошел во тьму. Я — за ним. В зале профессор объяснил Фрэйзеру и Джедевани, что произошло.

— Финк? Не может быть! Он обезумел?

— Нет, он не сошел с ума. С ума может сойти человек. Мальчики мои дорогие, — не сердитесь, что так называю вас, — Финк уже не человек. Давайте устанавливать взрывные капсулы, добавим газовые гранаты, пусть все разнесет в клочья. Так надо.

— Значит, сдаемся, профессор?

— Не думайте, что из-за потери друзей. Нет. Только потому, что я уже знаю это существо на третьем этаже. Оно и

ему подобные не имеют права на существование. Не нужна нам ни их мудрость и знания, ни их холодное, страшное совершенство.

— Я не понимаю, профессор.

— Сейчас не время для разъяснений, Макмур. Подсоединяйте провода.

Под руководством Фрэйзера мы подвели дополнительные взрыватели ко всем газовым гранатам и бризантным снарядам и вышли из зала, разматывая за собой шнур электрозапальника.

Мы покинули здание через парадный подъезд — я ждал на ступенях с катушкой провода, а Джедевани побежал в служебный домик за шофером. Это был первый приказ, который он выполнил с величайшим желанием и быстротой. Уже через минуту подъехал знакомый мне черный «бьюик», которому предстояло отвезти нас в город.

— Бэрк, — распорядился профессор, — подъезжайте к концу пруда и ждите нас там.

Шофер, который, казалось, ничему не удивлялся, включил стартер. Мотор заворчал, и вскоре задние красные огоньки лимузина исчезли в ночном мраке.

Было довольно холодно и влажно. Профессор шел первым, мы трое — за ним, причем я нес катушку, с которой сматывался провод.

Когда мы отошли метров на триста, провод кончился. Мы залегли в сухой меже, разделяющей поля. Я включил фонарик, а Фрэйзер подсоединил концы проводов к специальному ключу с широкой рукояткой и молча, не произнеся ни слова, подал его профессору. Я глянул в сторону дома. Он был совершенно темный, почти невидимый, только крыша с горбом купола выделялась на фоне более светлого неба. На третьем этаже, в крыле, виднелись три слабо освещенных окна. При мысли, что там находится ареантроп и Финк — какой-то совершенно незнакомый, страшный инженер Финк, который не сошел с ума, но убивал своих друзей, я почувствовал, как по спине прошла дрожь. Профессор велел нам прижаться головами к земле и повернул рукоятку.

Гигантская красная вспышка расцвела во тьме. Раздался глухой рокот взрыва, а вслед за ним дробью посыпались оче-

реди других, хруст и треск ломающихся перекрытий, скрежет и дязг падающих машин, грохот разваливающихся и рушащихся в языках пламени стен. Наконец огромное, прекрасное здание превратилось в колоссальную, все еще дымящуюся, стреляющую в небо языками пламени осыпь.

Потом наступила тишина. Лишь с тихим шумом падали на траву мелкие капли дождя.

Профессор медленно поднялся.

— Друзья, мы закончили свою работу. Какой же это печальный конец! Трое крупных ученых заплатили за нее жизнью. Узнали мы что-нибудь? Да, одну, мне кажется, истину. Планеты — чужды друг другу. Не так чужды два человека — один из жаркой Австралии, другой — с полярных льдов. Не так чужды друг другу человек и зверь, птица и насекомое. Их нечто объединяет и связывает. Они выросли под одним небом. Дышат одним воздухом. Их обогревает одно солнце. Общие истины? Да, есть и общие истины. Но у каждого есть и своя, пригодная только для него. Тут суть, дорогие мои, не в цене открытия. Суть в его высшем смысле. Что еще мы узнали? Вырвали мы у пришельца тайну преобразования материи? Нет. Так, может быть, мы узнали что-то о нас самих? Какую-то новую истину? Увы, да. Я ее познал. И зачем она мне, эта истина? Друзья мои, я изменил решение: я не скажу вам ничего. И вы должны чувствовать не любопытство, обычное несчастное человеческое любопытство, а испытывать благодарность ко мне. Благодарность за то, что я ничего не сказал и не скажу. Ибо марсианин — чудовищное существо. Он знал, что я руковожу вами, знал, что я — самый сильный. И подумал: «Чтобы его уничтожить, мне достаточно захотеть. Но какой мне от этого прок? Никакого! Нет, я его сломаю. Открою ему глаза на то, о чем он даже и подозревать не мог». Так он и поступил. Друзья мои, я хочу верить, что Марс уже никогда больше не покусится на овладение Землей. Там вылупился и вырос в плазме, экранированной сталью, разум, которому чуждо любое чувство. Да, им чужды ненависть, уныние, злость, гнев, ярость, но столь же чужды и добро, дружба, радость, любовь. А что влечет человека к науке, к познанию, если не любовь — любовь к истине? Что может сделать человек, не знающий любви?

Земными словами рек апостол Павел: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий»*. Да, это слова человеческие. И я горжусь этим. Друзья, нам необходимо забыть. Невозможно объяснить людям то, что вы пережили, так как же могу сделать это я, тот, кого подверг тяжчайшему испытанию пришелец из другого мира?

Профессор замолчал. Наши одежды намokли от дождя. Влажный ветер донес запах гари. Небо на востоке начало сереть.

— Профессор Уиддлтон, — сказал я, — если не хотите сказать, какие страсти продемонстрировал вам этот тип с Марса на своей планете, то скажите хотя бы одно: он одержал над вами верх? Одолеп вас? И ради Бога, что произошло с Финком?

— Одолеп ли он меня... — тихо сказал профессор. — Два эти вопроса связаны так тесно, как вы даже не подозреваете. Вот Финка он действительно одолеп. Там, наверху, действовал ведь не Финк под гипнозом, не Финк в каталептическом состоянии, не Финк безумный... Внешне это был Финк — не наш друг-инженер, а нечто с его телом, его руками и ногами, в его одежде. И при этом «оно» не было инженером Финком.

— Что такое? — остолбенел я. — Что это значит?

— Да, да, вы удивлены...

— Ну, хорошо, тогда что марсианин с ним сделал?

— Не знаю точно, только догадываюсь на основании увиденного. Ареантроп что-то изменил в нем, что-то отнял, а взамен дал что-то другое.

Я был совершенно заморожен.

— Так что же он отнял и что дал? — спросил я. — Может быть, это была душа? И он переправил ее на Марс?

— Напрасно вы с такой язвительностью произносите слово «душа», — тихонько сказал профессор. — Нет, это была не душа. Я не могу сказать, дорогой мой, ибо это как раз и относится к тому, о чем мне говорить нельзя. Но отвечу так: во-первых, он меня не одолеп, не сломал. В самую тяжелую, самую трудную минуту я вспомнил, кто я есть и кого

---

*1 Кор. 13:1.

люблю. Может быть, это меня спасло. Необходимо, чтобы в тебе было хоть немного веры... Хотя лучше, чтобы она была и в тебе, и в других. Только тогда можно что-либо совершить. А во-вторых, попытаюсь пусть не объяснить, но сделать чуть-чуть понятнее проблему инженера Финка. Вы знаете, что можно по собственному желанию приводить в движение мускулы тела. Верно?

— Конечно.

— Ну, хорошо, а как это делается?

— Разные есть теории, — ответил я, — но, насколько я знаю, механизм «желания», воли не известен.

— Не известен вам, но не мне, чтобы быть точным, — сказал профессор. — И слава Богу. Но иногда, когда вы спокойно лежите, бывает, что тот или иной мускул нет-нет да самопроизвольно сократится, вздрогнет, и вы можете это видеть. Так?

— Случалось, — ответил я. — Думаю, такое бывало с каждым.

— И кто же действует в этом случае?

— О, знаю, — сказал я. — Возможно, молочная кислота образовалась в какой-то мышце или в коре головного мозга какой-нибудь прибудный ток пощекотал соответствующий центр...

Профессор кивал и улыбался.

— Неплохо, неплохо. Но все далеко не так просто... Если вы знакомы с различными теориями, объясняющими деятельность мозга, то должны знать, что некоторые ученые именно в таких токах и раздражениях усматривают причины произвольных движений.

— Ну, да, конечно. Но есть и другие...

— Оставим их в стороне, чтобы не разбрасываться. Итак, то, что некоторые именуют произвольным механизмом, иногда действует не только помимо нашей воли, но даже наперекор ей. Я, конечно, говорю не о сокращении утомленных мышц, тут дело ясное, а о колебаниях мышц совершенно нормальных во время отдыха...

Стало быть, все выглядит так: если эту произвольно сокращающуюся мышцу считать как бы аналогом инженера Финка до произошедшего с ним несчастья, то ту, другую, которую вы видите в действии, удивляясь, что она ни с того

ни с сего сжимается, работу которой вы чувствуете, хотя происходит это совершенно помимо вашего желания, — такую мышцу можно назвать аналогом Финка после всего случившегося.

И глядя при свете наступающего утра мне в лицо, видимо не очень-то отмеченное мудростью, он добавил:

— Понимаете, Макмур, я не могу вам сказать ничего больше, не сказав при этом всего... А этого мне делать нельзя.

Уже почти совсем рассвело. Профессор обратился к нам:

— Прежде чем пойти к машине, надо осмотреть развалины. Если даже, как я надеюсь, конус уничтожен, то не исключено, что центральный шар, пузырь, уцелел. А это как раз и есть то страшное творение... Мертвая-то материя в чем виновата?

— Профессор, — спросил я, — вы считаете, что шар сам, без аппарата-носителя, способен восстанавливать все ему необходимое? Такой бессильный... пузырь?

— Не хотел бы я иметь такого «бессильного» противника, даже если б за мной стояла вся армия Соединенных Штатов, — сказал профессор. — И перестаньте у меня выпытывать, все равно ничего больше не скажу.

Мы двигались по тяжелой, мокрой траве. Я первым прошел через разрушенный взрывом подъезд и стал карабкаться по обломкам. Чудовищная сила взрыва погнула тяжеленные профилированные фермы из массивной стали, размозжила головки моторов, разбила на части монолитные блоки железобетона.

Неожиданно я увидел под обломками что-то черное — и подошел ближе.

Это было оторванное щупальце чудовища.

— Не прикасаться! — крикнул профессор. — Его плазма — смертна, его злость — нет.

Я продолжал искать. Увидел что-то вроде погнутого колпака конуса, но не был уверен, что это действительно он. Потом нас окликнул Фрэйзер — втиснутый между кирпичами, торчал обрывок пиджака Финка. Мы бродили по развалинам, от которых все еще несло хлором газовых гранат. Наконец профессор сказал:

— Все это впустую. Я прикажу залить руины несколькими сотнями галлонов бензина и поджечь. Тогда, если даже

ядро выжило при взрыве, оно будет уничтожено пламенем, — и маленький, черный, сутулый, он двинулся к выходу. Перепрыгивая с камня на камень, мы шли за ним по осыпающимся под ногами обломкам.

Мы молча отправились в путь, поглядывая по сторонам. Неподалеку, справа, раскинулись зеленые непрозрачные воды пруда. Наконец за поворотом появился автомобиль — черная точка на серой ленте автострады. В тот же момент небо на востоке вспыхнуло красным и золотым и первый сноп солнечных лучей, словно торжественный огненный салют, пронзил голубизну. Низкие тучи быстро разбежались, отсвечивая кремовым и белым. Лица овевал ветер, насыщенный водяной пылью из пруда.

— И он хотел все это у нас отнять... — шепнул профессор. Верно ли я его понял? Спрашивать не было смысла.

Мы молча добрались до черного тяжелого «бьюика». Бэдж выскочил из машины и отворил нам дверцы. Мы сели. Дверцы захлопнулись. Несколько секунд скрежетал стартер, пахло дымом.

Машина дрогнула и покатилась в сторону Нью-Йорка.

Конец света в восемь часов

американская сказка

Редактор «Ивнинг стар» просматривал еще влажный от типографской краски номер своей газеты. Весьма благосклонно прочел передовицу собственного сочинения, с одобрением пробежал глазами раздел спорта и новости дня, поморщился лишь при чтении последней полосы. Снимок, запечатлевший собрание Клуба бывших сенаторов, напоминал скопище раздавленных на бумаге тараканов.

— Ну и клише, черт побери! — буркнул редактор, непроизвольно протягивая руку к внутреннему телефону. Однако тут же решил, что для разговора с техническим редактором в комнате, пожалуй, чересчур жарко, и вместо того чтобы снять трубку, нажал кнопку кондиционера. Его глаза, безразлично скользнув по колонкам финансовых сообщений, неожиданно загорелись и расширились. Редактор ахнул, наклонился и стал читать набранную жирным шрифтом статью «Пролитая кровь». Через минуту-другую хватил ладонью по столу, подскочил, расстегнул воротничок сорочки и, пробежав глазами еще с десятков строк, всем телом навалился на внутренний телефон.

— Алло! Секретариат! Мисс Эйлин? Пришлите ко мне Роутона. И не говорите, что его у вас нет. Целыми днями любезничает, вместо того чтобы добросовестно работать! Он должен быть у меня немедленно, вы поняли?

Не дожидаясь ответа, редактор снова взялся за статью.

Koniec świata o ósmej, 1947

Перевод Е.Вайсброта, 1997

Бормоча проклятия, он еще раз перечитывал ее, когда слышался стук в дверь.

— Войдите! С каких пор вы начали стучаться и что все это значит? — хлопнул он рукой по раскрытой газете. — Вот удружил! Вот спасибо!

Роутон был невысок. На сероватом и словно засушенном лице светились холодные сонные глазки. Репортер был одет в серый костюм. Серая шляпа, казалось, приросла к волосам. Он жевал резинку так медленно, словно засыпал.

— Шеф! Что с вами? Печень пошаливает?

— Прекратите! Почему в судебном репортаже вы написали, что эта баба пускала его к себе?

— Вы же говорили, что последнее время у нас редко появляются пикантные, острые вещи.

— Замолчите, не то у меня все взорвется. И ради остроты вы превратили восьмидесятилетнюю старуху в любовницу убийцы?

— А кому от этого хуже? Ему все равно болтаться, а она накрылась, так что жаловаться не будет.

— А газеты? Облают нас, поизмываются...

— Бизнесмену плевать на клевету конкурентов. Вы сказали — полить соусом, добавить немножко салтыца; получайте и салтыце, и соус. Я еще довольно деликатно поступил, потому что написал, будто этот душегуб искренне любил ее.

— Довольно! Перестаньте! Запомните одно, — редактор принялся ритмично бить ладонью по столу, — если вы еще хоть раз так подведете газету (ведь судья знает, как обстояло дело, и может прислать опровержение), то вылетите отсюда в двадцать четыре... секунды! Сенсации надо организовывать, а не придумывать! Ф-фу, ну и жара! — Редактор отер пот со лба. — Довольно об этом! У меня для вас есть работа.

Роутон сел в кресло, облокотился о письменный стол и потянулся к небольшой шкатулке, в которой редактор хранил сигары. Помял одну, другую, наконец выбрал хорошо свернутую, отгрыз конец, щелкнул зажигалкой и погрузился в кресло, приняв как можно более независимую позу.

— Я даю вам шанс, — начал редактор. — Солидный шанс. Я узнал кое-что интересное. Это может стать золотой жилой. Пустим все машины, тираж увеличится. Только на

этот раз вам придется поработать головой. И никаких измышлений! Слышите?! — закричал он, потому что репортер прикрыл глаза и выпускал дым с таким блаженным и отсутствующим выражением лица, словно сидел на палубе собственной яхты. — Итак, мотайте на ус. Через несколько дней должна состояться конференция физиков, посвященная открытию профессора Фаррагуса. Речь, кажется, пойдет о невероятном изобретении — лучах смерти, ракетах, Луне или о чем-то там еще. Не известно о чем, но конференция совершенно секретная. На ней будет всего около тридцати ученых. Пресса не допускается, слышите?

— Слышу.

— Вы должны туда попасть. Только без ваших штучек!

Он сурово взглянул на репортера, который, сидя с закрытыми глазами, ничего не заметил.

— Не ждите, что я стану гадать вам на картах. Придется соображать самому. Действовать надо культурно — насколько это в ваших силах — и дипломатично. Газета горит, вы и сами знаете. Это наш общий шанс. Ну, Роутон...

Репортер молча протянул руку, которую редактор попытался было сердечно пожать, но сей акт дружелюбия не достиг цели. На лице у Роутона отразилось неудовольствие. Он погасил сигару, спрятал ее в плоскую жестяную коробочку, служившую портсигаром, и снова принялся жевать резинку.

— Шутки в такую-то жару? — сказал он. — Только без сантиментов, шеф. Я думал, вы мне даете чек.

— Чек! А вы знаете, куда ехать? Идите сюда.

Они подошли к большой карте, висевшей на стене. Редактор обвел красным карандашом маленький кружочек.

— Вы поедете прямо в Лос-Анджелес. В восточном пригороде находится Центральная исследовательская станция физического факультета университета. Там вы должны разузнать, где и когда будет проходить конференция.

— А кто будет платить? Мормоны?

После долгих поисков редактор извлек из кармана тощую чековую книжку и принялся выписывать чек. Когда настала очередь проставить сумму, он замялся.

— Смелее, смелее, — ободрил его Роутон, — вы знаете, сколько стоит самолет до Лос-Анджелеса? Не стану же я терять время на поезд! А какая там дороговизна!

Он взглянул на чек, словно бы беззвучно присвистнул и, не снимая шляпы, почесал в голове.

— Да такой суммы мне в случае чего даже на аптеку не хватит, — заметил он. — Ну, ладно, скажем, это на дорогу. Теперь выпишите мне мой гонорар.

Редактора Салливэна, казалось, поразила столь неслыханная наглость.

— Гонорар? А за что? Откуда я знаю, не кончите ли вы свое путешествие в каком-нибудь полицейском участке? Сделайте из этого сенсацию и тогда получите... получите...

— Три кругленьких, — подсказал репортер.

Шеф поперхнулся. Улыбающийся Роутон молча повернулся к двери.

— Впрочем, — добавил он в глубоком раздумье, — в «Чикаго сан» мне дали бы, сколько я пожелаю. Они там купаются в долларах.

Доконав редактора этими страшными словами, он осторожно прикрыл за собой дверь.

Назавтра в полдень Салливэн, просматривая почту, увидел телеграмму, подписанную буквой Р, и поспешно вскрыл ее.

ПРИЕХАЛ СТРАШНАЯ ДОРОГОВИЗНА ОГРОМНЫЕ РАСХОДЫ ПРИШЛИТЕ ДЕНЕГ —

с помощью электрических сигналов сообщал прыткий репортер.

Салливэн поднял трубку внутреннего телефона.

— Алло! Мисс Эйлин, телеграфируйте, пожалуйста, Роутону, Лос-Анджелес, 33-я авеню: «Как тетка? Зачем деньги? Салливэн». — Записали? Прошу молнией.

Под вечер Салливэн забежал в редакцию. Его уже ждала телеграмма. Как оказалось, секретарша, питавшая слабость к репортеру, послала телеграмму с оплаченным ответом, поэтому на бланке было десять слов:

ТЕТКА УГАСАЕТ ЕДИНСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ ДЕНЬГИ ДЕНЬГИ ДЕНЬГИ ДЕНЬГИ ДЕНЬГИ ДЕНЬГИ

Салливэн застонал и схватился за сердце, рядом с которым покоилась чековая книжка.

Обосновавшись для начала в небольшой гостинице, Роутон принялся кружить по университетским корпусам. Прежде всего он старательно пришил к лацкану пиджака несколько орденских ленточек и вставил в петлицу значок известной бейсбольной команды. Это помогало при установлении контактов со студентами и лаборантами.

Учебный год начался недавно, и толпы молодежи заполняли коридоры старых кирпичных зданий, окруженных купами вековых лиственниц. Репортер сосредоточил все внимание на здании физического факультета. Быстренько достал расписание лекций и даже — невероятно! трудно поверить! — готовился записаться на первый курс. Он старательно изучал все объявления, развешанные на стенах, не исключая и тех, в которых сообщалось о поисках комнаты с незапирающейся дверью или напоминалось о необходимости возвратить книги, взятые перед каникулами в университетской библиотеке.

На подобные занятия он потратил два дня, но все еще не напал на след. Он рассчитывал, что на время конференции профессор отменит лекции или лабораторные работы; однако заседание могло произойти в какой-нибудь свободный день или в воскресенье, а похоже, так оно и было, потому что никакого объявления, отменяющего лекции, Роутону обнаружить не удавалось. Вдобавок ко всему оказалось, что Фаррагус читает только по вторникам и четвергам. Роутон пошел на его лекцию по волновой механике и благодаря своей железной воле выдержал два часа абсолютно невразумительного брюзжания (как он со злости окрестил лекцию профессора) только затем, чтобы с передней скамьи вперять в старого ученого горящий энтузиазмом и умом взгляд да усердно записывать в специально припасенной тетради математические формулы, впрочем, в весьма вольной интерпретации.

После лекции он подошел к кафедре и робко спросил (хороший репортер, если это потребует, может изобразить даже робость), не согласится ли профессор принять его завтра во второй половине дня и поговорить об одной идее, недавно пришедшей ему в голову.

— Я напал на эту мысль при изучении вашего труда «Трансмутация стереометрических инвариантов общей теории поля», — выпалил он без запинки название работы Фарагуса, которую несколько часов назад листал в университетской библиотеке.

Старый профессор заинтересовался любознательным студентом и, несмотря на то, что явно спешил, начал оправдываться: «Нет, я не могу встретиться с вами завтра, так как принимаю экзамены».

— Тогда, может быть, в пятницу, — попросил Роутон, всем существом выражая глубочайшее разочарование и подавленность.

— Увы, и в пятницу тоже нет. Утром я должен готовиться... у меня будет этакое небольшое... в общем, хм, у меня не будет времени, да и вторую половину дня я занят. Разве что поздно вечером, но не могу ручаться, когда кончится... когда я вернусь домой. Может быть, в субботу вы придете ко мне в лабораторию?

Сияющий Роутон поблагодарил, договорился на субботу и, посвистывая, присоединился к толпам студентов, снующим по лестницам.

«Честный старикан, все как на ладони, — думал он, — голову даю на отсечение, что заседание будет в пятницу после обеда. Даже обидно, что все так просто получилось. Дай Бог, чтобы так шло и дальше. Однако на всякий случай надо проверить».

Он кометой облетел лаборатории, мастерские и аудитории факультета. Оказалось, что все занятия, назначенные на вторую половину дня в пятницу, были перенесены на субботу или понедельник. Что это могло значить? Только то, что у доцентов и профессоров это время было занято — а чем?

«Либо та самая конференция, либо я круглый идиот», — подумал Роутон и в награду за собственную проникательность устроил себе отменный обед за счет Салливэна. Он и так уж достаточно сэкономил, перейдя из гостиницы в комнату, снятую у вдовы покойного мексиканского политика; это, собственно, была клетушка, заполненная старой мебелью, в основном креслами-развалюхами, полными клопов. Но, снимая комнату, Роутон об этом не знал. Бессонные ночи способствовали разработке плана действий, и, доведен-

ный до отчаяния стойкостью насекомых, с которыми делил ложе, Роутон прохаживался по комнате в лунном свете, бор-моча:

— Будут три математика, восемь физиков и один химик. Кроме того, наверно, съедутся специалисты из других городов. Теперь — как же туда пролезть?

Сначала у него было серьезное намерение появиться перед уважаемым собранием под видом почтенного индийского ученого в чалме, с выхоленной седой бородой в завитках, в золотых очках и с негром, держащим над ним опахало. Но это была, по его собственным словам, совершенно идиотская мысль. Клопы не давали ему глаз сомкнуть, интенсивно ускоряя созревание нужной концепции, и поэтому уже в три часа утра она выкристаллизовалась и приняла окончательный вид.

Битва началась — оставалось только воплотить идеи в жизнь, но это казалось Роутону уже мелочью. Он принялся изучать свои записи, сделанные в университете. Туда были занесены привычки и характеры всех сотрудников факультета. Он знал, что профессор Фаррагус — самый старший из них, что он старый холостяк, живет вдвоем с таким же старым слугой в маленьком розовом домике, стоящем в тени больших каштанов в километре от здания физического факультета. Из соответствующих рубрик можно было узнать (он слышал это от студентов), что иметь с профессором дело следует только при высоком положении барометра, ибо при пониженном давлении он как подагрик и ревматик мучается от различных болей и становится совершенно несносным и бесчеловечным. Вообще-то — в этом все студенты были единодушны — Фаррагус относился к разряду экзаменаторов-мучителей и обладал прекрасно сохранившимся, несмотря на возраст, темпераментом холерика.

Взвесив все это, репортер появился возле профессорского домика около семи утра, неся под мышкой портфель, содержимое которого было в состоянии распалить даже не особенно буйную фантазию. Там в удивительнейшем соседстве лежали рядом: второй том «Теории ядерных сил» Эфферсона и Уэбстера, справочник «Как разводить кур», пачка жевательного табака, наручники, удостоверение контролера Водопроводной компании в Милуоки, три карты, кусочек

мела, пустое пластмассовое яйцо, а также очень тяжелый, обернутый грязным носовым платком сверток, в котором находились резиновая, покрытая свинцом перчатка из тех, которыми пользуются рентгенологи, и герметически закрытый, тоже свинцовый, тубик с надписью: «Радиоактивный изотоп йодистого калия — только для употребления в закрытых лечебных учреждениях».

Вооруженный таким образом, Роутон прибыл в пригород, где стояли домики университетского городка, прежде всего убедился, что жалюзи на окнах фаррагусовского дома еще опущены, после чего забрался в сад и принялся уничтожать яблоки, которые он по дороге срывал с чрезмерно отягощенных ветвей, свисающих через забор.

Только он управился с этим здоровым, хотя и несколько однообразным завтраком, как показался профессор, направляющийся к себе на факультет, как обычно, в семь тридцать. Это был высокий, худой сутуловатый старик; лицо у него было крупное, синеватое, с обвисшей кожей. Ничего не подозревая, он продефилировал перед сидевшим в кустах репортером. Когда он исчез из поля зрения, Роутон выкопал перочинным ножиком небольшую ямку в земле, посадил в нее несколько яблоневого зернышек и, пригладив волосы, ринулся в бой, а проще сказать, направился к старому слуге. Этот на первый взгляд добродушный старичок с роскошными седыми бакенбардами, великолепно оттенявшими его свежие румяные щеки, медленно прохаживался по небольшому садику вокруг дома и поливал цветы. Роутон двинулся к калитке, как крейсер с двойной броней.

— Добрый день, — начал он, перегибаясь через изгородь.

Сейчас он напоминал худого серого кота-забияку, лаптящегося к кому-то.

— Добрый день.

Голубые глазки старого слуги удивленно остановились на чужаке.

— Господин профессор у себя? — спросил Роутон.

— Нет. Пошел на лекции. Он всегда выходит в это время.

— Я имею удовольствие говорить с его братом?

Слуга проглотил наживку достаточно легко. Роутон понял это по жесту, которым старик отставил лейку.

— Нет... я веду хозяйство господина профессора. А что вы хотели?

Репортер прекрасно знал, что старый слуга до прошлого года был лаборантом на кафедре физики. Когда из-за преклонного возраста он уже больше не мог переносить аппараты и помогать профессору во время демонстрации опытов, Фаррагус, четверть с лишним века читавший лекции в университете, взял его к себе, предварительно с великим скандалом выдворив свою экономку. «Профессор — сущая горчица, — подумал репортер, — а этот старичок — бальзам для ран, на мое счастье».

— Речь идет о чрезвычайно важном деле, — сказал он громко и добавил: — Я из Федерального бюро расследований, командирован госдепартаментом в Вашингтоне.

Слуга поспешно пригласил высокого гостя войти. Спустя минуту в прелестной небольшой беседке среди цветов Роутон, как это пристало истинному демократу, уже сердечно беседовал со слугой. Видимо, это не унижало достоинства Чрезвычайного правительственного уполномоченного.

— Я, собственно, прибыл, хм, в связи с тем... мероприятием, которое состоится завтра, — сказал он. — Не знаю, вы в курсе? — добавил он быстро, как бы сожалея, что проговорился.

Старый лаборант разгладил седые бакенбарды.

— В курсе. Я знаю обо всем. У господина профессора нет от меня тайн. Мы живем бок о бок вот уже семнадцать лет, — добавил он конфиденциально. Это «мы живем бок о бок» особенно понравилось репортеру.

— Ну, прелестно. И вы знаете, где будет происходить заседание?

— А как же!

Репортер изобразил недоверие.

— Вам профессор и это сказал? Боже мой, но это же почти государственная тайна! И вы в состоянии разобраться в столь сложных вопросах? Хотя... видимо, да... если вы присматриваете за таким знаменитым человеком, как Фаррагус...

Слуга все нежней гладил седые бачки.

— Оно, конечно... кое-что знаю. При покойном господине ректоре Ховерье, который читал основы теории относи-

тельности... а в то время это было внове... я служил препаратором. Потом, когда к нам пришел Тарлтон, — тот, что сейчас доцентом в Нью-Йорке, — я уже сам был на кафедре с тремя помощниками. Ну, а через девять лет приехал мой профессор... тогда еще ассистент. Нервный... ужасно. Обмакнул мел в чернила и написал на резолюции декана наискосок: «Не согласен». А ведь ему тогда еще не было и тридцати...

— Зачем в чернила? — спросил репортер, лишь бы что-нибудь сказать: он слушал одним ухом.

— Не знаю — видно, чтобы получше писалось. Очень способный, так быстро защитил диссертацию. Я ему помогал. А как читал лекции! Когда он говорил о матричном исчислении, то даже с других факультетов студенты приходили, а таких демонстраций, как у нас, ни у кого не было.

— Ну, да, да, — сказал репортер, даже глазом не моргнув. — А как с этим открытием профессора? — закинул он удочку.

Рыбка клюнула.

— О, знаете ли, это великое, величайшее дело...

— Что, вам известны подробности? Нет, ни за что не поверю. Ведь все это очень сложно...

Старик скромно улыбнулся.

— А интегральное или матричное исчисление, вы думаете, проще? Но ведь люди и в этом разбираются. Во время экзаменов ребята, бывало, меня всегда просили: «Джон, станьте рядом с дверью и, когда профессор раздаст задания, подсказывайте... помогите сделать работы... а то... а того...» Хи-хи-хи... да, да, было, было... но, но зачем же вы все-таки приехали, позвольте спросить? Не станете же вы ждать профессора?

— Разумеется, нет. Я приехал, видите ли... Есть данные... подозрения, что профессору угрожает некая опасность.

— Что вы говорите? — испугался старый лаборант.

— Увы, да. Так я, видите ли, как бы это сказать... разведать, как и что. На этой конференции не будет никого, кроме ученых, правда? — неожиданно резко спросил он.

— Нет... профессор говорил, что только одни специалисты.

— От прессы, надеюсь, тоже никого? Эту голь пускать не следует.

— Вероятно, да.

— Дело в том, — сказал репортер, — что за профессором необходимо установить наблюдение. Он возьмет с собой на заседание какую-нибудь папку или что-нибудь в этом роде?

— Да... бумаги... наверно, свою работу.

— Я ее-то и имею в виду, — сказал репортер. — Это очень важно. А где машина профессора? Не пойдет же он так далеко пешком?

— То есть как далеко? Вы не знаете города? Ах, правда, вы же приезжий! У нас нет машины. Профессор машин не любит.

— Мне придется осмотреть дорогу... — сказал как бы про себя репортер. — Так как же мне туда пройти?

— Куда?

— Ну, на завтрашнюю конференцию?

— Вы не знаете, где физический факультет? — с нескрываемым удивлением спросил слуга.

— Ах да! Столько забот в голове! Знаю, знаю, видел на плане.

Слуга принялся долго и пространно объяснять, рисуя пальцем на столике, а репортер лихорадочно размышлял.

«Что делать? Сам не понимаю, как мне в голову пришла идея с госдепартаментом... Теперь придется ехать на этой лошадке, сколько удастся».

— Простите, — сказал он серьезно, почти угрюмо, — я вижу, что имею дело с человеком разумным, интеллигентным и что вы осознаете, какую ценность представляет профессор Фаррагус для нашей отчизны. Поэтому скажу вам все... Нашему департаменту стало известно, что шпионы иностранных держав пытаются слям... пардон, выкрасть плоды трудов профессора. Самый опасный момент будет завтра, когда профессор явится на конференцию. Они могут вмонтировать в стену микрофон, либо подложить бомбу с часовым механизмом, либо при помощи водопроводных труб впустить некую пластическую субстанцию...

Репортер неожиданно осекся, так как, болтая, что ему на ум взбредет, вдруг сообразил, что его собеседник знает физику.

— Поэтому, — быстро покинул он опасную зону, — наш департамент хотел сначала дать знать профессору обо

всем и прислать несколько человек для охраны в критический момент, но мы опасались, что профессор недооценит предупреждения. Вы же его знаете... а? Однако мы не можем допустить, чтобы такому человеку что-либо угрожало, и поэтому я был послан сюда самолетом со специальными полномочиями. Хорошо, что я встретил именно вас. Профессор необыкновенный человек, но очень уж того... нервный, правда?

— Ох, да, — вздохнул слуга, — он очень добрый, но уж если что-нибудь решит, то на своем настаивает, а когда разгневется — не приведи Господь.

— Вот именно. Мы об этом прекрасно знаем. Это наша обязанность. Так вот, мне необходимо присутствовать на конференции, потому что я обязан непрерывно следить за профессором, но он не должен об этом знать. Понимаете?

— Понимаю... — Теперь лаборант оттягивал свои бакенбарды и накручивал их на пальцы. — Оно, конечно, надо бы, но...

— Какие могут быть «но», если речь идет о важном деле! Когда профессор выйдет завтра из дома?

— В шесть вечера.

— Ага. Ну, конечно, раз конференция начнется в шесть тридцать.

— Нет, в шесть сорок пять.

— Да, да. Я оговорился. Профессор знает своих коллег в лицо, поэтому я должен укрыться в зале, чтобы меня никто не видел, понимаете? Я возьму с собой специальный аппарат и автоматический револьвер. — Репортер хлопнул по оттопыривающемуся заднему карману брюк, в котором лежал футляр от зубной щетки.

— Так что же нам сделать?

— Вы случайно не знаете кого-нибудь, кто мог бы меня впустить в зал?

— А, правда! Ну, конечно! — обрадовался слуга. — Конечно, знаю. Стивенс! Он сейчас старший лаборант в корпусе. Все ключи у него.

Репортер встал.

— Так что же, профессор сегодня после обеда не придет домой?

— Нет... будет у сестры в городе. Вернется только к ночи.

— Прекрасно. В половине шестого я буду тут с машиной и отвезу вас на факультет, там поговорим с этим, как его? Сти...

— Стивенс, Стивенс. Он был помощником лаборанта на кафедре еще год назад.

— Вашим подчиненным?

— Ну да.

— Стало быть, я приеду на машине и заберу вас, — повторил репортер, небрежно встал, приложил пальцы к шляпе и быстро вышел на дорогу. Слуга удивленно смотрел ему вслед. Такое случилось с ним впервые в жизни.

Тихо посвистывая, в радужном настроении, репортер доехал автобусом до города, оплатил в гараже прокат автомобиля на два часа, выбрал черный как ночь «бьюик» и поморщился, увидев в вазочке несвежие цветы. Наконец, сунув в зубы тридцатицентовую сигару, уселся за руль и что было сил погнал за город.

Опускались первые осенние сумерки, когда тормоза огромной машины завизжали перед домиком профессора. Возбужденный ожиданием необычной поездки, старый слуга уже сидел на скамейке в садике, одетый в свой лучший костюм. Репортер ждал в машине, пока слуга закроет все двери в доме и выйдет к нему. Наконец тронулись.

Со Стивенсом все прошло гладко. С огромным уважением он рассматривал Чрезвычайного правительственного уполномоченного по особо важным делам.

Когда они расположились в малюсенькой комнатке, дежурке лаборанта, и старый слуга изложил Стивенсу суть дела, неожиданно молчаливый джентльмен с сигарой открыл портфель, выхватил из него черное удостоверение с золотым гербом на обложке (такие роскошные удостоверения выпускала Водопроводная компания в Милуоки) и, молниеносно открыв его, словно это был затвор фотоаппарата, сунул под самый нос ошеломленному Стивенсу. Если какая-нибудь тень сомнения еще и гнездилась в душе этого честного человека, то теперь она окончательно исчезла. Разыскав в большом застекленном шкафу нужный ключ, он показал его правительственному уполномоченному.

— Хорошо. Я приеду за час до начала, — сказал репортер, — а сейчас покажите мне зал, чтобы я мог как следует

сориентироваться. Может быть, я установлю там комприматор.

Его просто распирало от нахальства. Он уже обращался к Стивенсу, опуская «мистер», и время от времени бросал непонятные слова вроде комприматора. Здание в эту пору было почти пустым. Длинными мрачными коридорами трое заговорщиков пошли к боковому крылу и остановились перед высокими дверями, глубоко сидящими в толстой стене. Стивенс, чувствуя значимость момента, долго гремел ключом в замке, пока наконец двери не поддались.

Это был небольшой зал, уставленный стульями. Первый ряд занимали кресла. Перед ними возвышалась маленькая сцена, на ней стол, покрытый зеленым сукном, спадающим до самого пола. Репортер внимательно осмотрел все, поднял сукно и заглянул под стол. Окончив осмотр, удовлетворенно кашлянул и решительно заявил:

— Я устроюсь здесь. Да, вот еще что, — обратился он к неподвижно стоявшим лаборантам, — как вы будете пропускать приглашенных?

— Каждый должен показать пригласительный билет, даже если я знаю этого человека лично, — сказал Стивенс.

— Кто выдает приглашения?

— Деканат физического факультета... Простите, а если господин профессор или кто-либо еще обнаружит вас, что будет? Меня не выкинут? — неожиданно забеспокоился Стивенс, у которого не уместилось в голове, что особа, посланная правительством, будет три часа сидеть, скорчившись под столом.

— Будьте спокойны. Вас не выкинут, а если даже что-нибудь случится, то я вам обещаю, — репортер покровительственно улыбнулся, как Рокфеллер, — я вам обещаю такую должность, что они только локти будут кусать.

— Я уж лучше остался бы тут, в университете.

— Ну, так останетесь, нечего бояться. Там, где нахожусь я, без моего ведома ни у кого волос с головы не упадет. Ну, с этим мы покончили. Завтра вечером я буду здесь, — поворачиваясь, он подмигнул серьезному Франклину на портрете, взиравшему на зал с высоты.

Доброжелательный правительственный уполномоченный не поленился отвезти старого слугу домой.

— Смотрите, чтобы профессор ни о чем не узнал, — сказал он со значением, высаживая старичка из машины. — Мы не хотим, чтобы он напрасно нервничал. Это может ему повредить. Ну, до свиданья. Благодаря вам все пойдет как надо. Вы славно послужили Соединенным Штатам.

Он дал газ, и черная машина, словно ее сдуло с места, пропала в вечернем мраке. Слуга еще долго стоял неподвижно, глядя, как вдали тают красные огоньки. Слова репортера потрясли его до глубины души.

3

Роутон потел. Под покровом сукна было дьявольски душно, а в заполненном зале температура все повышалась. Сидя словно в бочке, он слышал гул многочисленных голосов. Это продолжалось так долго, что ему, не приспособленному к «турецкой» позе, пришлось несколько раз ее менять; мурашки ползали у него по ногам.

Наконец заседание началось. Кто-то забренчал астматическим звонком прямо у него над головой. Репортер даже вздрогнул, потому что под сукно, в пяти сантиметрах от его колена, влез черный мыс ботинка.

— Уважаемые коллеги, — раздался над столом старческий голос, — открываю чрезвычайное заседание, посвященное сообщению коллеги Фаррагуса. Ему и предоставляется слово.

В этот момент чем-то зашуршали, доски заскрипели — докладчик раскладывал что-то на столе, наверно папки с бумагами. В зале было слышно покашливание и истинно профессорское сморкание — трубное и продолжительное.

— Уважаемые коллеги!

У Роутона под столом был небольшой стенографический блокнот и специальная авторучка со встроенной под пером лампочкой, при свете которой можно было писать. Едва профессор начал говорить, как ручка запорхала по белому листку. Но, о горе! Неожиданно профессор перестал говорить и начал писать. Он повернулся, отошел от стола, и слышался скрип мела о доску.

Будучи прирожденным любителем риска, Роутон не мог

усидеть спокойно. Несмотря на то, что его познания в математике ограничивались четырьмя арифметическими действиями, а единственной специальной литературой в этой области являлись для него долларовые банкноты Федерального банка, он во что бы то ни стало хотел увидеть, что именно пишет Фаррагус на доске. Поэтому репортер начал потихоньку приподнимать край зеленого сукна. В тот момент, когда появилась узенькая щелка, мел в руках профессора треснул, разлетелся, и маленький кусочек угодил Роутону прямо в глаз.

Репортер едва сдержал проклятия. Вытер платочком слезившийся глаз и, уже отказавшись от выхода на поверхность, сидел, словно подводная лодка в глубинах океана, накрытый волнами зеленого сукна.

Из ужасно сложных выкладок профессора получалось — насколько Роутон мог понять, — что во время каких-то теоретических исследований тот вывел некую математическую формулу, «материальная реализация которой была бы равносильна концу света». Как профессор сказал, так Роутон и записал, совершенно не понимая, каким образом математическая формула может влиять на судьбы человеческие. Однако же из дальнейшего изложения стало ясно, что это возможно.

— Я искал, — говорил профессор, — условия, при которых выполнялось бы это теоретически вычисленное положение. Вначале мне казалось, что это невозможно. Однако кропотливые двадцатидвухлетние поиски наконец увенчались успехом.

Уважаемые коллеги! — голос Фаррагуса надломился. — Мне удалось создать соединение, существование которого предсказывала вот эта написанная на доске формула... и это соединение... самая страшная, самая мощная сила, отданная природой в руки человека... Это соединение в состоянии погубить все живое на нашей планете, обратить в пепел все, что обитает на ней, уничтожить земной шар, превратив его в клубы раскаленных газов, а затем в результате центробежной взрывной реакции привести к распаду всей Солнечной системы, всей Галактики, миллионов звезд и солнц, целой Вселенной... Это соединение... это соединение — здесь!!!

Фаррагус стукнул чем-то твердым по столу, так что репортер подскочил, решив, что запальчивый экспериментатор намерен тотчас же доказать справедливость своих апокалиптических пророчеств.

— В этой пробирке хранится белый порошок, который при низкой температуре совершенно инертен и безопасен, мало того — не вступает ни в какие химические реакции; ни кислоты, ни щелочи, ни какие-либо иные химические соединения не растворяют его!

Профессор все больше возвышал голос.

— Но, будучи подогрет до восьмисот градусов по Цельсию — столь незначительной температуры, — этот препарат видоизменяется ужасающим образом. Прошу уважаемых коллег обратить внимание: произойдет не химическая реакция, как в снаряде, заполненном динамитом, не реакция ядерного распада, как в атомной бомбе, ибо и тут и там мы имеем дело с детонацией ограниченного характера. И пусть даже действие ее, как в случае с водородной бомбой, распространяется на несколько десятков километров, что значат такие расстояния по сравнению с размерами континентов и морей?

Мой препарат, вот этот легкий белый сыпучий порошок, подогретый до температуры восемьсот градусов, становится **ДЕТОНАТОРОМ МАТЕРИИ!** Что значит «детонатор материи»? Это значит, что если в атомной бомбе в энергию взрыва превращается лишь сотая часть массы, то мой препарат расщепляет вещество на два противоположных полюса: материю и антиматерию, результатом чего явится их немедленное соединение и взаимоуничтожение с выделением потрясающего количества энергии... Протоны, соединяясь с антипротонами, испускают излучение с энергией в сотни миллиардов электронвольт. От центра взрыва этот процесс распространяется с наивысшей известной в природе скоростью — со скоростью света.

А поэтому если когда-либо в каком-либо пункте видимого звездного космоса кто-либо однажды даст толчок такой реакции, кто-то приведет в действие детонатор материи, то конец света — истинный и необратимый конец света, понимаемый как полное превращение всего вещества в энергию в результате непрекращающегося космического взрыва, ста-

нет действительностью, неизбежной и окончательной... Ибо достаточно щепотке белого порошка попасть в огонь, как это вызовет взрыв, выделение запасов энергии, аккумулированных в материальных частицах, скачок температуры до миллиардов и триллионов градусов — и благодаря этому мелкая, казалось бы, невинная белая пыль может уничтожить всю Вселенную!

«Ну и ну!» — Перо репортера летало по бумаге как сумасшедшее, а стопка исписанных листков росла. Роутон так ликовал, будто профессор пророчил вечный рай на Земле.

— Мое изобретение, мой препарат я назвал генетоном, то есть созидателем. Почему созидателем? Потому, уважаемые коллеги, что с этого момента не будет более войн, так как любая война означала бы полный, буквальный и абсолютный конец света, ибо каждая война привела бы к уничтожению той земли, по которой мы ходим, вместе с солнцем и всеми звездами, во время безоблачных ночей горящими над нашими головами, а мы можем быть уверены, что ни один человек, ни один народ, ни одно государство не решились бы на столь ужасный шаг! Поэтому я верю, что мой генетон самым фактом своего возникновения открывает эру вечного мира...

Был слышен шелест бумаг в зале, скрип стульев, кашель; кто-то высморкался вблизи так громогласно и демонстративно, что репортер вздрогнул.

«Вот и поминки», — подумал он, когда зазвенел звонок и скрипучий голос председателя произнес:

— Кто желает высказаться?

— Позвольте мне, — отозвался неподалеку низкий, ровный бас.

— Коллеги, — загудел минуту спустя тот же бас над самым репортером, — есть в нашем языке одно меткое выражение, которое гласит, что человек чересчур часто руководствуется желаниями, а не действительностью... Коллега Фаррагус предложил нам некую гипотезу. Она столь же смела, сколь и любопытна. Она вполне может заинтересовать литераторов, занимающихся научной фантастикой, но и только их. Ученому же не пристало высказывать идеи, не подтвержденные экспериментами. Я вижу на доске формулу и утверждаю, что эта формула не может быть реализована,

так как ничто не соответствует ей в действительности, ибо коэффициенты уравнений были установлены столь же искусственно, сколь и произвольно. Формула эта представляет собой не более чем своеобразный каламбур, математическую забаву...

— Как вы смеете! — раздался рядом резкий возглас Фаррагуса.

Говоривший пропустил это мимо ушей.

— Из теоретических предпосылок, взятых с большой натяжкой и даже со сверхапокалиптической натяжкой, был сделан вывод произвольный, поспешный и, я бы сказал, легкомысленный...

По залу прошел гул.

— Такое вещество, — послышался стук пальца по доске, — не в состоянии привести к разложению материи, а тем более к возникновению пар протонов и антипротонов. Что мы видим? Мы видим смещение количества тепла и величины температуры. А второй закон термодинамики? Я полагаю, коллеги, все ясно. Для меня проблемы генетона более не существует.

— Так вы считаете, что это шарлатанство?! Обман?! — закричал Фаррагус, пытаясь перекрыть шум зала. — Что двадцать лет исследований были сплошной ошибкой? А что же в таком случае представляет собой то, что лежит у меня здесь, вот в этой пробирке? Тот препарат, который вы видите?

— То, что вы синтезировали, — мягко ответил гремевший до сих пор бас, — если это действительно было синтезировано, представляет собой не более чем еще одно из пятнадцати тысяч новых, не приносящих пользы химических соединений, которые ежегодно регистрируются альманахами экспериментальной химии.

Говоривший начал спускаться со сцены. В зале стоял страшный шум.

— Стало быть, точные доказательства, точные вычисления для вас ничто?! — кричал Фаррагус, совершенно потеряв над собой власть. — Как мне вас убедить? Разве что сунуть эту пробирку в пламя свечи, и только катастрофа сможет доказать, что я не зря потратил большую часть своей жизни?

— Да, лишь такой путь... Однако опасюсь, что мой уважаемый коллега значительно преувеличивает опасность подобного опыта. Подать зажигалку?

Послышался общий смех. Зал гудел.

— Немедленно выпустите меня! — раздался тонкий, возбужденный голос Фаррагуса. — Я вам докажу, что я прав, чего бы мне это ни стоило!

Послышался треск падающего стула, потом дверь с грохотом захлопнулась.

4

Доктор Грей, ассистент физики в Лос-анджелесском университете, первый помощник Фаррагуса, опаздывал на работу. Все больше ускоряя шаг, он шел к университету, который спрятался за раскидистыми кронами старых деревьев. Выйдя на площадь Вашингтона, Грей уже издали увидел толпу людей около ограды. Одни стояли спокойно, другие грозили кулаками темным окнам университета. Изумленный ассистент замедлил шаги.

«Демонстрация? — подумал он. — Здесь?»

Ему пришло в голову, что все складывается как нельзя лучше: профессор, обычно донимавший его едкими замечаниями за малейшее опоздание, сегодня, наверно, не обратит на это внимания — ведь произошло что-то необычное.

С немалым трудом он протиснулся к высоким воротам с золочеными прутьями, напоминающими частокол из металлических копий. За воротами стоял лаборант Стивенс и четверо его помощников, а рядом — Грей даже заморгал от удивления — полицейский офицер в полной форме.

— Добрый день, доктор, — сказал привратник. — Сейчас откроем, только, пожалуйста, подойдите поближе.

Они отомкнули тяжелые решетчатые ворота, и под неприятные выкрики толпы ассистент проскользнул за ограду. Те, что стояли поближе, вели себя спокойно, только мрачно глядели на него, зато сзади слышались враждебные выкрики, и даже какой-то камень просвистел в воздухе. К счастью, за ним не последовали другие.

— Ради Бога, что здесь происходит? Безработные? Что им тут надо? — начал доктор Грей, обращаясь к офицеру.

— Доктор Грей? — спросил офицер. — Хорошо, что вы пришли.

— Господин инспектор, что тут происходит? Чего хотят эти люди? Что-нибудь случилось? — вопрошал перепуганный доктор. Инспектор казался злым и обеспокоенным.

— Нет, что вы. Это все проклятая статья.

— Какая статья?

— Вы не видели сегодняшней утренней газеты?

— Нет.

— Ну, так почитайте.

Офицер достал из кармана помятый и сложенный вчетверо номер «Ивнинг стар». Грей взглянул на первую полосу и обомлел. Там виднелся огромный заголовок, обрамленный восклицательными знаками:

!ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ПРОФЕССОР ВЗРЫВАЕТ АМЕРИКУ!

А пониже:

ГЕНЕТОН — страшный взрывчатый материал,
В МИЛЛИАРД РАЗ более мощный, чем водородная бомба!

Еще ниже:

СЕНСАЦИОННЫЙ РЕПОРТАЖ С ТАЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СВЕТИЛ МИРОВОЙ НАУКИ!

Собственный корреспондент.

Вся эта прелестная история была густо сдобрена цифрами и неизвестно откуда выкопанными «фотографиями участников собрания, описанного во всей красе. Надо признать, что Роутон не ударил в грязь лицом. Он создал рельефную, полнокровную эпопею, героями которой были профессор Фаррагус и его основной оппонент (репортер ухитрился узнать его имя). Роутон представил их как столкнувшихся лбами фанатиков, готовых ради доказательства справедливости своих утверждений в запальчивости уничтожить весь мир. Слова, которые Фаррагус произнес, выбегая из зала, показались прыткому репортеру недостаточно устремляющимися и не в полной мере отражающими страшную

угрозу Земле, поэтому он сгустил краски и, ничтоже сумняшеся, написал:

«...профессор Фаррагус, подняв вверх сосуд с генетоном, бросается к двери и кричит: «Скоро мир убедится в том, что мой препарат — самый страшный разрушитель, какой только знала история человечества!»

— Боже! Генетон... — ужаснулся Грей.

— Неужели это правда? Я говорил с профессором, он утверждает, что таких слов не произносил. Вы были на конференции?

— Что? Ах нет, меня не было в Лос-Анджелесе... Бог мой, что будет? Так эти люди...

— Послушайте-ка, доктор, этот препарат чего-нибудь да стоит? — спросил инспектор, доверительно взяв Грея за локоть.

— Что? В каком смысле?

— Ну, он что, действительно взорвется, если его сунуть в огонь? Вы это видели?

— Что вы говорите? Упаси Боже... Не видел, потому что больше бы я уже ничего в жизни не увидел. Что он написал, этот репортер? Препарат вызывает симметричное раздвоение материи... Вы понимаете? Нет? Возгорание материи — уже прямое следствие... Это — как искра в бочке пороха, пожар все распространяется и распространяется, и ничто не может его остановить. Достаточно одного грамма этого порошка, да что там, десятой доли грамма, огарка свечи и коробки спичек, чтобы покончить со Вселенной.

— Так вы уверены, что...

— Уверен ли я?! Оставьте меня в покое! Где профессор? Грей дрожал от возбуждения.

— Где он? — обратился Грей к Стивенсу, хватаясь за голову. — Бог мой, но он же не мог сказать этого серьезно!

— Профессор-то? Когда он утром пришел в университет, его хотели линчевать — и все из-за проклятого репортера, который раззвонил об этом.

— Я работал над препаратом вместе с профессором семь лет... это ужасно... — бормотал Грей.

Толпа сгрудилась и стала напирать на ограду. Кто-то из самых слабонервных кричал:

— Эй там, расступитесь!

В образовавшемся проходе появились несколько громил, которые несли к ограде, словно таран, вывороченный телеграфный столб.

Инспектор бросился к воротам, одной рукой хватаясь за свисток, другой — за рукоять пистолета.

— Не смей разбивать ворота! — рявкнул он. — Слышите? Гопкинс! — крикнул он полицейскому, который, опираясь на карабин, ел глазами начальство. — Беги к телефону, проси, чтобы нам прислали пару полицейских и мотопомпу и пусть держат наготове еще штуки две!

Грей побрел к зданию в таком состоянии, словно он только что принял натошак парочку стопок кислого вина. В кабинете профессора царила тишина. Грей постучал в дверь — ответа не было. Он нажал ручку. Профессор даже не повернулся на его покашливание. Он сидел в кресле, низко опустив голову, и барабанил пальцами правой руки по крышке стола. На столе валялась груда исписанных бисерным почерком листков. Только когда Грей оказался совсем рядом, профессор заморгал усталыми и припухшими от бессонницы близорукими глазами.

— А, Грей? Вы не были вчера на конференции?

— Господин профессор, фатальное стечение обстоятельств, — начал Грей, — моя племянница...

— Ах перестаньте! Поверите ли, Гунор назвал мое открытие пустым надувательством, мои данные — фальшивыми, а уважаемое сборище высмеяло меня! Стадо, проклятое стадо!

— Каждое новое великое открытие... — несмело начал Грей.

— Знаю, знаю — принимали враждебно и неохотно. Ну и что же?

— Полемика, господин профессор, это естественная вещь. Что значит мнение Гунора перед лицом фактов? Пустяки...

— То есть как пустяки? — Профессор вскочил. — Гунор смешивает с грязью меня, мою работу — это пустяки? Называет препарат безобидным порошком, а, казалось бы, самые компетентные люди аплодируют ему — это пустяки?

Фаррагус вдруг оперся о стол, побледнел и схватился за грудь. Грей перепугался.

— Где нитроглицерин? Здесь? Сейчас... я сейчас...

Он подал старцу стеклянную ампулку, побежал за водой, трясущимися руками наполнил стакан и вернулся к столу. Фаррагус, обмякнув, сидел в кресле. На желтоватых щеках выступили кирпичные пятна.

— Сердце... сердце... — прошептал он едва слышно. Когда Грей хотел подать ему воду, он отмахнулся. Пришел в себя, встал, пошатываясь, добрался до окна и выглянул в парк, где за деревьями слышались глухие крики. — Какая подлость! — проворчал он. — Когда я утром вышел, они хотели меня прикончить. Я думал сделать из генетона символ и гарантию мира, а какой-то Гунор, который дал науке — простите, вы сами знаете, что он дал науке... Этот тип осмеливается... Только потому, что у него рука в Вашингтоне.

В этот момент послышался деликатный стук и в кабинет просунулся человек средних лет, глаза которого молниеносно обшарили кабинет. Из заднего кармана помятых серых брюк он извлек толстый стенографический блокнот и, вооружившись им, приблизился к профессору, отвесив учтивый поклон.

Профессор отвернулся от окна и только теперь заметил нахала.

— Кто это? Что вам угодно?

— Роутон из «Ивнинг стар», — представился пришелец, кланяясь еще раз. — Репортер по особо важным делам, — добавил он с вежливой улыбкой. — Господин профессор, я позволил себе вчера поместить статейку...

— Ах, так вот кто заварил эту кашу! — яростно крикнул Фаррагус, подступая к репортеру с таким видом, словно собирался выкинуть его за дверь. — И вы еще смеете ко мне приставать?

— Одну минуточку. Тут, понимаете, такое дело: вы изволили выразиться в том смысле, что этот препарат, генетон, будучи помещен в пламя или нагрет иным образом до температуры восемьсот градусов, приведет, так сказать, к концу света. В связи с этим я не замедлил проинтервьюировать профессора Гунора сегодня утром у него дома. Я спросил его, что он думает о последствиях, которые имели бы место в результате помещения вашего препарата в огонь.

— Ага! И что же он ответил? — спросил Фаррагус, поднося руку к уху, чтобы лучше слышать.

— Господин профессор Гуно́р, — почти пропел в ответ репортер, вперив свой взгляд в стенографический блокнот, словно в молитвенник, — ответил мне, что результат был бы таким же, как если бы мы всыпали в огонь щепотку табаку. «Быть может, экспериментатор чихнет, этим дело и кончится», — сказал профессор Гуно́р. Я хотел бы спросить, какова в связи с этим позиция уважаемого господина профессора?

Фаррагус посинел.

— Экспериментатор чихнет... — прошептал он, нервно сжимая и разжимая пальцы, — чихнет... Вы... Вы желаете знать мое мнение? — дрожащий голос Фаррагуса сел, но в нем слышались стальные нотки. — Хорошо. Скажите своим читателям, скажите этим медным лбам, этим тупицам, что сегодня же в восемь часов вечера с последним ударом часов я введу мой препарат в пламя — и тогда пусть Бог смилостивится над профессором Гуно́ром, над всеми людьми и над этими надутыми спесивцами, которые меня высмеяли! Выгнали!! Вышвырнули!!!

Секунду стояла мертвая тишина, потом профессор с ужасной гримасой схватил ключ и выбежал из комнаты. Проскрипел замок, в котором снаружи повернули ключ. Грей секунду стоял окаменев, потом беспомощно огляделся вокруг.

— Господин... господин профессор! — неожиданно взвизгнул он.

Репортер все еще писал. Потом старательно закрыл авторучку, вложил блокнот в карман, словно это было что-то чрезвычайно ценное, и, даже не пытаясь открыть дверь, ловко вскочил на подоконник. От земли его отделяли четыре метра. Он перекинул ноги наружу и, победно улыбувшись Грею, воскликнул:

— Экстренный выпуск!

После чего исчез.

Грей начал метаться по комнате, издавая отчаянные вопли, наконец, схватил стул и попытался выбить им дверь. Это, конечно, не удалось, но грохот привлек внимание полицейского инспектора. Поскольку профессор оставил ключ

в замке, инспектор повернул его, вошел и тотчас отскочил, потому что Грей замахнулся на него остатком стула.

— Что это значит? Что вы делаете? — сурово спросил страж порядка, завидев растрепанные волосы, сумасшедший взгляд и бледную вспотевшую физиономию ассистента, который, жестикулируя, пытался сладить с разбросанными бумагами и льющейся из чернильницы рекой чернил.

— Репортер... профессор... Фаррагус... генетон... сбежал... — стонал Грей.

— Да успокойтесь вы наконец. Где профессор?

— Бог мой, что теперь будет?

— Говорите же в конце концов.

Грей опустил в кресло.

— Репортер пришел от Гунора, раздражил профессора, довел его до бешенства, потому что Гунор сказал, будто генетон никогда не взорвется, что он ничего не стоит... Тогда профессор закричал, что сегодня в восемь часов сунет генетон в огонь.

Инспектор протяжно свистнул. Быстро осмотрелся.

— Где профессор?

— Куда-то побежал, может, домой.

— Где этот порошок?

— Был у профессора в стеклянной ампуле.

— Где ампула?

— Тут была, в ящике стола...

Они бросились к столу. Ящик был пуст.

Инспектор вдруг крикнул:

— Господи, где репортер?

— Выскочил в окно!

Инспектор задохнулся.

— Ну, — сказал он, — теперь-то уж действительно начинается светопредставление.

Инспектор выбежал в коридор. Было слышно, как он набирает номер телефона и кричит в трубку, поднимая на ноги весь комиссариат.

— Арестуйте его, как только увидите! — кричал он. — Что? Что? Хорошо!

Он уже собирался повесить трубку, когда кое-что вспомнил.

— Алло! Брэдли! Слушайте, как только вам в руки попа-

дется Роутон, репортер из «Ивнинг стар», дайте ему пару раз дубинкой и киньте в холодную, пусть остынет... Он так же опасен, как и профессор!

Грей сидел на предпоследней ступеньке лестницы, играя ключом.

— А вы что тут сидите? — спросил инспектор, который летел вверх словно ракета.

Грей равнодушно взглянул на него.

— Я собирался пойти пообедать, да стоит ли?

— Это еще почему?

— Ну, ведь после восьми уже не надо будет есть...

— Пропадите вы пропадом! — прорычал инспектор и по-мчался дальше.

5

Государственный секретарь положил пресс-папье слева от серебряной статуэтки, изображающей статую Свободы, потом справа, затем перед собой и долго смотрел на его хрустальный шарик. Наконец он поднял голову.

— Ну?

Генерал Харвей проглотил слюну.

— Мы сделали все, что могли.

— Ничего вы не сделали.

— В два часа оцепили все вокзалы, станции надземной железной дороги и метро, улицы, площади. Мобильные патрули с фотографиями Фаррагуса разъезжают по городу. Они держат постоянную радиосвязь с Управлением. Оцеплены университетские здания, произведены обыски в квартирах профессоров. В три мы развесили объявления, назначающие пять тысяч долларов награды за информацию о месте нахождения профессора. Ни одна машина, ни один самолет, ни один человек не могут без нашего ведома покинуть Лос-Анджелес.

Государственный секретарь с такой злостью стучал линейкой по пресс-папье, словно оно было во всем виновато.

— Ну и что?! — взорвался он. — Ну и что?!

Харвей почесал переносицу.

— Ежеминутно ждем сооб...

Зазвонил телефон. Государственный секретарь поднял трубку.

— Что? — спросил он. — Да. Это вас.

Он отдал трубку генералу. Тот прижал ее к уху. Некоторое время слушал, потом его шея стала наливаясь кровью.

— Что? Фольстон? Из Лос-Анджелеса? Что? Что? Не разрешать! Возвратить! Пустить в ход все резервы! — Он прикрыл рукой микрофон и глухо сказал: — Надо было этого ожидать. В городе паника... то есть волнения... — поправился он. — Толпы людей стремятся выйти из города в различных направлениях.

— Какое мне дело! — взорвался государственный секретарь. Хрустальное пресс-папье закончило свое существование, разлетевшись под столом на тысячи осколков.

— Что делать, мистер Давьес, сил полиции недостаточно. Я вынужден просить о помощи армию.

Секретарь достал из кармана носовой платок.

— Армию? Это невозможно...

Он встал и подбежал к окну.

— Какой скандал! Звонки из британского посольства, вопросы, понижение курса акций на шестнадцать пунктов... Наконец, разговоры в конгрессе... Нет, это исключено! Вы должны обойтись своими силами.

Генерал отдернул руку от микрофона.

— Фольстон? Инспектор? Слушайте меня. Стяните из Пасадены и Сан-Диего, со всего округа, полицейские отряды и гражданскую гвардию, можете реквизировать автобусы. Что? Что?

Он побагровел еще больше.

— Там то же самое? Пусть ищут! Почему они не шевелятся, идиоты? Поставить кордоны, проверять документы. Все это блеф! Людей, имеющих машины, можно в конце концов отпускать, пусть едут к дья... Что? Переодетый? Он может быть переодет? Я и этим должен заниматься? Значит, тяните всех за бороды, а мне не забивайте голову ерундой! Это может вам дорого обойтись, напоминаю! Ладно, ладно.

Он бросил трубку.

Государственный секретарь перестал ходить по комнате и остановился около стола.

— Ну?

— С утра задержали шестьсот восемнадцать человек, — начал генерал.

— Можете не продолжать, понимаю, сплошные Фаррагу-сы! Хорошо. Ну, а еще что?

Зазвонил другой телефон. Государственный секретарь поднял трубку.

— Что? Белый дом? А?.. Хорошо, жду. Канцелярия президента, — прошептал он в сторону Харвея, уничтожая его взглядом. Но тут же его лицо приняло другое выражение. — Господин президент? Да, это я. Слушаю. Совершенно определено. Мы не можем поднимать шума, поэтому действуем ограниченными силами, но зато это отборные части. Да. К вечеру он будет у нас в руках, совершенно точно. Я тотчас сообщу.

Он отложил трубку. Выражение самоуверенности, как по мановению волшебной палочки, слетело с его лица.

— Вот так. Уже Белый дом. Это будет стоить мне портфеля. Подумайте — третий звонок с утра! Какой скандал! Люди с ума сходят на улицах.

Снова зазвонил телефон.

— Я слушаю вас, мисс. Из британского посольства? Прошу передать, что я на совещании у президента, буду через час.

Телефон звякнул.

— Только этого не хватало, — начал государственный секретарь, но под странным, неподвижным взглядом генерала осекся. — Что вы так смотрите?

— Простите, но если мы, не приведи Господь... Если нам не удастся его схватить, то речь пойдет уже не о портфеле, а о... жизни...

— Что?

Государственный секретарь стоял, как громом пораженный. Наконец рассмеялся противным смехом.

— Мне это даже в голову не пришло, — признался он. — Ничего себе, хороши дела! Тридцать тысяч полицейских, три с половиной тысячи патрулей на машинах, оборудованных радиосвязью, собаки, самолеты, вертолеты — и не могут поймать одного старика с больным сердцем...

Телефон зазвонил еще раз. Генерал слушал рапорт так,

словно из трубки ежесекундно выскакивало шило, жаля его в ухо.

— Ну, другого выхода у меня нет, — сказал он наконец, поднимая глаза на секретаря. — Мне нужна армия, иначе я ни за что не ручаюсь.

Секретарь уселся на стол и по-наполеоновски скрестил руки на груди.

— Пожалуйста. Делайте, что хотите.

Он склонился над столом, заваленным газетами с огромными красными и черными заголовками, игравшими свежей краской.

Теперь генерал набирал один номер за другим.

— Алло? Генерал Уилби? Господин генерал, я говорю из кабинета государственного секретаря Давьеса. Вы знакомы с положением, не так ли? Возникла паника, могут быть волнения, грабежи... У меня уже нет людей для восстановления порядка. Необходимы... да, вы меня прекрасно понимаете. Нет, не пехота. Я предпочел бы моторизованные отряды. Так будет лучше, не правда ли? Что вы сказали? Прекрасно.

— Что это? — Государственный секретарь взглянул на часы. — Уже шесть. Осталось два часа?

Он открыл ящик стола, поискал таблетки от головной боли, сунул их в рот. Генерал положил трубку.

— Сумасшествие, — сказал он. — Сумасшествие. Если б хоть знать, как в действительности обстоит дело с этим проклятым генетоном.

— Половина специалистов утверждает, что это шарлатанство, а другая — что реакция возможна, — сказал государственный секретарь.

— А что говорит Гунор?

— Слышать о нем не хочу. Ведь, по сути дела, все это началось из-за него.

— Вообще-то все это затеял репортер.

— Как его там?

— Роутон, — бросил генерал, подняв трубку и покручивая телефонный диск.

— Верно. Его наконец взяли?

— Не знаю. Сейчас позвоню.

Генерал опять начал набирать номер.

Первым делом Роутон направился к междугороднему телефону. Через восемь минут его уже связали с редакцией. Передав груз самых свежих новостей ротаторам, он почувствовал, что ему стало свободнее и легче. Полный бодрости и самых радужных надежд, он вышел на улицу и взглянул на удлинившиеся уже тени. Приближалось к шести.

«Прежде всего, — сказал он себе, — надо отыскать профессора. Можно будет взять еще одно интервью. Правда, сама история со взрывом была бы сенсацией номер один, но если это действительно означает конец света, то уже некому будет читать специальный выпуск. Нет, этого мы не допустим. Только бы полиция не помешала...»

Роутон огляделся. Прошло всего несколько часов с момента исчезновения профессора, а город уже кишмя кишел моторизованными и пешими патрулями. На каждом углу проверяли документы у людей, которым с виду было больше сорока.

Репортер вошел в небольшую кондитерскую. Ему всегда лучше думалось за мороженым. Поэтому он заказал фисташковое со взбитыми сливками и принялся размышлять.

«Собственно, можно было побежать за Фаррагусом. Я имел преимущество, потому что выскочил через окно, — думал он. — Но сначала пришлось послать материал в газету. Впрочем, еще не все потеряно. Паста свое дело сделает».

Он решил на время отложить розыски профессора. Надо было заняться и другими проблемами.

— Мисс, где здесь телефон? — спросил он, облизывая ложечку.

— Кабина вон там.

Репортер даже не прикрыл за собой дверцу. Набрал номер доктора Грея и терпеливо ждал. Наконец в трубке послышался далекий голос.

— Алло, доктор Грей? Хорошо, что я вас поймал. Говорит профессор Хэмфри из Техаса. Коллега, я специально прилетел самолетом в связи с этим роковым генетоном... Вы меня не знаете? Нам не дано знать всех. Но, но, мне дорого время. Скажите, пожалуйста, как выглядела пробирка, в которой старик... то есть профессор Фаррагус держал свой порошок?

Что? Да, это важно! Ага, стеклянная... А длинная? Хорошо. Порошок был белый? С оттенком или совершенно белый? Как соль? Прекрасно.

Грей пустился в пространные объяснения.

— Увы, коллега, не могу с вами встретиться. Я говорю из Управления полиции. Да, тоже поражен. Но в таком солидном возрасте, как мой... нет, нет. До свидания.

Буфетчица вытаращила глаза на репортера, который не обратил на это ни малейшего внимания. Он бросил на мраморную плиту стола доллар и остановился в дверях, чтобы спросить:

— Где тут ближайшая аптека?

— За углом.

— А бакалейная лавка?

— Рядом.

— До свидания. Да не подмешивайте в мороженое молоко, а то вас пресса уничтожит.

Он купил в автомате две жевательные резинки, в киоске приобрел сигару и значок Клуба курильщиков, потому что он был весь золотой и очень массивный, пришил его к внутренней стороне лацкана и побегал дальше. В аптеке Роутон не задержался. Только купил стеклянную пробирку с патентованной пробкой. Попросил у бакалейщика щепотку соли, отсыпал один грамм в пробирку, а остальное выбросил.

«Армия стоит на равнине с развернутыми знаменами, — сказал он себе, — а теперь пора ринуться в атаку».

Он купил в книжном магазине план города и, быстро осмотревшись, заметил вдалеке большую рекламу магазина радиотехнических приборов. Взглянул на электрические часы над входом в подземку. Шесть тридцать.

«Немного поторопимся», — решил он и почти бегом влетел в магазин. Из-за прилавка, увидев его, поднялся рыжий молодой человек в белом, элегантно скроенном пиджаке с перламутровыми пуговицами.

— Дайте-ка мне большой радиоактивный монитор — этаким счетчик Гейгера, понимаете? — сказал репортер, быстро обшарив глазами блестящий никелем магазин.

Рыжий продавец с сожалением покачал головой.

— Увы, все раскуплено. Сегодня после обеда был большой спрос.

— И ничего не осталось?

— Ничего, — эхом отозвался продавец.

Роутон, добродушно улыбнувшись, взглянул на него.

— Может, для простых смертных и не осталось, — сказал он очень тихо и спокойно, — но для меня-то, надеюсь, найдется. Ну, живо, молодой человек. Не припрятали ли вы чего-нибудь для себя на черный день? Или мне применить чрезвычайные меры?

Он слегка отогнул лацкан. Значок блеснул золотом и исчез. Продавец молча вышел в маленькую комнату, завешенную бархатной портьерой, и вернулся с небольшой, но явно тяжелой коробкой.

— Двадцать шесть долларов.

— Получите. Привет. Инструкция внутри?

— Да. До свидания. Благодарю вас.

— Не за что. Со счетчиком или без него, конец света выглядит одинаково, — бросил репортер уже через плечо.

На улице он переложил аппарат в портфель и остановился, чуть присев, словно собирался дать пинка подъезжающему автобусу.

«Явление второе», — сказал он себе и вошел в магазин игрушек.

Он пробыл там недолго — через минуту уже вышел с прелестным танком под мышкой. Этот танк, способный распалить воображение любого человека в возрасте до четырнадцати лет, был снабжен электрическим моторчиком и мог управляться на расстоянии.

— Теперь нам необходим медиум, — задумчиво сказал Роутон.

Идя по улице, он заглядывал в ворота. Наконец в одном из больших дворов он заметил того, кого искал.

— Гарри, поди-ка сюда на минутку, — закричал он, оттаптываясь в тени лестницы.

Мальчуган лет шести в длинных ковбойских брюках, бегающий по двору с деревянным атомным пистолетом в руке — на его желтом, как лимон, свитере был намалеван кровожадный тигр, — остановился и сделал несколько шагов в его сторону.

— Я не Гарри, — сказал он сурово, исподлобья глядя на незнакомца.

— А кто?

— Том.

— Видишь ли, Том, тебе нравится такой танк?

Том сделал еще три шага и теперь оказался уже чересчур близко от чудесной игрушки, чтобы думать об отступлении. На его лице отразилось возбуждение.

— Это кому? — спросил он тихо.

— Тебе, — ответил Роутон. — Только ты должен мне помочь, понимаешь? Я — знаменитый сыщик. Ты, наверно, слышал о таких, а? Ну вот, это как раз я. При помощи радиоактивных лучей я слежу за одним преступником, но один справиться не могу. Если ты мне поможешь, считай, что танк твой.

Наступило напряженное молчание.

— А не врешь? — прошептал мальчуган.

— Не вру. Порази меня гром, если я собираюсь тебя обмануть, Томми.

— Честное слово?

— Честное слово.

— А что мне делать?

— Прежде всего договоримся, — сказал репортер. Он открыл портфель и вытащил оттуда счетчик Гейгера. — Видишь, сынок, — говорил он, разрывая бумагу, — это наш гончий пес. Преступнику, которого я выслеживаю, я подмешал в сапожный крем радиоактивный препарат, благодаря чему мы сможем его где угодно отыскать при помощи вот этого счетчика Гейгера. Понял?

— Угу.

— Ну и хорошо. Только, понимаешь, я не могу бегать по улице с аппаратом на животе. Сообщники гангстера меня быстро засекут. Поэтому мне необходима твоя помощь. Гейгера мы засунем внутрь танка, вот так. Ты пойдешь впереди, а я буду смотреть на стрелку, вот тут, на циферблате. Никто не обратит на это внимания. Самое удивительное в этой истории то, что я ее вовсе не выдумал. А теперь пойдём во двор... Да, а где твоя мама?

— Она поехала к дяде и сказала, что вернется через час.

— Это нам подходит. Сейчас мы посмотрим карту, понимаешь?

Репортер разложил карту на крышке мусорного ящика. И долго молча изучал ее.

«Вероятнее всего, профессор облюбовал это место еще в кабинете, — рассуждал он. — Полагаю, что он все хорошенько продумал. Оно должно находиться близко и в то же время быть таким, чтобы никто не мог ему там помешать. Ну, в качестве средства сообщения он может воспользоваться автомобилем — нет, это, пожалуй, отпадает... Велосипедом — тоже отпадает, ведь для блага человечества я проткнул ему все камеры. Ногами... Остановимся на ногах».

— Иди, сынок, — сказал он громко. — Поедем в автомобиле в притон разбойника. Ты не боишься?

Малец взглянул на репортера с обидой и одновременно с восхищением. За углом поймали такси. Погрузив в него Тома и танк, Роутон вскочил на переднее сиденье, рядом с шофером.

— К университету, только быстро.

На углу площади, в некотором отдалении от здания физического факультета, он расплатился с шофером и вылез вместе с Томом. Было еще, к сожалению, довольно светло, и поэтому пришлось прибегнуть к маскараду с танком и ребенком; в противном случае полиция быстро обратила бы внимание на его странные манипуляции. Танк, приведенный в движение, не подвел репутации фирмы, которая его изготовила: деловито погрохатывая, он полз по асфальту, а Роутон вместе с малышом, которому приказал называть себя дядей, бежал за ним, ежеминутно поглядывая на циферблат радиометра. Скоро характерное подрагивание стрелки показало ему, что они напали на след. Профессор, оставляя следы радиоактивного йодистого калия, ушел из университета в сторону центра города. Это весьма обеспокоило и удивило Роутона, и его волнение достигло предела, когда оказалось, что следы совершенно явно ведут к ближайшей станции метро.

— Доконал нас противный старикашка, — зло проворчал репортер. — В метро с танком не заедешь. Придется снова пускать в ход мыслительный аппарат.

На скамейке ближайшего сквера он опять проанализировал положение по карте, в то время как Том, совершенно позабыв о его существовании, гонял с танком по газону.

Тем временем уже порядком стемнело. Роутон после глу-

бокого раздумья вытащил аппаратик из танковой башни, сунул пустой танк пареньку в руку, похлопал его по щеке и побежал в сторону улицы, взмахом руки и пронзительными криками остановив одновременно два такси.

— На станцию, — бросил он шоферу. — На товарную, а не пассажирскую, — добавил он тут же.

— Хотите сбежать товарняком? Поздно уже — через полчаса восемь, — сказал шофер.

— За каждый совет вычитаю пять центов с таксы, — невежливо сказал репортер. — Поезжайте, куда вам говорят, иначе я ни за что не ручаюсь.

Перед товарной станцией он бросил приготовленную мелочь в раскрытую ладонь шофера и побежал так, словно под ним горела земля. Большие часа уже показывали без четверти восемь.

«Массу времени загубил с мальчишкой», — ругал себя Роутон, когда, задыхаясь, перелез через высокую металлическую ограду. Он легко спрыгнул на деревянный грузовой настил. Пути, забитые вагонами, стояла тихие и безлюдные, только со стороны города долетал непрекращающийся гул и шум автомобилей.

«Почтенные люди разбегаются, и, если бы не я, ничто бы им не помогло, — пронеслось у Роутона в голове. — А если мне не повезет, придется лететь в бесконечность».

Он опустил головку аппарата и, глядя на фосфоресцирующую в темноте стрелку, пошел так быстро, как только мог, стараясь описать возможно большую дугу. Он рассчитывал, что таким образом в каком-нибудь месте пересечет путь, по которому прибыл сюда Фаррагус, если он не ошибся в расчетах и старик действительно избрал местом последнего суда эту большую, заполненную вагонами и безлюдную станцию.

Без семи восемь капельки пота покрыли лоб репортера. Он пробежал уже три четверти своего маршрута, а стрелка прибора не дрогнула. Фонари появлялись все реже. Тут было уже почти темно. Он уже едва мог идти: слабый свет давали только лампы путевых стрелок.

Неожиданно стрелка прибора затанцевала, и почти одновременно он заметил лучик света, падающего на гравий. Он глубоко вздохнул, беззвучно положил уже ненужный аппарат

на землю и выпрямился. Дверь одного из вагонов была прикрыта неплотно, из щели падал дрожащий желтоватый свет.

— Свеча, — сказал себе Роутон, и на душе у него сделалось так хорошо, словно вся она была выложена стодолларовыми банкнотами.

Он на цыпочках подкрался к вагону и заглянул внутрь сквозь щель. За большим ящиком сидел профессор. На краю доски стояла грязная, довольно толстая восковая свеча.

«Такие вставляют в руки покойников», — подумал репортер.

Рядом лежали часы, и совершенно явственно слышалось тиканье, усиленное резонансом пустого ящика. Фаррагус, сидя на грязном полу, опирался о край ящика и тяжело дышал. В руке у него была стеклянная пробирка.

Бросив взгляд на часы, репортер увидел, что у него в запасе еще шесть минут.

«Не так уж мало, — подумал Роутон, — но если бы тут стоял какой-нибудь полицейский, он наверняка с грохотом бросился бы в дверь, профессор сунул бы пробирку в огонь, и... пойте, хоры небесные. Надо придумать что-нибудь лучше. Только бы, упаси Боже, не испугать его. Жаль, я не прихватил шприца с водой: можно было бы погасить свечу».

Но шприца не было, а часы тикали. Дьявольски быстро, подумал Роутон.

Он заметил, что на противоположной стороне вагона, на высоте ящика, в полуметре от его края, чернеет прямоугольная щель, настолько широкая, что в нее можно просунуть руку.

Он на четвереньках пролез под вагоном. Оказавшись по другую сторону пути, он увидел, что находится на расстоянии вытянутой руки от головы профессора, сидевшего к нему спиной. К сожалению, выступающая доска заслоняла свечу и задуть ее было невозможно. Да и такой неожиданный поступок мог вызвать у профессора сердечный приступ. Репортер стоял неподвижно. Вдруг что-то мягко коснулось его ноги. В первый момент он вздрогнул. Потом пошарил рукой в темноте. Маленький худой котенок терся о его ногу, тихо мурлыча.

Роутон поднял котенка, взял его на руки и начал нежно гладить.

«Кого любят старые засушенные книжные черви? — задумался он. — Котов любят. А посему иди спасать мир, кот!»

И Роутон мягко поставил котенка на краешек щели, легонько поддав ему под зад.

Котенок тихо мяукнул и вскочил в вагон, а репортер прильнул к дыре, наблюдая, что делается внутри.

Профессор вздрогнул, поднял руку с пробиркой, но, увидев кота, снова сел.

Что-то вроде усталой, горькой улыбки появилось на его сухих синих губах.

— Кс-с-с, — прошептал он. — Кс-с-с... киска...

Котенок подошел к профессору. Тот протянул руку. Пробирка с порошком мешала ему, поэтому он положил ее на ящик. Пробирка блестела на расстоянии двух ладоней от репортера, у которого даже дух захватило. Он вытащил из кармана стеклянную трубку с солью и приготовился к решающему удару. В левую руку взял камушек и перекинул его через крышу вагона. Раздался короткий стук, и профессор опустил котенка, невольно повернув голову в сторону источника звука. Длилось это самое большее секунду.

Потом профессор успокоился. Посмотрев на часы и, видя, что до восьми осталось еще три минуты, положил котенка на доски и протянул руку за пробиркой.

— Добрый вечер, — сказал Роутон.

Профессор подскочил, схватился за сердце и отступил к стене. Но уже в следующий момент взял себя в руки.

Схватил пробирку в поднес ее к пламени.

— Фу, вы собираетесь нарушить слово? — сказал репортер. — Но ведь... еще осталось три минуты.

Профессор изумленно вперился во тьму. Это, должно быть, какой-то дьявольски храбрый человек, если он осмелился так говорить, а может, у него есть даже револьвер, и сейчас он целится в него?

— Револьвер вам не поможет, — сказал он наобум. — Вы видите, дно пробирки в двух сантиметрах от пламени. Даже если вы выстрелите, я успею сунуть ее в огонь.

— Вижу, — ответил Роутон, — но у меня нет револьвера.

— Кто вы? Что вам надо?

— Я хотел с вами побеседовать.

— Отойдите.

— А не все ли равно, где встречать конец света? Почему бы нам не поговорить?

— Вы что, ошалели? Через две минуты произойдет нечто ужасное, нечто страшное — катаклизм, которого не знали ни звезды, ни люди.

— Хорошо, — сказал репортер, — с человечеством у вас свои счеты, но что вам надо от котенка?

— Что? Как?

— Чем провинился перед вами котенок, за что вы его хотите убить?

— Я... котенка?

— Профессор, а такой непонятливый, — материнским тоном сказал Роутон. — Ведь приканчивая Вселенную, вы и котенка тоже погубите.

— Вон! — закричал профессор, и рука, держащая пробирку, задрожала. — Идите прочь! Через полторы минуты... через полторы минуты...

Он тяжело дышал, блестящими глазами вглядываясь в циферблат часов. Крупные капли пота выступили у него на лбу и стекали по лицу.

— Может быть, вы успокоитесь? — мягко сказал репортер. — Подумайте. Сколько прекрасных вещей есть в мире: птицы, горы, женщины, дети — большинство из них даже не знают, что должны умереть. Ведь это очень скверно: из личных побуждений, из гордости устроить конец света.

— Да вам-то что известно? — буркнул профессор.

Секундная стрелка обегала диск. Еще минута и двадцать секунд!

— Не столько, сколько вам, но все-таки кое-что мне известно. Подумайте о звездах. Тысячи людей смотрят на них каждую ночь. Мужчины, плывущие на океанских кораблях, эскимосы в полярных льдах... Негры... Почему вы хотите все это у них отнять? Отнять можно только то, что даешь, да и это нехорошо.

— Идите вы со своими проповедями, — выдохнул профессор, — а то... а то...

— Что — «а то»? Ведь вы и так собираетесь сделать черт знает что — уж хуже-то не будет. Вы серьезно собираетесь сунуть пробирку в пламя? Но, собственно, зачем? Ведь вы

даже удовлетворения не почувствуете. Гунора вы не убедите — в лучшем случае превратите его в кучку пыли.

— Прочь! — рявкнул Фаррагус.

Оставалось еще пятьдесят секунд.

— Успокойтесь. Я должен сказать вам кое-что весьма неприятное.

Профессор зловеще рассмеялся — если этот сдавленный, похожий на кашель звук можно было назвать смехом.

— Любопытно, что такое, по-вашему, неприятность для меня, — сказал он. — Но говорите быстрее, осталось еще сорок секунд.

— Не надо так спешить. У нас есть время. Так вот... Только вы действительно приготовьтесь к скверному известию.

— Идиотизм. Вы меня на пушку не возьмете, — проворчал Фаррагус.

— А я и не пытаюсь. Я — Роутон из «Ивнинг стар», тот, что написал статью, — помните?

— Ну и что? Только поэтому вы хотите, чтобы я не сунул пробирку в огонь?

— Ну... нет, но знаете, этот порошок в вашей пробирке... не совсем генетон.

Профессор резко поднес трубку к глазам.

— Лжете! Что значит «не совсем»?

— Ну, это я, чтобы вы не волновались... Говорят, у вас сердце большое... Я, видите ли, забрал ваш порошок.

— А это что? Уж не сахар ли? — ехидно спросил Фаррагус. — Ну, довольно. У вас осталось ровно столько времени, чтобы быстренько помолиться, если вы верующий. Мне это ни к чему.

Стрелка подходила к черте. Оставалось еще десять секунд.

— Нет, это не сахар, это соль, — сказал репортер. — Будьте осторожнее, когда станете совать пробирку в пламя — ведь соль стреляет, еще обожжетесь...

Фаррагус издал рык и сунул стекло в огонь.

— Только спокойно, спокойно... — повторял репортер, словно обращаясь к ребенку. — Все будет хорошо, вот увидите.

Пламя охватило стекло, порошок действительно только потрескивал в пробирке. И все.

— Не взрывается... — простонал профессор. — Подлец, что вы наделали?

— Я же вам говорил. Пробирочку заменил.

— Так это правда? Когда?

— Минуту назад, когда вы отвернулись. Это я бросил камушек. Да вы не волнуйтесь. Генетон — наверняка прекрасное изобретение, только лучше уж его не испытывать.

— Действительно, не взрывается. — Профессор еще глубже засунул пробирку в огонь.

— Я еще никогда не видел, чтобы соль взрывалась, к тому же такая чистая... Вам плохо? — сказал репортер. Он молниеносно пролез под вагоном на другую сторону пути, изо всей силы толкнул дверь и вскочил внутрь.

Фаррагус издал глухой крик, закачался и упал. Его рука инстинктивно потянулась к карману. Репортер поддержал его, всунул руку в карман профессора и, найдя там флакончик с лекарством, силой влил лежащему без сознания Фаррагусу в рот несколько капель. Вскоре профессор начал дышать спокойнее.

Когда он открыл глаза, то увидел, что сорочка у него растегнута, а под голову засунуто что-то мягкое — пиджак Роутона, как оказалось. Что-то теплое согревало ему сердце. Профессор протер глаза — кот. Это было дело рук репортера.

— Страшно нервные вы, ученые, — сказал Роутон. — Ну, уже лучше, да? Пойдем баиньки! А может быть, вы скажете что-нибудь интересное нашим читателям? Я сейчас бегу к телефону. Будет чрезвычайный выпуск. Впрочем, это не обязательно. Можете не беспокоиться — уж я что-нибудь да придумаю за вас.

— Обокрал меня, обокрал... — шептал профессор, не в силах подняться. — Уйдите, уйдите, что за муки!

Он прикрыл глаза и лежал словно мертвый. Слезинка выкатилась у него из уголка глаза и сбегала на грязный пол.

— Да, обокрал, — деловито произнес репортер, — но мне сдается, я поступил правильно. Впрочем, с этим вы и сами позже согласитесь.

Он встал.

— А теперь потихоньку пойдем к ближайшей стоянке такси, — сказал он, — а кота я советую вам прихватить с

собой. Все-таки близкая душа. Я сам охотно взял бы его, но у меня такая злющая хозяйка. Она может его обидеть.

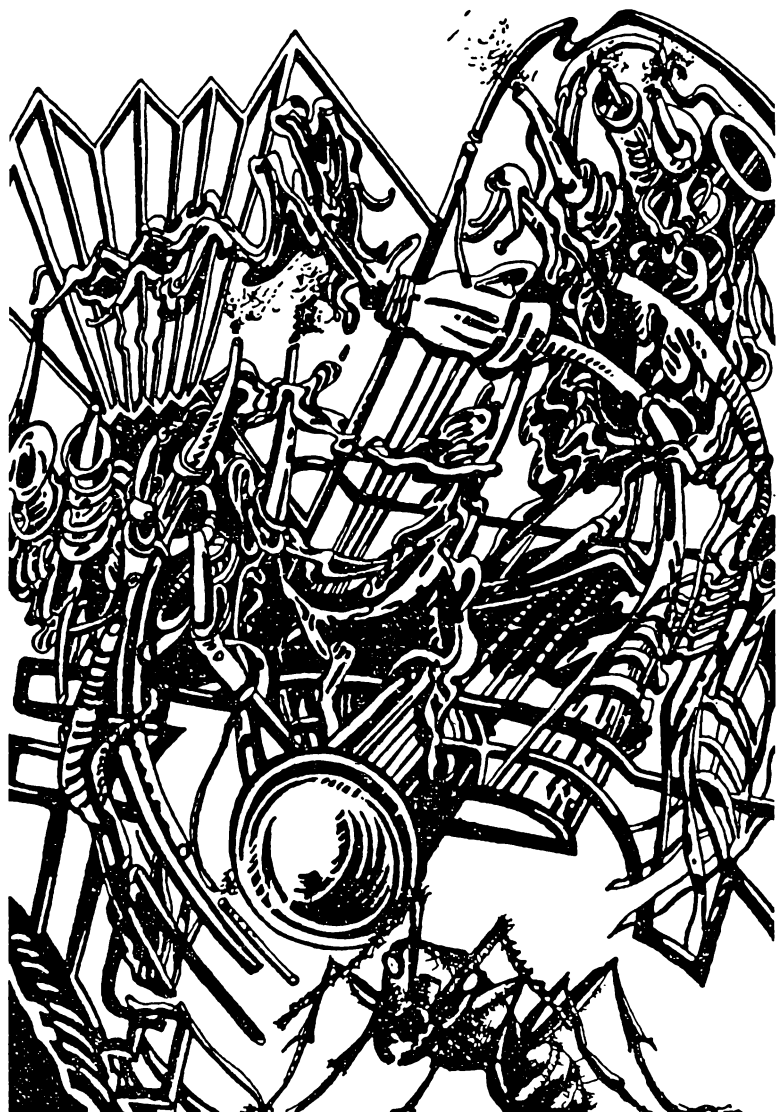
— Куда вы дели мой генетон? Что вы с ним сделали? — шептал профессор, пока репортер помогал ему встать.

— Порошок-то? Никуда пока еще не дел. Тут он — в карманчике для часов. Я, наверное, получил бы за него и миллион, да это не мое. Я отдам его вам, но, разумеется, только тогда, когда вы дадите мне честное слово — а? В связи с этим концом света у меня были некоторые расходы: танк влетел мне в шесть долларов, счетчик Гейгера почти в тридцать, мороженое, такси — да и радиоактивная паста тоже на улице не валяется... Но это уж мое дело. Вы мне дадите только слово. Вы это сделаете, правда? Вашего слова мне достаточно.

Астронавты

роман

Часть первая «КОСМОКРАТОР»

СИБИРСКИЙ МЕТЕОРИТ

30 июня 1908 года десятки тысяч жителей Средней Сибири могли наблюдать необычайное явление природы. В этот день рано утром на небе появился ослепительно белый шар, с необычайной быстротой мчавшийся с юго-востока на северо-запад. Его видели во всей Енисейской губернии. На всем пути его полета содрогалась земля, дребезжали в окнах стекла, обваливалась со стен штукатурка, трескались, карнизы; даже в отдаленных местностях, где шар не был виден, слышался тяжелый грохот, наводивший на людей страх. Многие полагали, что наступил конец света; рабочие в золотых копях бросили работу; тревога передалась даже домашним животным. Через несколько минут после исчезновения огненной массы из-за горизонта поднялся столб пламени и раздался четырехкратный взрыв, который был слышен в радиусе 750 километров.

Сотрясение земной коры отметили все сейсмографические станции Европы и Америки. Воздушная взрывная волна, распространяясь со скоростью звука, достигла Иркутска, расположенного в 970 километрах, через час, Потсдама — в пяти тысячах километров — через четыре часа сорок одну минуту, Вашингтона — через восемь часов и была снова отмечена в Потсдаме через тридцать часов двадцать восемь минут после того, как она обошла 34 920 километров вокруг земного шара.

В ближайшие ночи в средних широтах Европы появились светящиеся облака с таким сильным серебристым

Astronauti, 1950

Перевод З.Бобырь, 1957

блеском, что он помешал астроному Вольфу в Гейдельберге фотографировать планеты. Огромные массы расплывшихся частиц, выброшенных взрывом в самые высокие слои атмосферы, достигли через несколько дней другого полушария. Именно в это время американский астроном Аббот, исследуя прозрачность атмосферы, заметил, что в конце июня она сильно уменьшилась. Причины этого явления он тогда еще не знал.

Катастрофа в Средней Сибири, несмотря на свои размеры, не привлекла к себе внимания научного мира. В Енисейской губернии некоторое время носились фантастические слухи о метеорите; говорили, что он величиной с дом, даже с гору, рассказывали о людях, якобы видевших его после падения, но место падения в рассказах указывалось обычно далеко за пределами собственного уезда. О метеорите много писали и в газетах, но никто не предпринимал тщательных розысков, и событие это постепенно стало забываться.

Вспомнили о нем совершенно случайно. В 1921 году советский геофизик Кулик прочитал на оторванном от стенного календаря листке описание гигантской падающей звезды. Обезжая вскоре после этого обширные равнины Средней Сибири, Кулик убедился, что среди местных жителей живут еще воспоминания о необычайном событии 1908 года. Расспросив многих очевидцев, он решил, что метеорит, вторгшийся в Сибирь со стороны Монголии, пролетел над обширными равнинами и упал где-то севернее, вдали от всяких дорог и населенных пунктов, в непроходимой тайге.

С тех пор Кулик со всей страстью занялся поисками метеорита, известного в специальной литературе как Тунгусский болид. Обработав карты местности, где, по его предположению, упал метеорит, он передал их геологу Обручеву, когда тот в 1924 году отправился в самостоятельную экспедицию. Проводя по заданию Геологического комитета исследования в районе Подкаменной Тунгуски, Обручев достиг фактории Вановара, близ которой, по расчетам Кулика, должен был упасть метеорит. Он пытался собрать сведения о нем у местных жителей, но это оказалось нелегко, так как те скрывали место падения болида, считая его священ-

ным, а самую катастрофу — явлением огненного бога на землю. Однако Обручеву удалось узнать, что в нескольких днях пути от фактории вековая тайга была повалена на протяжении многих сотен километров и что метеорит упал не в районе Вановара, как полагал Кулик, а километров на сто севернее.

После того как Обручев опубликовал собранные сведения, дело получило наконец огласку, и в 1927 году советская Академия наук организовала под руководством Кулика первую экспедицию в сибирскую тайгу для розыска места падения метеорита.

Миновав населенные места, после нескольких недель трудного пути через тайгу экспедиция вошла в зону поваленного леса. Лес лежал вдоль пути метеорита на протяжении ста километров. Кулик писал в своем дневнике:

«...Я до сих пор не могу разобраться в хаосе тех впечатлений, которые связаны с этой экскурсией. Больше того, я не могу реально представить себе всей грандиозности картины этого исключительного падения. Сильно всхолмленная, почти гористая местность, на десятки верст простирающаяся туда, вдаль, за северный горизонт... Белым пологом полуметрового снега покрыты на севере дальние горы вдоль реки Хушмо. Не видно отсюда, с нашего наблюдательного пункта, и признаков леса; все повалено и сожжено, а вокруг многоверстной каймой на эту мертвую площадь надвинулась молодая двадцатилетняя поросль, бурно пробивающаяся к солнцу и жизни... И жутко становится, когда видишь десяти-двадцативершковых великанов, переломанных пополам, как тростник, с отброшенными на много метров к югу вершинами. Этот пояс поросли окаймляет горелое место на десятки верст вокруг, по крайней мере с юга и юго-восточной и юго-западной сторон от наблюдательного пункта. Дальше к периферии поросль переходит в нормальную тайгу, количество бурелома постепенно убывает и сходит на нет; и лишь местами на вершинах и сопках гор, имевших более или менее нормальную к направлению воздушной струи стену леса, белым пятном выступает теперь площадка с лежащими ниц насаждениями. А дальше — тайга, которой не страшны ни земные огни, ни земные ветры...»

Вступив в область бурелома, экспедиция много дней шла

среди поваленных, обугленных стволов, покрывавших торфянистый грунт. Вершины поваленных деревьев указывали на юго-восток, в ту сторону, откуда появился метеорит. Наконец 30 мая, через месяц после выхода из фактории Вановара, было достигнуто устье реки Чургумы, где разбили тринадцатый по счету лагерь. Севернее лагеря простиралась большая котловина, окруженная амфитеатром холмов. Тут экспедиция впервые встретила с радиально поваленным лесом.

«На перевале, — писал Кулик, — я разбил второй свой сухопутный лагерь и стал кружить по цирку гор вокруг Великой котловины. Сперва — на запад, десятки километров пройдя по лысым гребням гор, но бурелом на них уже лежал вершинами на запад. Огромным кругом обошел всю котловину я горами к югу — и бурелом, как замороженный, вершинами склонился тоже к югу. Я возвратился в лагерь и снова по плешинам гор пошел к востоку — и бурелом вершины все свои туда же отклонил. Я силы все напряг и вышел снова к югу, почти что к Хушмо — лежащая щетина бурелома вершины завернула тоже к югу... Сомнений не было: я центр падения обошел вокруг! Струею огненную из раскаленных газов и холодных тел метеорит ударил в котловину с ее холмами, тундрой и болотом, и, как струя воды, ударившись о плоскую поверхность, разбрызгивается в стороны, так точно струя из раскаленных газов с роем тел вонзилась в землю и действием своим, а также взрывной отдачей произвела всю эту мощную картину разрушения. И по законам физики (интерференция волн) должно быть тоже и такое место, где лес мог оставаться на корню, лишь потеряв от жара кору, листву и ветви».

В этот день участники экспедиции были убеждены, что главные трудности уже позади и теперь уже скоро они увидят то место, где гигантская масса ударила в земную кору. На следующий день они отправились в глубь котловины. Идти через лес, поваленный только местами, было трудно и опасно, особенно в первой, как правило, ветреной половине дня. Мертвые, обнаженные деревья неожиданно со страшным грохотом падали то здесь, то там, иногда совсем рядом с идущими и легко могли придавить их. Надо было не спускать глаз с вершин, чтобы вовремя отскочить, и в то же время

неотрывно смотреть на землю, так как местность кишела змеями.

В котловине, окруженной амфитеатром голых холмов, открылись новые холмы, равнинные участки, болота, ущелья и озера. Тайга здесь лежала параллельными рядами голых стволов, обращенных верхушками в разные стороны, а комлями к центру котловины. На поваленных деревьях были ясно видны следы огня, который обуглил мелкие ветки, обжег крупные сучья и кору. Близ центра котловины, среди раздробленных деревьев, было обнаружено множество воронок диаметром от нескольких метров и до нескольких десятков метров. Но тут первая экспедиция вынуждена была свою работу приостановить и немедленно возвращаться из-за недостатка провизии и полного изнеможения участников. Кулик и его товарищи были уверены, что обнаруженные в котловине воронки с илистым дном, залитые кое-где мутной водой, и есть кратеры, в глубине которых лежат обломки метеорита.

Вторая экспедиция с величайшими усилиями доставила в глубь тайги машины, которые дали возможность сделать первые пробные бурения после того, как были раскопаны и осушены воронки. Работы велись во время короткого жаркого лета, в духоте, кишашей комарами, целыми тучами поднимавшимися из болот. Бурение скважин ничего не дало. Не удалось найти не только куски метеорита, не были обнаружены даже следы его удара о землю — так называемая каменная мука, которая должна получиться в таких случаях, то есть мелкие обломки и песок, оплавленные высокой температурой. Зато встретились грунтовые воды, грозившие затопить машины. Когда же скважины обшили и откачали, что потребовало немалого труда, то буры наткнулись на скованный вечной мерзлотой грунт. Больше того: приехавшие сюда специалисты по добыче торфа — почвоведы и геологи — единогласно заявили, что эти кратеры не имеют ничего общего с метеоритом и что подобные образования, вызываемые нормальным процессом отложения торфа, встречаются на Крайнем Севере повсюду.

Тогда были начаты систематические поиски метеорита с помощью магнитных дефлектометров. Казалось несомненным, что такая огромная масса железа должна создавать маг-

нитную аномалию, притягивая к себе стрелки компасов. Но приборы не показали ничего.

С юга вдоль рек и ручьев к котловине вела широкая, растянувшаяся на много километров полоса бурелома. Самую котловину окружали лежавшие веером стволы. По расчетам, для этих разрушений требовалась энергия порядка тысячи триллионов эрг. Все говорило о том, что масса метеорита была огромной, однако не нашлось ни одного обломка, ни одного осколка, ни одного кратера — никаких следов необыкновенного происшествия.

Одна за другой шли в тайгу экспедиции, снабженные самыми чувствительными приборами. Создана была сеть триангуляционных пунктов, исследованы склоны холмов, дно озер и ручьев, даже на болотах пробуривались скважины — все напрасно! Раздавались голоса, что, быть может, метеорит относился к каменным — допущение неправдоподобное, так как наука не знает крупных каменных метеоритов, — однако и в этом случае местность была бы усеяна осколками. Когда же были опубликованы результаты исследований поваленного леса, возникла новая загадка.

Еще ранее было замечено, что тайга повалена неравномерно и что лежащие стволы не всегда обращены к центру котловины. Более того, в некоторых местах, на расстоянии всего нескольких километров от котловины, лес стоял нетронутый, необгорелый, а еще несколькими километрами дальше снова встречались тысячи поваленных елей и сосен. Это пробовали объяснить так называемым «влиянием затенения»: отдельные части тайги могли уцелеть, защищенные от воздушной волны хребтами холмов; а на вопрос, почему в некоторых местах деревья повалены в другую сторону, отвечали, что это явление вызвано обычной бурей и не имеет ничего общего с метеоритом.

Фотографирование с воздуха разрушило эти гипотезы. На стереоскопических снимках было ясно видно, что одни полосы леса действительно лежат концентрически вокруг котловины, а другие остались нетронутыми. Создавалось впечатление, что взрыв ударил по всем направлениям с неодинаковой силой, будто из центра котловины вырывались то широкие, то узкие «струи», которые валили деревья длинными полосами.

В течение многих лет дело это оставалось невыясненным. Время от времени в научной прессе завязывались дискуссии о Тунгусском метеорите. Выдвигались самые различные предположения, доказывали, что это была голова небольшой кометы или облако сгустившейся космической пыли, но ни одна из гипотез не могла объяснить всей суммы фактов. В 1950 году, когда история с метеоритом начала затихать, один молодой советский ученый выдвинул новую гипотезу, объяснявшую все удивительно смелыми предположениями.

За двое суток до появления Тунгусского метеорита над Сибирью, писал молодой ученый, один из французских астрономов заметил маленькое небесное тело, двигавшееся в поле зрения телескопа с большой скоростью. Астроном вскоре опубликовал свое наблюдение. Никто не связал этого наблюдения с сибирским происшествием, так как если бы это тело было метеоритом, оно упало бы в совершенно другой местности. Отождествить его с Тунгусским болидом можно было только в одном случае: если бы метеорит мог произвольно изменять направление и скорость своего полета, как управляемый корабль; но это предположение казалось настолько неправдоподобным, что никто о нем и не подумал.

Однако именно это утверждал молодой ученый. Падающая звезда, известная как Тунгусский метеорит, была, по его мнению, межпланетным кораблем, который приближался к Земле по гиперболической траектории из области созвездия Кита. Собираясь приземлиться, он начал описывать вокруг нашей планеты суживающиеся эллипсы. Именно в это время его заметил в свой телескоп французский астроном.

Корабль был, по земным понятиям, очень большой: его масса достигала, как можно предполагать, нескольких тысяч тонн. Летевшие в нем существа, наблюдая поверхность Земли с большой высоты, выбрали для посадки обширные, хорошо видимые издалека пространства Монголии, ровные, безлесные, словно созданные для того, чтобы принимать на свои пески космические корабли.

Корабль достиг Земли после долгого полета, во время которого набрал скорость в несколько десятков километров в секунду. Неизвестно, были ли испорчены в момент приближения тормозящие двигатели или путники просто недооце-

нили протяженности и плотности нашей атмосферы, — но только их корабль быстро раскалился добела от страшного трения, создаваемого сопротивлением воздуха.

Из-за того, что скорость была слишком велика, он и не приземлился в Монголии, а промчался над нею на высоте нескольких десятков километров. Вероятно, путникам надо было перед приземлением еще несколько раз облететь вокруг планеты, но они вынуждены были спешить — вследствие аварии или по какой-либо другой причине. Пытаясь уменьшить скорость, они пустили в ход тормозящие двигатели, работавшие неровно, с перебоями. Гул двигателей казался жителям Сибири громовыми раскатами. Когда корабль очутился над тайгой, струи раскаленных газов, вырывавшиеся из тормозящих двигателей, валили деревья во все стороны. Так образовалась стокилометровая полоса бурелома, сквозь которую позже пробирались сибирские экспедиции.

Над районом Подкаменной Тунгуски корабль начал терять скорость. Гористая, покрытая лесами и болотами местность не годилась для приземления. Пытаясь миновать ее, путники направили нос корабля кверху и снова запустили ведущие двигатели. Однако было уже поздно. Корабль — огромная масса раскаленного добела металла — терял управление, падал, двигатели работали неравномерно, корабль раскачивался. Вырывавшиеся из двигателей газы ломали лес то ближний, то дальний, валили его целыми полосами, обжигали кроны и сучья. В последний раз корабль поднялся кверху, пролетая над наружным кольцом холмов. Здесь, высоко над котловиной, произошла катастрофа. Вероятно, взорвались запасы горючего. В сильнейшем взрыве металлическая масса разлетелась на мельчайшие частицы.

Эта гипотеза объясняла все, что раньше было непонятным. Стало ясно, отчего в одних местах лес был уничтожен, в других только повален, в третьих обгорел, наконец — отчего кое-где уцелели островки нетронутых деревьев. Но почему корабль взорвался так, что от него не осталось ни малейшего осколка? Какое горючее может при взрыве засиять ярче солнца и обжечь тайгу на протяжении десятков километров? Ученый ответил и на эти вопросы. Существует, ут-

верждал он, только один способ, которым можно распылить огромный металлический звездолет настолько, чтобы от него не осталось ни одного видимого простым глазом осколка, и существует только одно горючее, пылающее с силой Солнца.

Этот способ — расщепление атома, а горючее — атомное ядро.

Когда двигатели отказались работать, запасы атомного горючего взорвались. В двадцатикилометровом столбе огня огромный корабль испарился и исчез, как капля воды, упавшая на раскаленную плиту.

Гипотеза молодого ученого не нашла такого отклика, какого можно было ожидать. Она была чересчур смелой. Одни ученые считали, что фактов этих недостаточно для ее обоснования; другие — что вместо вопроса о метеорите она выдвигает вопрос о межпланетном корабле; третьи отнеслись к ней как к фантазии, достойной скорее писателя, чем трезвого астронома.

Несмотря на то, что скептических голосов было много, молодой ученый организовал новую экспедицию в глубь тайги для исследования излучений на том месте, где произошла катастрофа. Нужно было, однако, считаться с тем, что за эти сорок с лишним лет недолговечные продукты распада могли исчезнуть. Поверхностные глины и мергели в котловине показали при исследовании лишь незначительное содержание радиоактивных элементов — настолько незначительное, что нельзя было сделать никаких заключений, так как ничтожные количества радиоактивных веществ имеются во всяком грунте. Разницу можно объяснить только погрешностью измерения. Их могло оказаться больше или меньше, в зависимости от личного мнения экспериментатора. Вопрос так и остался нерешенным. Постепенно утихли последние отголоски дискуссии в научной печати. Периодическая печать еще некоторое время интересовалась, откуда мог прибыть межпланетный корабль и какие существа в нем летели, но эти бесплодные рассуждения вскоре уступили место известиям о ходе строительства огромных электростанций на Волге и Дону, о том, что атомной энергией окончательно пробита Тургайская стена, о повороте вод Оби и Енисея в бассейн Каспийского моря. На далеком Севере густые массивы тайги с каждым годом вырастали все выше над пова-

ленными стволами, погружавшимися все глубже в топкую почву. Отложения торфа, подмыв и намыв речных берегов, нагромождение льдов, таяние снегов — все эти процессы соединились, чтобы стереть последние следы катастрофы. Казалось, что ее тайне суждено навеки утонуть в бездне человеческого забвения.

«ОТЧЕТ»

В 2003 году был закончен частичный отвод Средиземного моря в глубь Сахары, и гибралтарские гидроэлектростанции впервые дали ток для североафриканской сети. Много лет прошло уже после падения последнего капиталистического государства. Окончилась тяжелая, напряженная и великая эпоха справедливого преобразования мира. Нужда, экономический хаос и войны не угрожали больше великим замыслам обитателей Земли.

Росли не стесняемые границами континентальные сети высокого напряжения, сооружались атомные электростанции, бесплодные заводы-автоматы и фотохимические преобразователи, в которых энергия Солнца превращала углекислоту и воду в сахар. Этот процесс, в течение миллионов веков совершавшийся в растениях, теперь был подвластен человеку.

Науке уже не нужно было заниматься созданием средств уничтожения. Служа коммунизму, она сделалась мощным орудием преобразования мира. Казалось, обводнение Сахары и направление вод Средиземного моря к электрическим турбинам — это подвиги, которые долгое время останутся непревзойденными; но уже через год началась работа над проектом столь неслыханной смелости, что перед ним отступал в тень даже Гибралтарско-Африканский гидроэнергетический комплекс. Международное бюро регулирования климата от скромных опытов по местному изменению погоды, от управления дождевыми тучами и передвижки воздушных масс перешло к фронтовой атаке на главного врага человечества. Этим врагом был холод, сотни миллионов лет сковывавший полярные области планеты. Вечные льды, покрывавшие Антарктику, шестую часть света, панцирем в

несколько сот метров толщиной сковывавшие Гренландию и острова Ледовитого океана, — эти льды, источник холодных подводных течений, омывающих северные берега Азии и Америки, — должны были исчезнуть навсегда. Для достижения этой цели нужно было обогреть огромные пространства океана и суши, растопить тысячи кубических километров льда. Необходимая для этого количества теплота измерялась триллионами калорий. Такой гигантской энергии уран дать не мог. Для этого все его запасы оказались бы слишком ничтожными. К счастью, одна из наиболее — как всегда считалось — оторванных от жизни наук, астрономия, открыла источник энергии, поддерживающей вечный огонь звезд: это превращение водорода в гелий. В горных породах и в атмосфере Земли водорода мало, но неисчерпаемым хранилищем его являются воды океанов.

Мысль ученых была простой: создать близ полюсов огромные «костры» с температурой Солнца, чтобы осветить и обогреть ледяные пустыни. Однако на пути к осуществлению этого проекта встали трудности, казавшиеся непреодолимыми.

Когда люди научились превращать водород в гелий, то оказалось, что никакой из известных на Земле материалов не в силах выдержать температуру в миллионы градусов, получающуюся при этой реакции. Самая прочная шамотная плитка, прессованный асбест, кварц, слюда, благороднейшая вольфрамовая сталь — все превращалось в пар, соприкасаясь с ослепительным атомным огнем. У человечества было топливо, с помощью которого можно было растапливать льды и осушать моря, изменять климат, согревать океаны и создавать вокруг полюсов тропические джунгли, но не было материала, из которого можно было бы построить для него печь.

Но так как ничто не может остановить людей, стремящихся к достижению поставленной цели, то и эта трудность была побеждена.

Если, рассудили ученые, нет материала, чтобы построить печь для превращения водорода в гелий, то этой печи строить не надо. Нельзя также разжечь атомный «костер» на поверхности Земли, так как он растопил бы ее и погрузился в грунт, вызвав катастрофу. Следует попросту подвесить его в

атмосфере, как облако, но облако, которым можно управлять.

Ученые решили сделать искусственные полярные солнца в виде раскаленных газовых шаров по несколько сот метров в диаметре; размещенные вдали вентиляторы будут снабжать их водородом, а сооруженные (тоже на безопасном расстоянии) управляющие установки создадут мощные электромагнитные поля, чтобы удерживать эти солнца на нужной высоте.

В первой фазе работ, рассчитанных на двадцать лет, было начато строительство электростанций, которые предназначались для снабжения энергией управляющих установок. Эти станции, расположенные в северной Гренландии, на островах Гранта, на архипелаге Франца-Иосифа и в Сибири, должны были составить так называемое Атомное кольцо управления. В покрытой льдом, безлюдной гористой местности появились заводы на колесах и гусеницах. Машины корчевали тайгу и производили нивелировку местности, машины же давали тепло для оттаивания грунта, оставшегося мерзлым миллионы лет, машины укладывали готовые бетонные блоки, из которых получались автострады, фундаменты домов, дамбы и защитные перемычки в ледниковых долинах. Машины, двигавшиеся на стальных ногах — землечерпалки, грейдеры, бурильные вышки, экскаваторы, погрузчики, — работали днем и ночью, а вслед за ними двигались другие, устанавливая мачты высокого напряжения, трансформаторные станции, жилые дома, сооружая целые города и аэродромы, на которых сразу же стали приземляться большие транспортные самолеты.

Работы эти вызвали широкий отклик. Внимание всего мира было устремлено на далекий Север, где среди морозов и вьюг, при температуре, падающей зимой до шестидесяти градусов ниже нуля, одна за другой вставали бетонные башни и стальные линзы Атомного кольца, которое должно властвовать над пылающими платиновым блеском водородными шарами.

Одной из таких строительных площадок был район Подкаменной Тунгуски. Среди глинистых и мергельных оврагов, в глубоких шурфах, пробитых в твердой, как скала, вечной мерзлоте, на мощных бетонных сваях монтировались пуско-

вые станции для ракет, заменяющих железнодорожное сообщение. Однажды во время работы один из экскаваторов извлек со дна семиметрового котлована кусок грунта, который, упав на транспортер, достиг камнедробилки, дробящей камни в мелкий щебень. Там этот кусок застрял. Агрегат сразу же остановился. А когда машинист прибавил мощности, то зубцы, сделанные из очень крепкой цементированной стали, хрустнули и сломались. Машину разобрали и между ее валами нашли вклинившийся камень, такой твердый, что по нему трудно было пройти напильником. Об этой находке случайно узнали ученые, ожидавшие в Подкаменной Тунгуске самолета в Ленинград. Рассмотрев загадочный камень, они взяли его с собою. На следующий день он уже лежал в лаборатории Ленинградского института метеоритики.

Сначала решили, что это метеорит; однако это был обломок базальта земного происхождения, в который вплавился заостренный с обоих концов цилиндр, формой и размером похожий на ручную гранату. Этот цилиндр состоял из двух частей, свинченных очень прочно; и только распилив стенки, можно было узнать о том, что внутри него. После долгих усилий, призвав на помощь специалистов из Института прикладной физики, ученым все же удалось вскрыть таинственную оболочку. Внутри оказалась катушка из сплава, похожего на фарфор, с навитой на него стальной проволокой длиной почти в пять километров. Вот и все.

Через четыре дня была создана международная комиссия, занявшаяся исследованием катушки. Вскоре установили, что навитая на нее проволока была когда-то намагничена. Наружные витки, подвергшиеся некогда сильному нагреву, утратили магнитные свойства, но в более глубоких слоях они сохранились хорошо.

Ученые терялись в догадках, стараясь объяснить происхождение таинственной катушки. Никто не решался первым высказать предположение, которое было у всех на устах. Но все разъяснилось, когда технологи произвели анализ сплава, из которого была сделана проволока. Такого сплава на Земле никогда не существовало. Находка была явно внеземного происхождения и, очевидно, находилась в какой-то связи с нашумевшим некогда Тунгусским метеоритом. Неизвестно, кто первым произнес слово «отчет». Действительно, прово-

лока была намагничена так, словно по всей ее длине было что-то «написано» электромагнитным способом, и являлась единственным в своем роде «межпланетным посланием». Это походило на способ записи звука, давно уже применявшийся в радио и телефонии. Тотчас же возникло предположение: в критический момент, когда стало ясно, что двигатели выходят из строя, пассажиры неизвестного космического корабля пытались спасти то, что считали самым ценным — документ, «написанный» магнитными колебаниями на проволоке, и выбросили его из корабля перед катастрофой. Однако были и такие, которые утверждали, что катушку выбросило из корабля взрывной волной, о чем свидетельствуют термические изменения ее поверхности.

В научной печати и газетах велись долгие дискуссии о происхождении межпланетного корабля. В Солнечной системе не было, вероятно, ни одной планеты, о которой бы не подумали: именно оттуда прилетал корабль. Даже у далекого Урана и у гигантского Юпитера оказались свои сторонники, но в основном общественное мнение разделилось между приверженцами Венеры и Марса. У последнего их было почти вдвое больше, чем у прочих. Небывало возрос интерес к астрономии. Популярные и даже специальные книги расходились невероятными тиражами, а спрос на любительские астрономические приборы, особенно на подзорные трубки, взлетел на такую высоту, что самые большие склады нередко зияли пустыми полками. Астрономическая тематика все больше вторгалась и в искусство: появились фантастические повести о загадочных существах на Марсе, которым авторы приписывали самые невероятные свойства. Некоторые телевизионные станции передавали в своих еженедельных научных программах специальные лекции, посвященные астрономическим вопросам. Огромным успехом пользовался передаваемый из Берлина, а оттуда по всему северному полушарию видовой телевизионный фильм «Полет на Луну». Зрители, сидя дома, видели поверхность Луны, приблизившуюся в три тысячи раз благодаря тому, что телепередатчики были установлены у большого телескопа в Гейдельбергской обсерватории.

Созданный тем временем Международный комитет переводчиков начал пресловутую «борьбу за проволоку», как на-

звал ее специальный научный корреспондент «Юманите». Труднейшие проблемы египтологов и санскритологов, специалистов по мертвым и исчезнувшим языкам, казались игрушкой в сравнении с задачей, представшей перед учеными. «Отчет» состоял более чем из восьмидесяти миллиардов магнитных колебаний, увековеченных в кристаллической структуре проволоки. Отдельные группы колебаний разделялись небольшими ненамагниченными промежутками. Возникла мысль, что каждый намагниченный участок представляет собою слово, но это предположение могло быть и ошибочным. Так называемый «отчет» мог в действительности оказаться записью показаний различных измерительных приборов. Многие ученые считали, что если даже «отчет» записан словами, то структура этого языка может быть совершенно отличной от структуры всех известных на Земле языков. Но и эти ученые соглашались с тем, что нельзя упускать случая, который представился науке впервые в ее истории. В руках ученых оказался лишь отрезок намагниченной проволоки, и они принялись за дело.

Труднее всего было вначале. Всю проволоку пропустили сквозь аппараты, которые записали магнитные колебания на киноленту. Драгоценный оригинал был отправлен в подземное хранилище. Отныне и до конца работ ученые имели дело только с его копиями.

На предварительных совещаниях было решено пойти по единственному пути, обещающему успех. Слова каждого языка — это символы, означающие определенные предметы или понятия; поэтому расшифровка языков вымерших народов, кодов и других криптограмм того же рода опирается на правила, общие для всех языков. Отыскивают символы, повторяющиеся наиболее часто, исследуют, какой характер имеет данный язык — образный, буквенный или слоговой, — и, что всего важнее, подыскивают способ, который позволяет понять значение хотя бы одного выражения.

Тут на помощь ученым порой приходит счастливый случай: так было с египетскими иероглифами, когда нашли надгробие, на котором одна и та же надпись была вырезана иероглифами и по-гречески, так было и с вавилонской клинописью.

Однако при исследовании неизвестных земных языков

самым важным было то, что творцы каждого из них были такими же существами, как и исследователи: жили некогда на той же планете, их обогревало то же солнце, они видели те же звезды, растения и моря, а это, безусловно, способствовало созданию общих символов. Но сейчас все обстояло иначе. Какие понятия можно было считать общими для неизвестных путешественников и для людей? Где надлежало перекинуть мост через бездну, разделявшую существа с различных планет?

Этим соединяющим звеном могло служить только одно: материя.

Вся Вселенная, от мельчайших песчинок у нас под ногами и до самых отдаленных звезд, состоит из одних и тех же атомов. Во всех уголках пространства материей управляют одни и те же законы, и все они могут быть выражены математически. «Если неизвестные существа пользовались этим при записи «отчета», — сказали себе ученые, — то мы можем добиться успеха. В противном случае «отчет» останется непрочитанным навсегда».

Однако принятие этого положения было только первым шагом на исключительно трудном и долгом пути. Казалось бы, сейчас надо попросту просмотреть «отчет» и отыскать в нем общие физические законы; но на данном этапе это было невозможно. Прежде всего, таких законов очень много, и к тому же неизвестно было, какой системой счисления пользовались авторы «отчета». Десятичная система, состоящая из девяти цифр и нуля, кажется нам самой понятной и единственной, но для математиков это не так. Она принята нами потому, что на руках у нас десять пальцев, а руки в доисторические времена служили для наших предков счетами. Теоретически, однако, можно представить себе множество таких систем, начиная с двоичной, в которой есть только две цифры — 1 и 0, через троичную, четверичную, пятеричную, и так до бесконечности. В своих работах Комитет переводчиков ограничился, из практических соображений, только семьюдесятью девятью системами: от двоичной до восьмидесятеричной. Задача была такова: просмотреть миллионы магнитных колебаний и для каждого колебания рассчитать его величину в семидесяти девяти различных системах счисления. Уже одно это требовало свыше миллиарда расчетов,

но это было только началом, так как полученные результаты нужно было снова пересмотреть в поисках таких, которые соответствовали бы физическим постоянным. А таких постоянных, как атомные веса или заряды, известно несколько сот. Но и это еще не все, ибо в таком море чисел результаты, соответствующие одной из постоянных, могли встретиться случайно. Потребовалось бы еще применить поверочные вычисления. Для всей этой работы, которая служила только вступлением к переводу, понадобились бы, по подсчетам, тысячи самых лучших вычислителей, причем им пришлось бы трудиться над этим всю жизнь.

Однако все вычисления были выполнены всего лишь за двадцать семь дней. Комитет переводчиков получил в свое распоряжение крупнейший в мире «Электронный мозг», могучую машину, занимавшую четыре этажа в Ленинградском математическом институте.

Работой этого гиганта управлял штаб специалистов Централи управления, помещавшейся на самом верхнем этаже института. «Мозгу» было дано задание: просмотреть все знаки «отчета», отыскивая в них что-либо похожее на физические константы, сделать это во всех системах счисления, от двоичной до восьмидесятеричной, найденные таким способом результаты проверить, каждый этап своей работы записывать и тотчас же представлять для сведения.

Централью управления был круглый зал из белого мрамора. В нем светились зеленоватые экраны, на которых последовательно показывались результаты операции. С того мгновения, как первые перфорированные ленты с командами исчезли в глубине машины и зажглись сигнальные лампы, и до того, как контрольные красные лампочки погасли, прошел шестьсот сорок один час непрерывной работы. В то время как дежурные ученые сменялись по шести раз в сутки, «Мозг» выполнял до пяти миллионов расчетов в секунду, не прерывая работы ни днем ни ночью. Невозможно выразить словами, что представляет собой проделанная работа. Достаточно сказать, что язык «отчета» оказался похожим не столько на какую-нибудь речь, сколько на необычную музыку: то, что соответствует земным словам, появлялось в нем в различных «тональностях».

Иногда для всех необходимых расчетов оказывались не-

достаточными даже способности «Мозга». В таких случаях автоматически включались подземные кабели, соединявшие «Главный мозг» с другими, тоже находившимися в пределах Ленинграда. Чаще всего на помощь приходил «Электронный мозг» Института теоретической аэродинамики.

Наконец наступила минута, когда на экранах появились результаты. В Централи пронзительно зазвенели звонки, но и без их вызова все дежурные оторвались от пультов, всматриваясь в первые доступные человеческому пониманию выражения «отчета». Первая прочитанная фраза звучала так: *«Кремний кислород алюминий кислород азот кислород водород кислород»*.

Это означало Землю.

Четырежды повторенное слово «кислород» было записано различной частотой колебания. Вполне понятно, что «отчет» говорил здесь о физических свойствах Земли. Окислы кремния и алюминия — это главные составные части земной коры, окруженной азотом и кислородом воздуха и покрытой окисью водорода: водой морей и океанов. Но в этой простой с виду фразе крылось гораздо большее. Прежде всего в таких выражениях «отчета», как кремний, алюминий, кислород, были некоторые особенности, которые, встречаясь в других местах в чистом виде, означали материю вообще. Далее, вся эта фраза из восьми слов подчинялась определенной функции высшего порядка, которая соответствовала криволинейной поверхности. Речь шла о поверхности шара, то есть именно о земной коре.

С этого момента расшифровка «отчета» пошла уже быстрее, хотя немало еще встречалось неясных, вызывавших горячие споры мест. По мере того как продвигалась работа, впервые в истории выявлялась общая картина Земли и мира в восприятии существ, которые не были людьми. «Отчет» распадался на несколько частей. Во вступительной содержалось физическое описание нашей планеты, рельефа ее поверхности, формы материков, морей и их химического состава. Но не здесь крылись главные трудности. Первое разногласие среди переводчиков возникло при чтении места, где «отчет» говорил о человеческих городах. Несмотря на большую скорость и высоту полета корабля, неизвестным существам удалось заметить заводы, дома, дороги и даже

рассмотреть людей на полях и на улицах. Непонятным, однако, было то, что в общем описании замеченных явлений они говорили о людях как о чем-то маловажном и, казалось, не считали их ни строителями, ни творцами земной цивилизации. «Отчет» называл людей «продолговатыми каплями» (как следовало из объяснений, речь шла о каком-то «тягучем, мягком веществе», из которого состоят наши тела) и считал их частицами большой однородной массы, от которой они на какое-то время отделились в виде этих «капель». Эта масса для авторов «отчета» была, как видно, чем-то хорошо известным, так как они высказывали предположение, что люди состоят из вещества, аналогичного... (здесь следовало непереведенное слово, так как соответствующего ему понятия не нашлось ни в одном из земных языков). Далее в «отчете» говорилось о городах, жилых домах, железных дорогах, вокзалах, портах с такими подробностями, что читавших невольно приводила в изумление точность наблюдательных инструментов, какими должны были пользоваться пассажиры межпланетного корабля. Но и здесь в основе описания лежало то же совершенно непонятное смещение понятий: авторы «отчета» усиленно разыскивали творцов земной технической цивилизации, даже не предполагая, что ими являются люди. То, что они видели людей, не подлежало сомнению, так как несколькими фразами ниже удалось прочесть: «В поле зрения ползает довольно много продолговатых капель».

Тщательно обсудив эту часть «отчета», ученые пришли к выводу, что это смещение понятий, это «недопонимание» ни в коей мере не являются случайными, что именно в этом кроется тайна неизвестных существ. На новый, хотя тоже не вполне ясный, след наводило одно краткое заявление в последующем разделе «отчета». Повторяя уже высказанное ранее суждение, что творцов технических устройств они никак не могут увидеть, авторы добавляли: «быть может, потому, что они (далее опять следовало непереведенное слово) размеров».

Ключ к тайне лежал, по-видимому, в непонятном слове. Предположение, что это было имя прилагательное, вроде «маленький» или «мелкий», пришлось сразу отбросить, так как прилагательные в языке «отчета» характеризовались совсем другим расположением магнитных колебаний. А будь

это местоимением, то фраза звучала бы только так: «что они наших размеров».

Исследования показали, что самые маленькие предметы, которые неизвестным существам удавалось заметить с высоты своего полета, имели размер семи-восми сантиметров. Но если эти существа считали, что не могут рассмотреть «творцов земной цивилизации» лишь потому, что они «их размеров», то можно было догадаться и о сравнительно небольших размерах этих неизвестных существ — во всяком случае, не крупнее восьми сантиметров. Это было единственное место в «отчете», которое давало возможность судить о размерах таинственных существ. Но и такая гипотеза представлялась чрезвычайно шаткой, так как в языке «отчета» не было найдено ни одного местоимения вроде «мы», «я», «наше» и тому подобного.

А дальше в тексте все чаще встречались «белые пятна», то есть места, которые нельзя было прочесть либо из-за ослабления электромагнитных колебаний, либо потому, что там появлялись понятия, которые не поддавались расшифровке ни путем анализа колебаний, ни путем «догадок», то есть подстановки вероятных терминов, хотя смешанная группа математиков и лингвистов занимались этим, можно сказать, со сверхчеловеческим упорством.

Заключение «отчета» содержало краткое, но чрезвычайно толковое описание трагедии, которой закончился полет корабля. Приводились данные измерительных приборов, указывавшие на резкий рост скорости атомного распада, на огромный скачок температуры и на остановку двигателей. Потом магнитные значки оказались стертыми. Следовала небольшая чистая полоса и за ней два отчетливых слова: «Предохранители перегорели». На этом «отчет» обрывался.

Как уже было сказано, ученые познакомились с содержанием «отчета» в общих чертах. Расшифровка непрочитанных мест не могла уже дать ничего нового, кроме незначительных подробностей, и поэтому Комитет переводчиков приступил к следующему этапу работы. Были выделены три секции, и каждая из них получила особое задание.

Первая секция, под руководством профессора Клювера, должна была собрать и расширить наши познания о неизвестных существах. В нее входили главным образом естест-

венники: биологи, зоологи, ботаники, врачи; был также один специалист по астробиологии — этой молодой, но бурно развивающейся науки, исследующей проявления жизни на всех, кроме Земли, небесных телах. Вторая секция сверяла перевод «отчета» с оригиналом — пресловутой намагниченной проволокой, извлеченной из подземного хранилища Института математики. Третья — корпела над еще нерасшифрованными местами «отчета». В нее входило много математиков и физиков, которые работали преимущественно в Центральном «Электронного мозга», заставляя его без конца производить самые запутанные расчеты. Это вызвало даже легкую стычку с биологами, утверждавшими, что физики оккупировали Математический институт и не дают возможности им, биологам, пользоваться «Электронным мозгом».

В то время когда миллионы людей знакомились по радио, газетам и телевидению с кратким содержанием расшифрованной части «отчета», в работе Комитета переводчиков произошел драматический поворот.

Первым шагом к открытию, которое казалось главным, явилась дискуссия в секции биологов, куда в качестве гостя и эксперта был приглашен Чандрасекар, великий индийский математик. В связи с упомянутым уже местом в «отчете», из которого якобы следовало, что неизвестные существа должны быть небольших размеров, один из ученых выдвинул предположение, что это насекомые, живущие обществами, как пчелы или муравьи, но наделенные, несомненно, более высоким разумом. Руководитель секции, профессор Клювер, ответил на это:

— Чтобы иметь высокий разум, нужен большой мозг. Насекомые же не могут иметь крупного мозга по тем же причинам, по каким не могут иметь крупного тела. Это не позволяет их устройство. Их дыхательная система не сможет дать им достаточно кислорода, если размеры их тела будут превышены хотя бы на несколько сантиметров. Именно поэтому очень крупных насекомых нет и никогда не существовало.

Оппонент заметил, что дыхательная система неизвестных существ может быть устроена и по-другому. Профессор Клювер возразил на это, что насекомые, у которых нервная и дыхательная системы не такие, как у всех насекомых, не

являются, по его мнению, насекомыми. С таким же успехом можно назвать животных растениями, снабженными нервной, мышечной и кровеносной системой. Но разве от этого что-нибудь изменится, кроме ничего не объясняющего названия?

Завязался горячий спор, в котором каждая сторона защищала свое мнение. Уже казалось, что вечер пройдет в бесплодных спорах, как вдруг слово попросил профессор Чандрасекар, до сих пор молча слушавший прения.

— Я пришел сюда с определенной мыслью, — заговорил он, — которая, быть может, бросит некоторый свет на обсуждаемую проблему. Я тщательно изучил показания очевидцев падения Тунгусского метеорита. Все они обратили внимание на то, что во время появления метеорита на земле были видны тени таких предметов, как деревья и дома, причем тени эти двигались в обратном полету направлении. Отсюда следует, что «отчет», по крайней мере в своей заключительной части, не мог быть написан живыми существами.

Слушатели, глубоко пораженные этим утверждением, смотрели на математика. А тот, подойдя к доске, выбрал кусок мела покрупнее и сразу же приступил к вычислениям. Он рассуждал следующим образом: в день падения метеорита была солнечная погода, а если предметы в свете метеорита отбрасывали тени на солнечных местах, то блеск его, очевидно, был сильнее солнечного. Значит, и температура у него была выше солнечной. Зная длительность пребывания метеорита в земной атмосфере, профессор рассчитал, что, независимо от толщины стенок корабля, внутри его была температура не менее шестисот градусов. В таких условиях ни одно живое существо не выдержало бы, конечно, ни минуты. Тем не менее «отчет» продолжался в течение всего полета, вплоть до момента катастрофы. Следовательно, либо его записывали автоматические приборы и в ракете вообще никого не было, либо неизвестные существа обладают совершенно иным строением, чем животные или растения.

Биологи выслушали Чандрасекара с величайшим вниманием, признали его доводы убедительными и постановили ознакомить с ними на следующий день общее собрание Комитета. Но когда они утром сошлись в Малом зале института, их, как и всех остальных ученых, пригласили в Большой

колонный зал на чрезвычайное заседание с никому не известной заранее повесткой дня. Это удивило всех, так как до сих пор Комитет не придерживался таких строгостей. Заседание происходило при закрытых дверях и без приглашаемых обычно гостей. Профессор Рамон-и-Карраль из Национального астрономического института в Веракрусе, бывший в этот день председателем, сообщил, что третья секция в ходе своих работ открыла факт колоссального значения и безотлагательное исследование его представляет огромную важность, так как от него, быть может, зависит судьба всего мира. Затем председатель предоставил слово профессору Лао Цзу. Китайский физик не стал говорить в микрофон со своего места, как это делалось обычно, а поднялся на помост для президиума — вероятно, потому, что хотел видеть всех, к кому обращался.

Громкие слова, которыми председатель открыл собрание, никого не удивили, так как горячий, юный темперамент старого мексиканского астронома был всем известен, но первая же фраза физика наэлектризовала весь зал, ибо Лао Цзу считался одним из самых трезвых и самых критических умов в Комитете переводчиков.

Лао Цзу рассказал о новом способе чтения «отчета», примененном третьей секцией. Способ основывался на фотографировании в рентгеновских лучах тех частей проволоки, где намагничивание было стерто. В заключение Лао Цзу прочел дословный перевод места, которое удалось расшифровать этим способом. Он гласил:

«После второго элемента обращения начнется облучение планеты. Когда напряжение ионизации спадет до половины, начнется Великое движение».

В переполненном зале стояла мертвая тишина. Не слышно было ни дыхания, ни даже обычного поскрипывания кресел. Одни с закрытыми от напряжения глазами прижимали обеими руками к ушам наушники, другие лихорадочно записывали слова китайского физика. Дважды повторив переведенную фразу, Лао Цзу сказал, что третья секция склонна понимать ее так: элемент обращения — это какая-то единица времени, довольно длительная, которую можно сравнить с земным годом. Что означает «облучение планеты»? Очевидно, воздействие каким-то видом лучистой энергии, вы-

зывают ионизацию. О какой планете идет речь, не вполне ясно, так как переведенная фраза относится к восстановленным, — она была стерта, — но некоторые признаки позволяют судить, что речь идет о нашей планете, о Земле.

— Какую цель может преследовать «облучение»? Это тоже не вполне ясно, — сказал Лао Цзу, — но, видимо, неизвестные существа собираются направить на Землю мощный заряд энергии, а когда его действие через какое-то время прекратится, начнется «Великое движение». Если под «Великим движением» понимать наплыв неизвестных существ на нашу планету, то вся эта фраза может иметь только одно значение: неизвестные существа хотят уничтожить жизнь на Земле и поселиться на ней.

В заключение физик подчеркнул, что все это звучит невероятно и неправдоподобно, а отдельные части прочитанного предложения, из которых можно сделать вывод о «нападении на Землю», соединены между собою довольно слабо. Однако в таких обстоятельствах, когда речь идет о чем-то совершенно неслыханном в истории, а именно об угрозе для жизни всего человечества, трудно быть слишком критическим и придерживаться со всей строгостью науки. Опасность настолько серьезна, что надо задуматься, даже если все это кажется и неправдоподобным.

Председатель, профессор Карраль, взял слово, чтобы призвать собравшихся к спокойствию и вниманию; затем началась дискуссия. Некоторые считали, что фраза прочитана правильно, но тем не менее дело представляется им вовсе не таким страшным, ибо межпланетный корабль был только первым разведчиком и массовое вторжение на Землю могло начаться, по-видимому, только после его возвращения. Но так как произошла катастрофа, то опасность — если она и была — Земле не угрожает. Лучшим доказательством служит то, что после катастрофы прошло уже в полном спокойствии почти сто лет. Другие возражали, что несколько десятков лет — это сравнительно долгий срок только в человеческом понимании. «Быть может, — говорили они, — элемент обращения равен двум сотням лет, если не больше. Неизвестные существа могут оказаться очень долговечными. Кто возьмется утверждать, что они не меряют свое существование тысячелетиями?» Председатель попросил первую сек-

цию высказаться относительно природы неизвестных существ, выходящих из глубин Вселенной, возбуждавших до сих пор лишь всеобщее изумление и любопытство, но превратившихся вдруг в смертельных врагов человечества.

От биологов выступил Чандрасекар, поделившийся с присутствующими своими соображениями. В ответ один из физиков заметил, что проблема эта, быть может, с самого начала была истолкована неправильно: кто знает, не был ли межпланетный корабль попросту огромным «механическим мозгом», наделенным инициативой и способностью к самостоятельному действию. Существам, построившим его, вовсе не нужно было в нем находиться. В таком случае все особенности «отчета» становятся отличительными чертами не этих неизвестных существ, а «механического мозга», который его написал. И мы по-прежнему ничего не знаем об этих неизвестных существах. Проблема так и осталась нерешенной.

Комитет переводчиков оказался в необычайно тяжелом положении. Как следует отнестись к предположению о грозящей человечеству опасности? Существует ли такая угроза вообще? Быть может, неизвестные существа действительно собирались колонизировать Землю; но опираются ли их планы на какие-нибудь реальные возможности?

В первом часу ночи председатель прекратил дискуссию. Закрывая заседание, он заявил, что продолжение прений состоится только через два дня, так как есть надежда, что к тому времени секция астрофизиков, к работе в которой привлекли самых выдающихся математиков, сможет представить общему собранию новые факты относительно происхождения неизвестных существ.

Почти никто не знал, что работы астрофизиков, о которых упомянул председатель, велись еще с полуночи предыдущего дня, то есть с того момента, когда президиум Комитета ознакомился с тем местом «отчета», которое удалось перевести лишь третьей секции.

На самом верхнем этаже Математического института работало в полном уединении одиннадцать ученых.

Пока Лао Цзу и Чандрасекар были на заседании Комитета переводчиков, руководство всеми работами «Электронного мозга» взял на себя астрофизик Арсеньев. Он сопоста-

вил числовые данные о полете корабля с его предполагаемой скоростью, с мощностью двигателей, даже со звездными картами неба за 1908 год. Чрезвычайно трудный расчет, основанный на отборе нескольких определенных величин из нескольких тысяч возможных, был завершён лишь через двадцать девять часов непрерывной работы. Через полтора дня после заседания, на котором члены Комитета ознакомились со злополучной фразой, трое ученых, стоя перед главным экраном «Мозга», прочли последние результаты и молча переглянулись. Арсеньев подошел ближе и с высоты своего огромного роста смотрел на мерцающий зеленоватым блеском экран. Сомнений не оставалось: корабль вылетел с планеты нашей Солнечной системы, да еще с такой планеты, орбита которой лежит внутри орбиты Земли. Выбирать можно было между двумя планетами: Меркурием и Венерой. Ученые снова склонились над металлическими столами, и снова начали падать короткие слова.

На пультах управления поднимались и опускались белые клавиши контактов. С едва слышным шорохом включались в работу тысячи новых контуров. В просветах распределительных щитов пылали пурпурные контрольные лампочки. Когда в последний раз на экранах затрепетали беловатые линии, все стало ясным. Меркурий — этот лишенный атмосферы вулканический шар, состоящий из лавы и пепла, ближайший к Солнцу и обращенный к нему всегда одним и тем же полушарием, — исключался. Оставалась только планета, окутанная яркими облаками, закрывающими с незапамятных времен ее поверхность от человеческого глаза, утренняя звезда Венера.

ПЛАНЕТА ВЕНЕРА

Была глубокая ночь. Заседание Комитета продолжалось уже семь часов, на столах громоздились горы чертежей и фотоснимков. Когда члены секции астрофизиков вошли в зал, все сразу замолчали и устремили свои взгляды на Арсеньева, Чандрасекара и Лао Цзу. Но на их лицах ничего нельзя было прочесть. Они направились к своим местам, а за ними следовало десятка полтора сотрудников и ассистентов.

Когда Арсеньев сообщил о результатах расчетов, стало совсем тихо.

— Значит, Венера? — спросил голос из глубины зала.

Арсеньев, не отвечая, сел и начал раскладывать принесенные бумаги.

— Вы не допускаете возможности ошибки? — донесся тот же голос от стола биологов.

Говорил доцент Стурди, человек небольшого роста, с красным, апоплексическим лицом и густыми волосами.

— «Электронный мозг» иногда ошибается, — ответил Арсеньев. — Правда, одна ошибка приходится на шесть триллионов операций, но мы примем это во внимание и этой ночью еще раз повторим все расчеты.

— Я имел в виду не это, — возразил биолог. — Я говорю о теоретических основах расчетов. Разве в них не может быть ошибки?

Арсеньев обеими руками расправлял бумаги, лежавшие на столе. Он был одной из самых примечательных личностей в Комитете переводчиков. Светловолосый, огромного роста, слегка сутулый, он казался созданным по каким-то давно утраченным сверхъестественным пропорциям. На тридцатом году жизни он закончил свою главную работу, создав новую теорию для объяснения целого ряда субатомных явлений; сейчас ему было тридцать семь. Даже сидя, он на голову возвышался над соседями. Несколько мгновений он глядел на оппонента, словно готовясь к длинному ответу, и все вздрогнули, когда он произнес своим низким голосом только одно слово:

— Нет.

Председатель, которым в этот день был немецкий биолог профессор Клювер из Лейпцига, попросил кого-нибудь из астрономов рассказать подробнее о Венере и обо всем, что может иметь отношение к обсуждаемой проблеме. Предложение было принято. Секция астрофизиков выделила планетолога доктора Беренса, который тотчас встал и включил стоявший перед ним микрофон. Это был молодой человек, худой, даже тщедушный. Несколько порывистые движения придавали ему мальчишеский вид. Делая доклад, он вертел в руках очки, и взгляд у него был неуверенный, как у всех близоруких. Тем временем Арсеньев перешептывался с кол-

легами и, перегибаясь через спинку кресла, давал какие-то указания ассистентам. Хотя Беренса слушали все, но в зале чувствовалось беспокойство. Головы склонялись друг к другу, то здесь, то там слышался шепот.

Голос молодого астронома раздавался в наушниках, на нескольких языках сразу.

— Венера, — говорил он, — вторая планета Солнечной системы, имеет диаметр на три процента меньший, а массу — на двадцать три процента меньшую, чем Земля. Так как она всегда находится на небе близ Солнца, то для наблюдений это объект неблагодарный. Ее расстояние от нас колеблется между двумястами пятьюдесятью миллионами километров в верхнем соединении с Солнцем и сорока миллионами — в нижнем.

Тут Беренс смущенно глянул в сторону лингвистов — он не был уверен, понятны ли им астрономические термины. Но седые ученые слушали с таким вниманием, что, боясь обидеть их, он продолжал:

— По новейшим исследованиям время обращения Венеры вокруг оси значительно длилительнее, чем у Земли, и достигает восемнадцати суток. Раньше этого нельзя было доказать оптическими методами, так как поверхность планеты нам никогда не бывает видна — ее застилает пелена облаков. Недавно были сделаны попытки пробиться к поверхности планеты с помощью телетакторов. Вы знаете, конечно, уважаемые коллеги, что я говорю о новом типе радарного телескопа, посылающего ультракороткие радиоволны. Однако эти опыты не удались, и тем самым подтверждается еще раз давнишнее предположение Вильдта, что облака Венеры состоят не из водяного пара и не из жидкостей, а из крупных твердых частиц, кристаллов, сильно рассеивающих излучение. Именно поэтому Венера отличается таким ярким блеском и после Солнца и Луны является самым ярким телом на нашем небе. Атмосфера планеты, по своей протяженности равная земной, сильно отличается от нее по своему химическому составу. Спектральный анализ показывает, что на Венере имеется не более пяти процентов того количества водяного пара и кислорода, какое имеется на Земле; зато углекислота, которой у нас найдется едва ноль целых три десятых процента, составляет там главную часть атмосферы.

Из чего же состоят облака, долгие годы остававшиеся для нас загадкой? Полученные за последнее время сведения позволяют заключить, что эти облака состоят из перистых кристаллов формальдегида, — вернее, соединения, которое образует формалин под влиянием ультрафиолетовых лучей. Так как планета обращается вокруг оси очень медленно, то между дневным и ночным полушариями возникает большая разница температур, достигающая девяноста градусов. Это вызывает чрезвычайно сильные движения воздушных масс, особенно на терминаторе, то есть линии, отделяющей освещенное полушарие от неосвещенного. Нужно полагать, что наступление утра и вечера там сопровождается всякий раз ураганами и бурями колоссальной силы. Ветер может достигать скорости двухсот пятидесяти километров в час — на Земле такая скорость наблюдается только во время сильнейших снежных бурь в районе Южного полюса. Что касается поверхности планеты, то об этом я не могу сказать вам ничего определенного. В последнее время появились очень интересные работы Джеллингтона и Шрегера, которые высказывают предположение, что кора Венеры состоит из вещества, встречающегося на Земле только в искусственном виде и созданном человеком, а именно из пластмасс типа галалита или винилита. Я сообщаю вам, уважаемые коллеги, об этом, как о некоем курьезе, так как для обоснования такой гипотезы у нас нет никаких данных.

Едва Беренс успел неловко поклониться и сесть, как слова попросил доцент Стурди, задавший перед тем Арсеньеву вопрос о возможности ошибки в расчетах.

— Доклад доктора Беренса полностью подтверждает мои опасения, — сказал он. — Вполне очевидно, что физические условия, о которых говорил доктор Беренс, особенно недостаток кислорода и воды, а также наличие облаков, превращающих планету в колоссальный резервуар формалина, исключают возможность существования жизни на ней. Вы такого же мнения, доктор Беренс?

Беренс снова снял очки и, тщательно протирая их, ответил, что в конце XIX века один известный ученый написал очень логично построенный трактат, в котором доказывал, что человек никогда не соорудит летательной машины тяжелее воздуха и что, если бы даже такая машина была постро-

ена, она не смогла бы оторваться от земли, а если бы (что совершенно исключено) она все-таки взлетела, то ею никоим образом нельзя было бы управлять.

— А так как, — закончил доктор Беренс, — я не хочу уподобиться этому ученому, то предпочитаю не отвечать доценту Стурди.

— Но отравленная атмосфера Венеры исключает возможность жизни на ней, — разгорячился Стурди. — Чем заниматься анекдотами, обратимся лучше к фактам! Фактом является то, что несколько десятков лет тому назад на Землю упала межпланетная ракета...

— В которой, как доказал профессор Чандрасекар, живых существ не было, — прервал его сосед.

— Хорошо! Не было! Но ракета не могла быть пущена с Венеры. В противном случае на этой планете должны были бы существовать ее конструкторы, то есть живые существа. Разве это не ясно?

Снова наступила тишина, и в наушниках слышалось только торопливое астматическое дыхание старого биолога. Потом Арсеньев, сдвигая широкие брови, второй раз во время этой дискуссии произнес:

— Нет. — И, смерив спокойным взглядом озадаченного биолога, добавил: — Это не ясно.

В голосе его была такая уверенность, что ученые застыли на мгновение, пораженные представшим в их воображении необычным миром, населенным мыслящими и действующими, но не живыми существами. Председатель, профессор Клювер, встал и, окинув взглядом зал, поднял руку.

— Коллеги, — произнес он, — сейчас поступило предложение задать общему собранию Комитета переводчиков три вопроса, по которым будет проведена особая дискуссия. Вот они:

Во-первых. Можно ли полагать, что неизвестные существа, обитающие на Венере, намерены уничтожить жизнь на Земле?

Во-вторых. Если так, то нужно ли считать, что человечеству может угрожать действительная опасность с их стороны?

В-третьих. Если да, то можно ли воспрепятствовать этому?

Слова попросил доцент Джугадзе из секции логиков.

— Я полагаю, — сказал он, — что путем голосования можно решить только первый вопрос, относящийся больше к нашим предположениям, чем к фактам. Мы слишком слабо знаем язык «отчета», чтобы на сто процентов быть уверенными в правильном толковании фразы, в которой говорится о так называемом «нападении на Землю». Поэтому мы все, опираясь на свои предположения, в равной степени можем высказаться по этому вопросу. На остальные вопросы нельзя ответить голосованием. Так же как незачем, например, гадать, из чего сделана крыша этого здания — из стекла или из металла. Достаточно спросить архитектора, который его строил. В данном случае речь идет тоже о фактах, известных специалистам; они и должны решать этот вопрос.

Предложение логика было принято. В зале, оборудованном специальными приборами, голосовать было очень легко. Перед каждым из ученых были три кнопки: нажимая на левую, он говорил «да», на правую — «нет», на среднюю — «воздержался».

Председатель дал знак, все протянули руки к кнопкам, и через несколько секунд автомат показал результаты. Из семидесяти шести членов Комитета шестьдесят восемь ответили на первый вопрос «да», двое — «нет», а шестеро воздержались. Характерно, что воздержавшимися оказались исключительно логики. Таким образом, большинство присутствующих подтвердило мнение, что в злополучной фразе говорится о намерении неизвестных существ вторгнуться на Землю.

Огласив результаты голосования, председатель отложил дальнейшие прения до вечера следующего дня. К этому времени нужно было организовать комитет для редактирования ответов на второй и третий вопросы. Поэтому астрофизики, инженеры, технологи и атомные химики образовали так называемую специальную секцию, проработавшую в Малом зале института всю ночь, до одиннадцати часов утра; после этого члены ее удалились на отдых, чтобы в десятом часу вечера явиться на пленарное заседание Комитета переводчиков.

Докладывал профессор Лао Цзу. На лицах его коллег яв-

ственно видны были следы бессонницы. Лишь он один выглядел как всегда. В своем коротковатом темном костюме он держался очень прямо, черные волосы на круглой голове были гладко зачесаны.

— Прежде чем познакомить вас с главной проблемой, — сказал Лао Цзу, — я позволю себе ответить на вопрос, который мне только что предложили. Подписал его коллега Стурди вместе с несколькими членами секции лингвистов. Упомянутые коллеги рассуждают следующим образом: так как условия, существующие на Венере, являются для нас гибельными, то наши условия должны быть гибельными для обитателей Венеры. Из этого они делают вывод, что нет никакого серьезного основания полагать, будто эти якобы разумные существа могут прилететь на Землю, где их ничего хорошего не ждет. Однако относительно первой части этого вывода я могу сказать: *non sequitur!* — не следует! Уважаемые коллеги полагают, что если мы не можем жить на Венере, то и обитатели Венеры не могут жить на Земле. Такого вывода сделать нельзя. Мы не можем жить в воде, но двоякодышащие рыбы могут жить и на суше. Приходится выразить сожаление, что доцент Стурди не усилил своей партии хотя бы одним логиком.

По залу пробежал легкий шум, а китайский ученый с невозмутимым спокойствием продолжал:

— Остается еще один вопрос. Что хорошего принесло бы обитателям Венеры прибытие на Землю? Надеюсь не наскучить уважаемому собранию, я осмелюсь привести старинную притчу моего великого земляка, философа Чуанг Дже. Он рассказывает, как однажды два философа стояли на мостике над речкой и любовались игравшими в воде рыбками. Один из них сказал: «Смотри, как извиваются и плещутся в воде рыбки. Это доставляет им удовольствие». На это второй ответил: «Как ты, не будучи рыбой, можешь знать, что доставляет им удовольствие?» На это первый сказал: «Как ты, не будучи мною, знаешь, что я не знаю, что доставляет рыбам удовольствие?» И вот я, с позволения коллег, стою на точке зрения второго философа. Я могу только позавидовать доценту Стурди, который так хорошо знает, что может доставить удовольствие обитателям Венеры.

Послышался приглушенный смех. Лао Цзу, отложив лис-

ток с вопросами в сторону, продолжал все тем же спокойным голосом:

— Два поставленных перед нами вопроса — я сказал «перед нами», так как выступаю от имени специальной секции, — мы рассматривали все вместе. Главная проблема, которая нас сейчас интересует: может ли одна планета уничтожить другую. На этот вопрос мы отвечаем: да, может. Те из присутствующих, которых я имел удовольствие видеть на нашей большой беватронной станции под Пекином, знают, что мы полтора года назад начали строить там излучатель быстрых дейтронов. Это очень большой и сложный аппарат. Мы хотим послать заряд быстрых дейтронов на Юнону — одну из мелких планет, вращающихся вокруг Солнца между Марсом и Юпитером. Заряд, посылаемый нами, должен совершенно уничтожить планету, превратив ее в пыль. Мы надеемся, что этот эксперимент даст нам возможность наблюдать кольцеобразную туманность. Говоря прямо, мы хотим построить искусственную модель, иллюстрирующую возникновение планетных систем. Я говорю об этом проекте, уже давно осуществляемом, потому что он ясно доказывает возможность уничтожения одной планеты путем воздействия на нее с другой. Конечно, планета, которую мы поставили себе целью уничтожить, имеет в диаметре едва сто девяносто километров, тогда как диаметр Венеры достигает двенадцати тысяч трехсот километров, а Земли — двенадцати тысяч шестисот. Но наша задача — разбить ее на атомы, а для того чтобы уничтожить жизнь даже на такой большой планете, как Земля, достаточно облучить ее зарядом дейтронов всего вдвое большим, чем тот, который мы хотим бросить на Юнону. Таким образом, на оба заданных нам вопроса мы отвечаем утвердительно. Секция, мнение которой я выражаю, — продолжал Лао Цзу, — полагает, что у нас есть три пути. Прежде всего возникла мысль написать на языке «отчета» письмо и отправить его с помощью дистанционно управляемой ракеты. Однако имеющийся у нас запас слов этого языка недостаточен и не позволяет написать то, что мы хотели бы сообщить обитателям Венеры. Это подтвердили опыты, закончившиеся вчера ночью. Конечно, письмо можно было бы написать на одном из земных языков, но мы не знаем, приложат ли обитатели Венеры столько трудов для

его прочтения, сколько приложили мы, чтобы прочесть их «отчет». Затем можно послать на Венеру корабль, который год тому назад закончил пробные полеты и сейчас отправлен без груза по маршруту Земля — Луна — Земля. Как вам хорошо известно, уважаемые коллеги, я говорю о «Космократоре», отлет которого на Марс назначен на первые месяцы будущего года. Наконец третий путь — это посылка на Венеру полного заряда дейтронов с нашей беватронной станции под Пекином. Последний вариант, конечно, самый простой и самый действенный, однако спецсекция единодушно отвергает его уже потому, что так называемое нападение Венеры на Землю является пока только неподтвержденной гипотезой.

Физик умолк. Этим воспользовался один из ученых, чтобы спросить, нельзя ли для решения такого необычайно важного вопроса, являющегося, как он выразился, «центром тяжести» всего дела, воспользоваться «Электронным мозгом».

— Нет, нельзя, — ответил Лао Цзу. — Ни «Электронный мозг», ни другой механизм не может превратить недостаточные сведения в полные. — Он наклонил голову. — На этом я заканчиваю сообщение спецсекции.

Он замолчал, но не сел. Закрыв на мгновение глаза, он оглядел затем сидящих в зале и произнес:

— Теперь, как член Комитета переводчиков, я хочу поставить на голосование следующий вопрос. — И, глядя на листок бумаги, который держал в руке, он прочитал: — «Средства, имеющиеся в нашем распоряжении, настолько мощны, что с технической стороны мы ничем не ограничены. Это значит, что выбор нашей линии поведения относительно неизвестных существ не стеснен материальными условиями и поэтому подлежит оценке только с моральной точки зрения. Можем ли мы в данной ситуации нанести удар первыми или же должны стремиться к мирному разрешению конфликта, даже если это будет сопряжено с величайшими трудностями и опасностями?»

Лао Цзу опустил руку с листком. Тишина была такая, что высоко над головами членов президиума явственно слышалось мягкое тиканье большого хронометра.

— Вот что я хотел сказать. Я знаю: мы не уполномочены

принимать решение, но полагаю, что человечество будет считаться с нашим мнением. Это все.

Председатель от имени президиума принял сообщение спецсекции к сведению и поблагодарил ее за проделанную работу. Он заявил также, что в ходе дальнейшей дискуссии будет обсуждено предложение профессора Лао Цзу. Так как никто не внес поправок, текст был принят, и можно было приступить к голосованию, чтобы остановиться на одном из внесенных предложений.

Шел третий час ночи. Облака, выделявшиеся раньше на фоне неба, начали темнеть. За высокими окнами зала на востоке стала вырисовываться граница между землей и небом, похожая на глубокую трещину, окаймленную лиловым туманом.

Председатель, беседуя со своим секретарем, не спускал глаз с аппарата для голосования. Когда счетчик показал, что все подали голоса, председатель встал.

— Семьдесят шесть голосов подано за мирное разрешение конфликта, — произнес он. — Это решение нельзя, конечно, считать окончательным, но не в этом сейчас дело. Вот уже свыше восьмисот тысяч лет живет на Земле человеческий род. В полной трудов и мук смене поколений он не только нашел способы подчинить себе природу, но и научился управлять силами общественными, которые на протяжении многих веков затрудняли прогресс, обращая его против самого человечества. Эпоха эксплуатации, ненависти и борьбы окончилась всего несколько десятков лет назад, и были провозглашены свобода и сотрудничество народов. Однако нам не дано почить на лаврах и довольствоваться достигнутым. На пороге новой эры произошло первое столкновение земной цивилизации с внеземной, и решение должны вынести мы. Как мы должны поступить? Ответить на угрозу, брошенную нам с другой планеты, ударом, который уничтожит нападающих? Мы могли бы так поступить, тем более что имеем дело с существами, совершенно от нас отличными, которым мы не можем приписывать ни человеческих чувств, ни человеческого разума. И все же, имея возможность выбирать, мы выбрали мир. В этом нашем шаге видна тесная связь человека со всей Вселенной. Минуло время, когда Землю считали избранной планетой. Мы знаем, что в бес-

конечном пространстве есть миллиарды миров, подобных нашему. Если существующие на них формы организованного поведения материи, называемого жизнью, нам неизвестны — что из того? Мы, люди, не считаем себя ни лучше, ни хуже других обитателей Вселенной. Правда, с нашим решением связаны непредвиденные опасности, огромные труды и риск. Но все же мы единодушны. Мы, ученые, служим обществу, как и все его члены. Мы равные среди равных, но одно нам дано в большей мере, чем прочим: ответственность. Принимая ее, мы сознаем свои обязанности в отношении Космоса.

Председатель умолк на мгновение. Фиолетовый рассвет заглядывал в окна. Вдали, за городом, видимым с высоты башни, разгорался ленивым сумрачно-рубиновым светом восточный край горизонта.

— Сейчас я прочту имена коллег, которых попрошу остаться в этом зале; мы должны немедленно приступить к подготовке отчета о нашей работе, который завтра — вернее, сегодня, ибо новый день уже занялся, — необходимо представить в Высший научный совет. До этого я попрошу вас еще об одном. Возможно, будет принято решение послать на Венеру межпланетный корабль, первоначально предназначавшийся для полета на Марс. Так вот, мне хотелось бы знать, кто из присутствующих готов принять участие в этой экспедиции.

Послышался шум, перешедший в глухой рокот. Ученые, словно по уговору, не воспользовавшись аппаратами для голосования, отодвинули кресла и поднялись ряд за рядом, стол за столом, напряженно глядя на председателя, и весь зал, таким образом, оказался в движении.

Под этими взглядами председатель тоже поднялся и теперь переводил глаза с одного ученого на другого, поражаясь тому, как все — старые и молодые, — охваченные одним и тем же порывом, стали в эту минуту похожими друг на друга. Губы у него чуть заметно задрожали.

— Я так и знал, — прошептал он. И, выпрямившись, чтобы достойно взглянуть в глаза всем этим людям, громко произнес: — Благодарю вас, коллеги!

Он отвернулся, словно лица кого-то позади себя, но там никого не было. Только слабый отсвет уходящей ночи стру-

ился в высокие окна. Председатель подошел к столу, поднял обеими руками тяжелую книгу, в которой велась запись желавших выступить, и сказал:

— На этом последнее собрание Комитета переводчиков считаю закрытым.

Ученые выходили из зала, задерживаясь в проходах между рядами кресел. Повсюду возникали оживленно беседующие группы. Вокруг стола председателя собрались лишь те, кто должен был готовить отчет. Наконец зал опустел, и последний из уходивших погасил свет.

В наступившей тьме на горизонте алела заря. Тучи, низкие и тяжелые, разошлись. На темно-синем небе запылала белая точка — звезда, такая ясная и сильная, что от оконных переплетов упали в глубь зала слабые тени, а ряды пустых кресел и столов стали видны в сероватом отблеске. Это была Венера, предвестница Солнца. Потом края туч, которых коснулось золотое пламя, ярко вспыхнули. Неподвижная искра все бледнела и бледнела, пока не исчезла в ослепительном блеске нового дня.

11,2 КИЛОМЕТРА В СЕКУНДУ

Мысль о путешествии к звездам почти так же стара, как и само человечество. Человек первый из живых существ отважился взглянуть, запрокинув голову, в необъятную ширь, простиравшуюся над ним каждую ночь. В древнейших религиозных мифах и преданиях мы находим рассказы о летающих огненных колесницах и о героях, которые ими управляли. Люди старались разгадать тайны полета, которыми в совершенстве владеют птицы. Но прошли долгие столетия, прежде чем впервые поднялась в воздух летательная машина — беззащитный еще против ветров, слепой, не поддающийся управлению монгольфьер, наполненный нагретым воздухом.

В XVIII веке философы, писавшие аллегорические нравоучительные рассказы, отправляли иногда своих героев на звезды, пользуясь для этого воздушным шаром как средством передвижения. Но и позже, когда шар более легкий, чем воздух, был вытеснен аппаратом тяжелее воздуха — самолете-

том, человек убедился, что и он все еще далек от совершенства в передвижении во всех измерениях пространства. Летательные аппараты могли летать только там, где была достаточно плотная атмосфера. Воздушные корабли должны были кружить низко над Землей, на самом дне воздушного океана, окутывавшего нашу планету более чем двухсоткилометровым слоем.

До того как в конце XIX века зародилась аэроавиация, наука о межпланетных путешествиях, писатели-фантасты, а среди них самый замечательный — Жюль Верн, отправляли своих героев в мировое пространство с помощью снаряда, выпущенного из гигантской пушки. Однако даже при поверхностных расчетах становится ясно, что это невозможно. Причин для этого три. Прежде всего, чтобы оторваться от Земли, тело должно развить скорость не менее 11,2 километра в секунду, или сорок тысяч триста двадцать километров в час, тогда как в результате взрыва даже самых лучших взрывчатых веществ газы распространяются со скоростью не свыше трех километров в секунду. Выпущенный из пушки снаряд должен будет, поднявшись на определенную высоту, неминуемо упасть обратно на Землю. Помочь нельзя ничем: ни удлинением канала ствола, ни увеличением количества взрывчатки. Во-вторых, страшное ускорение, действующее на путешественников в момент выстрела, раздавило бы их насмерть. Чтобы понять, насколько огромны его размеры, достаточно представить себе, что в момент выстрела дно снаряда ударит путешественников с силой гранаты, попадающей в цель. Наконец, в-третьих, если бы даже людям, находящимся в снаряде, удалось каким-нибудь чудом уцелеть при выстреле и если бы, вразрез с законами механики, снаряд не упал на Землю, то при падении на Луну он должен был бы разлететься на куски.

Чтобы преодолеть притяжение Земли и в то же время освободиться от влияния атмосферы, дающей опору крыльям самолетов, понадобилось изобретение, которое поистине совершило переворот. Додумались до него очень давно. Уже приблизительно в 1300 году нашей эры китайцы запускали первые ракеты, движимые силой пороховых газов. Однако должно было пройти еще около шестисот лет, пока русский ученый Циолковский впервые начертил план межпланетно-

го корабля. Вслед за ним появились Годдар, Оберт и многие другие. Они заложили фундамент астронавтики, которая разрослась со временем в самостоятельную отрасль техники.

Принцип движения был ясен. Он основывался на известном законе Ньютона, по которому действие равно противодействию. Ракета должна была иметь запас горючего, превращающегося в струю газов с большой скоростью истечения. Сила реакции толкала ракету в противоположную сторону. Здесь, однако, конструкторов поджидала первая трудность. При самой бурной из всех химических реакций — соединении кислорода с водородом — взрывные газы получают скорость пять километров в секунду. До скорости 11,2 километра в секунду, которую называют отрывной, еще далеко. К тому же эту скорость нужно сообщить телу, движущемуся свободно, — например, выстреленному снаряду. Ракета — другое дело. Она может взлететь с Земли со скоростью и меньше отрывной, при условии, что ее двигатель будет работать непрерывно до той минуты, пока она отдалится от Земли на значительное расстояние. Однако такое решение не может удовлетворять. Кислородно-водородным горючим, казалось бы самым совершенным, не пользовались никогда, так как эти газы трудно сжимаются, а применять их в жидком виде затруднительно и небезопасно. Кроме того, очень высокая температура реакции быстро разрушает двигатель. Поэтому пришлось применять виды горючего, выбрасывающего газовую струю со скоростью всего лишь один-три километра в секунду. Но в таких условиях вес горючего, которое необходимо затратить для освобождения от земного притяжения, должен в несколько сот раз превышать вес самой ракеты. Даже если бы удалось использовать наиболее эффективное кислородно-водородное горючее, ракета, весящая десять тонн и несущая десять тонн груза, должна была бы взять для полета от Земли до Луны сорок тысяч тонн горючего. Это была бы громада величиной с большой трансатлантический пароход, и притом с чрезвычайно тонкими стенками — попросту говоря, огромных размеров резервуар с крошечной, на самом кончике его, каютой для пассажиров. Управлять таким аппаратом чрезвычайно трудно, так как его устойчивость изменяется по мере убывания горючего, а к концу пути такая ракета превратится в огромную пустую скорлупу.

Уже одно это говорит о несовершенстве такого аппарата, но и этот недостаток далеко не единственный. Даже такое невыгодное соотношение между весом горючего и полезным весом, которое получается при использовании кислородно-водородного горючего, является недостижимым идеалом. Из-за других трудностей в камере сгорания во время работы возникает температура приблизительно в три тысячи градусов, при которой самые жароупорные сплавы размягчаются в несколько минут, а если температуру понизить, то скорость истечения газов падает. Для конструкторов получился замкнутый круг. На поиски новых видов горючего ушли целые годы. Пробовали дать ракетам движение с помощью аммиака и окиси азота, пироксилина, смесей бензина с кислородом, анилина с азотной кислотой, спирта с перекисью водорода, даже с помощью твердых тел, например угля, алюминия и магния, вдуваемых в пылевидном состоянии в струю чистого кислорода. Не было недостатка и в способах, вызывавших недоумение, как, например, способ Гоманна. Этот ученый предлагал поместить кабину пилота в виде конуса на вершине большого цилиндра, состоящего из твердого пороха; подожженный снизу, порох сгорал бы равномерно, создавая движущую силу. В этот период первых опытов, ошибок и упорных поисков инженеры все яснее отдавали себе отчет в том, что современная им наука еще не в состоянии решить проблемы аэронавтики. Мощность двигателей крупнейших самолетов и даже кораблей была до смешного мала в сравнении с мощностью, необходимой для борьбы с земным притяжением. Одной из первых ракет, способных преодолеть большое расстояние, была так называемая «Фау-2», сконструированная немцами во время Второй мировой войны. Снаряд этот — стальная сигара длиной около десяти метров — имел в носовой части тонну взрывчатки. Вся цилиндрическая часть его корпуса была заполнена горючим — спиртом и жидким кислородом. Там же помещались топливные насосы и камера сгорания. Этот снаряд весил около тринадцати тонн, из которых девять приходилось на горючее. Такой запас позволял двигателю проработать одну минуту. Ракета, развивавшая к этому времени мощность в шестьсот тысяч лошадиных сил, могла при вертикальном полете подняться на высоту двухсот с лишним километров — высоту

незначительную по сравнению хотя бы с радиусом земного шара, превышающим шесть тысяч километров. Строить ракеты для межпланетных путешествий по этому принципу было невозможно.

Нужно было искать другие пути. Возникла мысль о многоступенчатых ракетах, то есть ракетах, расположенных друг над другом. При взлете работала нижняя ступень, а когда запасы горючего в ней кончались, она автоматически отделялась, и в работу включался двигатель следующей ступени. Таким образом возникли в шестидесятых годах XX века «ракетные поезда» для перелетов через океаны. В продолжение всего полета они находились в полной пустоте, на высоте пятисот километров, благодаря чему набранная ими скорость почти не уменьшалась до момента посадки. Сначала ограничивались строительством двухступенчатых ракет, потом, чтобы успешнее бороться с огромной диспропорцией между начальной и конечной массой ракеты, стали строить огромные «стратосферные поезда». Величайшим аппаратом такого типа был «Белый метеор», состоявший из восьми постепенно уменьшавшихся ракет. Самая большая из них весила девять тысяч тонн, а самая маленькая, последняя, — около одиннадцати тонн. Этот гигант, выпущенный в пространство приблизительно в 1970 году, должен был сделать облет вокруг Луны, произвести съемку ее невидимого с Земли полушария и вернуться после ста восемнадцати часов непрерывного полета. В телескоп было видно, как «Белый метеор» исчез в небе, оставляя за собою оболочки использованных ракет, в назначенный срок достиг Луны и скрылся за краем ее диска. Вынырнув вскоре по другую сторону ее, он направился к Земле с высоты триста восемьдесят тысяч километров. Однако в расчеты вкралась ошибка, в результате которой корабль перелетел через широкое пространство Сахары, предназначенное для его приземления, и упал в Атлантический океан, на глубину шесть тысяч метров. Подъем корабля был связан с такими большими трудностями, что его там и оставили, пожертвовав ценными материалами и фотоснимками.

Этот первый подлинно межпланетный полет (хотя он был сделан кораблем, на котором не было ни одной живой души) возбудил всеобщий интерес. Мысль первых астронав-

тов перевезти на высоту нескольких тысяч километров, в зону ничтожно малого притяжения Земли, части металлической конструкции, из которых можно соорудить искусственный спутник Земли, все больше овладевала учеными. Это сооружение было бы промежуточной станцией для всех межпланетных полетов; корабли, израсходовав огромные количества горючего для того, чтобы преодолеть земное притяжение, пополняли бы там свои запасы для дальнейшего полета.

Но построить такой остров оказалось не так-то просто: нужно было перевезти ракетами в пространство несколько тысяч тонн металла и там при температуре, близкой к абсолютному нулю, в полной пустоте соединять части конструкции между собою.

Предлагалось несколько различных способов создания на таком острове искусственного притяжения, которое позволило бы людям двигаться; в одном из проектов немецких ученых предлагалось сильно намагнитить искусственный спутник и снабдить обувь его обитателей стальными подошвами.

Опыты начались с сооружения небольших спутников. При помощи управляемой с Земли трехступенчатой ракеты, последнее звено которой достигало скорости восьми километров в секунду, был заброшен первый искусственный спутник, делавший обход вокруг Земли за два с половиной часа, хорошо видимый в телескопы, а при ясной погоде и низком положении Солнца видимый даже простым глазом в виде крохотной черной точки, равномерно движущейся в небе. Следующий искусственный спутник был целой научной лабораторией, посланной в пространство с таким расчетом, что он должен вращаться вокруг Земли на высоте сорока двух тысяч километров. Двигаясь по такой орбите, тело оборачивается вокруг Земли один раз за сутки и, следовательно, кажется неподвижно стоящим в одной точке неба, словно повиснув в пространстве наперекор законам тяготения. Эти необычные условия были очень важны для астрономов, разместивших в носовой части ракеты-спутника свои наблюдательные приборы.

Однако строительство промежуточных станций за пределами Земли на этом прекратилось, так как дальнейшее раз-

витие техники доказало их нецелесообразность. Такое решение проблемы с самого начала вызывало возражения. Многие говорили, что это, безусловно, ложный путь, ибо постройка искусственного спутника не устраняет необходимости в огромных «ракетных поездах»; расчеты показывают, что если экспедиция даже на ближайшие планеты рассчитывает вернуться на Землю, то размеры кораблей должны быть огромными и при наличии промежуточных станций. Оппоненты вспоминали также один из этапов развития земного воздухоплавания в двадцатых годах XX столетия, когда много говорилось о необходимости сооружения в Атлантическом океане плавающих островов для посадки самолетов по пути из Европы в Америку. Такие проекты диктовались состоянием техники самолетостроения, которая не располагала достаточно крупными и мощными машинами для беспосадочных перелетов. Проблема эта несколько лет спустя была решена совсем по-другому, и дорогостоящая постройка искусственных островов оказалась ненужной.

Голоса, возражавшие против космических промежуточных станций, раздавались особенно часто из физических лабораторий и институтов, так как работавшие там ученые лучше, чем кто бы то ни было, понимали, что ракеты с химическим горючим, пройдя сложный путь развития от китайских драконов и маленьких пороховых ракет до «Белого метеора» с его начальной массой в двадцать одну тысячу тонн, дошли до своего предела и что на сцену выступает новый, гораздо более мощный источник энергии — атомное ядро.

Энергию распада атома, открытую в середине XX века, не сразу удалось использовать для получения электричества или для регулирования климата и преобразования поверхности Земли. Этому довольно долго препятствовали технические навыки, унаследованные от прежних поколений. Подобные явления не раз наблюдались в истории техники. Изобретатели автомобилей строили их наподобие конных экипажей, и прошло несколько десятков лет, прежде чем для автомобиля было найдено самостоятельное конструктивное решение, освободившее его от плена своих несовершенных предков. Первые железнодорожные вагоны были дилижансами, поставленными на рельсы. Первые пароходы строились по об-

разцу парусных судов. Эта инерция мысли сильно осложняла работу и по использованию атомной энергии. Но здесь причины лежали глубже, и преодолеть их было гораздо труднее, чем в приведенных примерах. Эпоха пара заставила инженеров усиленно совершенствовать обработку металлов, особенно железа, которое стало основным материалом для сооружения машин. По мере того как делались все более могучими «железные ангелы», паровые машины, снимавшие с человечества бремя тяжелого труда, расширялись также и познания о ценности такого топлива, как уголь и нефть; а технология металлов создавала сотни, тысячи особых видов стали и сплавов, приспособленных для выполнения строго определенных функций: одни сплавы создавались для вальцевания обшивки паровых котлов, другие — для корпусов машин, третьи — для подшипников, четвертые — для цилиндров, турбинных лопаток и валов. Общее количество сплавов достигало нескольких тысяч. Открытие атомной энергии создало настолько новую ситуацию, что едва ли кто-нибудь мог сразу понять, какой огромный переворот в техническом мышлении вызовет ее широкое использование. Вначале никто не решался отказаться от технических знаний, накопленных ценою труда многих поколений. Поэтому теплоту, полученную в атомных котлах, использовали для образования пара, вращающего построенные по-старому паровые турбины. Однако уже через несколько лет этот способ был признан непригодным. Водяной пар служил хорошим переносчиком тепла между пламенем угля и цилиндром машины, но при сжигании атомного топлива этого было недостаточно. Атомный котел, способный дать температуру, характерную для звездных ядер, был вынужден работать на ничтожных для него температурах в несколько сот градусов, и это чрезвычайно снижало коэффициент полезного действия. Только теперь люди в полной мере поняли, насколько сложны были все известные до сих пор способы получения энергии: химическая энергия топлива превращалась в тепловую, тепловая — в энергию движения пара и только эта последняя — в электрическую. Между тем атомный котел выбрасывал целые тучи электрически заряженных атомных обломков; если бы их можно было собрать и нужным образом направить, это дало бы неисчерпаемый источник электричества.

Задача была поставлена, цель указана, но на пути к ее достижению лежали гигантские трудности.

Вся прежняя наука оказалась сведенной на нет. В совершенстве изученные материалы под действием раздробленных атомов изменяли свои свойства буквально на глазах. Самые твердые и прочные виды стали пропускали атомное излучение, как дырявые сита. До этого времени инженер-энергетик или машиностроитель создавал машины с возвратно-поступательным или вращательным движением, изучал теории трения, смазки, сопротивления материалов. Теперь он вступал в незнакомые ему области огромных температур и излучений, известных до сих пор только астрономам. Он должен был овладевать новыми знаниями и создавать новые, не существовавшие в природе средства, чтобы обуздать этот мощнейший и элементарнейший вид энергии, который вот уже миллиарды лет дает жизнь всему Космосу и поддерживает огонь звезд.

По мере того как старые фабрики и заводы прекращали работу, исчезали грязные котельные со своими сетями шипящих, ворчащих трубопроводов, машинные залы, полные свистящих турбоагрегатов, шумные вакуумные насосы, огромные горы угля и градири. Вся эта длинная глава цивилизации уходила в прошлое, чтобы покоиться рядом с главами, описывающими парусные, движимые ветром суда, паровозы, управляемые воздушные шары — цепелины, рядом со многими главами, в которых описаны чудовищные средства, некогда применявшиеся людьми для взаимного уничтожения в разрушительных войнах.

Новые фабрики имели совершенно иной вид. За прозрачными стенами ходили люди в белых халатах, следившие за помещенными в подвалах, позади толстых экранов, веществами. Претерпевая ряд последовательных изменений, превращаясь из одного элемента в другой, они выделяли энергию. В светлых цехах новых фабрик стояла полная тишина; и только там, где ток с главных сборных шин переходил в сети высокого напряжения, слышалось низкое, равномерное гудение трансформаторов.

Электричество, хотя и полученное прямо из атомов, нельзя было использовать непосредственно для движения ракет. Астронавтике еще предстояло дождаться своего вели-

чайшего открытия. Казалось, атомное горючее обещало бесконечно больше, чем всякое другое: газы, возникающие при распаде атомов, имели скорость в несколько сот, а то и тысяч километров в секунду, и куска урана весом около двух килограммов было бы достаточно, чтобы перебросить тысячетонный груз на Луну. Но это решение, столь легкое на бумаге, на деле оказалось очень трудным. Суть в том, что атомы, распадаясь, разбрасывают обломки во все стороны, а для движения ракеты их нужно направить в одну, и техника тех времен считала эту проблему неразрешимой. Но вот появились новые открытия, и одна из самых молодых наук — синтетическая химия атомного ядра — решила проблему межпланетного полета.

Химики, которые раньше только подражали природе и старались воссоздавать в своих лабораториях тела, встречающиеся на Земле и на звездах, научились строить вещества, не существующие в природе, и поступали при этом, как архитекторы, подчинившие форму и устройство здания своему творческому замыслу. Они могли по желанию получать вещества твердые, как алмаз, и прочные, как сталь; пластмассы легкие и прозрачные, как стекло, но поддающиеся ковке и механической обработке; клеи, скрепляющие металлы с силой заклепочного шва; вещества изолирующие, способные поглощать звуки, излучения и даже атомные частицы. Так был получен люцит — синтетический строительный материал, который днем поглощал солнечные лучи, а ночью отдавал их энергию, светясь ровным белым светом. Научившись по своему желанию строить и соединять атомные решетки, ученые обратили еще большее внимание на непокорное доселе атомное ядро. Речь шла о том, чтобы атомы, отдавая свою энергию, распадались не как им угодно, а строго определенным образом и чтобы при этом распаде получались частицы, которые можно было бы направить в любую сторону.

Легко сказать, но гораздо труднее достичь цели. Атомное ядро окружено потенциальным барьером, и, чтобы пробить этот барьер, нужна энергия, в миллионы раз превышающая энергию самых мощных взрывчатых веществ. Внешний вид физических лабораторий тоже совершенно изменился. Раньше в сравнительно небольших залах стояли на столах и пол-

как красивые стеклянные приборы; теперь же в огромных залах с бетонными сводами возвышались аппараты для дробления частиц, формой и величиной похожие на средневековые укрепления-башни. Эта мощная атомная артиллерия науки, бомбардирующая упрямые атомные ядра, была самых различных калибров: от старых, построенных еще в тридцатых годах XX века циклотронов, через синхротроны, альготроны, кавитроны, микротроны, румбатроны и ралитроны до чудовищных беватронов, в которых частицы под воздействием многих миллиардов вольт разгонялись до скорости света. В тяжелых защитных одеждах, закрывая лица масками из свинцового стекла, приближались ученые к отверстиям в бетонных стенах, откуда било свистящее белое пламя нуклеонов, и подвергали его действию щепотку какого-нибудь нового элемента. Таким образом в 1997 году был получен коммуний — светло-серебристый, очень тяжелый металл из группы актинидов, не существующий во Вселенной элемент, занявший сто третье место в периодической таблице Менделеева. Этот металл, химически нейтральный и твердый при обычной температуре, при нагревании до 150 000 градусов распался, выбрасывая дейтроны, ядра тяжелого водорода. Для получения температуры распада и для удобства регулирования хода реакции была использована идея великого русского физика Капицы, благодаря которой Советский Союз получил атомную энергию еще в 1947 году.

Эта идея заключалась в очень быстром включении и выключении чрезвычайно сильного магнитного поля, причем между полюсами электромагнита получались температуры порядка 250 000 градусов. Однако электромагнит мог быть кое-чем большим, чем «запальная свеча» двигателя: он мог, наподобие выпуклой линзы, собирать поток частиц и направлять их в одну сторону. Благодаря этому получился идеальный атомный двигатель, способный перенести межпланетную ракету в любое место в Космосе. Таким образом, тяжелая, кропотливая работа многих тысяч инженеров, техников и физиков подняла земную техническую цивилизацию на новую, высшую ступень, когда межпланетные полеты перестали быть капризной фантазией единиц, проектом фантазера-изобретателя, а стали насущной потребностью всего человечества, которое, навсегда освободившись от

подневольного физического труда, направляло взгляд в бесконечные просторы Вселенной, ища там новые загадки и тайны природы, чтобы померяться силами с ними.

Именно так возник «Космократор» — огромный межпланетный корабль, который в 2006 году должен был полететь на Марс. Но известные уже нам важные события изменили курс этого корабля.

ЛЕКЦИЯ ПО АСТРОНАВТИКЕ

Было ненастное июньское утро. По автостраде, ведущей к верфи межпланетных кораблей, ехал большой междугородный автобус. Асфальтовая лента вилась в глубоких выемках, блестела под дождем, как вода. Крутые откосы, спускавшиеся почти до самых краев дорожного полотна, отражались в его гладкой поверхности, создавая у пассажиров впечатление, будто они плывут по извилистой горной реке. У окон столпились ехавшие в автобусе ребята. По мере того как двигался автобус, скалистые хребты перемещались, кружились, прятались друг за друга, а на их место выплывали другие; склоны гор были покрыты черными лесными массивами. Через час высоко над верхушками елей заблестел купол астрономической обсерватории, и вскоре автобус, поднявшись на перевал, проехал мимо огромного полушара, разрезанного, как яблоко, с торчащими из разреза деталями большого телескопа. Немного погодя двигатель умолк, и его напряженная работа сменилась певучим шипением тормозов. Начался спуск в долину, где находилась верфь.

Еще несколько минут трудного пути по крутой, извилистой дороге, и среди широко расходящихся горных цепей, вершины которых тонули в облаках, раскинулась равнина со скелетами стальных башен, трубами и блестящими под дождем, как стекло, металлическими резервуарами. Посредине огромным восьмиугольником темнели стены верфи.

Инженер Солтык пил кофе в пустой чертежной, когда звонил телефон. Дежурный доложил, что приехала экскурсия. Солтык, даже не поморщившись, сказал: «Пусть подождут, я сейчас», — и положил трубку. Он допивал кофе и отогревал горячим стаканом руки, застывшие не от холода,

а от усталости. Накануне корабль совершил свой последний перед великим путешествием одиннадцатичасовой пробный полет. Инженер принимал в нем участие как первый штурман. Полет этот был проведен ночью, в особо тяжелых условиях: при сильной облачности и почти нулевой видимости.

Солтык уже месяц находился на верфи как представитель технического персонала экспедиции. Во время ночного полета он ни на миг не сомкнул глаз, следя за контрольными приборами. Потом участвовал в проверке аппаратуры, а утром ему пришлось вместе с конструкторами просматривать рентгеновские снимки облоочки корабля. Работы начались, как только корабль ввели в док, то есть с часу ночи. Заседание комиссии было назначено на одиннадцать. Солтык взглянул на часы. Было девять — оставалось еще два часа. Он хотел немного вздремнуть, но после телефонного звонка передумал и решил провести еще и эту экскурсию. Солтык проводил все экскурсии с тех пор, как прибыл на верфь, так как у местных инженеров, по горло занятых спешными делами, связанными с приближением сроков полета, никогда не оказывалось свободного времени.

Солтык прошелся по пустой комнате, машинально до-трагиваясь до разбросанных по столам чертежей, глянул в окно, где темнели в мелком дожде горы, и вошел в лифт, спустивший его тремя этажами ниже. Между внутренней и наружной стенами верфи в густых кустах краснели бутоны удивительно крупных пионов. Экскурсия, как сказал ему встретившийся техник, ожидала у тоннеля. Он спустился еще на этаж. В большом помещении стояли человек двадцать ребят. Узнав, что он поведет экскурсию, они окружили его, забросали вопросами:

- Правда ли, что ночью был пробный полет?
- Как жаль, что мы не приехали вчера!
- А нам можно будет сейчас увидеть корабль?
- Скажите, пожалуйста, неужели здесь все члены экспедиции?
- А внутрь можно войти?

Вопросы сыпались градом. Инженер даже не пытался отвечать. Отмахиваясь от ребят и отступая, как под струями воды, он добрался до двери.

- Сами все увидите, — сказал он. — Входите.

Вошли в длинный коридор. В конце находилась большая тяжелая дверь с похожим на линзу окном. Как только экскурсанты приблизились, двери сами медленно разошлись в стороны, словно створы шлюза. За дверьми вниз вел наклонный спуск. Зеленые лампы, расположенные в нишах, бросали на лица идущих странный отсвет. Наконец спуск кончился. Они вошли в низкую большую комнату с шершавыми стенами и потолком из портландского цемента. Раздвинулись еще одни двери, и — на этот раз в голубом свете — открылась как бы внутренность большого вагона.

— Это лифт? — спросил кто-то.

— Нет, транспортный вагон, — ответил инженер.

Когда все уселись в кожаные кресла, он нажал кнопку. Пол слегка дрогнул, и вагон двинулся. Инженер стоял, опершись о стену. Он все еще был одет в рабочий комбинезон, осыпанный спереди мелкой, как пепел, металлической пылью. Закурив сигарету, он заговорил низким, слегка ленивым голосом:

— Мы находимся сейчас на два этажа ниже поверхности земли и едем по тоннелю под защитными стенами. Восемь лет тому назад на месте этой верфи стоял большой атомный котел старой системы. Тогда еще не был открыт коммуний. Поэтому котел окружали семиметровые стены, поглощавшие излучения. Теперь, при новой системе, все это отошло в историю, но стены и тоннель остались.

Раздался скрежет невидимых буферов. Вагон остановился. Открылись еще одни двери, за которыми была движущаяся лестница. Сверху на нее падал светло-золотистый свет, словно лучи зимнего, негреющего солнца. Поднимаясь, мальчики смотрели вверх, где в четырехугольном отверстии виднелась светлая стеклянная крыша. Равномерно скользя, лестница привела их к широкому входу — и тут они остолбенели.

Перед ними открылся зал, выложенный зеркальным гранитом. Он был такой огромный, что вдали потолок, казалось, сходиллся с полом; впечатление это создавалось лишь благодаря перспективе, так как, подняв головы, ребята увидели, что молочно-белые стекла в стальных рамах висят над ними на высоте нескольких этажей. Стен не было; с обеих сторон крыша опиралась на длинные ряды колонн, между

которыми виднелась внутренность другого зала. Несмотря на ясный день, помещение было залито искусственным светом. Посредине на двух рядах платформ покоился длинный серебристый корабль. Множество людей, казавшихся на таком расстоянии маленькими, как муравьи, ползали по его бокам, таща за собою черные ниточки проводов. Пылали сотни ослепительно синих искрящихся звезд: это работали электросварщики. Поворачивались башенные краны, игрушечные, словно сделанные из спичек. Под самым потолком, на фоне огромных, освещенных изнутри стекол, темнел мостовой кран, растянувшийся через весь зал одним гигантским пролетом.

Зная, какое впечатление производит верфь на посторонних, инженер подождал немного, прежде чем двинуться к кораблю. Только идя по залу, можно было в полной мере оценить его размеры. Они шли и шли, а высоко поднятый, блестящий, как ртуть, нос корабля был все еще далеко. Они миновали несколько глубоких шахт в полу, окруженных барьерами; заглянув туда, можно было увидеть рельсы электрической узкоколейки, по которым каждые десять — двадцать секунд змейкой проскальзывали вагончики с локомотивом. Но ребята ни на что не обращали внимания — их взгляды приковывал корабль. Шагая по отполированным плитам, они дошли наконец до первой платформы, на которой покоился корпус. Вблизи оказалось, что это выгнутая алюминиевая колонна, расщепленная надвое. На каждой из ее частей помещалось по четыре широких гусеницы.

Инженер остановился. Он не произнес ни слова с тех пор, как они вышли из вагона. Теперь он смотрел на ребят с ленивой, чуть насмешливой улыбкой, как бы говоря: «Ну почему же вы ни о чем не спрашиваете?»

Корпус корабля простирался у них над головами в обе стороны — серебряный, огромный, неподвижный. От него падала холодная тень. Ребята прошли мимо поддерживающих платформ. Метрах в десяти — пятнадцати за носом на серебристой поверхности краснели огромные буквы, которые складывались в слово «Космократор». А дальше поверхность корабля была непроницаемо гладкой. Ребята, выравнившиеся вперед, невольно остановились, так как с высоты трех этажей спускался длинный кронштейн, заканчивавшийся гру-

шей из белого металла. На груше верхом сидел человек; в поднятых руках он держал направляющие тросы и, потягивая их, направлял тупой конец груши на середину серебристого хребта корабля. На фоне молочных плит потолка необычайный ездук, одетый в длинный черный халат, в черных очках, закрывающих лицо, был отчетливо виден, несмотря на большое расстояние.

— Мы просвечиваем оболочку рентгеновскими лучами, ищем внутренние повреждения, — пояснил инженер.

«Космократор» стоял слегка наклонно. Среди огромных решетчатых ферм, алюминиевых переплетов, свисающих кабелей, при непрерывном шуме и суетне людей гладкое серебристое веретено покоилось, как нечто удивительное и невиданное. Его корпус, суживаясь к заднему концу, переходил в четыре острых плавника, развернутых во все стороны. Самый нижний, по высоте равный многоэтажному дому, почти касался земли. Ребята задирали головы и, невольно жмурясь, вглядывались в сопла двигателей, открывавшиеся между матово-серебряными плавниками. Казалось, каждую минуту из темных отверстий может вырваться страшное атомное пламя, и корабль мгновенно вылетит сквозь тонкую стеклянную крышу.

Некоторые из ребят отходили немного или поднимались на цыпочки, пытаясь заглянуть внутрь неподвижных жерл, окруженных каймой чистого гладкого металла. Только в нескольких местах на массивных краях были заметны тонкие параллельные черточки — следы воздействия огромных температур.

Инженер стоял, держа руки в карманах комбинезона, и молчал. Здесь работало человек пятнадцать, а молодой парень, сидевший в подвижной кабине на колесиках, от которой в разные стороны разбегались толстые провода, управлял движением переплета, поднимавшегося к верхним плавникам.

Ребята не могли оторвать глаз. Они рассматривали со всех сторон развернутые гигантские стабилизаторы, похожие на хвост серебряного Левиафана. Один из них, самый младший, с пылающими глазами и щеками, с трудом сдерживал желание взобраться на подмости. И он бы это сделал, если бы рядом не стоял инженер.

— Идемте, ребята. Надо торопиться.

Они двинулись толпой за Солтыком и, пройдя несколько десятков шагов, очутились под погрузочным люком. Отсюда между двумя полукруглыми створами, свисавшими вниз, как дверки бомбовоза, видна была внутренняя часть корабля. На ведущие в корабль мостки длинной чередой въезжали груженные электрокары. Несколько человек наблюдали за этим оживленным движением.

Миновав погрузочный люк, они подошли к белой алюминиевой лесенке на колесиках, приставленной к видневшемуся высоко вверх отверстию. Предстояло подняться на высоту добрых трех этажей. Первый из поднявшихся, очутившись на маленькой верхней платформе, оглянулся — и застыл. За спиной у него был матово-серебряный бок корпуса, а внизу — огромный зал, казавшийся еще большим. Там в необозримой глубине бегали десятки маленьких поездов, белели выпуклые корпуса машин с копошащимися на переходах и мостиках людьми. От сотен синих огоньков поднимались ниточки пара, сливаясь в легкие, прозрачные облака. В воздухе остро пахло озоном. На губах оседал металлический вкус. Над головой медленно двигались решетчатые переплеты мостового крана. Мальчик смотрел как зачарованный и очнулся лишь в тот момент, когда в воздухе над ним появился человек в кожаном фартуке и с асбестовой маской на лице: он въезжал на блоке, перекинутом через траверсу, держа в руке, словно пистолет, короткую металлическую горелку.

— Ты чего загляделся? — закричали мальчику.

Он обернулся, выскочил в открытое в стене отверстие и очутился в коридоре, закругленные стены которого были покрыты люцитом, испускавшим спокойный голубоватый свет.

— Это входной шлюз, — произнес инженер, вошедший вслед за ним с остальными ребятами. — С обеих сторон помещаются герметически закрывающиеся люки, чтобы можно было входить и выходить даже в пустом пространстве. А сейчас мы можем пойти или сразу в Централь, или к двигателям — как вы хотите? — обернулся он к ребятам.

Они сгрудились в тесном коридорчике и, немного оробев, молчали.

— В Централь, — ответил наудачу самый младший.

Ему казалось, что инженер смотрит на них недоброжелательно, как на непрошенных гостей. Солтык подошел к затвору в стене и обеими руками повернул металлический штурвал. Открылась дверца, толстая, как у нестеряемого шкафа. Они вошли в другой коридор, тоже закругленной формы, который шел горизонтально внутрь корабля и оканчивался широко открытой створкой. Там была маленькая каморка со стенами, тоже покрытыми люцитом. Под низким потолком ее перекрещивались пучки труб, от которых отходили различные рукоятки.

— Мы находимся в помещении станции обслуживания шлюзов, — сказал инженер и, подойдя к стене, добавил: — Вот здесь манометры, а тут, — указал он на трубы, — трубопроводы высокого давления. Под полом — насосы и баллоны со сжатым газом. Так... А теперь пойдем в Централь.

За дверью, пробитой довольно высоко в стене, находился вертикальный колодец, очевидно не очень глубокий, так как, заглянув в него, можно было увидеть ярко освещенное дно. Туда вела лесенка, вернее, трап с широкими ступеньками, выложенными губчатой, очень эластичной массой, в которой вязли ноги. Колодец с лесенкой оказался настолько узок, что идти можно было только гуськом. Ребята спустились один за другим. Они очутились в коридоре странной формы: его сечение было правильным равносторонним треугольником, стены сходились наверху, где бежала длинная светящаяся трубка. Люцита здесь не было; стены и пол были выложены той же темно-зеленой губчатой массой, что и лестница.

— По пути мы можем заглянуть в каюты, — сказал инженер и открыл первую дверь, которая, находясь в стене треугольного коридора, наклонялась к полу под углом в сорок пять градусов.

Каково же было изумление ребят, когда, заглянув внутрь большой каюты, они увидели, что пол от двери поднимается кверху под углом почти в сорок пять градусов к горизонту!

Инженер, словно не замечая их удивления, прошел еще несколько шагов и открыл дверь каюты по другую сторону коридора. Там тоже пол круто поднимался кверху. В каютах

никого не было. Под потолком светились трубки, слабо освещающая мебель, прикрепленную к полу, как на корабле.

Ребята молча взглянули на инженера. Наконец самый младший и самый нетерпеливый из них спросил:

— Что это значит? Почему коридор треугольный, а пол в каютах кривой?

— Не кривой, а только наклонный, — поправил его Солтык. Достав из кармана комбинезона блокнот и карандаш, он добавил: — Если что-нибудь непонятно, спрашивайте, нечего стесняться. — Он набросал чертёж и показал его ребятам. — Теперь понимаете?

Но они и теперь ничего не поняли.

— Вы знаете, что корабль предназначается для межпланетного перелета? Так вот. Там, в космическом пространстве, при полете ракеты по инерции все предметы становятся невесомыми. Когда-то в фантастических повестях описывались разные забавные приключения путешественников — как они не могли вылить воду из бутылки, как свободно летали под потолком и прочее. Все это удовольствие довольно сомнительное, а главное — тяготение для человека необходимо. Это вовсе не значит, что без него нельзя жить, но мышцы через некоторое время вследствие недостатка упражнения начинают атрофироваться. Поэтому «Космократор» сам создает у себя искусственную гравитацию. Во время полета он вращается вокруг своей продольной оси, которая на этом рисунке обозначена буквой «О», — видите? Благодаря этому возникает центробежная сила, как на карусели; она прижимает людей и предметы в каютах в направлении радиуса — как показано стрелкой. Пол в каютах и этом коридоре устроен так, чтобы во время полета под ногами всегда чувствовался «низ», а над головой «верх», как на Земле. А это, безусловно, возможно только при радиальном расположении помещений.

— А что там, над нами?

— Наверху находятся грузовые отсеки.

— А почему коридор треугольный?

— Только потому, что не хватило места.

— Можно было бы сделать иначе, — запальчиво сказал самый младший, которому опять показалось, что инженер смеется над ними.

— Можно, — добродушно согласился Солтык. — Но тогда стены в каютах пришлось бы делать наклонными, а это не очень красиво; да и вообще в коридоре люди проводят меньше времени, чем в каютах. Впрочем, здесь и так можно пройти четверым в ряд. Ну, мы слишком задержались. Пойдемте в Централь.

Он двинулся вперед, ребята за ним. Самый младший считал шаги: он насчитал их шестьдесят восемь. Потом снова появилась лесенка, но только с несколькими ступеньками, и широкая выпуклая дверь.

В кабине метров в шесть диаметром поражали бесчисленные указатели, циферблаты и сигнальные лампочки. Они мигали и мерцали всеми цветами радуги. Стены, тоже наклоненные к полу под углом, были разделены на секции, образуя шкафчики с пультами. Всюду светились и поблескивали лампочки. Над каждой секцией виднелась надпись. Можно было прочесть: «Сопла», «Главное поле», «Поле управления», «Генератор горизонта», «Предиктор», «Маракс». Их было больше десятка. В самой середине кабины возвышался большой аппарат, похожий немного на шлем великана; из него торчали три трубки, оканчивавшиеся белыми выпуклыми доньшками. Все это напоминало также сильно увеличенную голову насекомого с тремя выпуклыми глазами или щупальцами. Там, где у насекомого должен располагаться рот, на аппарате было четыре ряда вертикально торчащих белых рычагов. Прочитав на двух из них надписи «Старт» и «Ускорение», ребята начали подталкивать друг друга локтями и склонились над приборами, жадно в них всматриваясь.

Другие сгрудились там, где на наклонной стене высвечивался цветной чертеж. Присмотревшись, они поняли, что видят продольный разрез «Космократора».

По обеим сторонам «головы насекомого» стояло по три очень низких кресла с откинутыми назад спинками и разложенными на них ремнями для привязывания. Однако не это привлекло внимание ребят и даже не беспрестанное мельканье сигнальных огоньков. Напротив кресел у самого пола виднелись наклонные металлические диски. В каждом из них, как в рамке, светлел круглый экран почти метрового диаметра. На экранах была видна внутренность всего зала,

светящийся потолок, движущиеся машины, вагонетки, люди — и все очень отчетливо, выразительно, красочно. Два средних экрана показывали переднюю часть зала, два других — заднюю.

Ребята разбрелись. Одни столпились у экранов, другие — у светящегося чертежа корабля, третьи — у «головой насекомого».

— Подойдите все ко мне, — громко произнес Солтык, — а те, кто стоят позади, пусть ни до чего не дотрагиваются. Не то мы все можем полететь неизвестно куда.

Ребята окружили его кольцом. Солтык сел на табурет, который вытащил из-под опускающейся крышки в «голове насекомого», и заговорил, указывая на светящиеся контуры корабля:

— Вот здесь мы видим все, что находится внутри корабля. «Космократор» имеет в длину сто семь метров, а его диаметр в самой широкой части составляет почти десять метров. Он состоит из двух веретенообразных корпусов, вложенных один в другой. Наружный корпус придает кораблю прочность и служит аэродинамическим обтекателем; во внутреннем, разделенном на два этажа — верхний и нижний, — помещены грузовые отсеки, жилые каюты, кабина управления и двигатель. В пространстве между корпусами находятся запасы воды и жидкого воздуха, предназначенные для потребления во время полета, но они также должны и охранять внутренность корабля от космических лучей. На Земле нас защищает от губительного влияния этих лучей атмосфера, а в «Космократоре» — вода и специальный панцирь из камекса, лучепоглощающего материала, действующего вдесятеро эффективней свинца. Дополнительной гарантией безопасности является берсиль, из которого сделан весь корабль. Вы знаете, что это такое?

— Знаем, знаем, — раздались голоса.

— Сейчас проверим, — сказал инженер и, отыскав прищуренными глазами самого младшего, указал на него пальцем.

— Берсиль... — мальчик глотнул воздух, — это такой металл, прочнее стали.

— Нет, это не металл, — заметил кто-то из его товарищей.

— Так что же, металл или нет? Не знаешь? А какое у него строение?

— Там есть такие «глазки», — начал кто-то, но, не встретив поддержки, умолк.

Наступило тягостное молчание.

— Так, — произнес инженер. — Вы оба, оказывается, правы. Берсиль и металл и не металл. Как показывает его название, он состоит из двух элементов: бериллия и силиция, то есть кремния. Первый — металл, второй — нет. Каждый из них обладает кристаллической структурой, то есть пространственной решеткой, в углах которой находятся атомы. Берсиль образуется, когда в пустые места решетки одного элемента вставляется решетка другого. Получается «атомное переплетение», чрезвычайно прочное и твердое. Ну, вот вам и все о корабле. Перейдем теперь к движущей силе. Взгляните на схему «Космократора». Вся его кормовая часть — это помещение для двигателей. От остальной части ракеты оно отделяется двухметровым лучепоглощающим экраном. Продвигаясь от носа к корме, вы увидите прежде всего нашу «фабрику горючего». Это атомный котел, в котором получается коммуний. У нас на корабле нет готового коммунья, мы делаем его сами из других элементов. При полной нагрузке наш котел может дать около сорока килограммов коммунья. Кажется, что это немного, но такого количества достаточно, чтобы совершить десять — пятнадцать полетов до границ нашей Солнечной системы. Процесс образования коммунья происходит непрерывно, даже и сейчас, но очень медленно, как мы можем увидеть.

Инженер нажал рычажок. Тотчас же засветились два пиферблата, а на верхнем из «глаз насекомого», вернее — на катодном экране, появилась медленно пульсирующая черта.

— Сейчас котел настроен на холостой ход. Для его запуска нужно извлечь тормозящие кадмиевые стержни с помощью вот этого регулятора. — Он положил руку на большую черную рукоять. — Тогда количество свободных нейтронов внутри котла увеличится в несколько сот миллионов раз, и образование коммунья ускорится. Что происходит дальше? Атомы коммунья с помощью особого вентилятора всасываются в следующую камеру, которая на схеме называется «Поле», так как там электромагнит создает магнитное поле.

Оно должно быть очень мощным, поэтому электромагнит весит свыше четырехсот тонн, что составляет более чем шестую часть веса всей ракеты. Электромагнит, как вам, наверно, известно, обеспечивает температуру вспышки коммунья. Между его полюсами возникает шар из раскаленных газов. Это, собственно говоря, маленькое искусственное солнце, которое, вращаясь в магнитном поле, выбрасывает поток частиц со скоростью нескольких тысяч километров в секунду. Если бы не магнитное поле, частицы атомов вырывались бы не только из сопел, но разлетались бы во все стороны. Раньше в очень больших урановых котлах получалось такое множество нейтронов, что в радиусе двадцати метров вокруг них нужно было оставлять совершенно пустую зону, а управлять работой котла приходилось из-за толстых бетонных стен. Теперь, благодаря возможности направлять дейтроны в любую сторону, все это ушло в прошлое, и нам остались только очень толстые стены, вроде той, под которой мы проехали. Итак, вы понимаете, что теперь двухметровый защитный экран между камерой двигателя и жилой частью ракеты не имеет для нас большого значения. Если бы поле вдруг исчезло, то в нашу сторону, в глубь ракеты, полетел бы поток быстрых частиц с таким напряжением, что никакой экран не поможет. Чтобы вам стало понятнее, приведу пример. Приближая лицо к пламени, я могу защититься от ожогов, если буду сильно дуть, отгоняя от себя раскаленные газы. Примерно такую же роль играет в ракете электромагнит, направляющий струю частиц в сопла. Таким образом создается движущая сила.

Остается сказать еще о навигации. Вся астронавтика как наука складывается, в сущности, из двух крупных разделов, один из которых изучает взлет и посадку, другой — собственно полет в пустоте. Но и то, и другое — весьма непростые вещи. Если, включив старт, я передвину вот этот рычаг до конца, то двигатель заработает в полную силу, то есть с мощностью в три миллиона семьсот тысяч лошадиных сил. Однако делать этого нельзя, ибо все находящиеся в ракете тотчас погибли бы.

— Почему?

— Ракета, сразу набрав такую скорость, развила бы ускорение почти в три тысячи девятьсот раз больше земного. Че-

ловек, подвергнутый двойному ускорению, весит как бы вдвое больше нормального, тройному — втрое больше, и так далее. Взгляните на этот большой циферблат. Его деления выражены в единицах «g», то есть земного ускорения. Он показывает, с каким ускорением движется ракета. Шкала, как вы видите, кончается на 50 g. Возле 6 g нанесена красная черточка, а возле 9 g — две. Это потому, что человек может довольно долго выдерживать ускорение около 4 g, а 7 g — только полчаса. Ускорение в 20 g можно выдержать всего несколько секунд. А 3900 g раздавили бы всех в ракете, как мощный пресс. Так вот, ракета при взлете не должна развивать ускорение свыше 6 — 7 g, и потому на шкале в этом месте имеется красная метка. Правда, вот этот предохранитель все равно не позволил бы развить большое ускорение. Однако в некоторых случаях предохранитель может быть выключен.

— А зачем?

— Потому что корабль можно отправить вообще без команды. В первых пробных полетах мы так и делали. Тогда ограничений нет, и двигатель может работать на полную мощность. Все, что я сказал, относится и к торможению: тогда тоже получается ускорение, но с обратным знаком. Представить себе это легко. Вспомните, что происходит, когда вы сидите в поезде, который вдруг трогается: вас отбрасывает внезапно назад; а когда поезд начинает тормозить, вы ощущаете толчок в другую сторону. Скорость в момент старта не должна превышать известного предела и по другой причине. Разогреваясь от трения об атмосферу, корабль может вспыхнуть и сгореть, несмотря на прочность материалов, из которых он сделан. Вы помните, что ракета, летящая с обычной скоростью, легко может обогнать пушечный снаряд. При сверхзвуковых скоростях, каких она достигает сейчас, сопротивление воздуха становится необычайно сильным. Для уменьшения его применяются различные способы. У «Космократора» вокруг носа имеются отверстия, из которых во время прохождения сквозь атмосферу вырывается под давлением водород. Между стенкой корабля и воздухом образуется тонкий слой газа, движущийся с половинной скоростью ракеты. Это так называемая фаза с промежуточной скоростью. Температура оболочки при этом не превы-

шает тысячи градусов, и она допустима благодаря нашей системе охлаждения. Однако если по какой-нибудь причине температура продолжает подниматься, то другой автомат снижает скорость вылетающих газов, замедляя полет. Таким образом, мы преодолели основные трудности старта. А теперь посмотрим, что произошло бы, попади сюда человек несведущий.

Инженер быстро включил рычажки разгона; тотчас же фиолетовая черта, лениво извивавшаяся на экране осциллографа, начала двигаться и трепетать все быстрее. Стрелки на циферблатах поползли вправо. Стояла мертвая тишина. Ребята, сгрудившись тесно, голова к голове, затаили дыхание. А стрелки все ползли вправо. Зажигались и гасли все новые сигналы. Инженер нажал другой рычаг, и три экрана в черной «голове насекомого» засветились голубоватым светом.

— Как видите, процесс образования коммуня ускоряется. Мы можем сейчас улететь!

Инженер вдруг схватил за руку младшего из ребят, который стоял рядом с ним, и нажал его пальцем на красный включатель под надписью «Старт».

Мальчик вскрикнул и рванулся с места, но ему преградила путь плотная стена товарищей, которые, расширив глаза и затаив дыхание, ждали катастрофы. Но ничего не случилось. На одном из экранов на какую-то долю секунды появилась трепещущая эллиптическая линия, потом загорелись три красные лампочки, и все огни на пульте погасли. Зато из-за стены завывла прерывистым голосом сирена. Инженер засмеялся.

— Вы думали, что я в самом деле хочу отправить вас в небо? Ну, ну, не бойтесь! Ничего не случилось и не могло случиться. Просто сейчас включился в работу «Предиктор».

Ребята не поняли, что произошло, но никому из них не хотелось спрашивать. Они очень смутились, но больше всего их расстроило то, что инженер видел, как они испугались.

— Ну, ну, не сердитесь... — И, сделавшись снова серьезным, инженер продолжал: — Человек не в состоянии управлять работой всех моторов и инструментов одновременно. Кроме того, его реакции при такой скорости, какую разви-

вает «Космократор» — уже в первые десять минут почти три километра в секунду, — оказываются слишком медленными. Если бы в пяти километрах от ракеты вынырнул из-за туч самолет, то столкновение произошло бы прежде, чем пилот успел что-нибудь предпринять. Проходит четыре десятых секунды, пока вид приближающегося с такого расстояния самолета достигает мозга. Ракета за это время пролетает почти полтора километра. Но пилот еще не успел рассмотреть изображения, он его только воспринял. На это понадобится еще почти секунда, а ракета тем временем пройдет четыре с половиной километра, и вот вам столкновение.

Кроме того, во время старта человек не в полной мере координирует свои физические усилия. Ускорение в это время составляет шесть-семь g. Такое ускорение испытывает пилот реактивного самолета, выполняя сложные маневры. Вы видели, может быть, как выглядит сиденье в таком самолете? Это, собственно говоря, лежанка, а не сиденье, так как пилот лежит там ничком, опираясь подбородком на резиновую подушку. Дело в том, что рост ускорения действует прежде всего на кровообращение. Кровь становится как бы слишком «тяжелой», и сердцу не хватает силы, чтобы перекачивать ее в отдаленные части тела, а одной из таких частей является и мозг. Поэтому при виражах и петлях у пилотов очень часто темнеет в глазах. Это значит, что кровь не доходит до затылочной части мозга, где помещается зрительный центр. Так вот, как вы понимаете, человек не может без риска для жизни управлять ракетой в момент взлета. Его заменяет прибор, который вы видите перед собою. — Инженер положил руку на гладкий, блестящий кожух «головы насекомого». — Он называется «Предиктор». При навигации в пространстве необходимо удерживать корабль на нужном курсе. Можно направлять его всю дорогу при помощи двигателей, но это приводит к излишней трате энергии. Достаточно увести его на определенное расстояние от Земли и выключить двигатели. Корабль тогда летит под влиянием притяжения Солнца, как планета. Это так называемые «естественные орбиты». Есть и другие орбиты — вынужденные, когда корабль прибегает к помощи двигателей и летит, словно «наперерез» или «против течения», преодолевая силу солнечного притяжения, чтобы сократить себе

путь. То, что на обычном корабле выполняют капитан и штурман: расчет курса, его сохранение, уклонение от препятствий, даже наблюдение за всеми приборами, — все это у нас делает «Предиктор». Корабль, как вам известно, вращается в пространстве вокруг продольной оси, чтобы создать искусственное поле притяжения. Поэтому в носовой части есть радиопередатчик, антенна которого вращается в обратную сторону с такой скоростью, чтобы оставаться неподвижной по отношению к звездам. Благодаря этому «Предиктор» в любой момент ориентируется в том, каковы направление и скорость полета. Радар можно назвать «органом зрения» «Предиктора». Кроме того что он дает сведения о положении корабля, у него есть еще одна чрезвычайно важная обязанность, а именно: в пространстве всегда может возникнуть опасность столкнуться с метеоритами. Для первых астронавтов встречи эти были очень страшными, но «Предиктор» с помощью вращающегося радароскопа позволяет избежать их. Кроме «зрения», у него есть еще «обоняние», чувствительное к составу воздуха внутри ракеты, который он автоматически очищает и заменяет. Но самым важным его чувством является, пожалуй, чувство равновесия, без которого посадка была бы вообще невозможна. Вблизи крупных небесных тел есть так называемые запретные зоны, в которых приливные напряжения, вызываемые притяжением, могут разорвать ракету. «Предиктор» умеет обходить эти невидимые рифы благодаря гравиметрическому устройству. А при посадке, когда корабль, открыв тормозные сопла, приближается к планете, он берет на себя роль лоцмана и, отмечая изменения скорости корабля за доли секунды, угол сближения с землей, сопротивление воздуха и устойчивость, регулирует работу двигателей.

— А как он все это делает? — спросил кто-то из ребят.

— Этого я вам рассказывать не стану, потому что тогда вам пришлось бы ходить сюда на лекции дважды в день в течение целого года. Достаточно сказать, что «Предиктор», если дать ему определенное задание, например рассчитать курс на Венеру, выполнит это за несколько минут; а потом нужно только настроить его на «старт» и лечь в кресло. Но того, что «Предиктору» не поручено, он делать не может — больше того, даже не допустит этого. Именно поэтому, мо-

лодой человек, когда ты храбро нажал на кнопку, — обратился инженер к покрасневшему, как пион, мальчику, — вместо двигателя загудела тревожная сирена.

— А для чего те экраны? — спросил один из мальчиков, указывая на три «глаза» «Предиктора», быть может, не столько из любопытства, сколько для того, чтобы отвлечь внимание от своего товарища, который готов был провалиться сквозь землю.

— На этих экранах появляются орбиты пути. На одном видна заданная орбита, на другом реальная, а третий служит для расчетов положения.

— Что значит «видна орбита»? Какая орбита?

— Орбитой, или траекторией полета, мы называем кривую, описываемую кораблем в пространстве. При выключенных двигателях она может быть отрезком гиперболы, параболы или эллипса.

— А это? — мальчик указал на экраны со светящимся изображением зала.

— Обыкновенные телевизионные устройства. Мы пользуемся ими вместо окон в стенах, так как никакой прозрачный материал не выдержал бы такой огромной разницы температур и давлений. Эти телевизоры чувствительны к определенным лучам, но отказываются работать ночью, в тучах и тумане. Однако мы и тогда не остаемся слепыми и переключаемся на радар, то есть на ультракороткие волны.

Инженер перевел небольшой рычажок на пульте. Цветное изображение зала погасло, и на его месте появилось другое, несколько странного вида, окрашенное в зеленовато-коричневые тона. Присмотревшись, ребята увидели то же, что и раньше — внутренность зала, людей, машины, — но это изображение было темнее и лишено обычных красок.

— Вот такой мы видим поверхность планеты, приближаясь к ней ночью или сквозь облака. Но это нас не удовлетворяет. На неизвестной планете, очевидно, нет посадочных площадок, а подробно рассмотреть рельеф местности, когда корабль делает около тысячи семисот километров в час — это наименьшая скорость вхождения в атмосферу планеты, — весьма сложно даже с помощью «Предиктора».

Инженер подошел к освещенной схеме ракеты.

— Вот здесь, в носовой части, у нас помещается разве-

дочный самолет. А вы и не знали, что мы берем с собой самолет? — добавил он, видя их изумление. — А как же! Даже целый воздушный флот! В грузовых отсеках есть ангар еще для одной машины — вертолета. Он служит для других целей. А вот этот самолет, в носовой части, — одноместный, реактивный. Приблизившись к поверхности планеты на несколько десятков километров, мы откроем клапаны и выпустим самолетик. Дальше его уже поведет наш пилот, тщательно исследуя поверхность планеты и сообщая нам о своих наблюдениях по радио. Если возникнет какое-нибудь сомнение: например, достаточно ли прочен грунт, — ведь это трудно определить с летящего корабля, — самолет снизится, и пилот произведет нужные исследования, а затем либо вызовет нас по радио, либо полетит дальше в поисках другой площадки. Обнаружив место, подходящее для посадки, ракета начинает снижаться, сначала используя сопротивление воздуха, а затем, когда скорость уменьшится до каких-нибудь четырехсот километров в час, «Предиктор» включит тормозные сопла. Вы обратили внимание на кружок, который я нарисовал в самом центре корабля?

Инженер вынул блокнот и показал ребятам чертеж поперечного разреза «Космократора».

— Это длинная трубка, которая идет от камеры сгорания до кончика носа корабля. Через нее можно выбрасывать часть газов, чтобы затормозить движение корабля.

— А что может случиться, если «Предиктор» испортится? — спросил младший из ребят, уже оправившийся от смущения.

— У «Предиктора» есть предохранители, — начал было инженер, но мальчик не сдавался.

— А если предохранители тоже испортятся?

— Это совершенно невероятно.

— Ну, а все-таки? Что нужно делать, если они испортятся? — настойчиво допытывался мальчик.

Инженер сначала нахмурился, словно говоря «не приставай», но потом улыбнулся.

— Хочешь знать? — спросил он. — Ну что ж, идемте за мной.

Они вышли из Централы и очутились снова в треугольном коридоре. Затем быстро дошли до узкой лесенки и под-

нялись к станции обслуживания шлюзов. Однако вместо того чтобы пойти направо, в сторону коридора, ведущего наружу, инженер открыл металлическую дверь в стене. По крутой лесенке они поднялись на верхний этаж. Люк, в который они вошли, находился посередине узкого прохода между двумя отвесными стенками. Эта металлическая улица тянулась далеко, насколько хватало глаз: на равных расстояниях ее пересекали распорки. Все это несколько походило на внутренность большого промышленного склада.

— Мы в грузовом помещении, — сказал инженер и направился к кормовой части корабля. Кто-то из ребят, посмотрев вверх, вскрикнул от изумления: над ними на высоте пяти метров бежал мостик, подвешенный «вверх ногами», с поручнями, направленными вниз, — словно отражение того, по которому они шли. Инженер остановился и объяснил: — Во время полета, когда ракета вращается, мы пользуемся этим мостиком. Помните, я рисовал вам?

— И вы ходите вверх ногами? А голова у вас не кружится?

— Это вращательное движение вообще не ощущается. Чувствуется под ногами обыкновенный пол, вот и все.

— А если бы кто-нибудь стоял вот здесь, где мы сейчас, в момент взлета, что случилось бы тогда?

— Как только ракета отдаляется от Земли на три тысячи километров, ей придается вращательное движение, и тогда стоящий тут человек мог бы просто полететь головой вниз на этот мостик; но так как вращение происходит сначала медленно, то с ним ничего не случится. Это был бы скорее постепенный спуск, чем падение.

— Значит, «верх» и «низ» меняются местами?

— Разумеется.

Они пошли дальше. Некоторые отсеки были уже полностью загружены, в других копошились люди, прикрепляя все предметы специальными ремнями к крюкам и лапкам. Инженер, не задерживаясь, давал отрывистые пояснения.

Миновали склады провизии. В полумраке виднелись бочки и груды ящиков, токи с консервами, мешки с мукой и зерном. В следующем отсеке находились лекарства, различные химикалии и аппараты. В холодильниках лежали запасы мороженого мяса, фруктов, овощей. Казалось, люди собрали в ракете, как в каком-то удивительном ковчеге, все, что толь-

ко можно найти на Земле. Здесь были палатки и спальные мешки, спектрометры, подзорные трубки и сейсмографы, тюки материалов, целая химическая лаборатория, барографы и теодолиты, витамины, семена различных растений, банки с синтетическими белками и жиром, сверлильные и токарные станки, компрессоры, взрывчатые вещества, баллоны со сжатыми газами, аварийные генераторы, запасы металла в виде листов и проволоки, кабели и всякие инструменты, легкие сплавы, стеклянная и фарфоровая посуда, стальные тросы, части двигателей, запасные радиолампы, радарные антенны и переносные метеорологические станции.

Ребята уже совершенно равнодушно проходили мимо загруженных отсеков, не прислушиваясь к объяснениям, но оживились, когда инженер, указывая на раздвинутые двери одного из отсеков, сказал:

— Вот тут у нас полярное и альпийское снаряжение.

Один из мальчиков заглянул внутрь.

— Как! — удивился он. — Лыжи? Но ведь на Венере жарко! И потом там нет воды, значит, и снега не может быть!

Инженер, усмехнувшись, остановился.

— Видите ли, — сказал он, — все снаряжение мы взяли, зная, что оно нам необходимо. А лыжи... лыжи мы берем из предусмотрительности.

В одном из последних отсеков стоял вертолет, укрытый парусиной и прикрепленный к потолку канатами мощных лебедок. Ребята заинтересовались машиной, но инженер поспешил дальше.

В полу темнело большое отверстие, в которое виден был наклонный помост, спускавшийся на много метров вниз, к самому полу зала.

Над въезжающими сюда маленькими электрокарами двигались клещи грейферного крана. Миновав отверстие, огражденное низким барьерчиком, ребята дошли до конца коридора. Внизу в стене виднелась круглая дверка.

Инженер повернул большое металлическое колесо, и дверка открылась. За нею оказался темный колодец, из которого пахло душным воздухом.

— Приближаемся к атомному котлу, — сказал инженер и, наклонившись, чтобы не удариться головой о край отверстия, добавил: — Кто смел, за мной! — И исчез в темноте.

Он нырнул туда, и там сразу стало светло. А ребята, стоявшие у дверки, увидели, как на стене зажглись три красные лампочки.

По другую сторону дверки они увидели отвесную лестницу. Спустившись по ней, ребята очутились внутри огромного цилиндра метров десяти в диаметре; здесь корпус ракеты не был разделен на два яруса, и они могли легко убедиться, что «Космократор» имеет круглое сечение. В этом не очень ярко освещенном пространстве, окруженном со всех сторон металлическими стенами, стояла довольно высокая температура.

— Позади нас, — сказал инженер, — находится жилая часть ракеты, впереди — атомный котел, а дальше — двигатель.

Стало тихо. Все напрягали слух, стараясь уловить, не донесется ли до них хотя бы слабый отзвук из-за стены, отделяющей их от котла, который, по словам инженера, никогда не прекращал работу. Разыгравшееся воображение усиливало каждый — даже самый слабый — шорох и стук чуть ли не до масштабов атомного взрыва. Но не было слышно ничего, кроме учащенного дыхания ребят. Массивная, слегка вогнутая стена была гладкой и неподвижной. Только в нижней части ее, как раз перед ребятами, находился круглый люк, закрытый крышкой и тремя железными полосами, каждая из которых была прижата болтом, затянутым с помощью маховичка. Над люком шли провода в металлических трубках, исчезающие в противоположной стене.

— Эти кабели идут к Централи, — показал инженер. — В случае неисправности двигателей, если излучение начнет проникать сюда, «Предиктор» тотчас же узнает об этом.

— Значит, излучение может проникать сюда?

— Конечно. Оно и сейчас понемногу просачивается.

Инженер достал из кармана маленький приборчик, снял с него защитную крышку и показал крохотный циферблат. Светящаяся зеленоватая точка слегка отклонялась от нуля.

Ребята переглянулись, потом посмотрели на лестницу — единственный путь к отступлению, но никто не тронулся с места. Инженер, пряча приборчик, объяснил:

— Теоретически магнитное поле отклоняет все атомные обломки к соплам, а в действительности всегда находится

небольшое количество «бунтующих» атомов, которые летят во все стороны, в том числе и сюда, где мы стоим. Но это количество так ничтожно, что не может оказать никакого вредного действия, тем более что до жилых помещений довольно далеко, а здесь обычно никого не бывает. Однако если вследствие каких-нибудь повреждений — например, перебоев в подаче тока — магнитное поле исчезнет, то поток частиц начнет бомбардировать поглощающий экран все сильнее, проникая в глубь корабля.

Повернувшись к противоположной стене, инженер поднял руку вверх.

— Видите эти блестящие «жерла»? Это счетчики Гейгера — Мюллера и другие приборы, отмечающие наличие излучений. В случае малейших неполадок они тотчас извещают об этом «Предиктор».

На высоте четырех метров по стене шла продольная канавка, из которой торчал ряд блестящих приборов, нацеленных на дверь атомного котла.

— «Предиктор» шлет распоряжение затормозить реакцию распада путем автоматического введения кадмиевых стержней внутрь котла. Но если бы... — Инженер поднял на мальчиков спокойный, сосредоточенный взгляд. — Если бы «Предиктор» испортился, то...

Он подошел к люку.

— Вот этот люк, через него можно войти в котел.

— Как в котел? Но это невозможно!

Ребята думали, что Солтык шутит, но инженер покачал головой.

— Нет, может случиться... Маловероятно, но все же может случиться, что все дистанционные приборы испортятся. И тогда, если возникнет угроза взрыва котла, кто-то должен войти туда через этот люк и ввести в графит кадмиевые замедлители.

— А кто это должен сделать?

— За безопасность корабля отвечает первый инженер-навигатор. Он мог бы приказать кому-нибудь, но он этого не делает.

— Откуда вы знаете?

— Потому что инженер-навигатор — это я.

Ребята устремили на Солтыка широко раскрытые глаза.

Только теперь они поняли, что он вовсе не относился к ним пренебрежительно, а просто очень устал. Глядя на его худое, неподвижное лицо, они уже твердо знали, кто войдет в котел, если это понадобится.

— Значит, туда нужно войти... — заговорил один из ребят. — Но, может быть, в каком-нибудь комбинезоне... в защитном скафандре?

Инженер покачал головой.

— Нет. Там, — он указал рукой, — там такая интенсивность излучения, что никакой скафандр не поможет. За одну минуту человек вберет в себя смертельную дозу.

Младший из ребят, забыв свою обиду на инженера, прошептал:

— Это значит, что вы... — Он умолк, потом договорил: — Значит, если... значит, вы должны будете умереть?

— Да, — ответил инженер. — Чтобы другие остались живы.

ПРОФЕССОР ЧАНДРАСЕКАР

Обратно инженер повел ребят по нижнему ярусу. Они сошли по узкой лесенке в треугольный коридор, прошли мимо трех или четырех дверей. Потрясенные обилием впечатлений, все молчали. В коридоре, выложенном темно-зеленой губчатой массой и освещенном лампами, было пусто и тихо: ни один звук не долетал сюда снаружи. Шагов через пятнадцать инженер остановился и указал на одну из дверей.

— Здесь помещается «Маракс», — сказал он и нажал обеими руками на дверные ручки, расположенные одна над другой. Они вошли в круглую, залитую светом кабину. Стены, как на автоматической телефонной станции, были усеяны тысячами выключателей и штепселей, покрывавших все пространство от потолка до пола; блестели длинные ряды фарфоровых головок, расположенных в шахматном порядке. В нескольких местах щиты были приоткрыты, как двери, и в глубине, в рубиновом блеске горящих лампочек, темнело переплетение проводов.

В центре кабины стоял кольцообразный пульт, внутри которого свободно могли бы поместиться два человека. В одном месте он прерывался узким проходом. Пульт был по-

крыт стекловидным лаком темно-янтарного цвета с зеленоватым отблеском от круглой лампы, висевшей под потолком. Вокруг пульта были укреплены девять черных трубок с обращенными к нему белыми экранами.

— То, что вы до сих пор видели, — сказал инженер, — все контрольные аппараты, машины и приборы, — предназначено помогать нам в тех случаях, которые мы могли предусмотреть. Но может встретиться и такое, чего мы предвидеть не могли. А от того, как быстро мы с этим справимся, зависит судьба всей экспедиции. Вот для этого и построен «Маракс». Это название сокращенное, оно означает «Machina Ratiocinatrix» («Мыслящая машина»). То, что вы видите вокруг, — это релейные устройства. А этот пульт посередине — центр настройки, откуда «Мараксу» даются задания. Решения появляются на экранах.

Ребята стояли у самой двери, сбившись в кучку, и по их лицам было видно, что они плохо представляют себе, каким образом эта чудовищно сложная электрическая сеть сможет защитить экспедицию от неведомых опасностей.

— Я бы охотно рассказал вам побольше о «Мараксе», — продолжал инженер, — но у меня, к сожалению, нет времени.

— А скажите, пожалуйста, что он, собственно, делает?

— Трудно объяснить в нескольких словах. «Маракс» можно назвать вычислительной машиной, обладающей очень большими возможностями.

На лицах у мальчиков выразилось удивление. Некоторые переглянулись, но никто ничего не сказал.

— Ну, пойдете, — произнес инженер. — Может быть, в другой раз вам удастся узнать побольше.

Они направились было к двери, как вдруг послышался чей-то голос:

— Инженер... на минутку!

Они обернулись. В проходе между двумя раздвинутыми панелями, словно в какой-то удивительной двери, сверху до низу покрытой переплетением кабелей, появился человек.

— Профессор, вы здесь? — удивился Солтык. — Я не знал. Я бы не стал мешать вам...

— Ну, что вы! Я очень рад. У вас, кажется, заседание комиссии? Я охотно выручу вас и побеседую с нашими гостями о «Мараксе».

Послышался радостный шепот. Инженер сделал шаг вперед.

— Я был бы вам очень благодарен, но... Ребята, — обратился он к мальчикам, — вам необыкновенно повезло, ведь профессор Чандрасекар — один из создателей «Маракса». Прошу вас, только не делайте попыток спрятаться, чтобы полететь с нами. Мы провели уже десятка полтора школьных экскурсий, и нам не раз приходилось обыскивать корабль, чтобы обнаружить любителей проехаться зайцем...

Инженер посмотрел на ребят, пытаясь напустить на себя строгость, потом улыбнулся, покачал головой и вышел. Когда дверь за ним закрылась, сделалось совсем тихо. Ребята, оробев, не двигались с места. Профессор, известный математик, был одним из членов экспедиции. Почти все они видели его на экране кино, телевизора или на фотографиях и теперь с любопытством разглядывали живого профессора.

Это был человек лет сорока, с сухим, очень смуглым лицом. Орлиный нос с тонкими ноздрями придавал ему твердое, суровое выражение, которого не могли смягчить даже вьющиеся, уже поседевшие на висках волосы. Но стоило посмотреть ему в глаза, почти всегда слегка прищуренные, впечатление это сразу исчезало. Трудно описать, что выражали они. В них были и детская живость, тронутая суровым раздумьем, и спокойствие, какое бывает после преодоления усталости, и уверенность в себе, и улыбка, такая выразительная, что ее невольно хотелось искать на губах, — но он улыбался только глазами. Однако удивительнее всего было то, что тем, на кого он смотрел, глаза его казались светлыми, даже очень светлыми, и только потом люди замечали, что они темного цвета.

Подойдя к ребятам, Чандрасекар заговорил:

— Инженер разочаровал вас, правда? Вы надеялись увидеть здесь еще один атомный котел, какую-нибудь необыкновенную катапульту для частиц, а оказалось, что главный наш оплот — попросту счетная машина? «Что это за ненужный балласт? — думаете вы. — Разве не больше пользы принес бы какой-нибудь излучатель, разносящий всякое препятствие на атомы?» Дети мои, мир чуждой планеты полон загадок. И разве правильным явилось бы решение уничто-

жать все, что мы встретим на пути? Нас это не удовлетворяет, мы хотим большего: мы хотим увидеть и понять. Потому что понять тайну природы — это значит овладеть ею. А в этом-то нам и поможет математика.

Чему вы удивляетесь? Подумайте. Движения планет, звезд, атомов, полет птиц, кровообращение, рост цветов — все, что нас окружает, вся Вселенная подчиняется законам математики. Математика помогает инженеру строить мосты и ракеты, геологу — находить под землей минералы, физику — высвобождать атомную энергию. Мы берем с собою не только механические руки, мускулы и глаза, но и механический мозг. Я называю так эту машину потому, что методы ее работы мы наблюдаем и в нашем собственном мозгу.

Чтобы вы лучше поняли меня, я несколько поясню мою мысль. Когда люди учились строить все более совершенные паровые машины, турбины, двигатели, станки, им казалось, что все на свете можно свести к какой-то механической модели и что даже мозг — это механизм вроде часового, только более сложный. Они считали, например, что запоминание — это образование в мозгу каких-то «снимков», или «оттисков». Однако такое объяснение неприемлемо, ибо в мозгу попросту не хватит места, чтобы таким способом хранить все огромное множество воспоминаний и знаний, каким обладает человек.

Ошибка заключалась в том, что мозг считали огромным складом, или «картотекой», а память о вещи — понимаете? — тоже вещь. Но ведь в действительности это не вещь, а процесс. Это значит нечто текучее, подвижное. Не буду долго на этом останавливаться, но хочу, чтобы вы уяснили одно: материя находится в вечном движении, а мысль — это словно «движение, возведенное в степень»... Вы, может быть, помните девиз, начертанный в подводной лодке капитана Немо? «*Mobilis in mobili*» — «Подвижный в подвижном». Именно это и есть девиз и тайна мозга. Тайна огромной, миллиардной тучи движущихся токов. И по такому именно принципу работает «Маракс». Там, где есть токи, должны быть их источники и пути. Элементарным кирпичиком мозга является нейрон, то есть нервная клетка с отростками, соединяющими ее с другими клетками. А элементарная частица «Маракса» — это катодная лампа.

В нашем «Мараксе» около девятисот тысяч ламп. Конечно, они очень маленькие, но вы видите, какое большое помещение они занимают. А мозг человека состоит примерно из двенадцати миллиардов клеток, то есть как бы из двенадцати миллиардов ламп, и все они вполне уместаются у нас в голове. Конструктор сказал бы, что техническое решение у мозга гораздо совершеннее. Количество клеток, имеющееся в мозгу, позволяет получить столько соединений между ними, что число их превышает десять в десяти тысячной степени. Число это трудно себе представить — оно больше, чем количество атомов во всех планетах, звездах и туманностях, видимых в сильнейшие телескопы. Вот каковы возможности нашего мозга. Возможности «Маракса» значительно скромнее, но он имеет перед мозгом одно преимущество: он работает быстрее. Сигнал от органов чувств пробегает по нервному волокну пятнадцать-двадцать метров в секунду, а ток в проводе «Маракса» — триста миллионов метров. Вы видите, какая получается экономия во времени.

Профессор подошел к пульту и, положив руки на его мерцающую коричневую поверхность, продолжал:

— Я сейчас прикажу «Мараксу» решить задачу. Это будет линейное дифференциальное уравнение.

На вырванном из блокнота листке он написал несколько уравнений, затем, нажав на какие-то кнопки и клавиши, перевел белый рычажок. Тотчас же на одном из экранов появилась неподвижная светящаяся зеленоватая линия.

— Вот и решение. Если хотите знать его в цифрах, нужно дать особое задание.

Профессор нажал другую кнопку, и из узкой щели выпал кусок бумажной ленты с напечатанными на нем математическими знаками.

— Профессор, а очень трудная была задача? — спросил кто-то из ребят.

— Не столько трудная, сколько неблагодарная, потому что требует очень сложных расчетов. Много лет назад, когда таких машин не было, один известный математик решал ее почти полгода.

— Но решение выскочило сразу же, как вы нажали кнопки.

Чандрасекар покачал головой:

— Нет, не сразу. Ты ошибаешься. От момента, когда машина получила приказание, до появления результата прошло около половины секунды. «Маракс» делает в секунду пять миллионов операций — значит в полсекунды он выполнил два с половиной миллиона операций. Столько именно и требовалось.

Пораженные ребята смотрели на «Маракс» с новым интересом.

— «Маракс», как я вижу, начинает завоевывать ваше уважение, — заметил Чандрасекар. — А ведь задача, которую он решил, была довольно проста. «Маракс» только показал вам, насколько быстрее нас работает.

Проблема связей — соединений между лампами, или клетками, — играет большую роль и в мозгу. Вы видели когда-нибудь человеческий мозг на картинке? Он весь в складках, потому что на складчатой поверхности может поместиться больше клеток, чем на гладкой. Но одних клеток еще не достаточно. Они должны соединяться между собою волокнами, как лампы — проводами. Совокупность соединительных нервных волокон образует так называемое белое вещество мозга. Его гораздо больше, чем серого, то есть самих клеток. Почему? Подумайте: если у вас есть только четыре клетки и вы хотите соединить их все между собою, то вам понадобится не четыре соединения, а шесть. Для пяти клеток нужно уже десять соединений, для шести — четырнадцать. А в мозгу их двенадцать миллиардов!

Вот почему белых волокон так много. Вы, наверное, не один раз слышали разговоры о том, что ученые — очень рассеянные люди. Так вот, при помощи «Маракса» попробую объяснить вам, в чем тут дело. Это непосредственно связано с соединениями между клетками — в мозгу и между лампами — здесь.

Прежде всего, — продолжал он, — «Маракс» должен «забыть» предыдущее задание.

Чандрасекар нажал на переключатель. Светящаяся кривая исчезла. Затем профессор очень быстро пробежал пальцами по клавишам, словно работая на какой-то необычной пишущей машинке.

— Когда я даю «Мараксу» задание, — продолжал объяснения профессор, — он как бы старается «сбросить» его и

при этом автоматически включает столько контуров, сколько нужно. Тому, что в обычной жизни мы называем большим или меньшим сосредоточением внимания, здесь соответствует большее или меньшее количество включающихся в работу ламп.

Чандрасекар нажимал все новые и новые клавиши. В «Мараксе» происходило что-то удивительное. Экраны один за другим начали светиться ровным фосфорическим блеском; в конце концов засветился весь круг над верхней доской пульта, отражаясь в ней, как девять бледных лун в гладкой, темно-зеленой воде. На них появлялись кривые; сначала они ползли медленно, потом все быстрее начали извиваться, дергаться и трепетать. Кабину наполнило глухое жужжание токов.

Вдруг ребята вздрогнули. Раздался приглушенный, но сильный басистый звук, и на пульте вспыхнула красная надпись: «перегрузка». И тут профессор показал мальчикам, что клавиши, словно заупрямившись, не поддаются больше нажиму пальцев.

— Видите? — произнес он. — «Маракс» отказывается повиноваться. Я велел ему решать так много задач одновременно, что в проводах получилось чрезмерное напряжение. На этом, собственно, и основана рассеянность. Гм... Вы, я вижу, не поняли. Постараюсь объяснить по-другому. Когда я думаю о чем-нибудь легком, то могу в то же время обратить внимание и еще на что-нибудь: можно, например, повторять в памяти стихи и в то же время смотреть в окно. Но когда задание трудное, делить внимание уже нельзя. Чем больше нервных клеток включилось в работу, чем больше они создают движущихся токов, тем большее напряжение возникает в соединительных волокнах. И вот в этом-то и причина профессорской рассеянности: когда трудной задачей занято очень много клеток, то в волокнах нет места для других токов. Поэтому когда астроном выходит из обсерватории, размышляя над новой теорией, то он может забыть пальто, не узнавать знакомых и вообще, как говорится, не видеть ничего вокруг себя. И все это вызвано только чрезмерным напряжением токов в волокнах белого вещества.

Чандрасекар нажал на другой выключатель. Застывшие на экранах кривые исчезли, а потом и сами экраны погасли,

словно их задули. Профессор поднял голову и с минуту смотрел на ребят, тесным кругом обступивших пульт аппарата. Положив руки на край клавиатуры, словно музыкант, сидящий за каким-то необыкновенным инструментом, он продолжал:

— Вы уже знаете о соединениях между лампами. Другая важная способность «Маракса» — это память. Он должен запоминать то, что ему приказано сделать, и, кроме того, запоминать отдельные этапы расчетов, чтобы потом использовать их. Вот вам простой пример: я хочу помножить двадцать три на четыре. Сначала я множу двадцать на четыре. Получаю восемьдесят. Я запоминаю число и множу потом три на четыре. Получаю двенадцать. Теперь я должен вспомнить первый результат — восемьдесят — и сложить его с двенадцатью. В итоге получается девяносто два. Это, разумеется, только пример. Речь идет о вещах, несравненно более сложных, хотя принцип тот же. Итак, машина должна иметь орган памяти, да еще молниеносно действующий. Это не может быть механической записью, перфорированными карточками или чем-нибудь в этом роде. Скорость каждого процесса определяется самым медленным его звеном. «Маракс» делает в секунду пять миллионов операций. Если в качестве памяти использовать механическую запись, то в лучшем случае для записи результатов потребуется одна десятая секунды. Тогда «Маракс» мог бы делать в секунду только десять вычислений. Мы потеряли бы скорость, а она для нас важнее всего. Поэтому память у него должна быть электрической. Принцип ее таков: импульс токов, означающий то, что нужно запомнить, мы замыкаем в контур и заставляем его кружиться там.

Устройства памяти могут быть разные. У «Маракса» для этого служат так называемые капаситроны. Капаситрон — это вакуумная лампа, в которой находится множество крохотных конденсаторов. Они служат словно «листочками блокнота», а пишет на них «перо», состоящее из пучка электронов, со скоростью двухсот шестидесяти тысяч километров в секунду. Как видите, неплохая скорость. Движениями этого «пера» управляет электрическое поле. Один такой капаситрон может запомнить до сорока тысяч результатов одновременно и подать их, когда потребуется, за долю секунды.

— Профессор, а какими буквами пишет это «перо» из электронов?

Чандрасекар слегка сдвинул брови.

— «Перо» не пишет буквами. Я сказал так только для сравнения. Оно сообщает пластинкам конденсаторов заряды, создавая контуры с переменным током.

— А разве мозг запоминает так же, как и «Маракс»?

— В мозгу есть два рода памяти. Одна, так называемая «подвижная память», — такая же, как и в «Мараксе». Она позволяет запоминать ненадолго. Во временно замкнутых контурах пульсируют токи, которые прерываются, как только в них минует необходимость. А у другого рода памяти — того, благодаря которому мы помним детство, прошлое, все, чему учились, — совсем иная природа. Эта память основана в общих чертах на изменениях, происходящих там, где отростки одной клетки прикасаются к другой: в тонких слоях белка, называемых синапсами... Но сейчас речь не об этом. Я говорю о мозге только для того, чтобы вам легче было понять, что такое «Маракс». Боюсь, что вы все еще смутно представляете себе его действие. Может быть, так будет яснее: «Маракс» — это замкнутая система, стремящаяся к определенному равновесию токов. Как маятник, который при отклонении всегда стремится занять самое низкое положение. Давая задачу, мы выводим машину из состояния электронного равновесия. Стараясь вернуться к нему, «Маракс» как бы «по пути» решает задачу. Игра токов создает различные кривые, которые вы видите на этом экране, и они-то и являются ответом на заданный вопрос. Вы знаете, конечно, что всякую кривую линию можно выразить математическим уравнением. Уравнение кривой, появившейся на экране, — это, собственно, и есть искомый ответ. Так решает «Маракс» математические задачи, но задачи могут возникнуть разные. Допустим, мы прибыли на планету и нам понадобилось определенное химическое вещество. Оно может существовать как газообразное соединение в атмосфере, как минерал и как раствор. Встает вопрос: каким образом получить это вещество с наименьшей затратой сил? Мы даем «Мараксу» все сведения и через несколько минут получаем готовые технические указания. Я привел, конечно, простой пример — «Маракс» умеет решать гораздо более сложные за-

дачи. Как? Здесь дело обстоит совсем иначе, чем при решении математических задач. Там машина, очевидно, должна «знать» только математические правила. А в данном случае она должна обладать обширными физическими и химическими познаниями, знать технологию химических процессов, а кроме того, конечно, знать и средства, какими мы располагаем, потому что если бы она посоветовала нам построить целую фабрику, то такая помощь была бы нам ни к чему. Так вот, «Маракс» должен обладать обширными знаниями по каждому вопросу. А этими знаниями он может обладать только потому, что мы их в него вложили. Каким образом? Используя для этого другие органы памяти, так называемые постоянные конденсаторы, или ультраконденсаторы. Одна такая лампа соответствует примерно одному очень толстому тому технического справочника. У «Маракса» их около ста тысяч, и потому мы не берем с собой никаких книг.

— А разве такая лампа не может испортиться?

— Конечно, может. Но и книга может сгореть. Ничего не поделаешь: мы рискуем. Без риска ничего не добьешься. Итак, когда бывает нужно, включаются соответствующие конденсаторы, и они начинают отдавать контурам свои сведения. Они попросту выбрасывают тучи электронов с преобразованной скоростью — так выглядит наша наука в переводе на язык электричества. Одна лампа отдает контурам свою емкость за неполную секунду. На эту емкость накладываются первичные колебания контуров. Действуют специальные настройки и резонаторы, частотные фильтры, модуляторы и демпферы, занимающие все пространство под этой кабиной. Потому что здесь помещается только управление, как бы «кора мозга», а «белые волокна» находятся внизу.

— Профессор, простите, — сказал кто-то из ребят. — Вы говорили, что такая лампа — это как бы справочник. Но ведь в книге не бывает готовых решений...

— Конечно, нет. Вы опять меня не поняли. Впрочем, я сам виноват, сравнив лампу с книгой. Я имею в виду запас знаний, а не способ его использования. Основная разница между мозгом и книгой та, что в книге сведения лежат одно подле другого неподвижные, мертвые, неизменные, а в мозгу они живые и пластичные, то есть я могу, если мне понадобится, приспособлять их к каждому конкретному случаю. А

«Маракс» больше похож на мозг, чем на энциклопедию. Сведения в «Мараксе» преобразовываются, изменяются и приспособляются, как в мозгу; потому-то они и сохраняются в виде пластичных колебаний тока, представляемых кривыми линиями. Вы знаете, конечно, что если наложить две кривые друг на друга, то получится третья, равнодействующая, не похожая ни на одну из них? Так вот, вопрос, заданный «Мараксу», — это одна кривая, сведения, использованные им в работе, — другая, а полученная от их сложения равнодействующая — это и есть ответ.

— И трех кривых всегда достаточно?

Чандрасекар улыбнулся:

— Нет, я опять сказал это только для простоты. Нужны не три кривые, а миллиарды. Машина, работая над заданным ей вопросом, делает в секунду пять миллионов расчетов. Пять миллионов! А работа продолжается иногда час, два и больше. При испытаниях машина проработала однажды сто шестьдесят девять часов. И все время — по пяти миллионов расчетов в секунду. Попробуйте представить себе это... Говоря о трех кривых, я хотел только показать вам принцип.

— Только одного я еще не понимаю... — сказал, наморщив брови, самый младший. — Как можно все выразить кривыми линиями? Вот вы говорили о получении химического вещества. Ведь в ответе должно быть сказано: нужно взять то и то, поместить в тигель, смешать, кипятить... Как можно выразить все это с помощью кривых?

— Ты хочешь знать, как задают машине вопросы? Это, конечно, нужно уметь. Во всяком случае, это не так просто, как задавать их мне. А насчет кривых ты ошибаешься, мой мальчик. Разве наше письмо — не та же кривая, петлистая, пересекающаяся, усложненная? Только не подумай, что мы так и разговариваем с «Мараксом». Кто знает, быть может такое и выполнимо, но это повлекло бы за собою множество технических осложнений. «Маракс» — как бы великий мудрец-чужеземец, который может очень многое нам рассказать, но только на своем языке. Поэтому стоит затратить немного труда, чтобы научиться его языку — языку кривых, начерченных быстро изменяющимися токами. Ну, а кто не умеет, может для перевода его ответов на обыкновенный язык воспользоваться специальным аппаратом, так называ-

емым электроанализатором Мадера — Фурье. Но опытному оператору достаточно только взглянуть на экран, и он уже знает все.

Профессор нажал на некоторые клавиши, потом на две кнопки. На экране начали извиваться переплетенные линии: они двигались все медленнее и наконец застыли в виде наклонной петли.

— Я спросил «Маракса», при какой температуре выгоднее всего соединять азот с водородом в аммиак и какой взять для этого катализатор. И вот что он мне ответил: при температуре пятьсот градусов и давлении в двести атмосфер, а катализатором должны быть соединения железа.

— Это и я знаю, — не выдержал самый младший.

Чандрасекар сдержал улыбку.

— Я тоже знаю, но не хвастаю этим, — сказал он. — А спросил я его для того, чтобы показать вам, как он работает.

У одного из мальчиков глаза вдруг широко раскрылись, и он с изумлением взглянул на профессора, словно пораженный какой-то мыслью.

— Профессор, вы говорили, что «Маракс» работает так же, как и мозг... Это значит, что и в мозгу все так происходит? И все мышление — это вот такие кривые?

— А ты полагал, — возразил профессор, — что когда думаешь о цветах, то в мозгу у тебя вырастают розы и фиалки, а когда смотришь на стадо овец, то и в мозгу прыгают маленькие овечки? Что тебя так удивляет? Что самый процесс мышления вовсе не похож на то, о чем думаешь? Так это вполне понятно. Знаешь ли, что ты увидишь, если заглянешь в работающий мозг через окошечко в черепе?

— Клетки...

— Но если бы ты взглянул через такой увеличительный прибор, который позволяет рассмотреть атомы, то увидел бы белковые сетки, раскинутые во все стороны, а среди них свободно плавающие другие белковые тела, большие и маленькие, в виде шариков или ниточек; ты увидел бы, как в силовых полях уже существующих молекул рождаются новые, а старые распадаются, выбрасывая облака электронов, бегущих вдоль цепей, которые состоят из ферментов... А что все это значит? В электрической лампе ток идет от отрицательного полюса к положительному, а в живой клет-

ке электроны, захваченные распадающимся телом, например сахаром или жиром, стремятся к кислороду. Так получаются вода и углекислота. В обычной жизни мы называем этот процесс сгоранием. В лампе ток идет по металлической проволочке непрерывно, а в клетке вместо непрерывной проволочки имеется цепь белковых тел, состоящая из дыхательных ферментов. По ней движутся электроны, перебрасываемые от звена к звену. Дыхательные ферменты — это белковые кольца, собранные вокруг атома железа. Они захватывают и выбрасывают электроны по несколько тысяч раз в секунду. Клетка работает, как электрохимическое динамо, создавая разность потенциалов в двадцать — тридцать тысячных вольт. Миллионы таких клеток соединяются в слои, слои — в поля, поля — в центры и зоны, связанные между собою токами с разными частотами. Это очень сложная структура, наполненная подвижной и переменной, ностройной, как музыка, игрой токов... Вот что делается у тебя в голове, когда ты думаешь о цветах, когда видишь небо, облака... А сходство между мозгом и «Мараксом» — это сходство не строительного материала, не строения частей, а токов, и только токов.

— А «Маракс»... Он все может? — спросил один из мальчиков.

Чандрасекар улыбнулся своими черными глазами.

— Всего, конечно, не может.

— Я не то хотел сказать... Могла бы машина одна, то есть без человека, совсем одна, что-нибудь выдумать?

Чандрасекар покачал головой:

— Ты хочешь сказать, не становится ли при такой машине ненужным человек? Ни в коем случае. Разве можно сказать, что изобретение рояля сделало ненужным композитора? Машина сама ничего не может. Она только во много-много раз увеличивает наши возможности, открывает нам пути к решению задач, которые раньше заводили нас в такие математические дебри, что приходилось тратить на это человеческую жизнь. К тому же нельзя сказать, что машина «умнее» человека. Правда, знаний у нее больше, чем у каждого из нас, но помните, что органы памяти у нас, по существу, не только в мозгу, но и в библиотеках, фотоснимках, коллекциях, документах... Машина не умнее человека, она

только гораздо быстрее его. Но, несмотря на это, она сильно уступает живому мозгу. В чем? Постараюсь объяснить вам.

Если какая-нибудь, даже самая трудная, задача вообще имеет решение, то, очевидно, можно построить и мощную мыслительную машину, которая сумеет ее решить. Но главный недостаток машины в том, что она может решать только заданные ей задачи. А постановка задачи — это половина работы, часто даже большая часть ее, как учит история науки. Понять принципы изобретения, скажем, паровой машины очень легко, но придумать ее было трудно. Разобраться в вакуумной лампе, индукторе Румкорфа или повторить сейчас опыты Рентгена — разве это так уж хитро? А обнаружить хотя бы икс-лучи, объяснить новые явления и открыть управляющие ими законы — вот в чем заслуга гениев и вот что способствует прогрессу всего человечества. Я уже говорил вам, что поставленная задача выводит машину из состояния равновесия, но, решив ее, «Маракс» успокаивается. Перед человеком же каждая решенная задача ставит десятки новых, и он никогда не успокаивается. Как видите, машина не умеет творчески мыслить, не может «напасть на идею». И в этом ее самый большой недостаток. Но, бросив такое обвинение, я должен сейчас же ее и защитить: она способна делать то, чего мы не умеем. Она может, например, подробно проанализировать явления, происходящие в недрах атомного котла, в куске взрывающегося вещества или внутри звезды. Как видите, такая машина не устраняет человека, а помогает ему, и это единственный путь к прогрессу.

— Профессор... а нельзя ли построить такую машину, которая бы сама изобретала?

Чандрасекар помолчал.

— Сейчас — нет. Что будет дальше... трудно сказать. Для меня ясно одно: никакая машина не может сделать человека ненужным. Когда-то, сто лет назад, люди боялись машин, думали, что машины отнимут у них работу и хлеб. Но виноваты были не машины, а плохое общественное устройство. А что касается «Маракса»... Вот что я вам скажу. Я упоминал о рояле и композиторе. Это сравнение мне кажется удачным. Подобно тому, как настоящую прекрасную музыку может извлечь из инструмента только виртуоз, так только матема-

тик может полностью использовать хотя и ограниченные, но все же очень большие возможности «Маракса». Часто, когда я ночью сижу здесь и работаю, происходит странная вещь: мне кажется, будто исчезает граница между мною и «Мараксом». Иногда я ищу ответы на заданные вопросы в собственной голове, иногда пробегаю пальцами по клавишам и читаю ответы на экранах — и не чувствую существенной разницы. И то и другое — одно и то же, собственно говоря.

Снова наступила тишина, в которой слышался только шорох токов.

— Профессор... — голосом, приглушенным почти до шепота, спросил кто-то из ребят, — это вы построили «Маракс»?

Чандрасекар поднял на него свои лучистые глаза, как бы оторвавшись от глубокого раздумья.

— Что ты сказал, мальчик? Я?.. Нет, да что ты! Инженер Солтык, кажется, сказал что-то в этом роде... Нет, я был только одним из многих. Но я помню время, когда появились первые попытки создать мыслительные машины. Началось это лет тридцать тому назад. Несколько ученых пытались построить прибор, который заменил бы слепым глаза, — прибор для чтения. Самая большая трудность заключалась в том, чтобы заставить его распознавать буквы, большие и маленькие, рукописные и печатные, — как это делают наши глаза. Когда конструкцию этого прибора удалось придумать, один из ученых показал схему знакомому физиологу, ничего не объясняя. Физиолог посмотрел и воскликнул: «Да ведь это четвертый слой нервных клеток в зрительном центре мозга!»

Таким образом появилась первая машина, подражавшая функции мозга. Правда, только одной функции, но ведь это было начало...

Среди ребят, слушавших в глубоком молчании, началось какое-то движение. Самый младший проталкивался между товарищами, пока не вынырнул у края блестящего пульта; покраснев, как свекла, и задыхаясь, он выпалил:

— Профессор, мне четырнадцать лет, но... Не смейтесь только! Я никогда еще не видел такого умного человека! Скажите, пожалуйста, что нужно делать, чтобы стать таким, как вы?

Чандрасекар устремил на мальчика спокойный взгляд.

— Мне еще далеко до идеала, — произнес он, — да и не хотел бы я им быть. Если во мне и есть что-нибудь достойное подражания, так разве любовь к математике. Что я могу еще вам сказать? Мой учитель оставил мне наказ, которому я стараюсь следовать. Вот он: не успокаиваться! Никогда не удовлетворяться сделанным, всегда стремиться вперед. Именно так всегда поступали люди, которым удалось чего-нибудь достигнуть в своей жизни. Когда Макс Планк после многих лет кропотливого труда открыл квантовую природу энергии, люди ограниченного ума сочли это достославным венцом его усилий и признали его труд законченным. А для него это открытие было лишь началом. Изучению и исследованию квантовой природы энергии он посвятил всю свою жизнь. Ребята, никогда не преклоняйтесь перед собственными идеями, никогда не успокаивайтесь, бейте по своим теориям с такой силой, чтобы отлетало от них все, что не соответствует истине. Я знаю: поступать так нелегко, но в науке, как и вообще в жизни, больше нет столбовых дорог. Эпоха случайных открытий и незаслуженных карьер ушла в прошлое. А сейчас, если вы разрешите, я немного провожу вас. Вы у нас собираетесь ночевать или хотите вернуться сегодня?

— Мы ночуем внизу, на базе.

— Прекрасно. А теперь пойдёмте. Я уже четырнадцать часов не видел неба.

По треугольному коридору они вышли из ракеты. В зале все так же кипела работа. Грубчатые леса, выдвигавшиеся телескопически, были уже убраны из-под хвостового оперения. Они появились теперь у носа корабля, окруженного рабочими. Ребята, попрощавшись взглядом со стройным, словно отлитым из серебра, корпусом ракеты, спустились вместе с профессором по движущейся лестнице и, проехав в вагоне по тоннелю, очутились за пределами верфи, на открытом воздухе. Низкие дождевые тучи расступались, исчезая за горами. В разрывах их темно-серого покрова показалось чистое небо.

Профессор пошел с ребятами по неизвестной им дороге вдоль западной стены. Вскоре высокие башни и трубы остались позади. Кругом расстилались травянистые, слабо всхол-

мленные луга, переходившие вдалеке под скалами в крутые языки осыпей. Разговор шел о полете на Венеру.

— Ну вот, мы, математики, выходим из лабораторий, — говорил Чандрасекар. — Когда-то мне для работы достаточно было карандаша и бумаги, а сейчас математика становится занятием, полным интересных приключений...

Профессор рассказывал ребятам о Венере, о ее белых облаках, о свирепствующих там страшных бурях и циклонах, о таинственных безбрежных океанах. Но все это ничуть не отпугивало ребят: глаза у них горели еще ярче. Кто-то спросил о загадочных жителях планеты. Нет ли новых сведений о них? Как собирается поступить с ними экспедиция? Будет ли война?

— Мы не хотим нападать, — возразил профессор. — Но если придется, мы будем защищаться. Каким образом? Мы, собственно говоря, не берем с собой никакого оружия, но наши атомные двигатели — это запасы мощного взрывчатого вещества. Есть у нас также несколько ручных огнеметов и некоторое количество гаммексана. Мысль взять его с собой мне кажется не особенно удачной, но осторожность не мешает. Вы не знаете, что такое гаммексан? Это новый инсектицид, очень сильный. Дело в том, что некоторые до сих пор думают, будто Венера населена чем-то вроде насекомых. Я лично не придерживаюсь этого мнения.

— А какого, какого?..

Чандрасекар снова улыбнулся:

— Никакого. Я могу с чистой совестью повторить слова Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю». На этот вопрос я отвечаю вам, когда увижу обитателей Венеры.

Узкая тропинка среди травы, бегущая отлогими петлями, спускалась к зеленовато-серебристым замшелым камням.

— Видите? — указал профессор. — Ледниковая морена. А там, за этим порогом, озеро.

Налетавший ветер приносил влажную прохладу. Тяжелые капли дрожали на стеблях трав. Тропинка исчезла. Перешагнув через растрескавшийся известняковый порог, торчавший из травы, будто побелевшее ребро какого-то чудовища, они вышли на обрывистый берег. Внизу лежала широкая водная поверхность, замкнутая гранитным кольцом скал. Крутые обрывы ниспадали каменными лавинами к блестящему зеркалу воды, где в точности — лишь в перевернутом виде и чуть тем-

нее — повторялся береговой пейзаж. Солнце с каждым мгновением теряло свой ослепительный блеск и спускалось за зубцы вершин, вонзая в черную воду столб рубинового света. Уступы и впадины отвесных утесов погружались в сумрак, весь ландшафт темнел, а небо казалось холодным и как бы пропитанным удивительно грустным темно-синим светом. Последние облака угасали, как груды оранжевых углей.

Все умолкли. Ребята и профессор стояли между двумя высокими скалами, словно в развалинах огромных ворот, глядя в посветлевшее над гребнем гор небо; ветер то усиливался, то утихал — и тогда издали доносился шум водопада.

Возвращались уже в сумерках. Ребята, перебивая друг друга, делились впечатлениями. Они были голодны и все время ускоряли шаг. Профессор, оказавшись почти последним, говорил мало. Один раз только он спросил у своих спутников, кто кем хочет быть.

Из тех пятерых, которые шли с ним, один хотел быть химиком и посвятить себя разработке атомных проблем, другой — астробиологом, остальные — пилотами космических кораблей.

— А математиком никто? — полушутливо-полусерьезно спросил профессор.

Самый младший из ребят, шедший рядом с ним, ответил, что хочет быть математиком.

— Значит, уже не астронавтом? Нехорошо так часто менять решения. А может быть, только для того, чтобы меня утешить?

Но мальчик не смутился:

— И астронавтом и математиком... как вы.

Чандрасекар ничего не ответил. Ребята шли уже по равнине, и он догнал шедших впереди. Теперь ему было слышно, о чем они говорили.

— Я читал, что скоро можно будет делать искусственный белок, — говорил один.

— Раньше наука была не такая, как сейчас, — добавил другой. — Потому и было плохо.

— Да, когда читаешь историю, только тогда и видишь...

— Когда я был маленьким, — доверительно сказал самый младший профессору, — я не верил, что были войны. У меня это в голове не укладывалось. Люди были тогда какие-то странные. Они были дикие, совсем дикие!

— Глупые были! — запальчиво отозвался кто-то.

Профессор остановился. Те, кто шли впереди, вернулись, думая, что он хочет проститься. Невдалеке светились окна домов.

— Ты ошибаешься, мальчик, — произнес Чандрасекар. — Вы все ошибаетесь. Люди и раньше были такими, как сейчас, только мир был устроен плохо. Вы ведь знаете, для чего хотели применить атомную энергию и что из этого получилось? Не вздумайте называть людей, живших пятьдесят лет назад, дикарями и глупцами. Именно в то время жили те, кто боролся с темными силами в человеке, — а это гораздо труднее, чем совершить даже самое далекое межпланетное путешествие! И хотя знаний у них было несравненно меньше, чем у нас, к ним нельзя не питать уважения, так как только благодаря им мы можем создавать сейчас искусственные солнца и электрический мозг. И благодаря им мы полетим к звездам.

Положив руки на плечи ребят, стоявших поближе, он добавил:

— Это хорошо, что у вас такие высокие стремления. То, что нам кажется новым и исключительным, да хотя бы наша экспедиция, для вас будет делом обычным. Вы — наша смена, и вы двинете науку вперед. Вы будете идти все дальше и дальше, ибо чем полнее человек познает мир, тем необъятнее горизонты, которые перед ним раскрываются. Вы помните наказ моего учителя?

— Не успокаиваться! — отозвались ребята из темноты не очень стройным, но мощным хором.

— Передаю его вам. Прощайте. Если мы когда-нибудь встретимся, я смогу ответить вам еще на многие вопросы, так как это будет уже после нашего возвращения.

Он вышел из их круга и широким неторопливым шагом направился в сторону верфи. Мальчики в глубоком молчании следили глазами за его удаляющимся силуэтом. Еще минута — и он исчез во тьме.

Часть вторая

ЗАПИСКИ ПИЛОТА

ГАННИБАЛ СМИТ

Меня зовут Роберт Смит, мне двадцать семь лет, и я родился в Пятигорске. Я сын инженера-архитектора и заведующего аэродромом. Так я всегда отвечал на вопрос о моих родителях, и ответ мой всегда вызывал улыбку. Мне приходилось объяснять, что заведующий аэродромом — мой отец, а архитектор — моя мать! Мой дед, Ганнибал Смит, приехал в Советский Союз еще в 1948 году, но до конца дней тосковал по Америке, хотя ничего, кроме плохого, там не видел: он был коммунистом и негром — двойной грех, за который ему пришлось немало страдать. В Советском Союзе он женился на русской, и от этого брака родился мой отец. Мы жили неподалеку от аэродрома в одноэтажном домике на склоне горы, где когда-то находились малахитовые копи. У дедушки была наверху комната, маленькая, вся увешанная пучками сухих трав, сетками, капканами и мешочками со всякими семенами. Чтобы не зябнуть зимой, он построил себе большой камин, с которым связаны мои самые ранние воспоминания. Дедушка умер, когда мне было восемь лет. Я помню, он был очень высоким, крупным человеком. Когда он появлялся у нас внизу, комната наполнялась раскатами громового смеха. Он хватал меня на руки, подбрасывал под потолок и пел русские песни, очень своеобразно звучащие в его устах. Он учил меня стрелять из лука, мастерил вместе со мной воздушных змеев, играл со мной в медвежью охоту и даже похищал из отцовских ружейных патронов порох для моих фейерверков. Мое детство было так тесно связано с ним, что еще и сейчас в трудные минуты передо мной возникает его темное лицо, курчавые молочно-белые волосы и чудес-

ная улыбка, обнажающая ровные белые зубы. Я очень любил его. Свою глубокую, постоянную тоску по родине он скрывал от всех, и только я один, маленький мальчик, иногда слушал его сбивчивые, с трудом излагаемые на русском языке рассказы. Дедушка провожал меня в школу — в первый класс я поступил еще при его жизни, — и товарищи завидовали, что у меня такой дедушка, а старшие спрашивали, буду ли я писать стихи: по их мнению, я должен был стать поэтом, как Пушкин, потому что у меня дедушка — негр. Однако поэзия никогда не привлекала меня. Я признаю поэзию только в широком смысле этого слова и считаю, что она простирается далеко за пределы сочинения стихов и что ее легче найти в воздухе, в горах и в борьбе, чем за столом. Кто знает, быть может, именно поэтому я и пишу сейчас эти строки в маленькой каюте «Космократора», удаляющегося от моего дома с каждой секундой на двадцать пять километров. Но не хочу предупреждать события. Я пишу о себе с мыслью о тех, кому придется читать эти строки. Пусть они все узнают обо мне, чтобы вернее судить, можно мне верить или нет.

Как в тумане, помню я вечера, проведенные у дедушки, и особенно длинные зимние вечера. Дедушка умел и любил рассказывать сказки, чудесные, нескончаемые сказки-повести, тянувшиеся, словно нити экзотических бус, через много вечеров, а я то дрожа, то весь пылая, но всегда с восторгом слушал его так, как умеют слушать только дети или влюбленные. Мне было уже шесть лет, когда впервые в его безмятежных рассказах зазвучали для меня мрачные ноты. Возможно, такое случалось и раньше, но тогда я был слишком мал, чтобы понимать это. В те самые ранние годы дедушка значил для меня так много, что я никогда не сумел бы даже мысленно поставить его рядом с кем-либо из окружающих меня людей. Он был неотъемлемой частью моей жизни, как и наше бело-голубое облачное небо и горные леса, в которых я блуждал по целым дням, как вся окружающая меня природа. Мне кажется, в этом и заключалась загадка моего отношения к нему: другие взрослые входили в мою жизнь и уходили из нее, а без него я просто не мог представить себя.

Впервые он заговорил со мною об Америке, когда мне

было шесть лет. Этих рассказов я не любил и даже боялся. Не потому, что они были очень грустные, — нет, я не был трусом, — а потому, что я не узнавал в эти минуты дедушку: он становился каким-то чужим. Исчезала широта его жестов, с лица слетала улыбка, спина горбилась. Речь его становилась скупой, медленной; он подбирал слова, стараясь смягчить слишком уж мрачные места.

Из первого такого рассказа я узнал, что дедушка, выгнанный с фабрики, ездил зайцем по всем штатам и, чтобы не умереть с голоду, работал носильщиком. Потом был какой-то судебный процесс, во время которого дедушку избили так, что у него появилась трещина в позвонке. Она плохо срослась, и дедушке не оставалось ничего другого, как плести циновки из соломы. Может быть, я превратно понял эту историю, но так она запечатлелась у меня в памяти и таким именно являлся мне дедушка в моих снах: мрачным, угрюмым великаном, сидящим среди огромных скирд золотой соломы, из которой он должен был сплести невероятное количество циновок, а не то...

Что должно было означать «не то», я не знаю, но в этом месте сна мне всегда становилось очень страшно.

Слышал я и другой рассказ, относившийся к более раннему времени. Дедушке было тогда около двадцати лет. Он долго нигде не мог найти работу, но в конце концов ему удалось наняться сторожем на одну химическую фабрику. Собственно говоря, это была настоящая развалина, но предприимчивый владелец вырабатывал здесь жидкость, пахнущую ванилью, разливал ее в красивые флаконы и продавал по очень высокой цене как лекарство от туберкулеза. Владелец фабрики платил своим рабочим ничтожные деньги, но недостатка в людях все равно не было, ибо работали у него преимущественно бедняки-туберкулезники, которые надеялись, что дорогое лекарство, которое фабрикант давал им бесплатно, поможет им выздороветь. Едва ли нужно говорить, что «лекарство» никого не могло вылечить, но фабриканта это мало беспокоило: вместо одного умершего работника он легко мог найти десяток других.

Родители, особенно отец, сердились, что дедушка об этом мне рассказывал. Помню, как однажды я пристал к матери: что такое «штрейкбрехер» и «минолиер». Последнего слова

она не могла мне объяснить, и, когда отец пришел домой, я спросил у него.

— Минолиер? От кого ты это слышал? — удивился он.

— От дедушки.

— А! Это, наверное, миллионер!

Отец рассердился и раздраженно заявил, что будет требовать от дедушки быть сдержаннее в своих рассказах. «Я не хочу, чтобы он отравлял мальчику жизнь своими черными воспоминаниями!» — крикнул он и хотел было пойти наверх, к дедушке, но мать сумела успокоить его, как всегда в подобных случаях.

Пока дедушка был жив, отец всегда подозревал его в том, что он подбивает меня на самые неожиданные поступки: однажды, например, я задумал подняться на Эльбрус и целую неделю тайком собирал продукты на дорогу; в другой раз я стащил чей-то большой зонтик и, придя к отцу на аэродром, пытался спрятаться в самолете, чтобы выпрыгнуть с этим зонтиком как с парашютом, когда самолет будет пролетать над нашим домиком.

О том, что дедушка может когда-нибудь умереть, я узнал совершенно случайно, подслушав какой-то разговор родителей. Не веря им и даже посмеиваясь над их наивностью, я побежал наверх. Дедушка, большой и сильный, обрадовавшись моему приходу, подбросил меня под потолок — как это делал не раз. Но тут я заметил, как болезненно исказилось при этом его лицо, и мне самому стало так больно, что я расплакался. Я ничего не сказал, хотя дедушка долго меня расспрашивал.

Потом он заболел и вскоре слег. Приближалась весна, и я каждый день открывал в саду новые чудеса, а дедушка мог смотреть только из окна, к которому придвинули его большое старое кресло. Однажды, взбегая по лестнице, что вела к нему наверх, я услышал протяжное гортанное пение, совсем не похожее на песенки, которые пелись в школе и дома. Это была безысходно-тоскливая песнь, порожденная великой скорбью и несказанной любовью к миру, который не стоит того, чтобы его любить. Раньше я этой песни от дедушки никогда не слышал. Хотя я хорошо знал английский язык, но не понял этой странной песни. Помню, в рефрене повторялись слова о большой старой реке, по которой плы-

вуд лодки. Я поднялся по скрипучим ступенькам — песня звучала все громче — и долго стоял под дверью, а потом тихо со стесненным сердцем сошел вниз. Через три дня дедушка умер...

В последующие годы проказы и шалости, которые я теперь совершал вместе с товарищами, стали более обдуман-ными, хотя и не менее опасными. Отец не раз говорил, что характер у меня прямо адский, на что мать со смехом отвечала: «Из африканского ада», — и на этом, кстати сказать, все кончалось, так как каждый из них по-своему очень любил меня.

Учился я довольно хорошо, но неровно. Узнав, что стать капитаном корабля может лишь тот, кто отлично знаком с математикой и астрономией, я за несколько недель стал первым по этим предметам, но позже, когда меня заинтересовала география, я эти науки совершенно забросил.

На семнадцатом году жизни, совершенно не зная, что с собою делать, я записался наудачу на конструкторский факультет Летной академии в Пятигорске. Здесь и произошло мое знакомство с Гореловым, который читал у нас курс теоретической механики. На меня он обратил внимание не столько из-за моих способностей, к тому же довольно ограниченных, сколько благодаря моей матери. Это она в свое время спроектировала и построила здание, в котором теперь помещалась кафедра и лаборатория Горелова, причем сделала это так, что, как он сам говорил, покорила его душу.

У каждого человека сохраняются в памяти отдельные вехи его жизни — знаменательное событие из детства, первая любовь, встреча с каким-нибудь поистине великим человеком, — и эти-то вехи являются как бы осями, на которых жизнь порой делает крутой поворот туда, где открываются необозримые горизонты. Такая минута наступила для меня, когда после несданного, или, как у нас говорили, засыпанного, экзамена по теоретической механике Горелов попросил меня остаться в кабинете и начал со мною беседу. Был июнь, чудесный июнь, зеленевший за окнами в саду института. Глядя мне в глаза, Горелов сказал:

— От удара металл издает звук. Роберт, я хочу, чтобы ты откровенно ответил на вопрос, который я задам тебе. Со-гласен?

Я не ответил, но он, очевидно по глазам моим, понял, что отвечу, и, помолчав, продолжал:

— Чтобы быть полезным и другим и себе, человек всегда должен находить радость в своей работе. Я знаю, у тебя хватит способностей выучить все, что нужно, даже по тому предмету, который тебя совсем не интересует. Но ведь этого в жизни недостаточно. А я уверен: ты отдашь всего себя тому делу, которое тебя увлечет. Скажи мне, что тебя увлекает?

Я не мог ответить.

Тогда, не глядя мне в глаза, Горелов прибавил тише и осторожнее, словно имел дело с чем-то очень хрупким:

— Когда ты чувствуешь себя счастливым? Говори откровенно, от этого может многое зависеть.

— Счастливым я бываю редко, — ответил я. — Это только короткие минуты, но тогда мне бывает хорошо... В последний раз это было на Джанги-Тау... Вы, должно быть, не знаете, что я член нашего альпинистского клуба и, как говорят, хороший альпинист. Были такие минуты, когда мне хотелось, чтобы они никогда не кончились и чтобы это были не каникулы, не учебный лагерь, не экскурсия, а моя жизнь — самая настоящая жизнь.

— Что это были за минуты? Расскажи подробнее, — быстро, но все еще не глядя на меня, спросил Горелов.

— Когда грозила опасность, — прямо ответил я, потому что действительно так и было. — Когда я должен был взять на себя ответственность или мне нужно было решать вопрос о выборе пути, о новом, еще не проверенном варианте подъема, о новой трассе. И еще когда я принимал участие в ночной спасательной экспедиции и мне первому удалось найти пропавшего.

— Ты любишь рисковать, — строго произнес Горелов. — Я заметил это еще в то время, когда ты отвечал на мои вопросы. Но со мной у тебя ничего не вышло, потому что меня голыми руками не возьмешь. — Тут ему бы улыбнуться, но он не сделал этого. — Ты подвергал себя когда-нибудь испытанию? — спросил он, помолчав немного.

Я почувствовал прилив гордости, которой, я знаю, у меня и сейчас слишком много.

— Однажды я совсем один пробыл восемнадцать часов в

ущелье Ужбы и вернулся, когда туман рассеялся. Это было мое первое испытание.

— Но не последнее, — ответил Горелов. — Разве то, что ты сделал, было необходимо?

Я заколебался, прежде чем ответить.

— Нет!

— Я так и знал! — произнес Горелов, и я только теперь понял, почему он отворачивается от меня. Он улыбался, но не мне. Улыбался чему-то своему: быть может, своей молодости, которую видел в этот миг очень близко, очень ярко. Потом, как бы вспомнив, что дело сейчас не в нем, обратил взгляд на меня, и второй раз за время нашего разговора он мне вдруг напомнил кого-то очень близкого, составлявшего как бы часть самого меня. Но кого — я не понял и испугался.

— Механики, — заговорил Горелов, — математики, астрономы и те, кто спасает заблудившихся в горах, — все одинаково нужны нам, и жизнь многое бы утратила, не будь хоть одного из них. Но помни, что жизнь человека имеет смысл только тогда, когда она кому-то приносит пользу. Великие замыслы и деяния приносят пользу всем: чужим и своим, близким и далеким, как, например, мост, построенный инженером, стихи, сочиненные поэтом. А маленькое, собственное, каждодневное — весенние прогулки, наслаждение от красивых пейзажей или даже сны — мы делим с теми, кто нам дорог. Но лишь то и другое вместе определяют в полной мере человека и его назначение. Мир существует для тебя постольку, поскольку ты существуешь для него, и все, что ты делаешь, — слышишь ли, все! — должно иметь смысл и цель не в тебе, а вне тебя. Не каждому это удастся одинаково легко. Тебе легко не будет, но именно потому ты и станешь таким. И ты уже им становишься, ибо хочешь быть, как металл, звенящий от удара, — верно, Роберт?

Я кивнул головой, так как не мог говорить.

— Не выйдет из тебя инженер-конструктор, — продолжал Горелов. — Но я думаю, что закончить обучение ты должен, так как знаний, не приносящих пользу, не бывает, а позже, когда получишь диплом, ты должен уйти в горы и поискать себя.

Лишь вернувшись домой после долгих, очень долгих блужданий по холмам вокруг города, слегка опьяненный солнцем, летом и этим разговором, я понял, что Горелов напомнил мне дедушку. Как тот был образцом для меня в детстве, так Горелов стал моей совестью в юности. Я послушался его совета и не жалею об этом. Правда, по окончании института я не сразу пошел в горы. После годичного обучения в Центральной службе погоды я стал пилотом, испытывающим новые модели самолетов, и не раз случалось мне приземляться на аэродроме моего отца.

Каждый отпуск я проводил в горах. Мое имя стало известным в альпинистском клубе и за его стенами благодаря экспедициям, в которых я принимал участие. Однажды в каком-то учреждении, когда мне нужно было ответить на вопрос о профессии, я по рассеянности ответил «альпинист», а не «летчик». Хотя я тотчас же поправился, но правдой было и то и другое, так как теперь я немного уже знаю себя и знаю, что меня одинаково привлекают и неисхоженные горы и самолеты, на которых никто еще не поднимался в воздух. Когда мне было двадцать пять лет, я участвовал в экспедиции на «Крышу мира» — северную часть Памира. Годом позже я был среди тех, кто брал третью по высоте вершину — Канченджонгу. Во время этой экспедиции трагически погиб один из моих товарищей, а у меня обнаружилось расширение сердечной мышцы, так что полгода мне пришлось провести на юге в санатории. Я вернулся к летной службе, когда стало известно, что экспедиции на Венеру нужен пилот для разведывательного самолета. Я вызвался, и из нескольких тысяч кандидатов выбрали меня.

Все это я пишу на двадцать восьмом часу полета. Поднимая голову, я вижу на экране внутреннего телевизора белый диск удаляющейся Земли. У меня такое ощущение, словно закончилась одна жизнь и начинается другая. В такую минуту хочется провести жирную черту подо всем, что до сих пор было сделано в жизни. Я знаю, что многого сделать не смогу, так как способности мои слишком ничтожны. Вот почему я никогда не пытался заниматься наукой. Мне далеко до таких людей, как Чандрасекар, Арсеньев или Лао Цзу, с которыми мне придется делить и хорошее и плохое.

Но я твердо знаю: все, что мне приходилось делать в

жизни, я делал, быть может, слишком опрометчиво, быть может, со слишком горячим сердцем, но всегда с усердием, на какое только способен. Я всегда старался верить в людей, а если сердился на кого-нибудь, то чаще всего на самого себя — за то, что не умею быть таким, как Ганнибал Смит.

Впервые объясняясь девушке в любви, я не сумел найти достаточно красивых и возвышенных слов, чтобы выразить свои чувства. И я сказал ей, что в моем представлении любовь — это не полет и не небо, где я часто бываю, а что-то прочное, как земля, в которую можно вбивать сваи, на которой можно возводить стены и строить дома.

Другое дело, что это ее не убедило.

NAVIGARE NECESSE EST*

Местом взлета нашего межпланетного корабля был песчаный район площадью больше тысячи гектаров, сохранившийся в бывшей пустыне Гоби. Меня привез туда самолет, которым управлял мой товарищ-летчик из Центральной службы погоды. Он всю дорогу молчал — отчасти потому, что плохие атмосферные условия требовали большого внимания, а отчасти потому, что он тоже хотел получить место в экспедиции, но ему не удалось.

Мне это было, конечно, неприятно. Однако я обо всем забыл, когда с высоты шести тысяч метров увидел лежавшую на песке серебряную ракету. Самолет, доставивший меня, должен был тотчас же улететь обратно. Я протянул летчику руку несколько неуверенно. Мы еще слишком мало знали друг друга, чтобы сделаться друзьями, но к этому шло, и теперь я боялся, что мой товарищ не сумеет преодолеть обиду: ему был всего двадцать один год. Я уже вылез на крыло, когда он поднялся с места и потянулся ко мне. В этот момент мне стало ясно, что все хорошо. Мы поцеловались, и я понял, что он богаче меня какой-то суровой красотой. Когда машина исчезла, я двинулся к ракете. У меня было тяжело на сердце. Людей, с которыми мне придется лететь, я почти не знал. Солтыка когда-то встречал в Главном уп-

---

*Плыть необходимо (лат.).

равлении летной школы, но с учеными встретился впервые несколько месяцев назад в Ленинграде, на предварительной технической подготовке. Я заковылял по глубокому песку к небольшой группе людей, стоявшей у стенки «Космократора». Когда меня отделяло от них всего шагов сто, я подумал, что со стороны моя робость могла бы показаться смешной, — я чувствовал что-то вроде трепета, но не перед полетом на Венеру, а перед незнакомыми людьми, которые должны были стать моими спутниками в трудном и опасном полете. Вполне меня поймет только тот, кому приходилось с кем-нибудь вдвоем попадать в такие обстоятельства, при которых, как говорится, человека подвергают испытаниям на сжатие и растяжение: например, в трудном восхождении, когда приходится то страховать товарища, то самому страховаться. Слова «полагаться на другого, как на самого себя» получают свое подлинное значение только здесь, на конце страховочного троса.

Официальное прощание с экспедицией состоялось неделю назад. Я на нем не присутствовал, так как выполнял формальности, связанные с моим отчислением из летного состава. Сейчас на этом уцелевшем кусочке пустыни, среди песков, под бледным небом, стояло всего десятка два людей: родственники отлетающих, президент Академии наук и несколько ее членов. Меня никто не провожал — мать умерла два года тому назад, отец не мог выехать из Пятигорска. Я ощутил одиночество. Но в это мгновение послышался шум самолета. Машина, на которой я прилетел, снижалась. Над самой ракетой летчик послал мне последнее воздушное приветствие, покачав крыльями. Я стоял, всматриваясь в исчезающий самолет, когда ко мне подошел Арсеньев. Он подал мне руку, а потом вдруг притянул к себе.

— Наконец-то ты здесь, человек с Канченджонги! — сказал он, а я мог ответить ему только улыбкой.

Старт был назначен на час дня. Чтобы быстрее миновать атмосферу, нам предстояло взлететь с огромной скоростью. Выбор пал на этот безжизненный клочок земли, так как вырвавшиеся из ракеты атомные газы могли бы вызвать опасные опустошения.

Поздоровавшись со всеми, я пошел с инженером Солтыком на носовую часть корабля, чтобы в последний раз про-

верить мой разведывательный самолет. Вскоре, однако, меня оторвали от этого занятия: около ракеты, на песчаном холме, состоялось прощание. Не произносилось никаких речей, только несколько скупых слов. Мы подняли бокалы с золотистым южным вином, а потом уже с входной платформы смотрели, как гусеничные машины увозят остающихся на Земле за пределы взлетной площадки. Мы вошли внутрь. Перед тем как закрыли шлюз, я обернулся еще раз и, хотя пустынный пейзаж был чужим для меня, вдруг почувствовал, что крепко с ним связан. Что-то стиснуло мне горло. Пустыня была сейчас совершенно безлюдна, но я знал, что в нескольких километрах за горизонтом расставлены широким кругом радарные станции, чтобы захватить корабль в пучки своих волн и сопровождать его всю дорогу.

Мы вошли в Централь, и тут Солтык принял командование. Мы улеглись в откиннутые кресла, пристегнулись поясами, и началось то, чего я терпеть не могу, — ожидание. Стрелка указателя толчками отмечала четверти секунды. Наконец Солтык, лежавший у самого «Предиктора», на мгновение обернулся к нам. Он улыбался. Это была его минута — минута, о которой он мечтал! Стрелки на указателях доползли до своих мест. Солтык нажал красную кнопку, все лампы на панелях зажглись — и началось!..

Сначала короткий гром. Это работали вспомогательные кислородно-водородные ракеты. Корабль, тяжело зарываясь в песок, поднимаясь и опадая, как громадный плуг, толкаемый взрывами, неровно и неуклюже сдвинулся с места. Потом взрывы участились. Мы почувствовали страшные толчки, удары о грунт, нас бросало во все стороны, хотя мы и были пристегнуты эластичными поясами.

Вдруг раздался протяжный певучий звук. Толчки прекратились, зато с каждой секундой тело мое становилось все тяжелее. Я не спускал глаз с круглого экрана, стоявшего передо мной, и видел как бы узкий блестящий кантик — бок ракеты, мчащиеся пески. Все мигало и дрожало. Это были слои воздуха, стущавшиеся перед кораблем во время движения, — зрелище, знакомое мне по полетам с наивысшей скоростью.

Видеть становилось все труднее. Страшная сила толкала меня в глубь мягкого кресла, наливая свинцом суставы, за-

полняя каждый мускул и нерв, так что дыхание стало с шумом вырываться из груди, словно придавленной грузом в сотню килограммов. Я скосил глаза. Все лежали так же беспомощно. На шкалах прыгали огоньки, а сквозь корпус ракеты мощным потоком несли тот певучий звук, с которым атомные газы вырываются в пространство.

Это продолжалось долго, так долго, что пот, выступивший на лбу, начал струиться между бровями. Я хотел вытереть его, но не мог поднять руку. В этот момент Солтык нажал какой-то рычажок, и вдруг сделалось легко. Я взглянул на часы. Мы летели уже шестнадцать минут. Не знаю, как назвать то, что лежало под нами внизу. Это не была Земля — плоская, бесконечная равнина с тонкими линиями дорог и рек, так много раз виденная мною с самолета.казалось, небо и земля поменялись местами. Вместо легкого синего купола над нами зияла плоскость, на которой тлели еле заметные звезды, а внизу простиралось что-то бесформенное, желто-бурое, выпуклое. Такого я никогда не видел. На этой словно в бесконечность уходящей огромной массе темнели неопределенные пятна, и больше всего бросались в глаза торчащие белые клочья, неподвижные, словно наклеенные на ее поверхность куски белой ваты.

Я решил обратить на них внимание Солтыка; он, взглянув на экран, сказал: «Это облака» — и снова вернулся к своим указателям.

Я понял. Да, это были облака, плывущие над планетой, но их высота была ничтожной по сравнению с высотой, на которой сейчас находились мы. Присмотревшись, можно было кое-где заметить крошечный белый клочок, бывший в действительности облаком величиной в несколько километров. Теперь мы летели — как показывали светящиеся экраны «Предиктора» — по эллипсу, траектории искусственного спутника Земли. Это тянулось, вероятно, с час, в течение которого под нами прошла третья часть планеты. Вот кончилась многоцветная равнина Китая, исчезла суша. Мы летели над Тихим океаном. Выпуклая поверхность воды черно-стального цвета, похожая на полированный металл, представляла собой необычайное зрелище.

Когда показались берега Америки, Солтык снова нажал на красную кнопку, опять раздалась протяжная песнь дви-

гателей, и «Космократор», подняв нос к черному небу, помчался прочь от орбиты, описанной им вокруг Земли. До полуночи продолжался такой полет, крайне мучительный из-за постоянно меняющихся ускорений. Ракета, давно уже выйдя из атмосферы, все еще боролась с земным притяжением. Работа двигателей не прекращалась ни на миг, и мы уже значительно превысили скорость звука. Ракета теперь летела в безвоздушном пространстве, так что можно было разговаривать, не повышая голоса. Через несколько минут после полуночи мы по знаку Солтыка расстегнули ремни и встали, неуверенно оглядываясь вокруг.

Централь была залита спокойным светом. Если бы не черные экраны, усеянные искрами звезд, можно было подумать, что ракета неподвижно лежит в доке. Земля простиралась перед нами, как огромный, на три четверти затененный шар. Ее ночное полушарие выделялось на фоне звезд мрачным сероватым пятном.

Слух постепенно привык к музыке двигателей, и теперь нужно было напрягать внимание, чтобы удостовериться в том, что они работают.

Записав сведения, переданные радарными станциями, мы пошли в кают-компанию ужинать, и тут слово взял Арсеньев.

Среди моих попутчиков он один был выше меня ростом: это настоящий Геркулес, принявший образ астронома. Мне доставляло огромное удовольствие видеть его могучую широкую грудь и прямую, как колонна, шею, на которой сидела крепкая большая голова со светлой золотистой шевелюрой.

Он обратился к нам со следующими словами:

— Друзья мои, — сказал Арсеньев, — наш перелет будет продолжаться тридцать четыре дня. У нас будет не слишком много работы, но мы, конечно, не станем бездельничать. Давайте затеем дискуссию. Я первый вызываю коллегу Лао Цзу на диспут по вопросу о волновых движениях материи. А так как мы не в лаборатории, а на корабле, отдаляющемся от Земли, то предлагаю каждый вечер мысленно возвращаться к ней и по очереди рассказывать какое-нибудь воспоминание, самое знаменательное и интересное в жизни.

Все согласились с этим предложением. Я молчал, думая,

что меня это не касается, так как речь пойдет, конечно, о научных работах и открытиях. Каково же было мое изумление, когда Арсеньев обратился ко мне, шутливо требуя, чтобы я начал «цикл рассказов тридцати и четырех ночей». Смутившись, я принялся отказываться, будто и в самом деле вел до последней минуты жизнь конторского служащего, с которым никогда не случилось ничего достойного внимания.

— Ну и что ж, что вы среди профессоров? — словно слегка подтрунивая, повторил астроном мои последние слова. — Здесь нет профессоров, здесь все товарищи по перелету. А в отношении интересных воспоминаний каждый из нас может вам только позавидовать.

Я продолжал отказываться, но в конце концов все же обещал рассказать что-нибудь в один из ближайших дней, когда услышу какие-нибудь чужие рассказы и когда у меня будет соответствующее настроение. Может быть, тогда у меня что-нибудь получится, потому что мне всегда бывает трудно начать. Арсеньев покачал головой с явной укоризной и обратился с этой же просьбой к нашему химику, доктору Райнеру. Я обрадовался, что рассказывать будет Райнер, так как до сих пор ни разу не видел его. Как и меня, его задержали дела: он прибыл из Германии на место взлета лишь за день до старта. Это был человек лет сорока, седоватый, в очках, невзрачный и невозмутимо спокойный. Он хотел было уже начать, когда появился Солтык, дежуривший в Централі, и сообщил, что радио северного полушария сейчас передаст специальную программу для нас. Он включил репродуктор кают-компании, и мы, сидя в глубоких креслах за круглым столом, слушали музыку Бетховена, долетавшую до нас через межпланетное пространство на волнах эфира. Когда концерт закончился, был уже час ночи, но никому не хотелось спать, и Райнер опять было начал свой рассказ, но ему снова помешал Солтык. Ракете требовалось придать вращательное движение. Четверть часа назад «Предиктор» включил двигатели. Мы уже значительно отделились от Земли, ее притяжение сильно ослабело, и при резких движениях нам случалось подбросить стакан в воздух, вместо того чтобы поднести к губам. Предметы и наши собственные тела становились с каждой минутой все легче. Солтык от-

правился в Централь, и через минуту мы почувствовали, что движение корабля изменилось. Некоторое время продолжалось неприятное ощущение, вызываемое возникающей при вращении центробежной силой, но потом оно исчезло, и наши тела снова приобрели нормальный вес. Когда Солтык вернулся, Райнер смог наконец приступить к рассказу.

— Не знаю, — начал он, — будет ли мой рассказ кому-нибудь интересен. Эта довольно странная история связана с моей специальностью. Ее можно было бы назвать «Полимеры» — заглавие несколько отпугивающее, не так ли? — обратился он к нам с застенчивой улыбкой, за которую я его сразу полюбил. Жил я тогда в старом портовом районе Гамбурга. Я был докторантом и получил лабораторию органического синтеза у моего учителя, профессора Хюммеля. Примерно за год до этого лаборатория работала над синтезом нового типа резины, так называемой силиконовой, в которой атомы углерода заменены атомами кремния. Авиационная промышленность привлекла к этому делу все свои химические институты, так как от получения такой резины зависело будущее самолетостроения.

Как вам известно, нынешние самолеты приземляются с такой скоростью, что колеса из обычной резины разрушаются от трения или сгорают от нагрева. Теоретическое изучение вопроса показало, что силиконовая резина не будет чувствительна к возникающим в таких условиях высоким температурам. Если получить ее не удастся, то конструкторам придется вовсе отказаться от существующих систем шасси. Когда я пришел в институт, дело это, собственно говоря, считалось безнадежным. На исследования были отпущены огромные суммы, истрачены громадные количества реактивов, испорчено множество специального оборудования и написаны десятки отчетов, но без малейшего результата. На бумаге все выглядело хорошо, практически ничего не получалось.

Первой моей заботой было привести в порядок лабораторию и подготовить ее для работ в другой области. Долго пришлось чистить эти авгиевы конюшни. Можете себе представить, что там творилось, если я скажу, что в последние месяцы бригада химиков почти не выходила из лаборатории, а трое моих старших коллег, Иенш, Геллер и Браун,

вовсе там жили. После них остались огромные горы запыленных, обугленных и обгоревших образцов резины, сотни лопнувших колб, целые километры пластиковой ленты; и хотя мы со студентами работали не покладая рук, как уборщики и подметальщики, но уже спустя месяц то под каким-нибудь шкафом, то в термостате обнаруживались склады все той же злополучной резины. Сам я тоже, как говорится, сидел на полимерах, но они интересовали меня скорее с теоретической точки зрения. Полимеры — это, как вы знаете, вещества, образующиеся путем соединения множества одинаковых частиц между собою. Получаются молекулы гигантских размеров, поведения которых никак нельзя предсказать, основываясь на свойствах исходных частиц. Меня привлекали некоторые исследования с полиизобутиленом, и полистироном, и с резиной, самой обыкновенной резиной, которая является, по всей вероятности, наиболее известным из полимеров. Я хотел создать теорию поведения всех полимеров вообще. Может быть, оправданием мне послужит то, что я был тогда двадцати четырех лет от роду, а в этом возрасте стоит прочесть одну специальную работу, как возможности открытий начинают вспыхивать в голове, словно фейерверки. Еще до прихода в лабораторию я начал читать специальную литературу и постепенно, сам того не заметив, погряз в ней. Я выписывал огромное количество фактов и на маленькие квадратные карточки, которые складывал сначала в коробки из-под сигарет, потом в специальные ящики, потом на полки шкафов, и скоро уже вся комната была заполнена этими карточками. Пока я в них еще разбирался, но чувствовал, что скоро настанет минута, когда они захлестнут и затопят меня. Тем временем до разработки нужной теории было еще далеко. Эти мои любимые полимеры ведут себя очень любопытно. Некоторые из них в двух измерениях имеют свойства газов, а в третьем — свойства твердых тел. Каучук ведет себя как идеальный газ, так как при растяжении охлаждается, при сжатии нагревается. Больше всего меня интересовал именно каучук. Втайне я мечтал, что мне удастся найти теоретическим путем то, чего коллеги не сумели добиться на практике. Сначала, чтобы немного набить себе руку в технике опытов, я делал, как и мои коллеги до меня, рентгеновские снимки кусочков кау-

чука в различных условиях: то растягивал их, то сжимал под высоким давлением, то травил кислотами. Потом я записывал результаты и целыми вечерами мечтал о своей теории. Да, только мечтал, ибо она была так же далека от меня, как земля обетованная. Нерастянутый каучук дает на рентгеновском снимке такую же картину, как и газ, то есть беспорядочный хаос частиц. При растяжении картина меняется, и структура уподобляется кристаллу. Происходит это потому, что длинные скрученные атомные цепочки, из которых состоит каучук, под влиянием растяжения превращаются в параллельные пряди, дающие эту кристаллическую картину. Итак, я нагревал, сдавливал, охлаждал, сушил и снова нагревал кусочки каучука, пока в один прекрасный вечер мои запасы не истощились. Я пошел к лаборанту, и он сказал мне, что на чердаке, на складе старья, есть еще несколько колб с образцами старой силиконовой резины. Я безнадежно махнул рукой, но утром увидел у себя на столе в лаборатории штук пятнадцать запыленных стеклянных колб: лаборант принес их с чердака, чтобы оказать мне услугу. В колбах были черные, клейкие остатки от опытов. Геллер в свое время называл эти опыты этапами его мучений, так как каждый раз он загорался надеждой, и каждый раз она разбивалась вдребезги. Ни в одной колбе не было ни кусочка каучука, лишь что-то вроде липкого теста, к которому я решил не притрагиваться. Только в последней колбе лежал порядочный комочек темно-серого цвета. Я вложил его в аппарат, нагрел, сделал рентгенограмму и пошел домой. На следующий день снимок оказался готов. Я был уверен, что найду то же, что и раньше: полный распад атомных цепей, расплывающуюся кашу. Вместо этого я увидел, можно сказать, идеальную кристаллическую решетку. Я не верил собственным глазам. Каучук был подвергнут нагреву до восьмисот градусов и давлению в тысячу атмосфер и должен был превратиться в клей. Однако этого не случилось. Когда я открыл аппарат, в который не заглядывал со вчерашнего дня, так как горячую камеру открывать нельзя, я нашел там кусок каучука, очень свежий, эластичный и прочный. Я позвал лаборанта и спросил его, не клал ли он чего-нибудь в аппарат. Он ответил, что нет, что даже не подходил к нему. Все еще не веря, я снова подверг удивительный образец ис-

пытанию высокой температурой и давлением, но на этот раз не пошел домой, а стал ждать, пока камера остынет. В восемь часов вечера я вынул образец — он был еще горячий, но такой эластичный, словно я взял его не из печи, а из ящика. На всякий случай я проделал еще и химический анализ: это был силиконовый каучук. Несмотря на поздний час, я схватил образец величиной, вероятно, со спичечную коробку, рентгеновские снимки и побежал к профессору, жившему неподалеку. Он сначала не хотел мне верить, но на следующий день, когда я при нем снова проделал все опыты, вынужден был сдаться. Перед нами лежал образец настоящего силиконового каучука, этой мечты самолетостроителей, свойства которого идеально соответствовали теоретическим предвидениям. Мы имели его, но это нам ничего не давало. В органической химии ценным считается только одно: умение заставить атомы соединяться так, как нам нужно. В образце каучука, который у нас был, такое соединение произошло, но мы не знали, как это случилось. Иначе говоря, у нас не было технологического рецепта, и мы не имели ни малейшего понятия о том, как его получить. Разумеется, прежде всего мы вызвали Геллера, Брауна и Иенша, работавших в то время в Берлинском институте горючих газов. Телеграмму составил я сам, да так, что все трое в ту же ночь примчались на самолете и под утро уже будили меня, колотя в двери моей квартиры. Когда возгласы и распросы поутихли, то оказалось, что они знают столько же, сколько и мы с профессором, то есть ничего. Без труда разыскали мы протоколы опытов. Образец 6439, под которым значился необычайный каучук, когда-то был выброшен как не представляющий ценности, а из приложенного рентгеновского снимка следовало, что ни о какой ошибке не могло быть и речи. Мы оказались в таком тупике, были так безнадежно дезориентированы, что у одного из нас вырвался вопрос, нелепо звучащий в устах специалиста: «А может быть, образец этот с тех пор дозрел?» Эта нелепость сделалась потом поговоркой, ее не раз повторяли как анекдот, когда кто-нибудь не мог справиться со своей задачей. Через четыре дня коллеги, которым нужно было возвращаться в Берлинский институт, махнули на все рукой и уехали. Я остался один с куском этого злосчастного каучука, с потеряв-

шим терпение профессором и со сверлящими голову мыслями, не дававшими мне ни спать, ни есть.

Забросив свои теории полимеров, я принялся тщательно повторять все этапы опытов, которые привели к получению этого образца. Технологические рецепты были в протоколах. Не буду подробно останавливаться на том, что я проделал. Скажу только, что эти синтезы я провел пятьсот восемнадцать раз, придерживаясь методики с какой-то слепой, рабской точностью, и замучил берлинских коллег телеграммами, требуя, чтобы они сообщали мне все подробности об обстоятельствах, при которых они работали с этим образцом. Будь здесь химик, он бы меня понял. Известно, что в химии, где количество возможных комбинаций между реагирующими веществами, практически говоря, бесконечно, открытия делаются иногда случайно, например, благодаря тому, что кто-нибудь стряхнул с сигареты в колбу пепел, ставший зародышем кристаллизации. Или потому, что этажом ниже коридор окрашен лаком, содержащим какой-нибудь элемент в количестве, совершенно ничтожном, но достаточном для того, чтобы катализировать ту единственно нужную реакцию, которую никаким другим способом нельзя сдвинуть с места, хоть всю лабораторию вверх дном переверни. Коллеги отвечали на мои телеграммы, и я делал все: изменял температуру, катализаторы, давление. Но делал я и много такого, что не имело смысла, и в конце концов начал ко всему относиться с каким-то предубеждением.

Даже самому педантичному экспериментатору, если он действительно одержим какой-нибудь проблемой, через некоторое время начинает казаться, что он уже не владеет своим материалом. Одним словом, в лаборатории все пришло в такой беспорядок, что профессор Хюммель стал называть ее балаганом, сначала без меня, а потом и при мне, спрашивая, до каких пор государство будет оплачивать наши дорогостоящие развлечения. Я попросил четыре месяца срока — это было первое, что мне пришло в голову. Честно говоря, беспорядок я до некоторой степени поддерживал сам, так как где-то в глубине души надеялся — хоть никому бы в этом не признался, — что в таком первобытном хаосе мне может прийти на помощь случай, который откроет мне

тайну получения этого образца неизвестного силиконового каучука.

Образец этот я держал у себя на столе в лаборатории под стеклянным колпаком. Сколько раз, выливая в раковину зловонные реактивы после неудачного опыта, я смотрел на этот маленький темный кубик, и это являлось для меня новым стимулом в работе.

Очень тяжелой бывает минута, когда в молодости начинаешь понимать, что одним только святым огнем, одним только желанием нельзя двинуть науку ни на миллиметр вперед. После того как число моих неудачных опытов перевалило за тысячу, а лаборанты, вынося обугленные образцы целыми корзинами, начали уже откровенно перемигиваться, я вспомнил о Северном море. Я уже говорил вам, что все это происходило в Гамбурге.

С этими словами Райнер обернулся туда, где над матовой деревянной панелью на стене виднелся экран телевизора, и показал палочкой одно место на Земле. Ее северное полушарие, освещенное светом, притушенным тучами, выделялось на черном фоне. На самом краю диска, между отрогами Скандинавского полуострова и темным массивом Европы, врезалось море — и палочка, скользнув по стеклу экрана, прошла, по-видимому, над тем местом, где у основания Ютландского полуострова лежит Гамбург. Впервые за всю свою историю человек воспользовался видом Земли с расстояния тысячи километров как картой. Простой жест Райнера внезапно отвлек нас от воспоминаний и перенес в глубь межпланетного пространства. Тем временем химик, все еще водивший палочкой по экрану, словно это доставляло ему какую-то детскую радость, продолжал:

— Я начал ходить в порт, к морю, чтобы немного освежить голову. Насколько раньше я был уверен в себе, не сомневаясь, что знаю все и что только один шаг отделяет меня от заветной двери — меня поймет всякий, кто хоть раз в жизни испытывал опьяняющую радость приближения к двери, за которой таится решение загадки, — настолько теперь мне казалось, что я ничего не знаю, и даже хуже того — что ничего у меня не получится, так как, попросту говоря, я для этого слишком глуп.

Осеннее море становилось все более бурным, и по вол-

нам, высоким, темным волнам порта, ползали баржи, а дальше, в открытом море, шли корабли, пароходы, и время от времени появлялись паруса рыбацких лодок. Я ходил на мол и оставался там так долго, что сторожа заподозрили во мне человека, который хочет покончить самоубийством и никак не может решиться. Но голова моя была полна силиконами и полистиренами, и я не видел ни сторожей, ни моря, ни кораблей — во всяком случае, мне казалось, что я их не вижу. Я был немного похож на ребенка, которому дали рассыпанную мозаику из множества мелких кусочков и велели сложить ее, а он не умеет. Я не знал, что с чем соединять, но то ли по привычке, то ли от безнадежности складывал мысленно разные фрагменты. Ничего не получалось. Тогда я принялся ходить к профессорам и мучить их вопросами, пока один из них, потеряв терпение, не сказал: «Я, что ли, должен думать за вас?» — и тем навсегда избавил от моих приставаний и себя и других. Я снова вернулся к морю. Теперь мне известно, но тогда я не обратил на это внимания, что уходил я домой только после возвращения одного небольшого парусника, самого быстроходного. У него были как-то необычно расположены паруса. Часто, когда становилось уже совсем темно, я не уходил, а стоял и ждал его. С каким-то не вполне объяснимым любопытством я следил, как он двигался среди пенящихся волн. Я в навигации разбирался слабо, а в том, как он двигался, словно оснащенный крыльями, не было ничего, что я мог бы связать со своей работой. Просто прибытие этого парусника служило для меня знаком, что прогулку на молу пора кончать.

Однажды вечером, когда я стоял так на бетонном конце мола и ждал, вдруг пошел дождь. Погода, до сих пор ветреная, переходила в бурю. Когда стало совсем темно, показались лодки. Та, самая быстроходная, была видна очень хорошо, так как ее белые паруса выделялись на темном фоне моря. Высокие волны хлестали с такой силой, что за несколько минут вся одежда на мне промокла, но какое-то непонятное чувство не позволило мне уйти. Ветер все усиливался, пронзительно воя, а поверхность моря то поднималась, то опадала. Все лодки убрали паруса, только то белое суденышко шло под всеми парусами, даже подняло новые, и было похоже на белую, по грудь погрузившуюся

в волны птицу, пытающуюся взлететь могучим взмахом крыльев. Быть может, картина была вовсе не такая уж поэтическая, но я уже сказал, что я сухопутная крыса и с навигацией совершенно не знаком. Когда я увидел, как этот кораблик, подняв паруса и набирая скорость, приближается к остальным, обгоняет их и уходит в туман и мглу, со мной произошло что-то заставившее меня немедленно вернуться домой. Я решил, что организм у меня менее вынослив, чем голова: она жаждет каких-то сильных впечатлений, а он требует только отдыха. Дома я собрал свои карточки и — пусть посмеется над этим, кто может! — решил выписать новую литературу, чтобы как можно скорее с ней познакомиться. Так, с пером в руке, я уснул за письменным столом, не дописав слова. Мне приснился удивительный сон.

...Мне снились полистирены и бутадисены. Удивительно в этом не было, пожалуй, ничего. Удивляло то, что вели они себя так, словно их обдувал сильный ветер. При этом ветре они укладывались не так, как им было положено, — вернее, как требуют формулы из справочников, — а как вздутые паруса. Чем сильнее дул ветер, тем шире раскидывались цепи, а между ними летала одна цепочка, удлиненная, словно челнок на ткацком станке, пробегающий сквозь основу. Челнок? Нет, это был белый кораблик. И вот получалась большая кристаллическая сеть. Боясь забыть свой сон, я, едва проснувшись, тотчас же начал записывать и не без радостного удивления увидел, как под пером рождаются формулы...

Райнер запнулся.

— Прекрасные формулы... — повторил он с чуть слышным вздохом и снова улыбнулся, как бы извиняясь. — Не могу назвать их иначе: необыкновенно прекрасные. Едва записав последнюю, я кинулся к двери, схватил в передней пальто и без шапки, с непокрытой головой, под потоками дождя помчался в институт. Было четыре часа утра. Я разбудил лаборантов. Пораженные моим появлением и видом — вода текла с меня, как с утопленника, — они не решались даже переглянуться. Я бегал, кричал, просил и молил их вспомнить, не было ли здесь в нижнем этаже год назад, когда в этом помещении работали Иенш, Браун и

Геллер, какого-нибудь сильного электронного прибора, большой вакуумной лампы или, может быть, нового электронного микроскопа. И наконец после получасовых распросов этих сонных, удивленных, флегматичных гамбургцев, старший из них, Вольф — да будет благословенно имя его! — вспомнил, что в залах ничего не было, но примерно за месяц до окончания испытаний в подвале был установлен линейный ускоритель типа «В», то есть вертикальный, с отвесной выходной трубкой. После двухдневных опытов пришлось его переместить в другое здание, так как излучения оказались настолько сильными, что проникали сквозь все этажи и могли вредно повлиять на людей, работавших в залах.

— Дату! Точную дату! Когда это было? — вскричал я.

Поразмыслив, он сообщил мне ее. Я пробежал мимо изумленных лаборантов, вынул из ящика ключи и кинулся в лабораторию. Через несколько минут я проник в великую тайну. Именно в тот день, когда работал ускоритель, были получены образцы под номерами от 6419 до 6439. И мой образец, мой чудесный образец — он значился под последним номером — тоже оказался никуда не годным, как и все прочие. По окончании рентгеновской съемки все ушли из лаборатории, оставив этот кусочек каучука в горячей печи. В это время, пользуясь тем, что наверху никого нет, техники приступили к испытаниям ускорителя. Поток выброшенных им частиц электричества, пробив три этажа, проник внутрь еще горячей камеры и поляризовал полистирен так, что получился силиконовый каучук.

Утром, ничего не зная о чудесном превращении, лаборанты выбросили образец на склад хлама как не представляющий ценности.

Это, собственно говоря, конец моей истории. Могучим ветром, заставляющим атомы располагаться в кристаллическую структуру, был поток электрических частиц. Таким образом возник заводской метод, называемый иногда методом Райнера... А помогли мне в этом маленький кораблик с отважной командой и красивой оснасткой да буря в этот вечер в гамбургском порту. Я никогда никому об этом не рассказывал. На Земле, среди коллег, я не стал бы хвастать этим, но здесь...

Райнер умолк. После долгого молчания Чандрасекар произнес:

— Это было очень интересно. Прекрасный пример, доказывающий, какое множество разноплановых процессов одновременно происходит у человека в мозгу. Я бы сравнил это с тем, что происходит, когда по улице, где-то далеко, проезжает тяжелый грузовик, а в горке, полной стеклянных и фарфоровых сосудов, отзовется вдруг один из них и тихонько, лениво зазвонит. Этот ответный звук — очевидно, резонанс, но именно так и было с вашим корабликом, коллеги Райнер. И как в комнате необходима тишина, чтобы слышать тихий звон сосуда, пробужденного далеким грохотом, так и вам необходим был сон. Он прервал и разъединил глубоко проторенные, замкнутые круги, в которых кружилась, билась ваша мысль, и это помогло ей найти совершенно новые пути. Ваше подсознание уже давно додумывалось до чего-то, когда вы с упорством, достойным лучшего применения, уверяли себя, что ничего не знаете. Конечно, вы не только уверяли себя, вы действительно тогда не знали...

— Это и мне кое-что напоминает, — начал было Арсеньев, но, взглянув на часы, покачал головой. — Половина четвертого, — сказал он. — Думаю, нам давно уже пора спать, не так ли?

Все согласились. Мне показалось, что мы извлекли из рассказа Райнера что-то важное для себя и каждому хотелось остаться наедине со своими мыслями.

— Итак, хотя у нас нет ни дня, ни ночи, ни суток, желаю вам доброй ночи, друзья, — произнес Арсеньев, выпрямляясь во весь свой огромный рост.

Мы молча разошлись по каютам. Корабль мчался, но звезды на экранах стояли неподвижно. Я еще раз взглянул на них, потом голова моя, еще полная всевозможных впечатлений, коснулась подушки. В эту ночь мне снился мой первый полет.

МЕРТВЫЙ МИР

Земля все время росла. Чем дальше мы отдалялись от нее, тем большая часть ее поверхности становилась видимой. На семнадцатом часу полета она достигла наибольшего диамет-

ра. Страшно было смотреть на эту огромную глыбу, от которой исходил тяжелый белый свет. А потом произошло то, о чем говорил мне Солтык, но чего нельзя понять, не увидев своими глазами: деление мира на небо и землю исчезло, так как сама Земля начала становиться частью неба, одной из его звезд, — сначала это был огромный, закрывающий три четверти горизонта шар, потом его выпуклость стала заметно уменьшаться, свет начал тускнеть, и в семь часов утра это был уже мутно-белый диск с темными пятнами океанов, весь уместившийся на экране телевизора.

Тем временем корабль приближался к Луне. Сначала было похоже, что мы облетим ее сбоку, оставив справа от себя; но, оторвавшись от своих записей, я увидел, что Луна движется на экране телевизора, и в конце концов нос корабля оказался направленным на ее северный полюс.

Я перестал писать и пошел в Централь. Там были только Солтык и Арсеньев. Они устанавливали перед экраном огромный фотоаппарат с телеобъективом. «Космократор» должен был пролететь всего километрах в пятистах от Луны, и, пользуясь этим случаем, астроном хотел сделать серию снимков.

С каждой четвертью часа диск Луны увеличивался; одновременно усиливался его режущий глаза ртутный блеск, похожий на холодное свечение кварцевой лампы. Начиная с одиннадцати часов темные пятна и полосы на поверхности стали отделяться от фона: это были все яснее различимые кольцеобразные горы с центральными вулканическими конусами. Неподвижно пылающее полушарие Луны словно вытеснило с экранов черное небо. К двум часам мы приблизились к Луне на тридцать тысяч километров. Хотя двигатели снова заработали, притяжение Луны все же ощущалось. Началось изменение веса окружающих предметов и собственного тела, и это было очень неприятно, так как порой вызывало головокружение. Когда расстояние уменьшилось до двадцати с небольшим тысяч километров, Солтык выключил двигатели и приостановил вращательное движение корабля. Неприятные ощущения сменились ощущением необычайной легкости: желая опереться о подлокотник кресла, я вдруг взвился в воздух, так как тело мое теперь весило вшестеро меньше, чем на Земле. Я не обратил на это вни-

мания, поглощенный удивительным пейзажем, расстилавшимся под нами. В то время как раньше движения ракеты вообще невозможно было заметить, сейчас, когда нас отделяло от Луны всего около двадцати тысяч километров, полет, если всматриваться в этот выпуклый диск, производил впечатление головокружительного падения. Горы производили впечатление окаменевшей грязи с застывшими следами копыт. В действительности же это были кратеры диаметром во много сот километров, но в поле нашего зрения не было видно ничего, что позволило бы правильно определить их размеры. Двигатели не работали. Пользуясь приобретенной скоростью, мы летели по касательной к Луне и должны были промчаться близко от нее, как вылетевшая из ружья пуля. Наша скорость суммировалась с собственным вращением Луны, и движение того, что находилось под нами, ускорялось чуть не с каждой секундой. В два сорок расстояние составляло всего тысячу сто километров. Лунные горы внезапно выплывали из-за горизонта, растянувшегося в обе стороны гигантской дугой, вспыхивали под солнцем, как раскаленные добела зубчатые пилы, и мчались под нами, чтобы через несколько минут исчезнуть за другим краем. Сверхъестественным казался этот мертвый бег, этидвигающиеся кратеры, снаружи залитые солнцем. Рельефно вырисовывались их шершавые склоны, внутри полные непроницаемого мрака. Если всматриваться долго, этот хаос света и теней, этот неистовый бег каменных рельефов в бескрайной, прорезанной глубокими оврагами и расщелинами пустыне ошеломлял и притягивал, как пропасть. Повсюду на склонах гор, вокруг вулканических конусов и на каменистой равнине застыли, отражая свет, сверкающие потоки лавы.

В начале четвертого расстояние уменьшилось до двухсот километров, как сообщили нам непрерывно работающие радарные альтиметры. На север от нас двигался кратер Тихо с огромным, раскинутым на тысячи километров веером холодной лавы, покрывавшей более низкие горные хребты. Солнце переливалось на этой остекленевшей поверхности отблесками, похожими на молнии. Мы приближались к терминатору — линии, отделяющей освещенную часть мертвого мира от неосвещенной. Там, на границе ночи и дня, горизонтальные, почти параллельные грунту, солнечные лучи

обрисовывали зловещую архитектуру скал. Из пространств, лежащих на ночной стороне, вставали добела раскаленными точками вершины самых высоких пиков. Под нами и перед нами лежала равнина Южного моря. Я заметил на его поверхности темное, тонкое как игла пятнышко, двигавшееся с большой скоростью, и, присмотревшись повнимательнее, догадался, что это тень от ракеты. Я хотел было указать на нее Солтыку, стоявшему рядом со мной, но по его суровому и взволнованному зрелищем полета лицу понял, что он тоже заметил ее. В этот момент большой диск экрана погас, словно задутое пламя. Мы очутились во мраке, царившем за неосвещенной частью Луны, таком непроглядном, что хотя инженер погасил огни в Централи, нам ничего увидеть не удалось. Солтык переключил телевизоры на радар, и вот в темноте какуты показались коричневатозеленые контуры лунных кратеров. Это было необычайное зрелище: рядом, на расстоянии вытянутой руки, светились, словно повиснув в пространстве, круглые ряды цифр на приборах «Предиктора», а с экрана, над которым мы склонились втроем, падал глубинный подводный свет, от которого лица, казалось, превратились в маски, испещренные черными тенями. Тем временем «Космократор», погруженный в отбрасываемую Луной тень, мчался все с той же скоростью. Немного спустя начался процесс, обратный тому, который мы наблюдали, приближаясь к Луне: рельеф поверхности начал размываться, кольцеобразные горы сбегались к центру экрана, становясь все меньше и меньше, поверхность спутника двигалась все медленнее и наконец словно остановилась. Луна, теперь уже представлявшая собой наполовину освещенный, наполовину темный шар, осталась позади.

Солтык зажег свет и, взяв фотоаппарат, пошел с астрономом в лабораторию. Я остался один и уселся перед экраном, направленным к носу корабля. В глубокой тишине звонко тикали счетчики Гейгера. Каждый такой звук означал, что внутри «Космократора» пролетела частица космического излучения, пробив стены и водяную оболочку ракеты. Это медленное, мерное тиканье иногда ускорялось: очевидно, мы пролетали тогда полосу лучей, испускаемых какой-нибудь отдаленной звездой.

После полудня Солтык предложил мне осмотреть и проверить скафандры, в которых мы будем передвигаться на поверхности Венеры. Славный парень этот инженер! Я знаю, что дело это не было ни спешным, ни необходимым, но он видел, как я бесцельно брожу по ракете, и попросту хотел чем-нибудь занять меня. Я пошел на верхний ярус, в грузовое отделение. Проходя вертикальную шахту, я каждый раз ощущаю непривычное чувство потери веса, так как вблизи оси ракеты центробежная сила не действует; здесь можно, оттолкнувшись от ступеньки лестницы, надолго повиснуть в воздухе с несколько странным и смешным чувством, будто тело расстается с душой, как это иногда бывает во сне.

Скафандры наши я нашел, конечно, в полном порядке. Они состоят из очень легкого комбинезона и удобного шлема, легко и быстро снимающегося. Комбинезон сделан из прочного, мягкого на ощупь искусственного волокна, такого легкого, что комбинезон весит едва три четверти килограмма. Шлем не похож на водолазный, так как имеет форму конуса с закругленной верхушкой. Шире всего он у основания. Чандрасекар определил его форму как гиперболоид вращения. По обеим сторонам у него торчат вогнутые рефлекторы из металлической сетки — это антенны миниатюрного радара, экран которого находится внутри шлема на уровне рта. Перед глазами имеется овальное окошко, позволяющее хорошо видеть в нормальных условиях, в тумане же или в темноте можно пользоваться радаром. Еще на Земле мы ходили в этих скафандрах по несколько дней подряд и убедились, что они очень удобны. Вид у человека в скафандре, конечно, непривычный. Округлые металлические «уши» придают ему сходство с летучей мышью. Кроме множества различных приспособлений вроде электрического обогрева и охлаждения, детекторов излучения, кислородного прибора, скафандр снабжен радиостанцией размером не больше самопишущей ручки. Проблема размещения в ней всех катушек, контуров и конденсаторов решена очень остроумно: все они нарисованы химической серебряной краской на стекле радиоламп (их в приборе две). При обжиге краска эта затвердевает, как эмаль. Таким путем получают соединения настолько прочные, что для того, чтобы повредить их,

нужно разбить весь аппарат молотком. Излучаемая волна длиной в двадцать сантиметров позволяет держать связь только по прямой, то есть на расстоянии около четырех километров на равнине. Если же радиостанция находится высоко — в горах или на самолете, — то радиус действия увеличивается до полутора-двух километров.

Я заглянул также в отсек с вертолетом, а потом туда, где лежало альпинистское и полярное снаряжение, чтобы утешить себя хотя бы его видом. Вернувшись в Централь, я застал там Осватича, Арсеньева и Лао Цзу. Они совершали у радиоприемника таинственный обряд, называемый «подслушиванием звезд». Излучаемые звездами электромагнитные волны собираются помещенными на носу ракеты линзами, состоящими из полых металлических цилиндров; пройдя через усилитель, они рисуют на катодных осциллографах дрожащие зеленоватые линии. Ученые, перекидываясь односложными словами, записывали цифры в дневник наблюдений. Заметив меня, Арсеньев улыбнулся и, чтобы, как он сказал, внести в работу разнообразие, подключил к аппарату громкоговоритель. Звездное излучение перешло в звуки: слышался глухой треск, прерываемый резкими короткими свистками.

— Так говорят с нами звезды, — произнес астроном. Он уже не улыбался, и я невольно тоже стал серьезным. Пробыв долго в ракете, человек привыкает к окружающим его необычным условиям и только в такие минуты, как эта, ощущает вдруг, что от бездонной черной пустоты, в которой нет ничего, кроме облаков раскаленного газа да электрических волн, его отделяет лишь тонкая металлическая оболочка.

После полудня у меня было четырехчасовое навигационное дежурство. За это время не случилось ничего достойного внимания. Вечером я был немного занят, так как одна из труб шлюзовой станции начала пропускать воздух и нужно было ее починить. После работы я вернулся в каюту с приятным чувством легкой физической усталости. Ночью мне приснилось, что я маленький мальчик и что дедушка обещал взять меня на прогулку в горы, если будет хорошая погода. В моей детской комнате стоял аквариум. В солнечные дни блики, отраженные водой, падали на потолок белым круж-

ком. Проснувшись, я наяву увидел над собою белое пятно и, еще не придя в себя, вскочил, радуясь, что солнце светит и что я пойду с дедушкой в горы. В следующую секунду я все понял и медленно опустился на койку: белым кружком на темном фоне телевизиорного экрана была Земля.

КАНЧ

В течение следующей недели полет продолжался без приключений. «Космократор», описывая дугу, напоминающую по форме очень вытянутую гиперболу, приближался к цели, которая из светлой искры уже превратилась в крошечный голубоватый кружок, медленно движущийся среди неподвижных звезд.

Жизнь шла по установленному распорядку. До полудня ученые, как правило, занимались своими исследованиями; я в это время ходил взад и вперед по центральному коридору ракеты, так как Гарланд уверял, что нужно делать в день не меньше трех тысяч шагов, чтобы не ослабли мышцы.

Потом я отправлялся в Централь и учился у Солтыка или Осватича тайнам астронавтики. Иногда я посещал профессора Чандрасекара и его любимца «Маракса», на котором индийский ученый, по выражению Арсеньева, «разыгрывал математические симфонии». После полудня, получив почту, все запирались в каютах, чтобы прочесть весточки от родных и близких. Профессорам к тому же приходилось готовить кипы научных отчетов. Мы встречались только за ужином, чтобы потом до поздней ночи слушать чьи-нибудь рассказы. Это так твердо вошло у нас в обычай, что нам трудно было бы даже один день обойтись без них. Вчера Арсеньев напомнил о моем обещании рассказать что-нибудь. Я стал отказываться, ссылаясь на то, что мои воспоминания совсем неинтересны по сравнению с рассказами товарищей.

— Ну, если так, — произнес Арсеньев, — если вы меня к этому вынуждаете, то придется по-другому. Я не прошу, а приказываю вам как научный руководитель экспедиции.

Итак, сегодня вечером, когда сообщения, полученные с Земли, были прочитаны по несколько раз и когда закончился ежедневный концерт по радио, я попробовал слепить что-

то вроде воспоминаний из того периода моей жизни, когда мне довелось работать проводником горной спасательной экспедиции на Кавказе. Но чуть ли не с первых слов Арсеньев прервал меня.

— Э... э... э!.. — вскричал он. — Не пройдет! Вы что, надуть нас хотите? Договаривались о Канченджонге, так и рассказываете о Канченджонге. Смеетесь, что ли, вы над нами? Сколько разговоров было и шуму! Не можете вы этого не помнить.

— Я, конечно, помню. Но так как я сам был участником, то мне трудно об этом говорить.

— Вот это и хорошо, — заявил Арсеньев. — Всегда надо делать то, что трудно.

Тут он улыбнулся — его улыбка всегда застигает врасплох, потому что появляется, когда не ждешь ее, и совершенно изменяет суровые на первый взгляд черты его лица.

— Так что же вы все-таки расскажете нам, пилот? — Он знал, что, называя меня так, задевает мою слабую струнку. Знал — и смеялся.

— Ну, так и быть! — сказал я. — Слушайте.

Все сидели очень серьезные, и один только Арсеньев улыбался. Но по мере того как я рассказывал, выражение его лица изменялось, и порой можно было подумать, что он уже не с нами, а там, в далеких бескрайних снеговых полях...

— Гималаи, — начал я. — В Гималаях экспедиции проводятся всегда в конце зимы.

И вдруг словно на меня нашло какое-то наитие. Я забыл, где я, и уже не чувствовал за спиной мягкой обивки кресла; светлые точки звезд на черном экране телевизора резали глаза, как отражение солнца на ледниках. Я увидел бледную, выцветшую синеву над горными вершинами и услышал ровный, незабываемый ритм, неутомимое биение сердца в разреженном воздухе. Мне казалось, что я чувствую давление каната на левом плече, а правая ладонь невольно сомкнулась, словно сжимая рукоятку топорика.

— В Гималаях экспедиции проводятся в конце зимы, так как летом с Индийского океана дуют муссоны, приносящие обильный снегопад. Судьба экспедиции зависит от условий погоды. Между зимними бурями и муссонами обычно бывает перерыв в несколько недель. Но если муссоны начинают-

ся раньше, в конце мая, то весь лагерь может занести снегом. Ветер обрывает канаты, палатки с людьми летят в пропасть, лавины низвергаются со всех сторон сразу. Я помню...

Голос у меня прервался.

— Поэтому группы отправляются в конце марта. Тогда еще дуют холодные северные ветры, унося снег с вершин, но морозы уже не страшны, потому что слабеют с каждым днем. Первые альпинисты, поднимавшиеся на Гималаи, пользовались кислородными приборами, однако сейчас это применяют редко, так как, привыкнув дышать кислородом, трудно обойтись без маски, и если аппарат испортится — человеку конец. Поэтому теперь к разреженному горному воздуху привыкают постепенно, переходя от нижерасположенных лагерей к более высоким. До высоты в пять тысяч метров могут идти почти все, до шести тысяч — почти каждый второй из хороших европейских альпинистов; до семи — каждый пятый, а выше семи, где начинаются самые высокие вершины, поднимается лишь один из двадцати. Впрочем, дойти — это еще не все. Главное — как можно дольше выдержать там. Биологи говорят, что где-то на уровне Эвереста проходит граница человеческой способности выдерживать недостаток кислорода. Перед экспедицией я, как и мои товарищи, проходил долгие испытания в камере с разреженным воздухом и, казалось, получил опыт, необходимый гималайцу. Но на практике все оказалось совсем не так.

После короткой паузы, оторвав взгляд от звезд, я продолжал:

— Лет пятьдесят тому назад англичане поднимались на Эверест; они взяли с собою много носильщиков из горцев — гурков и шерпов и, разбивая один лагерь над другим, пытались подойти к самой вершине, чтобы взять ее последним однодневным подъемом.

Они шли, конечно, без груза, так как все запасы несли носильщики, и труд этих людей был гораздо тяжелее труда альпинистов. Мы же все по очереди прокладывали трассу, протягивали веревки и переносили грузы от лагеря к лагерю, и именно это непрерывное курсирование от этапа к этапу осталось у меня в памяти как самая тяжелая и неприятная часть всей экспедиции.

Канченджонга, или, как мы называли ее на нашем лагерном языке, Канч, имеет высоту восемь тысяч пятьсот семьдесят девять метров и считается третьей вершиной в мире. Как и другие восьмикилометровые горы, это скорее огромная система горных хребтов, сходящихся звездой к пирамидальной вершине. Единственно проходимые тропы в Гималаях, где можно уберечься от лавин, — это хребты. Экспедиция поднимается на одну из ветвей массива и по ее хребту идет к вершине. Мы тоже так поступили. В то время, когда начинается моя история, стояла очень хорошая погода. Это был последний этап нашего подъема. Несмотря на пятидневный штурм, вершину все еще не удалось одолеть. Теперь нас отделяло от нее километра два по прямой линии, но в пути несколько больше, так как хребет здесь изгибается в виде вытянутого латинского S. Муссоны могли начаться каждый день. Далеко над южными вершинами, круто ниспадавшими к Бенгальской низменности, уже собирались волнистые, белые облака. Наш последний, одиннадцатый, лагерь лежал под самым склоном, на покато́й площадке, которая дальше обрывалась пропастью к леднику Зему. Не хочу рассказывать вам обо всех испытаниях, выпавших на нашу долю, но чтобы дальнейшее вам было хоть немного понятно, нужно объяснить, в каком состоянии мы находились. Невыносимо мучило затрудненное дыхание: на этой высоте в воздухе содержится только треть нормального количества кислорода. Очевидно, у нас начиналась горная болезнь. Прежде всего — непрекращающаяся бессонница. Тяжелее всего приходилось ночью. Представьте себе на минуту: мы лежим в спальных мешках, совершенно окостеневшие от мороза, и все время просыпаемся от недостатка дыхания, пульс при полном покое — около ста в минуту, аппетита нет. Ели потому, что знали: надо есть. К этому присоединились постепенно нараставшие, но замеченные лишь позже психические явления. Появляется апатия. Все, вплоть до самой легкой работы — например, собрать снег, растопить его, — требует огромных усилий воли. Ищем место для лагеря, разводим огонь, сушим обувь — и все автоматически, будто делаешь не сам, а кто-то посторонний. И только когда утром выходишь на непроторенную дорогу, от сознания, что на этот хребет не ступала еще чело-

веческая нога, в тебе что-то поднимается, какие-то последние резервы... и ты идешь.

Я снова запнулся, потому что во рту у меня пересохло.

— Мы вышли в шестом часу утра. Кроме рюкзаков с термосом, двумя-тремя плитками шоколада и витаминным концентратом, у нас были топорики, крючья и большой запас веревок. Заря еще только начинала розоветь, когда снег закрипел под нашими башмаками. Обернувшись, я увидел, что наши два товарища, оставшиеся в лагере, стоят около палатки, заслонив глаза ладонями, так как мы шли прямо на восходящее солнце. Я знал, что они нам завидуют. Каждый из них хотел бы оказаться на нашем месте, но идти могли только мы двое. Остальные ждали товарищей, которые должны были проводить их вниз.

Со мною шел мой друг Эрик. Могу сказать, что это был человек, с которым мне лучше всего молчалось. Я знал его, если можно так сказать, насквозь, понимал, чего он хочет, о чем думает, даже не глядя в его сторону. Самое присутствие его делало меня бодрее.

Как всегда, в начале дня нужно было немного разойтись, поразмяться. Моей мечтой было сделать двадцать шагов без остановки, но это мне никак не удавалось. Двенадцать шагов — вот мой едва достигаемый рекорд. Легкие работали, как мехи, а когда нужно было вырубать топориком ступеньки, то уже после нескольких ударов сердце поднималось к горлу.

День начинался так, как это бывает только в Гималаях. Горизонтальные лучи солнца делили пространство надвое. Внизу, в синей тени, плыл туман, сквозь который проглядывал ледник Канча, весь изрезанный трещинами. Дальше, на востоке и севере, возвышались Канченджонга, Макау и Пахунри, их скалистые ребра уже немного очистились от снега, а склоны были разделены на несколько ярусов длинными рядами облаков. Из-за них, со стороны Тибета, видна была неизвестная вершина — огромная пирамида с ослепительной снеговой шапкой. Мы были уже на восьмом километре, большая часть вершин лежала ниже, плавающая в волнах тумана. Только в ста километрах к западу высоко в небе стоял Эверест, белый, неподвижный и такой огромный, будто он не был частью Земли, будто из-за горизонта под-

нималась какая-то другая, незнакомая планета. Я шел первым, Эрик — шагах в десяти за мной. Снег слепил глаза миллионами искр, нестерпимо ярких, несмотря на защитные очки. Губы у нас уже давно запеклись и потрескались. Вот почему мы перебрасывались только коротким, отрывистым бормотаньем.

Канченджонга славится своими ледяными чудовищами, и поэтому она для подъема труднее, чем Эверест. Особые условия таяния, замерзания и кристаллизации придают снежным массам самые необычные формы. По хребтам на целые километры тянутся фигуры фантастических гигантов. Они напоминают призраки, которые можно увидеть только во сне: то какие-то искривленные и чудом держащиеся на скалах башни, то колонны, то целые лабиринты ледяных навесов и натеков. Верхушки их под действием солнца покрываются гладкой коркой. Так получаются ледяные навесы и шлемы, с которых свисают ряды многометровых сталактитов. И вот в таком окружении, по колено в снегу, мы пробивали себе дорогу. Хребет то суживался, то расширялся. Местами приходилось идти по самому краю, осторожно обходя снеговые башни, чтобы не нарушить их равновесия. Иногда удавалось пройти поверху; тогда я садился на хребет и подтягивал веревку по мере того, как Эрик поднимался ко мне. То снова мы выкапывали в рыхлом снегу углубления и шли, лишь концами пальцев опираясь на эту шаткую постройку. Вдруг нам преградил путь огромный гриб — нагромождение соединившихся глыб старого и молодого снега. Я ударил по нему топором, чтобы попробовать, нельзя ли на него подняться, но почувствовал, что внутри он совсем рыхлый. Вся эта масса, высотой метров в пятнадцать, под которой мы копошились, как муравьи, каждую минуту могла свалиться. Я взглянул налево, думая пройти над ледником Зему, но фирн на склоне был покрыт сеткой трещин, угрожая лавиной. С правой стороны не было ничего. Камень обрывался, словно отсеченный ножом, и этот четырехкилометровый отвесный обрыв спускался к леднику Канча. В этом месте образовалось что-то вроде тесного коридора. Крышей его была шляпка гриба, накренившаяся под тяжестью ледяного наплыва. С края шляпки свисал длинный ряд пятиметровых сосулес. Я двинулся по этой

воздушной дороге, спотыкаясь, низко наклоняя голову, чтобы не удариться о «крышу». Между сосульками мелькало небо. Еще несколько шагов, и ледяной тоннель кончился. Перед нами оказалось что-то черное. В глазах у меня все еще сверкали ледяные отблески, и мне пришлось довольно долго стоять зажмурившись. Открыв глаза, я увидел, что в хребте зияет широкая трещина. Сойти можно было легко, однако на противоположной стороне была стенка, вернее — порог, небольшой, но крутой. В Альпах я не обратил бы на это внимания, но здесь, где трудно подумать даже о простом подтягивании на руках, она была серьезным препятствием. Я огляделся, пытаюсь найти переход, но тщетно: со стороны ледника Зему — лавинные склоны, с другой стороны — отвесные ребра, прерываемые ниже плоским возвышением. Эрик молча стоял рядом со мной. Он не сказал ничего, только сунул мне свой рюкзак с крючьями. Преодоление стенки отняло у нас два часа. Снег, покрывающий ее, только осложнял наше продвижение. Снизу он был плохо виден, так как стлался лишь узенькими полосами, выпуская белые отростки, и, казалось, затянул всю стенку паутиной. Был он сыпучий, как пыль, и не мог служить опорой. Вбиваемые крючья отзывались под ударами низкими долгими звуками, которые по мере погружения стержня становились все выше и короче. Правая рука у меня постепенно превратилась в окаменевший от боли обрубок. Я слышал только свое сердце — огромное, готовое задушить меня сердце, заполнившее всю грудь громкими ударами. Часов в двенадцать я все же вышел из тени, пересекавшей верхнюю границу хребта, и сел верхом на хребет. Эрик прокладывал себе дорогу метров на пять ниже.

Внизу — растрескавшиеся отроги ледника, кое-где покрытые полосами снега. Далеко в тени хребта, по которому мы шли в облаках, просвечивали другие хребты, более низкие. В самой далекой глубине горизонта, за ледником Пассанрам, возвышался над туманом огромный массив Синиолаха, словно скалистый остров над океаном. Снег на его откосах обрывался зубчатой линией ниже вершины. И все это несметное множество скал, туч и льдов пульсировало в глазах в такт с биением сердца. В то время как Эрик, оставившись возле меня, медленными, осторожными движе-

ниями сматывал веревку, а я вглядывался в голую вершину Синиолха, на его откосах вдруг что-то дрогнуло. Огромный снеговой язык, заполнявший самое большое русло на склоне, встал на дыбы, отклонился назад, на миг задержался и как-то зловеще медленно покатился вниз. Бесшумно скатывался он по склону в мертвой тишине. В один миг все заволокло тучами пыли, потом забурлило. Лавина скользила быстрее и быстрее. Вот она достигла низких облаков, вмиг разорвала их и исчезла. Наверху блестели старым льдом оголившиеся склоны. Еще секунду все было спокойно, но вот на противоположном склоне, словно от взрыва, поднялся белый дым. Шла другая лавина, за ней третья, за ней еще... Они ниспадали в тучи, разрывая их в клочья. Только теперь к нам донесся глухой гул: вот сколько потребовалось времени, чтобы звук прошел расстояние между нами и ледником Пассанрам! Грохот усиливался, стихал и, отдаваясь в боковых долинах, снова возвращался. Потом над клочьями тумана поднялось облако мельчайших снежинок, выброшенных в воздух, — и вдруг в глаза сверкнула огромная, раскинутая над бездной радуга.

Эрик стоял рядом со мною. Мы оба смотрели на то, что происходит внизу, но он первым пришел в себя: времени у нас было мало, приходилось спешить. Мы снова повернули к вершине Канча. Отсюда ребро хребта поднималось огромной изогнутой дугой. Когда ветер дует все время в одном направлении, снег на хребте начинает подвигаться в подветренную сторону, в пустоту, и повисает, едва прикасаясь к обледенелым скатам, образуя выступы, торчащие над пропастью. Снизу видно, что они висят в воздухе, но если смотреть сверху, то всюду белеет ослепительный снег, пряча под собой и самый хребет и эти предательские выступы. Справа до самого конуса вершины шел обрыв, едва запорошенный полосами снега. Именно на этом хребте торчали сотни снежных выступов. Одни из них выдавали себя приподнятыми концами, другие казались как бы продолжением хребта. Напрасно водили мы глазами вокруг, стараясь запомнить самые опасные места. Повсюду тысячи радуг, солнечных искр, воздушные провалы и бледное, невозмутимо спокойное небо.

Крепко держась за свернутую и частью закинутую через

руку веревку, подняв топорик, я двинулся вслед за Эриком, идущим теперь впереди.

Снег был очень глубокий, и, когда к нему прикасались, он оживал, вскипал и стекал вниз большими потоками. Конус вершины стоял на фоне неба прямо перед нами, заснеженный с запада, голый с востока — обрывистая стена, словно сложенная из черепиц. Мы шли друг за другом, не сводя с нее глаз. Эрик свернул в сторону: хребет несколько расширился, образуя более удобную дорожку. Я приостановился. И вдруг белый выступ исчез, словно сдутый ветром. Остановившись на полушаге, даже не вскрикнув, Эрик рухнул в пропасть. Веревка ослабела.

Я, конечно, не удержал бы его. Не было времени страховаться. Не теряя времени, я оттолкнулся что было сил и прыгнул в пропасть с другой стороны. В ушах зашумело, в глазах завертелись черные склоны. Потом что-то с силой дернуло меня, и я потерял сознание.

Очнулся я от боли в перетянутой веревкой груди. Я задышался. Слабо натянутая веревка дрожала. Над головой у меня торчал скалистый выступ — недалеко, всего в нескольких метрах. Обледенелое ребро хребта было как бы блоком: мы висели по обе его стороны. Я хотел окликнуть Эрика, но горло у меня было сдавлено. Вербка опоясывала меня все с той же силой. Я поднял руку: она была облита кровью, кровь обрызгала и топорик. Даже падая, я не выпустил его. И почему-то я не чувствовал никакой боли.

У меня не хватало сил окликнуть Эрика. Трудно было даже дышать. Мне пришлось передвинуть рюкзак в поисках каких-нибудь выступов, но найти ничего не удалось. Тогда я с трудом вбил крюк, который был у меня, и шаг за шагом, сантиметр за сантиметром взобрался на ребро хребта. Осторожно выбравшись на него, я распластался ничком.

Вербка, опоясав выступ, отвесно сбегала в противоположную сторону, где исчез Эрик. Она медленно покачивалась, как огромный маятник. Эрика не было видно. Обрыв здесь был отвесный, и снег белел между глыбами, как натянутые белые струны. У меня мелькнула ужасная мысль, что он разбил себе голову и висит там — тяжелый труп, раскачивающийся на натянутой веревке. Я наклонился еще раз и увидел его. Он висел неподвижно, как мешок.

Я умолк. Вызванная мною картина слишком сильно взволновала меня. Я огляделся, как бы спасаясь от этого видения, и после долгого молчания продолжал:

— Эрик был жив, но без сознания. Падая, он ударился головой о скалу. Когда, провозившись целый час, я вытащил его, волосы у него от замерзшей крови почернели и затвердели, как уголь. Он едва дышал. Пока я, как умел, перевязывал ему рану, прошло еще с полчаса. Было половина четвертого. Я двинулся обратно, оставив рюкзак Эрика и запасную веревку. Сначала я пробовал тащить его, но это оказалось невозможным; тогда я взвалил его себе на спину. На первом шагу я чуть не упал. Потом сделал второй шаг, третий — и пошел. Через час я был уже над обрывом у хребта, спустил Эрика на веревке и спустился сам. Дальше начинался уклон, и идти стало легче. Эрик стучался головой о мои плечи, спину, но я ничего не мог поделать. Небо уже темнело на востоке, когда мы достигли снежных башен. Пройти через них с Эриком было невозможно, — я знал это, и знал также, что он замерзнет, если я уйду за кем-нибудь. К тому же проделать этот путь еще раз было выше моих сил. Поэтому я спустился на лавинный склон и пошел напрямик, взяв несколько наискось. У меня оставался один шанс из ста, может быть, из тысячи, что лавина не начнет скользить, — но, как оказалось, я выиграл.

Правда, теперь это уже не имело значения. Подняться обратно на хребет я не мог, груз на спине придавливал меня к склону. Я знал только, что должен спускаться, и спускался. Несколько раз падал; один раз начал скользить вместе со своей ношей все быстрее и быстрее. Мелькнула мысль: «Не стоит! Довольно». И все же я инстинктивно вбил топорик в снег и счастливо остановился. Потом обвязал спальный мешок веревкой и начал подниматься. Через каждые несколько метров я останавливался, закручивал веревку вокруг топорика и подтягивал мешок вверх. Было уже темно, когда мы добрались до хребта. Я влез в мешок и так провел всю ночь рядом с Эриком. Ночь была необычайно теплая, предвещавшая приближение муссонов, и это спасло меня. Как только в редющей тьме обрисовались горы, я поднялся. Взваливая Эрика себе на спину, я не мог отогнать от себя мысль, что он уже мертв. Чтобы

проверить, поднес к его губам лезвие топорика — оно затуманилось — и тогда уже двинулся в путь. Защитные очки я потерял при падении, так что уже к полудню глаза у меня заболели от блеска. Временами я переставал сознавать, что мои ноги двигаются, что я иду. Иногда меня выводило из забытья дыхание Эрика, греющее мне шею, иногда у меня самого вырывался какой-то хрип или стон, и это меня на мгновение отрезвляло.

Не раз мне казалось, что больше выдержать уже нельзя. Тогда я говорил себе: «Еще пятнадцать шагов, и брошу». А когда они были пройдены, то говорил: «Еще десять». И так все время. Переступая через низкий порог, я споткнулся и упал в снег. Меня охватила приятная дремота, и не хотелось вставать. Но тут я услышал над ухом явственный голос: «Он уже умер». Я приподнялся на руках и украдкой, как вор, начал развязывать веревку, которой Эрик был привязан ко мне. И тогда, услышав, что сердце его бьется, я встал и пошел дальше. Что было потом, не помню. Кажется, я ел снег, — помню, что-то жгло мне горло ледяным огнем. Вероятно, я был без сознания.

Товарищи, ожидавшие в одиннадцатом лагере нашего возвращения, сами больные, все же в полдень вышли нас искать и часа в два увидели на вершине хребта черное пятнышко. Они подумали, что возвращается только один из нас, и, лишь подойдя совсем близко, поняли, что ошиблись. Они кричали мне, чтобы я остановился и подождал их, давали мне советы, как спускаться. Я ничего не слышал, не знал, где нахожусь, — я должен был идти, вот и все. На полпути они меня встретили, взяли Эрика и, завернув в полотнище палатки, отнесли в лагерь. Меня тоже пришлось нести; как только Эрика сняли с моих плеч, я сразу упал в снег ничком, словно только эта ноша и держала меня до последней минуты. Я никого не узнавал...

Наступило долгое молчание. Я уже ни на кого не смотрел и разговаривал, казалось, с черным экраном, с бесконечным пустым пространством, в котором кишели звезды.

— Когда я очнулся, светило солнце и было тепло. Хотел двинуть ногой, но не мог: она была в гипсе. Под пальцами ощущалось мягкое одеяло. В окно виднелось небо в белых облаках. Кто-то вошел и, удивленный тем, что я открыл

глаза, остановился на пороге. Я пощупал одеяло и, почувствовав, что оно не исчезло, расплакался.

Я снова замолчал и смог продолжить рассказ лишь после продолжительной паузы.

— Это было через неделю после экспедиции, в первом лагере, в Гангтоке. У меня оказалась сломанной нога — не знаю, как это случилось. И еще расширение сердца — левая камера сместилась чуть не под мышку. Я был слаб, так слаб, что едва мог говорить.

На этот раз молчание тянулось так долго, словно я уже кончил. Арсеньев поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Он погиб?

— Да. Умер на другой день после того, как я его принес. Оказалось, что все это было ни к чему.

— Неправда! — резко, почти гневно возразил Арсеньев. — И никто не имеет права так говорить, даже вы!

— Вы хотите сказать, что это было геройством? — возбужденно спросил я. — Товарищи по экспедиции не раз давали мне понять, что уважение их ко мне возросло после этого случая... А меня это только сердило. Потому что там я его ненавидел. Да, ненавидел! Вам я могу сказать всю правду. Я проклинал его и молился, чтобы он умер, да еще как молился!..

— Но вы все же продолжали идти?

Я не ответил.

— В наше время, — произнес Арсеньев, — нет ни страха, ни нужды, ни тех страшных испытаний, которые угрожали человеку раньше. Но нельзя допустить, чтобы под влиянием легкой жизни мы пренебрегли тем, что самым существенным образом отличает нас от всех других живых существ. Конечно, различие между человеком и животными состоит в том, что у нас есть разум... что мы пользуемся орудиями... что мы владеем речью, что мы летим к звездам... Но кроме этого есть еще одна вещь, которая порой помогает нам стать выносливее своего тела, сильнее своих мышц, тверже своих костей. Это то, что заставляет нас продолжать даже заведомо безнадежное дело во имя другого человека. Выше этой силы, как ни назови ее — упорство или верность своему долгу, — нет ничего, ибо самым главным для человека является другой человек. Смерть товарища ни на волос не умалила зна-

чения вашего поступка. Прозвище, которое вам дали — «человек с Канченджонги», я, еще не зная вас, произносил всегда с ударением на первом слове, а не на втором, потому что здесь дело не в экзотике места экспедиции, а в человеке, и вы оставались им до конца, пилот! О, если бы мы могли всегда, во всех случаях жизни слушаться голоса своей совести!..

Он встал и ударил кулаком по столу.

— А остальное, мой друг... остальное доскажет молчание!..

ЗВЕЗДА ЗЕМЛЯ

Двадцатый день полета. «Космократор», выключив двигатели, летит словно новое небесное тело вокруг Солнца, нагоняя Венеру, фазы которой, изменяющиеся как у Луны, видны даже невооруженным глазом. Но полет этот совершенно неощутим. Если не смотреть в телевизор, то можно подумать, что ракета неподвижно лежит на земле. Целыми часами брожу я по центральному коридору, обхожу все галереи и грузовые отсеки и снова возвращаюсь в треугольный коридор, пока меня не спугнет оттуда ненарушаемая тишина и ровный, всегда одинаковый искусственный дневной свет.

Сегодня в полдень, проходя мимо лаборатории, я услышал смех Арсеньева: он может разбудить и мертвого. Полагая, что ученые уже закончили свою работу (они сидели в лаборатории с утра), я приоткрыл дверь и услышал, как Арсеньев говорит физику:

— Но это пустяки, коллега! Кистяковский уже доказал, что потенциальный барьер при свободном вращении вокруг углеродной оси, проходящей через углеродные атомы, едва ли составляет для этана две килокалории!

Услышав эти слова, я отпрянул и, пробормотав «простите!», ушел в кают-компанию.

Там никого не было. Я поглядел на телевизор, направленный в сторону Земли; она ярко сияла, выделяясь среди остальных звезд величиной и блеском. Чуть повыше над ней круглой белой точкой висела Луна. Я смотрел на них, вероятно, с полчаса, как вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Я вздрогнул. Это был Арсеньев. Некоторое время мы оба

стояли молча, потом он произнес таким тоном, словно спрашивал не меня, а самого себя:

— Ностальгия?..

Земля излучала голубоватый свет. На экране совсем не ощущается глубина пространства. У самой рамки экрана проходила бледно-золотистая полоса Млечного Пути. Астрономом, не снимая руки с моего плеча, тихо спросил:

— Почему вы избегаете нас?

— Избегаю?..

— Ну, конечно. Вот как сейчас, в лаборатории. — Он улыбнулся. — Вы не ходите на наши совещания, хотя Лао Цзу и я вас просили об этом. Как только мы появляемся где-нибудь поблизости, вы встаете и уходите. Я это уже не раз замечал.

— Я просто не хочу мешать, — живо возразил я. — А что до совещаний, я думал, что в этом нет никакого смысла. Приходить только для того, чтобы присутствовать... Я ведь ничего не могу сказать вам такого, чего бы вы давно уже не знали. Я летчик, и...

— К черту летчика! — прервал меня Арсеньев, и по блеску его глаз я понял, что он и в самом деле рассердился. — Летчик и ученые, да? Вы считаете нас каким-то воплощением всяческой премудрости? Книги, формулы, математика... — Он сердито засмеялся.

— Не совсем так, — возразил я. — Когда мне было шесть лет, у нас в Пятигорске останавливался однажды известный летчик, следующий по маршруту Канада — Северный полюс — Австралия. Отец привез его к нам на машине. Он ужинал у нас, ночевал, а утром полетел дальше. Я помню, как сейчас... Он сидел напротив меня и пил чай порусски, из блюдечка, потому что чай у моей матери был очень крепкий и горячий... Прихлебывал понемногу и не говорил ничего, а я не мог оторвать от него глаз. С чем бы это сравнить?.. Быть может, вот так же наблюдает астроном затмение солнца, какое случается только раз в тысячу лет. Я старался постичь его тайну. С нами сидел плотный, спокойный мужчина средних лет. Двигался, как все, ел, как все, благодарил, когда ему пододвигали тарелку... Но все это не казалось мне настоящей его жизнью. Настоящим был многочасовой полет вокруг света, одиночество в кабине,

тучи внизу, а над головой звезды. Когда он сидел у нас за столом, ел и пил, мне казалось, что он каждую минуту может улететь или испариться... Потому что это был гость из иного мира. И то, что я мог видеть, как он улыбается, что у него золотой зуб... все это не имело для меня никакого значения, все это было ненастоящее, а настоящее, казалось мне, увидеть нельзя. Я передаю вам, как умею, мысли шестилетнего мальчика. А теперь возвращаюсь к нашему разговору. Наука для меня тоже область, совершенно отличная от всех других. Вы, ученые, пребываете постоянно в мире науки, а когда вы находитесь с кем-нибудь из нас, непосвященных, это значит, что вы на миг покинули свой мир. Но я знаю, что вы каждый миг можете туда вернуться. Он с вами всегда, этот ваш мир, в то время как...

— В то время как вы оставили свой на Земле, да? — прервал меня Арсеньев. Он до боли стиснул мне плечо, кажется сам не замечая этого, но мне это было приятно.

— Значит, по-вашему, каждый ученый — это как бы два человека: один — тот, что спит, ест, разговаривает с «непосвященными», а другой, более значительный, невидимый, живет в мире науки? Чепуха! Чепуха, говорю вам!.. И ваш мир, и мой, и всех нас — это тот, где мы живем и работаем, а значит — сейчас он здесь, в тридцати миллионах километров от Земли! Правда, моя профессия — наука. Я к ней привязан, больше того — это моя страсть. Мне иногда, правда, снятся математические формулы... Но почему вам можно видеть во сне свои полеты, а мне мою математику нельзя? У нас просто разные специальности, но жизнь-то ведь одна. Теперь я понял, что мы слишком много говорим о необычайных открытиях, идеях и слишком мало о людях-творцах и создателях. Поэтому я изменю план сегодняшнего вечера... И это принесет пользу не только вам, но и нам.

После полудня я расхаживал по коридору в ожидании четырех часов, чтобы принять от Солтыка навигационное дежурство. Я размышлял о том, что межпланетное путешествие отличается от всякого другого лишь тем, что его совершенно не замечаешь и о нем говорит только усложнение кривой, вычерчиваемой каждый вечер руководителем экспедиции на картах Космоса. Здесь нет смены пейзажей;

звезды из-за большой отдаленности кажутся неподвижными, никогда ничего не происходит; в течение дня бывают минуты, когда становится попросту скучно, — и этому нельзя помочь, даже повторяя все время, что я межпланетный путешественник.

Было около четырех. Я повернул и медленно направился к Централи. Меня отделяло от двери не более пяти шагов, как вдруг мощный удар свалил меня на пол, и я полетел в глубь коридора. Мелькнула мысль, что мы с чем-то столкнулись. Пытался встать, но безуспешно. Непонятная сила придавливала меня к полу. Я слышал резкий вибрирующий свист. Мне казалось, что шумит у меня в ушах, — но нет, это работали двигатели. Пока я сообразил это, меня отшвырнуло в обратную сторону. Я стремглав полетел к дверям Централи и отскочил от них, как мяч, под действием нового толчка. Двигатели каждый раз издавали свистящий звук и умолкали. Очевидно, на мгновение я потерял сознание. Корабль, швыряемый страшными толчками, то бросался вперед, то отскакивал назад. Меня кидало из стороны в сторону, как горошину в коробке, и, не будь губчатой обивки, я непременно разбил бы себе голову. Дверь ближайшей каюты раскрылась, и оттуда вылетел Арсеньев.

— Что случилось? — спросил он.

— Осторожнее! — крикнул я, но было уже поздно. Он сбил меня с ног, и мы оба покатались вперед. Я ничего не понимал. Катастрофа? Пусть так, но что это за отвратительные толчки? При следующем толчке я оттолкнулся ногами от стены и полетел прямо к дверям Централи. Они открылись, и я влетел на середину. Арсеньев — за мной. Я вцепился в поручень кресла и не выпускал его, хотя ракета, словно наскочив на невидимое препятствие, вдруг остановилась, вся задрожав. Мы увидели Солтыка, приподнявшегося с колен. Лицо у него было в крови.

— К «Предиктору»! — крикнул он. — К «Предиктору»!

Все совершалось неслышанно быстро. Я оттолкнулся от кресла и, долетев до аппарата, одной рукой вцепился в его трубу, а другой ухватил Солтыка, когда тот пролетал мимо. Вначале мы оба судорожно держались за трубу, потом Солтык высвободил одну руку и схватился за рычаги. Новый толчок оторвал его от меня. Мне удалось схватить его за

комбинезон, но он все же вырвался у меня из руки. Солтык мчался по диагонали, головой вперед. Я ничем не мог ему помочь. И вдруг, уже около усеянной рычагами стены, ему пересек дорогу человек огромного роста. Это был Арсеньев. Новый толчок, на этот раз вперед, сбил их с ног, но русский, обхватив инженера поперек туловища, уже не отпускал его. Они пронеслись мимо меня. Мы с Арсеньевым судорожно вцепились друг в друга. На какое-то мгновение мне удалось, держась левой рукой за поручень, правой обхватить их обоих. Казалось, что меня сейчас разорвет пополам, что у меня лопнут мышцы. В глазах потемнело. Во мне, сам не знаю почему, поднялась какая-то страшная, звериная ярость. Я хрипло вскрикнул, но продолжал держать их, зная, что не выпущу ни за что. В следующее мгновение двигатели умолкли, и стало необычайно легко. Мы с Арсеньевым поддерживали Солтыка с боков и сзади, а он кинулся прямо на рычаги «Предиктора», сорвал свинцовую пломбу с ограничителя ускорения, ломая ногти, порвал провода и издал наконец хриплый торжествующий возглас. Ограничитель, сорванный с опоры, упал на пол. «Предиктор» снова включил двигатели, и мы услышали, как они запели все мощнее. Ничем не сдерживаемая стрелка гравиметра перешла за красную черточку. Ускорение — 12 g. Я увидел это, скорчившись, лежа с товарищами у трубчатого поручня «Предиктора». Мы не могли выпустить его, так как развиваемая сила отшвырнула бы нас назад и разбила о стену. Наклонившись, сплетясь руками, упираясь ногами в пол, мы все трое с величайшим напряжением сил боролись с нарастающим ускорением, отрывающим нас от нашего спасательного круга. Стрелка дошла до 13 g. Я еще видел это, хотя в глазах снова потемнело. Солтыку, втиснутому между нами, было немного легче. Он скорчился, как это делал я сам при пикирующих полетах, и прижал подбородок к груди. Я сделал то же. В глазах прояснялось. Уголком глаза я взглянул на экран — и понял все.

В левой части экрана что-то движется — несколько блестящих, как звезды, пятнышек. Они увеличиваются с головокружительной быстротой. За ними спешат другие. Метеориты! Целый рой их окружает ракету. Один, огромный, падает сверху. Медленно вращаясь, он поблескивает отра-

женным от его поверхностей светом. Я почти физически ощущаю кривизну его пути в пространстве и то место, где должно наступить столкновение. Не решаюсь взглянуть на Арсеньева, боюсь от резкого движения потерять сознание, а мне хочется видеть все до конца. Из-под опор «Предиктора» раздается пронзительный лязг. «Космократор», словно схваченный чудовищной рукой, резко сворачивает. Загораются красные огни перенапряжения. Слышится короткий рев сирены. Страшная сила прижимает нас к металлической плите «Предиктора», прогибает ребра, душит, одолевает. Глаза у меня широко открыты, но я уже ничего не вижу. Вдруг из «Предиктора» донесся легкий треск, и двигатели умолкли. Стало совсем тихо. Мы стояли на мягких, словно ватных, ногах, тяжело дыша. Экраны были совершенно темны и пусты. Настала такая тишина, такой покой, что не хотелось верить в только что происшедшее. На экран «Предиктора» можно было положить монету — так ровен полет ракеты. Я помог Арсеньеву уложить Солтыка в кресло, потом подошел к другому, стоящему рядом, и скорее упал, нежели сел в него. Мы долго молчали. Наконец я пришел в себя.

— Нужно посмотреть, что с остальными.

— Идите, — ответил Арсеньев. Я встал и хотел направиться к двери, но он добавил: — Хорошо бы немного эфира или спирта.

Я обернулся и увидел, что Солтык неподвижно лежит в кресле. Он был в обмороке.

Наши товарищи счастливо вышли из этой истории, которая могла кончиться плохо. Все они находились в каютах — кто лежал, кто сидел в кресле, и потому избежали опасных ударов о стены. Больше всего досталось нам троим. Солтыку чем-то острым раскроило кожу на лбу, у Арсеньева оказалась сломанной в кисти рука, а я сильно ушиб плечо и заработал огромную шишку на темени.

Выходя, я столкнулся с Чандрасекаром и Осватичем. Они бежали в Централь, полные самых скверных предчувствий. На внутренних телевизорах они видели все, что произошло, но более подробно нам потом все объяснил Солтык.

«Космократор», летя в пространстве, которое, судя по звездным картам, было совсем пустым, попал в метеоритный рой длиной около тысячи километров. Как только радарное

это отразилось от ближайших метеоритов, «Предиктор» включил двигатель, и ракета стала уклоняться от приближающихся метеоритов. В силу рокового стечения обстоятельств направление их полета совпадало с нашим собственным, и поэтому избежать опасной встречи было трудно. Лавируя, «Предиктор» то ускорял полет ракеты, то замедлял его. Но ему очень мешал ограничитель ускорения, не позволявший развить достаточную скорость, чтобы уйти от опасного соседства. Когда же Солтык выключил ограничитель, скорость резко возросла, и нам удалось уйти. Все столкновение продолжалось около полутора минут. Узнав об этом, я не поверил, и меня убедила только запись на ленте, сделанная с помощью автоматического устройства на «Предикторе». Пока шло оживленное обсуждение происшедшего, Тарланд перевязал голову Солтыку, а Арсеньеву вправил кости и наложил лубок. Тот взглянул на меня и широко улыбнулся, указав на свое предплечье с пятью черными пятнами.

— Здорово вы меня держали, — сказал он. — Это ваши пальцы.

Мы пошли в Централь и там проверяли состояние ракеты. Это можно сделать за несколько минут, так как во все узловые точки конструкции вделаны кварцевые кристаллы, от которых к Централю ведут электрические провода. Эти кристаллы — как бы чувствительные нервные окончания: превращая каждое напряжение в электрический ток, они показывают, какие силы и напряжения действуют в конструкции ракеты. Солтык включил этот аппарат, называемый пьезоэлектрической сетью. Светящиеся индикаторы остановились на нужных местах, показывая, что «Космократор» ничуть не пострадал, если не считать разбитой посуды да четырех-пяти лабораторных приборов, которые оказались недостаточно хорошо укреплены. Тарланд сомневался, могу ли я принять дежурство, но мне удалось убедить его. Когда все ушли из Централю, биолог вернулся, принес какие-то укрепляющие таблетки и велел принимать каждый час по одной. Он не ушел, пока я не проглотил первую. Мне показалось, что он даже рад происшествию, так как у него появилась хоть какая-нибудь работа.

Все время до конца дежурства, отмечая показания инструментов, я подозрительно поглядывал на усеянный звез-

дами экран телевизора. Межпланетное пространство, всегда свободное и спокойное, открылось нам своей другой, более опасной стороной. В восемь часов меня сменил Осватич. В ожидании ужина я снова ходил по коридору и продолжал обдумывать свои наблюдения.

Вот еще одна отличительная черта космического путешествия: от его нормального течения к самому опасному приключению нет никаких переходов. Моряк и летчик замечают признаки бури задолго до того, как окажутся на ее пути; здесь же опасность может нагрянуть в самую спокойную минуту, как гром с ясного неба, и так же мгновенно исчезнуть. Я подумал о том, что могло случиться, если бы импульс тока задержался в «Предикторе» хоть на долю секунды. Разбитый, опустошенный, мертвый «Космократор» мчался бы теперь вместе с увлекающим его метеоритным потоком, чтобы лететь из одной бесконечности в другую.

Мне было очень интересно, не забыл ли астроном о нашем утреннем разговоре. Оказалось, что он помнил. Поздно вечером мы, как всегда, собрались за круглым столом, и на этот раз Арсеньев стал рассказывать нам о своей молодости.

— Мой отец был астрономом. Все вы еще в школе слышали его имя, особенно в связи с теорией сдвига спектральных линий и с обратным синтезом материи из фотонов. Я родился и рос под сенью его громкой славы. Он возвышался надо мной, как гора. С какими бы трудностями ни сталкивался я в учебе, любая самая сложная проблема была для него пустяком или делом далекого прошлого, о котором и говорить не стоило. У меня было перед ним одно преимущество — молодость. Готовясь к диссертации, я не стал брать тему, которую он мне посоветовал. Мне хотелось делать все самому. Было мне тогда уже двадцать лет. Иногда я шутил: «О тебе еще будут говорить: «А, это отец знаменитого Арсеньева!» — но пока что все обстояло как раз наоборот. В этой шутке была капля горечи. Я был настолько нетерпелив, что все препятствия, которые мне не удавалось одолеть рассудком, старался побороть горячностью. Отец наблюдал за мною спокойно, молча, словно я был одной из его взрывающихся звезд. Однажды я прибежал к нему с какой-то необычайной идеей. Он выслушал меня и выразил свое мнение

деловито и исчерпывающе, как на семинаре. Идея оказалась не новой — один французский астроном выдвинул ее лет двадцать назад.

— Ты строишь все на песке, — сказал отец. — Наука складывается из двух частей. Во-первых, из терпеливого, неустанного собирания бесчисленных фактов, их записи и накопления, из измерений и наблюдений. Так получается гигантских размеров каталог, который старается охватить все бесконечное разнообразие форм материи. Во-вторых, есть вдохновение, иногда озаряющее разум исследователя и позволяющее понять взаимозависимость явлений. Такое вдохновение приходит редко и бывает уделом лишь немногих. Наша каждодневная неблагодарная и кропотливая работа тянется иногда годами, не принося видимых результатов. На собирание мелких фактов уходит множество жизней, ни разу не озаренных вдохновением, но в именах, заслуживших бессмертия своими величайшими открытиями, собран, как в фокусе, муравьиный труд этих тысяч безымянных исследователей. Именно их работа позволила кому-то в минуту вдохновения понять и объяснить одну из бесчисленных загадок, окружающих нас. А ты хочешь совершить что-то великое один, да еще сразу же? Это тебе не удастся.

Мы с отцом были тогда в саду, окружавшем наш домик под Москвой. Среди цветочных клумб стоял гранитный обелиск, воздвигнутый моим дедом, тоже астрономом, в честь Эйнштейна. На нем не было никаких надписей, никаких слов, только формула, говорящая об эквивалентности материи и энергии:

$$E = mc^2.$$

Тропинка привела нас к обелиску. Отец сказал:

— Эта формула имеет большое значение для всей Вселенной. Можешь ли ты полностью постичь, что это такое? Нет. Ни ты, ни я, ни один другой человек. Как в горсти зачерпнутой ночью воды отражается бесконечность небес над нами, так в этой формуле заключены все изменения материи и энергии, происходившие триллионы лет тому назад, когда еще не существовало ни Солнца, ни Земли, ни планет. В ней — пульсация звезд, сжатие и расширение галактик, разогревание и остывание туманностей. Жизнь на планетах за-

рождается и исчезает, солнца вспыхивают и гаснут, а эта формула остается действительной, и так будет до бесконечности. Ну, начинаешь понимать? В нашем мире нет другой веры, кроме веры в человека, и нет другого бессмертия, кроме того, которое вырезано на этом камне. Для того чтобы бороться за него, нужно иметь очень горячее сердце, холодную голову и твердое сознание того, что человек может до конца жизни не сделать для науки ничего, ибо не всегда открывают истину те, которые больше других этого жаждут... Ты можешь надеяться, но это тебе не поможет, и никто тебе не поможет, если под помощью разумеешь рецепты для открытий. Зато другая помощь — знания, опыт, приобретенные другими для тебя, — всегда в твоём распоряжении, как мои, так и всех тех, кто посвятил себя науке сейчас и тысячи лет тому назад. Садись на скамейку, которую здесь поставил твой дед — он тоже подолгу сиживал на ней, — и подумай хорошенько, стоит ли тебе быть ученым.

Арсеньев умолк.

— В этот вечер и позже я не раз чувствовал на себе взгляд отца. Он хотел услышать мой ответ, но — сам не знаю почему, быть может, из малодушия — я ничего не говорил. Да, я не сказал ему «стоит». Через полгода, когда приближалось затмение Солнца, мне нужно было ехать в Австралию с астрономической экспедицией. Отец чувствовал себя плохо, и я колебался. Но он велел мне ехать... Он умер в мое отсутствие... Я даже не был на его похоронах. Вернувшись через две недели в Москву, я должен был уладить множество дел, связанных с экспедицией, с приближавшейся защитой моей диссертации, со смертью отца, так что только в октябре я приехал на несколько дней в наш домик под Москвой.

Я приехал один, в доме никого не было, но кто-то прибрал комнаты и затопил в гостиной камин. Проходя мимо комнаты отца, я невольно хотел трижды постучать, как делал всегда, в знак того, что я здесь, — и застыл, приподняв руку. В шубе, как был, я подошел к камину и почувствовал запах березового дыма. Только в это мгновение я понял, что отца действительно больше нет. Не знаю, сколько времени простоял я возле камина. Бывает иногда, правда очень редко, что в каком-нибудь старом, затасканном слове

вдруг открывается пропасть, куда можно заглянуть. Там, перед камином с потрескивающими поленьями, я постиг слово «никогда». На Земле живут и будут жить тысячи, миллионы, миллиарды людей, великих и малых, лучших или худших, но в этом сквозь все века проходящем потоке никогда уже не будет того единственного человека, которого я любил — и любил так сильно, что даже сам не знал этого. Так все мы любим Землю и так же не замечаем ее, как что-то вездесущее, явное и обязательное. Цену чему-нибудь мы узнаем, только теряя его.

Да, для меня это очень горестное воспоминание, ибо тогда я потерял не только отца, но и ту смутную и могучую, слепую и глухую веру молодости в то, что ее ничем нельзя остановить, что она все преодолет и никогда не сдастся. Но воспоминания эти и благотворны для человека: такие минуты делают его сильнее и чище. Мысль о мире, полном лишь одного блаженства, могла зародиться только в мозгу у глупца, ибо даже в самом совершенном из миров над человеком всегда будет небо и Космос с тайной своей бесконечности, а тайна — это значит беспокойство. И это очень хорошо, потому что заставляет думать, не дает останавливаться.

Потом, когда все разошлись по каютам и я остался один, Арсеньев как бы ненароком вернулся:

— Останемся еще немного? Послушаем радио.

Я кивнул. Мы сидели в мягких креслах, а из рупора на стене лилась приглушенная музыка: Чайковский... Когда она окончилась, наступила тишина, такая полная, какая бывает на Земле только в самых отдаленных, безлюдных местах, на море или в горах. Казалось, в этом мягко освещенном помещении мы находимся вне пределов времени и пространства. Среди звезд на экране горела голубоватая искра Земли.

Арсеньев расспрашивал меня о моей молодости. Я рассказал ему о дедушке, о первых путешествиях по горам, о моем родном Кавказе. Оказалось, он знал Кавказ очень хорошо: побывал на многих вершинах, которые мне всегда казались как бы моей собственностью. Мы говорили о склонах, посещаемых бурями, о замерзающих в буране лагерях, о безудержно смелых восхождениях, когда жизнь порой зависит от силы, с какой трется о камень гвоздь в подошве ботинка, о предательском снеге и слоистых скалах, о слабых,

обламывающихся опорах и о том мгновении, когда достигнешь последней, самой высокой точки вершины. Беседа наша прерывалась паузами; мы обменивались короткими, отрывистыми словами, непонятными для постороннего, и они вызывали образы, столь сильные и яркие, что время, отделявшее меня от них, переставало существовать. Мне казалось, что с Арсеньевым я знаком уже очень давно. Тут я с удивлением вспомнил, что не знаю его имени, и спросил, как его зовут.

— Петр, — ответил он.

— А вы... один?

Он улыбнулся:

— Нет, не один.

— Но я подразумеваю не работу, — продолжал я, смущенный собственной смелостью, — и не родственников...

Он кивнул в знак того, что понял.

— Я не один, — повторил он и взглянул на меня. — А вы? Может быть, какая-нибудь девушка стоит сейчас в саду и смотрит в небо, где светится белая Венера?

Я промолчал, и он понял, что мне нечего ответить. Я следил за его серьезным, без тени улыбки лицом. Он смотрел на черный экран, где светилась двойная звезда Земли.

— Да, вы еще этого не знаете. Среди миллиардов, которые работают, развлекаются, горюют, радуются, изобретают, строят дома и атомные солнца, — среди всех этих бесчисленных людей существует и для меня одна. Одна, пилот! Вы понимаете?.. Одна!..

ПОЛЕТ В ОБЛАКАХ

Тридцатый день пути. Вчера мы миновали астероид Адонис близ того места, где его орбита пересекает орбиту Венеры. Двигатели снова заработали. Мы мчимся вслед за убегающей от нас Венерой, которая сейчас входит в последнюю четверть и вырисовывается в небе узким белым серпом. В противоположность ученым мне в свободные от дежурства часы делать нечего. Страдая от безделья, я сегодня утром разобрал мотор вертолета, с какой-то особой нежностью протер его и без того блестящие части и собрал снова, стараясь, чтобы

это заняло у меня как можно больше времени. Я перечитал уже все книги по астрономии, какие были у меня в чемодане, изучил материалы об атмосфере Венеры, в которой придется вести самолет. Должен сказать, что сведения оказались очень скудными. Я узнал только, что в сильнейшие телескопы астрономы иногда замечали между тучами «окна», так что, по-видимому, с поверхности планеты можно порой видеть безоблачное небо. Это несколько утешило меня, потому что уже сейчас, на пятой неделе полета, я начинал тосковать по нашей земной лазури небес. После обеда я был в Центральном с Осватичем. Славный парень, но бирюк, каких мало. Никогда не скажет ни «да», ни «нет», всегда ограничивается кивком головы. Он дал мне фотографию Венеры с так называемым «большим темным пятном» на самом краю диска; мы видели это пятно позавчера. Так как жизнь наша текла без всяких событий, то и это было для нас настоящей сенсацией, хотя ее хватило всего на несколько часов.

Рассмотрев еще раз это загадочное пятно (на снимке оно не крупнее типографской точки), я вышел в коридор. Там мне встретился Солтык. Я хотел спросить его, как будет с нашим земным временем и делением суток на день и ночь, которых мы придерживались до сих пор. Ведь после высадки нам нужно будет приспособливаться к делению времени, существующему на Венере. Однако я сразу же забыл об этом, как только он сказал, что завтра утром полет «Космократора» значительно ускорится. На расстоянии полумиллиона километров, отделявшем нас от цели, будет сделана попытка развить максимальную скорость и сэкономить таким образом почти четыре дня пути. Это известие очень обрадовало меня, а когда после ужина ученые сообщили нам о технических причинах, побудивших их это сделать, я не мог отогнать от себя мысль, что им тоже, как и всем нам, просто хотелось сократить невыносимо долгое ожидание.

Тридцать первый день пути. Лихорадочные приготовления велись уже с утра. Нужно было еще раз посмотреть, надежно ли закреплено все в каютах и грузовых отсеках, проверить состояние приборов, испытать и закрепить гусеничное шасси, скрытое в больших люках под корпусом. Работы шли по заранее выработанному плану. Я провозился

в носовой камере с самолетом и даже забыл зайти в одиннадцать часов за радиопередачами. Когда я пришел наконец в Централь, все уже лежали в креслах. Я тоже лег и затянул ремни. Солтык, выждав еще несколько секунд, ровно в полдень включил прибор, удаляющий модераторы из атомного двигателя. Шум двигателей, до сих пор еле слышный, начал усиливаться с каждой секундой. Я лежал так, что прямо передо мной находился большой экран телевизора с белым диском планеты, а над ним — ряд освещенных циферблатов. Вот стрелка прибора сдвинулась со своего места. Пение двигателей становилось все громче и громче, так что в конце концов их гул наполнил все вокруг нас и в нас, словно исходя из каждой частицы металла. Через восемнадцать минут мы мчались уже со скоростью сто километров в секунду, или триста шестьдесят тысяч километров в час. Звезды оставались неподвижными, но диск Венеры, лежавший прямо по носу, все время увеличивался. Сначала это был серебристый переливчатый кружок величиной с Луну, потом в какое-то мгновение я увидел, что он выпуклый. После этого он, словно раздувающийся белый шар, стал занимать на экране все большее пространство. Вот уже лишь тонкая каемка отделяла его просвечивающие края от рамки экрана. Еще минута — и планета заполнила экран целиком. Стрелки радарных радиовысотометров двигались на освещенных секторах шкал. Мы еще не слышали ничего, кроме громкого пения моторов. В то время как другие планеты, например Луна и Земля, изменялись на глазах по мере нашего приближения к ним и мы наблюдали все новые, характерные черты их поверхности, Венера загадочно сияла все время одинаково, словно нереальный млечный шар.

Полет на максимальной скорости продолжался почти час. На экране давно уже не было неба — только всеобъемлющая, бескрайняя белизна, местами отливающая серебристыми и желтоватыми полосами. Один раз мне показалось, что ракета начала кувыркаться. У меня закружилась голова, и я закрыл глаза, а когда открыл их, Солтык возился у «Предиктора». Головокружение прошло. «Космократор» перестал вращаться вокруг своей оси. Внезапно умолкли двигатели. Уши наполнила гулкая, пустая тишина, в которой я слышал медленные удары собственного сердца.

Солтык перевел рычаг и передвинул кресло так, что очутился перед самым телевизионным экраном.

— Прошу вас каждые десять секунд сообщать мне высоту, — обратился он ко мне. Я кивнул. Держа обе руки на рычагах, Солтык наклонился вперед, словно пытаюсь проникнуть в глубь экрана.

— Девятнадцать тысяч километров, — сказал я.

Это расстояние еще отделяло нас от планеты. Тучи лежали под нами бесконечным светящимся океаном. Кое-где они ослепительно блестели, отражая солнечные лучи, в других местах были заметны мгновенные разрывы и глубокие провалы. Возрастающая сила прижимала нас к кожаной обивке кресел; в абсолютной тишине явственно слышалось их мерное поскрипывание.

— Семнадцать тысяч.

Я кинул быстрый взгляд на указатели. Сейчас мы делали шестьдесят километров в секунду. Если бы ракета на такой скорости вошла в атмосферу планеты, она сгорела бы. Я взглянул на Солтыка. Темный на фоне светящегося экрана, он, согнувшись, как бы застыл на месте, сжимая в руках рычаги.

— Шестнадцать тысяч триста.

Весь горизонт под нами закружился, опустился и встал дыбом. По ракете пробежало короткое содрогание, бросившее нас вперед. На экране вспыхнула и погасла фиолетовая молния.

— Пятнадцать тысяч восемьсот.

Снова толчок, слабее первого, но более длительный. Фиолетовые молнии вылетали из носа ракеты, рассыпаясь пылающей паутиной, сквозь которую мы пролетали за доли секунды, — это работали тормозные кислородно-водородные ракеты.

— Четырнадцать тысяч.

Теперь на носу раздавался гром за громом, сотрясая весь корпус ракеты. Глухой гул, разрывы, ниспадающий каскадами грохот — все это прерывалось краткими минутами тишины. Белая равнина туч лежала наискось под нами, а «Космократор» мчался над нею, слегка наклонившись. Я понял, что, согласно классическому правилу астронавтики, мы начали описывать вокруг планеты спираль.

— Двенадцать тысяч сто.

Уже видны были контуры туч, мчавшиеся все быстрее. Наверху над нами было черное звездное небо, внизу — бесконечная белая равнина с тенями и бликами рельефа.

— Восемь тысяч.

Восемь тысяч километров отделяло нас от планеты, то есть три четверти ее диаметра. Солтык втянул голову в плечи и еще больше пригнулся. «Космократор» взревел и завибрировал, как натянутая струна. В то же время горизонт повернулся на пол-оборота кверху, лег набок и снова сполз вниз. Это заработали главные двигатели, носовыми соплами тормозя наше падение. Их шум совсем не был похож на пение, к которому мы привыкли за время полета. Разогнавшись в центральной трубе, газы с силой вырывались из сопел, образуя перед носом горячее облако, сквозь которое «Космократор» пролетал, как пуля, дрожа и вибрируя. Мне приходилось кричать изо всех сил:

— Тысяча девятьсот километров!

Тучи то соединялись, то рвались, убегая назад, как вспененные волны водопада. На их фоне, отливавшем матовой белизной перламутра, я увидел тень ракеты — тонкую черточку. Она то падала в ямы, то исчезала в их глубине, а через мгновение снова взлетала на освещенное солнцем облако, похожее на золотистую, пышно взбитую пену.

— Шестьсот километров!

К барабанной дробии взрывов, вылетающих из тормозящих сопел, примешался какой-то новый звук. Сначала я едва улавливал его, но вскоре он стал настолько громким, что уже явственно выделялся в шуме двигателей. Звук этот был очень высокий, даже пронзительный. В то же время стрелки приборов, до сих пор неподвижные, затрепетали, словно по ним пробегал невидимый ток. Звук усиливался, переходя в резкий свист, — это визжал разрываемый нашей ракетой воздух планеты.

— Четыреста восемьдесят километров!

Тучи рвались перед кораблем, как натянутые, дрожащие струны. Рокот тормозящих сопел ослабел. Я снова взглянул на прибор: мы уже потеряли космическую скорость и делали в секунду лишь восемь километров. Атмосфера, становившаяся плотнее, оказывала ракете все большее сопротивление.

ние. Воздух, уплотняясь, трепетал по краям плоскостей, вызывая мигание изображения на экране. Скорость «Космократора» все время падала. Снова загрохотали взрывы. Приборы, показывающие плотность, давление и температуру воздуха, оживленно покачивали стрелками. Корабль, летящий сейчас по кривой, как снаряд в конце полета, со свистом рвал слои облаков. Совсем близко от нас носились развеванные снежные хлопья сконденсированных кристаллов, отливая серебром в солнечных лучах. Ниже туч стояли плотной клубящейся стеной, к которой мы летели со страшной быстротой. Еще миг — и экран, затянутый густым дымом, погас.

Стада туч разлетались, как тяжелые испуганные птицы. Я назвал Солтыку высоту: тридцать километров, — а мы еще были в тучах. Над Венерой они располагаются необычайно высоко! Воздух был так плотен, что даже при нашей сравнительно небольшой скорости раздавался пронзительный вой, переходивший от басовых вибрирующих нот к самому высокому свисту. Видимость практически равнялась нулю. Мы то погружались в темно-желтый туман, то попадали в молочное кипение, полное ярких радуг. Солтык переключил телевизоры на радар, но это мало помогло. Направленные вниз пучки радиоволн бессильно вязли в топи облаков, не показывая рельефа почвы. Мы летели вслепую, по гирокомпасу, описывая вокруг планеты широкую дугу. В зеленовато-буром свете, наполнявшем экран, временами появлялись неясные контуры туч нижних слоев, а в их разрывах — еще более глубокие слои, и так до дна, где все сливалось в серую муть.

Звуковым фоном полета был непрестанный глухой шум. Оттого что я долго и напряженно вглядывался в экран, у меня иногда появлялась иллюзия кипящих под нами морских волн, а шум полета мне казался тогда грохотом разбивающихся волн. В какое-то мгновение эта иллюзия стала настолько сильной, что я был вынужден отвести глаза от экрана. Солтык снижал ракету все быстрее. Уже только восемь километров отделяло нас от поверхности планеты, а видимость все еще равнялась нулю. В тучах, как сказали нам аэродинамические приборы, были взвешены мелкие твердые частицы, поглощавшие волны радара. Мне хотелось узнать,

что будет делать Солтык, но я, конечно, ни о чем не спрашивал. Меня вначале охватило разочарование, потом нетерпение и, наконец, гнев: я так долго ждал минуты, когда сяду в кабину самолета, а сейчас, когда она приближалась, я попросту боялся, что потеряю ориентировку в этих проклятых тучах!

Изображение на экране изменилось. Солтык переходил на все более короткие волны. Волномер передатчика показывал: сантиметр, полсантиметра, три миллиметра... Вдруг ползущие по экрану массы развеялись, исчезли, и я увидел поверхность Венеры. Однако на ней почти ничего нельзя было рассмотреть. Неровности и холмы бешено мчались назад, сливаясь в трепещущие зеленоватые и бурые полосы. Солтык теперь непрерывно работал рычагами, то включая двигатели, то усиливая торможение, так что скорость порой падала до низшего допустимого предела. Мы летели над большой равниной, делая в секунду метров триста. Казалось, что она покрыта густым лесом. Раскидистые кроны деревьев или других фантастических растений, огромные кустарники, рощи, заросли — все это мелькало слишком быстро, чтобы можно было их как следует разглядеть. Когда корабль снизился до четырех тысяч метров, у меня вдруг возникло сомнение, действительно ли эти фантастические очертания — растения? Но пока я присматривался к ним, они исчезли. Появились отлогие холмы с плоскими склонами. Кое-где тучи не доходили до самой поверхности планеты. В одном из таких разрывов, посреди изменчивых, медленно плывущих облаков, появилась темно-синяя гряда с черными тенями, выделявшаяся своей неподвижностью в океане паров. Это был горный хребет. Поверхность планеты повышалась. Стрелка альтиметра задрожала и дошла до семи тысяч метров. Под нами плыли огромные изрытые скаты, иногда мелькал свет, словно отраженный льдом, — это блестели гладкие склоны. Потом огромная панорама скалистых нагромождений и глубоких долин погрузилась в туман. Корабль набирал высоту. Девять, десять, одиннадцать километров. Все тоньше свистел разреженный воздух, разрываемый носом «Космократора». И вдруг Солтык обернулся ко мне. Он не сказал ничего, но по глазам его я понял, что наступила моя минута.

Осватич принял от Солтыка управление, и, пока корабль летел в молочном тумане, мы провели совещание. Первым вопросом было тщательное определение состава атмосферы. Как и предвидели ученые, слой ее оказался гораздо толще земного, почти вдвое. На высоте одиннадцати километров давление составляло шестьсот девяносто миллиметров ртутного столба — примерно земное атмосферное давление на уровне моря. Тучи, по определению химика, имели очень разнообразный состав. Они, насколько можно было судить, располагались в несколько ярусов. Самый верхний состоял из полимеризованного формальдегида и частиц какого-то неизвестного вещества, подробное исследование которого было пока отложено. В нижних слоях, кроме формальдегида, имелся небольшой процент воды. Кислорода в воздухе было пять процентов, углекислоты — двадцать девять. Я расстался с тайной надеждой, что предположения ученых о составе атмосферы окажутся неверными и на планете можно будет передвигаться без скафандра.

Полет в тучах не позволял получить точных сведений о рельефе местности и затруднял исследование планеты, а на небольшой высоте маневрировать ракетой было несколько рискованно. Поэтому мы решили высадиться. На местности площадью около семи тысяч километров, над которой мы пролетали, не было видно никаких признаков деятельности разумных существ, но мы были уверены, что они есть на планете, и потому решили, высадившись, начать разведку сначала в небольшом радиусе и с соблюдением необходимой осторожности. День в этих широтах должен был продолжаться шесть земных суток, так что времени было достаточно. Осватич повернул ракету в сторону низменного района, замеченного нами ранее. Оставалось только тщательно исследовать поверхность и найти возможно более ровное место для посадки. Я пошел наверх, чтобы одеться, а когда вернулся уже в скафандре, все окружили меня. Я не захотел ни с кем прощаться. По узкому колодцу мы с Солтыком поднялись в камеру на носу. Там на катапульте стоял самолет: длинная, узкая стальная капля с сильно скошенными назад крыльями. Так как кабина закрывалась герметически, я снял шлем, ограничивающий поле зрения.

— Вы уже все знаете? — спросил Солтык. — Да?

Я крепко пожал ему руку, влез на крыло и одним прыжком очутился в кабине. Шлем положил под сиденье, чтобы он был под рукой, потом включил лампы и указатели, еще раз проверил вентили кислородных аппаратов и через открытый люк взглянул на инженера. Он был взволнован, но старался не показывать этого.

— Сейчас мы вас выбросим, — сказал он, — но сначала еще раз проверим связь.

Я знал, что он уже проверял ее сто раз, а в последний — не позже сегодняшнего утра, но только улыбнулся ему. Он вышел. Оставшись один, я закрыл прозрачный колпак над головой, затянул уплотнительные болты и сильно уперся ногами в педали. В наушниках раздался тонкий писк и тотчас же послышался голос Солтыка:

— Как вы меня слышите?

— Прекрасно.

— Мы сейчас на высоте девяти тысяч метров, скорость девятьсот двадцать в час. В порядке?

— В порядке.

— Можете включать двигатель. Контакт!

— Есть контакт, — ответил я и нажал кнопку зажигания.

В бледно-зеленом сумраке загорелась рубиновая звезда.

— Вы готовы?

— Готов.

— Внимание!

Раздался оглушительный грохот. Колпак на носу раскрылся, и в пламени взрывных газов я вылетел, как ядро из пушки.

В глаза мне ударило море огня. Как борющийся с волнами пловец, я совершенно невольно выровнял рули. Кабина была снабжена выпуклыми стеклами. В падающем отовсюду свете, как муха в капле светлого янтаря, я летел стремглав против течения туманов и туч. Вой раздираемого воздуха затыкал мне уши, как вата. Казалось, колпак надо мной лопнет, продавленный силой движения. Однако самолет быстро потерял скорость, приданную ему катапультной «Космократора», и теперь в полете я мог рассчитывать только на собственные силы. Я вглядывался в серые тучи, убегающие по сторонам, как вдруг воздух надо мной очистился, словно разрезанный стеклянным ножом, голубоватый

свет очертил искристым контуром выпуклости туч, раздался гулкий свист и сверху низверглись потоки воды. Мне стало понятно, что «Космократор» летит очень близко надо мной, а все эти явления вызваны атомными газами, вырывавшимися из его сопел. Я нажал педаль, чтобы как можно скорее увести машину от опасного соседства: полный выхлоп ракеты на близком расстоянии мог бы оторвать крылья самолета.

— Алло! Как вы там, пилот? Летите? — послышался в наушниках голос.

Я ответил утвердительно и подал курс по гирокомпасу.

— Будем описывать круги. Можете спускаться.

Кроме кипящих облаков, ничего не было видно. Зато на маленьком круглом экране моего радароскопа непрерывно плыли очертания лежащей внизу местности. Медленным, тысячу раз в жизни проделанным движением я положил машину на крыло, и она начала падать, как камень. На Земле мне не пришлось бы смотреть на альтиметр, так как видимые размеры земных ориентиров — дорог или рек — при некотором опыте неплохо помогают разобраться в обстановке. Но тут я не спускал глаз со шкалы, поглядывая в то же время и на экран радароскопа. Когда скорость падения чрезмерно увеличилась, я медленно вывел машину из пике. Самолет был в самой гуще туч и все время то нырял в них, то выскакивал из их пушистой глубины. Но внизу не было и следа лесистой равнины, которую я видел раньше. Там тянулись длинные, широкие, голые хребты, похожие на окаменелые темные волны. Я сообщил об этом Солтыку.

— Возьмите полтора градуса на восток, — ответил он. — И что там с вашим пеленгом? Его плохо слышно.

Он говорил о радиосигналах, автоматически передаваемых моим прибором; благодаря этому на «Космократоре» всегда можно было определить, где находится самолет. Слова инженера несколько встревожили меня, так как и я довольно плохо его слышал: приему мешали какие-то слабые потрескивания. Выполняя совет Солтыка, я положил самолет в левый вираж и полетел под самыми тучами, стараясь не терять высоту, чтобы можно было оглядывать более широкое пространство. Это было нелегко: каждые десять — двадцать секунд я попадал в тучу, из которой можно было

выбраться, лишь нырнув вниз. Такая «игра в прятки» тянулась довольно долго.

Мне не хотелось полагаться только на радар, потому что на экране был виден сравнительно небольшой участок местности. Я тщательно выискивал каждый просвет в тучах, а так как они спускались довольно низко, то я все чаще пролетал всего в нескольких сотнях метров над возвышенностями поверхности Венеры. То, что было внизу, нельзя назвать ни равниной, ни горой: что-то вроде огромных, спускающихся каскадами ступеней из какой-то скалистой породы, насколько можно было судить по их гладкой поверхности. Эти ступени, скорее террасы, шли по всему видимому пространству волнистыми рядами. Я подумал, что, быть может, удастся найти террасу, пригодную для посадки «Космократора», и с этой целью несколько минут летел, всматриваясь в их контуры, но они начали изгибаться и подниматься, становясь отвесно, словно рассыпанная колода гигантских карт, и мне пришлось вернуться назад. Солтык расспрашивал меня об условиях полета и видимости. Я отвечал коротко, так как уже начинал злиться, что никак не удастся найти замеченную раньше лесистую равнину. Лес, конечно, должен был где-нибудь кончиться, и там можно рассчитывать на хорошую площадку для приземления.

Итак, по необходимости мирясь с однообразным, хотя и необычным, пейзажем, я полетел прямо вперед. Скоро среди террасообразных ступеней показался продолговатый низкий вал, ползущий к востоку, как огромная, слегка извивающаяся гусеница. «Может быть, там найдется какое-нибудь плоскогорье», — подумал я и, нажав рычаг, помчался в ту сторону. Дальше местность стала терять четкие очертания. Все затянуло низким, стелющимся у самой почвы туманом, над которым поднимался только этот вал, становившийся все более высоким и неровным. То здесь, то там отходили от него как бы горные хребты. Глянув вперед, я увидел на горизонте темный массив — это были горы, но я летел все прямо, скорее всего из любопытства, стремясь узнать, как выглядят они на другой планете, потому что не рассчитывал найти посадочную площадку посреди крутых скал. Горные хребты превращались в барьеры, все более крутые и высокие, вершины которых тонули в тучах. Лететь дальше в эту

сторону было бесцельно, и я решил вернуться. Справа — уже не внизу, а почти на уровне самолета — поднимались длинные выпуклые склоны с крутыми осыпями удивительно светлого, почти белого цвета.

Вдруг барьер разорвался, словно каменная цепь. Я увидел черное озеро, в котором отражались облака, обрывы скалистых стен и береговые утесы. А что, если это действительно вода? Я направил машину к разрыву в скалах и начал спускаться. Это любопытство могло мне дорого стоить, ибо, как и можно было предвидеть, в ущелье с силой устремлялся мощный поток воздуха; ветер подхватил меня, швырнул кверху, а потом погнал вниз с такой силой, что я чуть не скапотировал посреди озера. Мне пришлось поставить машину на хвост и дать полный газ, чтобы вырваться на свободу. В этот миг я был так близко к воде, что ясно видел дробящиеся волны и просвечивающие сквозь них каменные глыбы на дне. Значит, мне все-таки удалось. Я открыл прекрасное место для приземления, или, вернее, приводнения: «Космократор» мог опуститься на озеро. Нужно было только найти удобные подступы, так как с трех сторон поднимались крутые грозные скалы. Я набрал высоту три тысячи метров, чтобы охватить взглядом всю панораму горной местности.

У меня уже давно было ощущение, что не все в порядке, но сначала я не мог понять, что именно; и вдруг, поняв, вздрогнул, — в наушниках не было тихого жужжания, показывающего, что аппарат работает на прием. Я нажал кнопку: приемник был включен.

— Алло, инженер Солтык! — крикнул я. — Инженер Солтык!

Молчание. Я повернул рукоятку регулятора. Затрещало раз и другой. Потом сплошными сериями посыпались длинные и короткие потрескивания. Хотя нет, это были не обычные потрескивания электрических разрядов, а какие-то непонятные обрывки передач, среди которых попадались даже куски музыкальных фраз. Повернул регулятор дальше. Голоса утикли. Я начал снова вызывать ракету. Ответа не было. Усилил ток в лампах, рискуя сжечь их. Безрезультатно! Теперь мне было уже некогда смотреть вниз. Стараясь сохранять спокойствие, я осмотрел всю проводку. Начав с ларингофона, шаг за шагом проверял соединения: все было в

порядке, все работало, контрольная лампочка антенны показывала, что сигналы летят в пространство. Но ракета не отзывалась. На мгновение я взглянул вниз, чтобы сориентироваться, где лечу, — и разразился проклятием: я был над лесистой равниной. Странной формы кустарники убегали бесконечными рядами вдаль, исчезая за низкими тучами, из которых лился сильный белый свет. Внизу проносились какие-то удивительные султаны, фестоны, гривы, перемежались холодные и теплые краски: бледно-зеленые, желтые, темно-зеленые, — какой-то необычайный лес! Однако в эту минуту у меня не было желания обследовать его. Я вернулся к радио, снова проверил все соединения — и вдруг у меня промелькнула мысль, от которой мороз прошел по коже.

«А что, если ракета — вследствие нападения или трагической катастрофы — погибла и я здесь единственный живой человек?»

Это было уж слишком. Я глубоко перевел дыхание, радуясь, что мерзкое ощущение страха постепенно исчезает, потом стиснул зубы и, размышляя, что мне делать дальше, еще раз взглянул на плывущий подо мною лес. Горючего у меня было еще на неполных два часа полета. Кислорода могло хватить на несравненно большее время, суток на двое. С пищей было хуже: лишь немного концентратов и два термоса с кофе. Кружить до опустошения баков не было смысла, так как заметить ракету при такой низкой облачности было почти невозможно. Приземлившись, я смог бы починить радио (хотя я и не надеялся, что мне это очень поможет). А вот если ракета пролетит где-нибудь поблизости, я смогу подать товарищам знак или взлететь к ним. Это показалось мне самым лучшим выходом из создавшегося положения, и я решил приземлиться. Нужно было только найти подходящее место. Моему самолету, снабженному специальными тормозами, достаточно было бы метров пятидесяти ровной местности. Некоторое время я летал на минимальной скорости почти над самыми кронами деревьев. Каково же было изумление, когда я увидел, что это вовсе не деревья и даже вообще не растения, а какие-то высокие, странной формы не то кристаллы, не то минеральные натеки. Кое-где толстые, сплошные жилы темно-зеленой массы, словно облитые стеклом, переплетались, устремляя кверху ветвистые

пучки огромных игл; то здесь, то там торчали какие-то лапчатые комья, балдахины, грушеобразные глыбы — сплетенье многоцветных скал, поблескивавших холодно, как лед. О том, чтобы посадить здесь машину, нечего было и думать. Я летел все вперед в надежде, что Мертвый Лес когда-нибудь кончится, и все увеличивал скорость, пока не довел рукоятку до отказа. Двигатель жужжал равномерно, и, если бы не опасность моего положения, я мог бы наслаждаться настоящим калейдоскопом причудливых разноцветных обломков, мелькавших внизу и исчезающих под крыльями. Вдруг в наушниках захрипело, и в разрыве оглушительных тресков послышался голос Солтыка:

— Пилот, отзовись! Пилот!..

Я ответил тотчас же, но уже снова ничего не было слышно. Секунд через двадцать напряженного ожидания снова послышался голос Солтыка. На этот раз он говорил кому-то, очевидно, стоящему рядом:

— Не отвечает уже минут двадцать.

— Будем кружить дальше? — спросил другой голос, как мне показалось, Арсеньева.

— Инженер! — крикнул я. — Внимание, «Космократор»!

— Будем кружить, — ответил Солтык.

Я говорил, кричал, но меня не слышали. Зато до меня доносились обрывки слов: Солтык разговаривал с товарищами. Взглянув на пеленгатор, чтобы понять, в каком направлении нужно искать ракету, я вместо одного светящегося зубца увидел на круглом экране настоящий хаос искр. Это напомнило мне картину, какая получается, если нарушить прием на радаре при помощи алюминиевой фольги. Меня охватило бешенство. Голос Солтыка начал слабеть, а потом и вовсе исчез в усиливающемся треске. Поворачивая регулятор, я снова услышал таинственные резкие звуки — и вдруг рука у меня замерла на рукоятке: «А что, если это радио жителей Венеры?..»

Черт возьми, это было вполне возможно! Прерывистые звуки могли быть чем-то вроде азбуки Морзе. Но долго раздумывать было некогда, ибо очень далеко на горизонте появился скалистый барьер, начинающийся у скрытого за горизонтом горного озера, оставшегося километрах в пятнадцати — двадцати слева от меня.

Район Мертвого Леса обрывался тут ровной линией. Далее простиралась равнина, изрезанная невысокими округлыми возвышениями и отлогими впадинами. О лучшей посадочной площадке нельзя было и мечтать. Грунт был, насколько я мог определить, гладкий, как полированный камень. Над последними рядами мертвых деревьев я выключил газ. Мне показалось, что Мертвый Лес отделяется от равнины узким темным рвом, но все мое внимание было сосредоточено на рулях. Я открыл клапаны и потянул рычаг на себя. В наступившей тишине крылья самолета издавали низкий затихающий звук. Мягкий толчок, потом другой. Колеса коснулись земли. Машина пробежала немного и остановилась, слегка накренившись набок, на складчатом уклоне почвы. Это была почва планеты Венеры.

ПИЛОТ

Долго еще я сидел в кабине, не зная, что предпринять. Попытался заняться радиоаппаратом. Регулятор прошел по всей шкале, но все диапазоны молчали. Из эфира не доносилось ни малейшего шороха, и я оставил радио в покое. Вынув из-под сиденья шлем, я надел его, старательно затягивая одну за другой автоматические застёжки. Положив руку на рычаг, открывающий купол, я на миг заколебался, а потом резко дернул его. Стеклопанельная крыша поехала назад. Я еще раз проверил взглядом маленький темно-зеленый экран радароскопа внутри шлема, дотронулся до клапана кислородного аппарата и, перекинув ноги через борт, поднялся на крыло.

Я знаю: мне не удастся описать того, что я увидел. Могу только перечислить все по порядку, ибо я не в состоянии передать тот основной общий тон, благодаря которому с первого же взгляда чувствовалось, что это не Земля. Тучи медленно скользили, белые, совершенно белые, как молоко. На Земле тоже можно увидеть такое; но там это лишь легкие облачка, а здесь весь небосклон был затянут ровной белой пеленой. В ярком свете простирались плоские холмы и неглубокие впадины — сухие, ничем не поросшие, темно-шоколадного цвета, иногда с более светлыми пятнами. В каких-

нибудь семистах метрах за хвостом самолета возле Мертвого Леса равнина обрывалась. Она не переходила сразу в лес, между ними была граница — обрыв, такой высокий, что над его краем возвышались только переплетенные, сияющие отраженным светом вершины мертвых деревьев.

Я соскочил наземь. Грунт не поддался под ногами. Я стукнул подкованным каблуком — не осталось ни малейшего следа. И все-таки он не был похож на голую скалу. Я повернулся к Мертвому Лесу спиной. Вдаль убегали удивительно равномерные складки долины; на горизонте, в полосах желтоватого тумана, стояли темные силуэты гор.

Я снова взглянул под ноги, а затем, достав из внутреннего кармана скафандра складной нож, стал с силой вонзать острие в загадочный грунт. Нож несколько раз отскакивал, но я заметил место, где поверхность была покрыта крохотными пузырьками, словно окаменелая, отполированная губка. Здесь мне удалось отбить довольно большой кусок; я взвесил его в руке. Он был светло-бурый и легкий. Легкий, как... как бакелит.

Бакелит! О, как я жалел, что я здесь один! Я не думал в эту минуту о потере связи, о том, что будет со мною через несколько часов, — мне хотелось только, чтобы со мною был кто-нибудь из товарищей, чтобы я мог поделиться этим необыкновенным открытием. Еще раз, но уже другими глазами, оглядел я буроватый пейзаж. В нем было что-то вызывающее тревогу, но что именно? Раньше я этого не замечал. Я начал вспоминать... На что же он похож? И вдруг понял: все вокруг выглядело как-то неправдоподобно, словно огромных размеров театральная декорация. И это было неприятно. Декорация величиной со сцену или даже с поле — пускай, но здесь лежали десятки, сотни квадратных километров бакелита или похожей на него массы — искусственной пластмассы, из которой на Земле делают пресс-папье или «вечные ручки»! В этом было что-то гротескное и в то же время зловещее.

Некоторое время я еще стоял у самолета, не зная, что предпринять, а потом пошел по направлению к Мертвому Лесу. Однако, сделав несколько шагов, поспешно, почти бегом, повернул вдруг без всякой причины назад. Радио было у меня в скафандре, так что сигналы ракеты, если бы

она отозвалась, я бы услышал, но... я вернулся. Побудил меня к этому даже не страх, а более сильное ощущение, которого я никак не мог преодолеть, — здесь все было чуждым. Чуждым было низкое нависшее белое небо, сиявшее, несмотря на тучи, ярким светом; чужды были неподвижность воздуха, равнина, покрытая плоскими холмами, странный сухой стук, который издавали сапоги при ходьбе по этой мертвой равнине.

Я сел на крыло самолета и, вертя в руке нож, оглядывал ту часть равнины, которая прилегалла к Мертвому Лесу, и обдумывал свое положение. Если за сорок восемь часов мне не удастся связаться с товарищами, мне не хватит воздуха. Тогда придется решать, что с собою делать. Но пока у меня есть воздух, пища и самолет, чем я должен заняться в первую очередь? Конечно, своей основной обязанностью: исследованием планеты. «Что ж, это правильно, — раздумывал я далее. — Но если ракета вдруг появится, когда я буду далеко от самолета? Ведь пока я добегу, она исчезнет в тучах, и я потеряю, быть может, последнюю надежду на спасение. Значит, сидеть на крыле самолета и ждать помощи?» Мой инструктор на центральной авиастанции любил задавать один вопрос, особенно новичкам: что должен делать летчик в случае вынужденной посадки в пустыне, в горах или вообще в бесплодном месте? «Все, что возможно», — отвечали ему. «А если этого окажется мало?» — «Тогда все, что невозможно!» Быть может, это звучит несколько наивно и бесхитростно, но одному из моих коллег удалось выбраться из зыбучих песков, где разбился его почтовый самолет: он шел пять дней, не глотнув за все время ни капли воды, хотя ученые говорят, что без воды человек умирает гораздо раньше. Когда его спросили, о чем он думал, когда шел, он процитировал изречение нашего шефа.

Историю эту я вспомнил кстати. Нужно было все обдумать, все принять во внимание — и главным образом то, что планета обитаема. Не будет ли слишком легкомысленным оставить самолет без охраны? Конечно, но что поделаешь? Я снова вскочил на крыло, взял в кабине маленький излучатель — конусообразный аппарат с широкой рукоятью, — перевесил его через плечо и пошел к обрыву. Через минуту я уже был у самого края.

Внизу, кое-где поднимаясь вершинами почти до того места, на котором я стоял, рос Мертвый Лес. Глаз останавливался на кустах с длинными блестящими ветками, на конусообразных сталагмитах, каких-то полупрозрачных массах, лежавших, словно клубки змей, на бугристых сосульках, ошетилившихся отростками, похожими на кораллы или полипы. Эти растения казались искусственно изваянными и были похожи на те, какие рисует мороз на стекле, но только еще расцвеченные во все цвета радуги. Верхушки, блестящие отраженным светом, создавали иллюзию волнующейся поверхности моря. Через некоторое время я заметил, что все размещено было здесь не так уж хаотично: кое-где виден был определенный порядок. Неподалеку от моего наблюдательного пункта край обрыва поднимался на несколько метров. Я взшел на это срезанное с одной стороны возвышение, чтобы увидеть как можно больше. Метрах в трехстах от меня в глубине Мертвого Леса виднелась большая впадина. Окружавшие ее минеральные образования были ниже остальных и более округлой формы. Самый центр впадины, окруженный кольцеобразным валом, как мне представлялось, был совсем гладким, но я не мог сказать этого наверняка, так как его частично заслоняли кроны ближайших деревьев. Зато я видел ясно, что чем дальше от этого места, тем выше и остроконечнее становятся мертвые деревья. Я решил спуститься и рассмотреть их поближе. Обрыв, которым кончалась равнина, шел везде отвесно. От уровня Мертвого Леса меня отделяло не более четырех метров. Я заколебался. Кристаллические изваяния, светившиеся чистым и каким-то застывшим блеском, стояли совсем близко подо мною. Любопытство превозмогло. В последнюю минуту, когда, ухватившись за край обрыва, я уже сползал по его отвесной стене, у меня мелькнула мысль: «А была ли при конструировании скафандров предусмотрена возможность совершения в них прыжков?» — но, слегка оттолкнувшись, я уже упал на четвереньки, потом встал и повернулся спиной к стене обрыва. Мертвый Лес стоял прямо передо мной.

Но сейчас он выглядел не так, как с высоты. Это действительно было что-то вроде окаменелых полупрозрачных стволов, расщепленных вверху на острые разветвления. Выше и ниже, над самой головой и у самой земли, торчали

осыпанные мельчайшими иголочками не то листья, не то рога, и в их глубине переливались и чередовались яркие радуги.

Перед спуском я направил гирокомпас на видневшуюся вдали впадину. Проверив теперь направление, я отправился в глубь леса, с трудом передвигая ноги в гуще хрустящих и скрипящих обломков. Подкованными сапогами я давил фиолетовые кристаллы. Стволы мертвых деревьев имели винтообразное строение, словно были сплетены из толстых стеклянных жил, и все они закручивались вправо. Я все время поглядывал на компас, стараясь сохранять направление, хотя это и было нелегко. Случалось, я запутывался в переплетающихся «олених рогах» и тогда вынужден был искать другую дорогу. Однако, кружась и плутая, я все же приближался к цели: в этом меня убеждали оплавленные, округленные минеральные формы, появлявшиеся все в большем количестве. Все меньше попадалось кристаллических игл, шпиг и лучей, зато показались блестящие радужные образования, словно застывшие фонтаны, поднимающиеся из земли неподвижными струями толщиной в руку взрослого человека. Пробираясь среди них, я даже жмурился от вспыхивающих отсветов, внезапных искр, бликов и теней. В чаще пылали алмазным трепетом синие, желтые, фиолетовые, карминовые тона. Иногда какая-нибудь выпуклая поверхность, издали блестящая чистым серебром, при моем приближении гасла и делалась матовой, словно припорошенная пеплом. Однажды, застряв в узком просвете между ветвями застывшего фонтана, я рванулся, и преграда рухнула с испугавшим меня громким треском: мне показалось, что треснул шлем.

Дальше стволы сплющивались, наклонялись к земле, соединялись между собою толстыми распластанными ветвями, словно их пригибала невидимая сила.

У меня в глазах давно уже мелькали красные отблески. В потоке льющихся со всех сторон красок я не сразу обратил на это внимание, думая, что так преломляется в стеклах шлема наружный свет. Но вдруг красный свет усилился, и я увидел, что его источник находится внутри шлема. Над экраном радара в шлеме помещен матовый шарик, указатель прибора, чувствительного к радиоактивным излучени-

ям. На Земле во время испытаний скафандров мы входили в экспериментальную камеру, в центре которой находилась колба с некоторым количеством сильно радиоактивного вещества. С приближением к ней внутри матового шарика начинал светиться красный огонек, который по мере приближения к источнику радиации становился все ярче, словно раздуваемая головешка. Но сейчас указатель не светился, а пылал, как огромный кровавый глаз, наполняя всю внутренность шлема багровым светом. Я остановился. Блеск усилился настолько, что мешал смотреть в стекло. Да, место это было очень опасным, так как где-то здесь, очевидно, находился источник мощного излучения, и я решил как можно скорее отсюда уходить. Я прошел несколько шагов в сторону под нависшими над головой сталактитами. Красный свет стал слабее. Пошел дальше, перескакивая через скрученные, как корни, жилы блестящей массы. Свет опять усилился. У меня в кармане был ручной индикатор радиоактивности, похожий на маленький пистолет со светящейся шкалой там, где у обычного пистолета находится курок. Я приподнял ствол прибора. Мертвый Лес вовсе не был таким укромным и спокойным местом, каким казался издали. Стрелка прибора плясала, как сумасшедшая, то и дело пробегая шкалу до конца и ударяясь в упорный штифтик с такой силой, словно хотела сломать его.

Мне становилось все жарче, со лба стекал пот; и это было не только от волнения — термометр показывал шестьдесят восемь градусов по Цельсию. Лучше было отказаться от дальнейшего путешествия. Прогулка в таких условиях могла обойтись мне дорого. Я знал, что комбинезон пропитан веществом, поглощающим излучения, но он был слишком тонким, чтобы служить надежной защитой. Сюда можно было идти лишь в специальном, гораздо более плотном снаряжении, со слоем камекса в качестве экрана. Такие скафандры у нас на «Космократоре» были. Когда я подумал об этом, мне пришло в голову что я, быть может, никогда больше не увижу «Космократор», но что все же нужно, несмотря на это, идти дальше.

Между тем я шел по кругу, выставив перед собою дуло индикатора. Излучение росло и падало скачками. Я заметил, что оно усиливается, когда я обращаю прибор к синеватым,

стеклянистым стволам. Они были выше и толще других и стояли на некотором расстоянии друг от друга, так что я в свое стекло никогда не видел больше двух сразу. Я подошел к такому стволу. Он был не настолько прозрачный, как мне показалось сначала: эту иллюзию создавали искаженные отражения на его поверхности. Когда я приблизился к нему, красный свет внутри шлема так и запылал, словно кто-то живой предупреждал меня об опасности. Внутри ствола под прозрачным слоем тянулся узкий пояс, вернее, цилиндрическая полоса неопределенного цвета: в зависимости от места, с которого на него смотришь, она казалась то чернокрасной, то серебристой, как воздушный пузырь в воде.

Я поспешно отступил. Красный шарик постепенно гас, меняя цвет на темно-рубиновый. Теперь, зная уже, чего нужно избегать, я пошел по азимуту, стараясь обходить подалее синеватые стволы. Вскоре они вовсе исчезли, но мой индикатор, более чувствительный, чем красный шарик, все время показывал, что излучение, хотя и значительно более слабое, идет от всей почвы. Радиация опасна не столько своей силой, сколько длительностью воздействия на организм. Поэтому шкала прибора градуирована в единицах времени. По ней я определил, что, не опасаясь неприятных последствий, на этом месте можно находиться не более получаса. Учитывая это, я прибавил шагу и вскоре очутился перед удивительным лабиринтом.

Минералы образовывали здесь круто поднимающееся, лапчатое нагромождение, усеянное большими выпуклостями и пузырями. Вероятно, так должна выглядеть мыльная пена под сильным увеличительным стеклом. Масса эта казалась необычной еще и потому, что в нее было вплавлено множество серебристых шариков. Это можно сравнить с роем насекомых, залитых во время полета волной жидкого янтаря. Я попытался взобраться на стеклянную возвышенность, но тотчас же сполз обратно. На миг мне показалось, что я попал в страну из сказки «Витязь под стеклянной горой». Потом я пошел параллельно преграде. Кое-где она походила на затвердевшую морскую волну: это впечатление создавал ее взлохмаченный бахромчатый гребень. К самой стенке «волны» подойти было трудно из-за множества клубков, похожих на стеклянных осьминогов. Они соединялись

между собой висящими в воздухе ветвями, которые кое-где отвалились и устлали почву выпуклыми обломками. Я решил влезть на клубок и предварительно попробовал разбить один из них подкованным сапогом. Он треснул, но не развалился. Однако когда я поставил ногу на выщербленную поверхность и попытался подняться, остаток его оболочки рассыпался под моей тяжестью вдребезги, и я опять очутился внизу. Я повторил попытку в другом месте, но с тем же результатом, причем острые обломки чуть не разорвали мне комбинезон. Отказавшись от этой мысли, я отправился дальше. Прозрачная преграда тянулась широкой дугой и, судя по показаниям моего компаса, сворачивала на восток. Вскоре я очутился перед узким отверстием в стеклянной стене. В глубине его поблескивало несчетное множество вплавленных в стекло серебристых шариков. Захваченный необычайным зрелищем, я приблизил лицо к отверстию, напоминаящему огромную трещину во льду, — и остолбенел: оттуда на меня смотрело чудовище с заостренной головой и раскинутыми, как крылья летучей мыши, ушами. Нижняя часть его тела расплывалась в туманном облаке. Я отпрянул в испуге и лишь потом понял, что это мое собственное отражение, искаженное неровной поверхностью.

Я начал искать, за что ухватиться. С величайшим трудом, используя каждую выпуклость, удалось мне вскарабкаться на гладкую стену. Невыносимый зной чувствовался все сильнее; не помогало и электрическое охлаждающее устройство, вделанное в комбинезон, хотя я давно уже включил его. Я балансировал на цыпочках с раскинутыми руками, стараясь ухватиться хоть за какой-нибудь выступ. Меня вдруг поразило все усиливающееся биение моего сердца: пульс стучал все громче, громче, громче... Но это не был пульс!

Одним прыжком я очутился внизу. Не обращая внимания на скользящие под сапогами обломки, я бежал, чтобы найти место, откуда можно увидеть все небо. Высоко вверх светлела чистая молочно-белая пелена облаков. Гул медленно приближался, рос, усиливался. Между слоями туч просвечивало что-то длинное, округлой формы, как темная рыба. «Космократор»!

Как описать мое состояние? Я зову, кричу в микрофон,

бегу к равнине, к самолету! Больно ударяюсь о застывшие струи, падаю на колени, вскакиваю и снова вызываю ракету. Гул ее становится другим. Корабль наклоняется носом книзу, входит в поворот, начинает описывать узкую спираль. Его темный на белом фоне корпус увеличивается. Из сопел вырывается огненный столб. Перепрыгивая от ствола к стволу, я вбегаю на необыкновенный стеклянный мостик, перескакиваю через светящиеся обломки, а доносящийся сверху мерный шум двигателей растет, переходит в оглушительный грохот и снова удаляется, затихает... Ракета все время кружит на опасно малой высоте, но я не могу смотреть в ее сторону: мне приходится обходить острые, торчащие, как мечи, кристаллы.

Вдруг дорогу мне преграждает груда стеклянных жил. Пробую перепрыгнуть через нее — пот стекает на глаза, дыхание прерывается, я не могу даже крикнуть в микрофон. Какая-то глыба рушится у меня под ногами, я теряю равновесие и падаю.

Вскакиваю, как сумасшедший, хочу очертя голову кинуться на преграду, как внезапно над самым ухом раздается тихий иронический голос:

«Спокойнее... пилот!»

Это говорит не радио. Это говорит голос во мне самом, и я сразу останавливаюсь. Здесь не пройти — нужно вернуться. Я снова пускаюсь бежать и слышу, как ослабевает рокот двигателей. Ракета расплывается в тучах, как призрак, шум двигателей переходит в низкий гул, все слабеет, удаляется, еще минута — и до меня уже не доносится ни звука, ни шороха. Только мое прерывистое дыхание отдается в металлической внутренности шлема — наушники все время молчат, а вокруг светятся чудесными красками синие, желтые, красные кристаллы... И тишина, глубокая тишина!..

Усевшись на плоской глыбе, я жду. Жду пять минут, десять, пятнадцать... Тучи плывут все время в одну сторону; я не спускаю напряженного взгляда с их яркой белизны, и глаза наполняются слезами, которые текут по щекам, — но слезы вызваны не только этим...

«Конец», — думаю я, но тотчас же давешний голос отвечает: «А если и так — ну и что же?»

«Ладно!» — думаю я.

Стиснув зубы, я встал и пошел. Остановился, чтобы взглянуть на гирокомпас. В этом бешеном беге я потерял ориентировку. Радиоактивность здесь слабее, чем у стеклянной стены, — в матовом шарике лишь тлеет красноватый огонек. Я оглянулся. Вокруг меня высокие ветвящиеся кристаллы. Один наклонился набок, и на его неровной граненой поверхности среди фиолетовых жил лежит серебряный шарик — такие шарики я видел недавно вплавленными в стеклянный массив. Присматриваюсь к нему. Словно отлитый из серебристого металла, слегка приплюснутый и величиной не больше горошины, он привлек мое внимание только потому, что лежал не на поверхности кристаллического «сучка», а был как бы подвешен в нескольких миллиметрах над ним. Я подошел и остановился как вкопанный. Серебряная горошинка дрогнула. Она обращена ко мне заостренным концом, на котором блестит искорка, — нет, нет, это высовывается тонкая, как волос, проволочка! В то же время в наушниках раздался короткий, прерывистый звук. Затаив дыхание, я вглядываюсь в серебряную горошинку. Она стоит на еле видной спиральке, которая растягивается и сокращается. Это движение становится все заметнее. Я невольно отпрянул. Горошинка как бы оседает на камень. Приближаюсь — она двигается, а в наушниках звучит высокий тон.

«Значит, те были правы, — мелькает в голове среди беспорядочных спутанных мыслей. — Металлические муравьи! Металлические муравьи!»

Я протянул руку, чтобы взять горошинку, но остановился. Ведь несмотря на ничтожные размеры, это одно из тех существ, которые восемьдесят лет назад построили межпланетный корабль. А если оно будет защищаться, — возможно, каким-нибудь смертоносным излучением? Я взглянул на указатель радиоактивности. Излучение не усилилось. Обошел горошинку со всех сторон и заметил удивительную вещь. Стоит только мне отвернуться от нее, она замирает и не шевелится, словно застывшая капля металла. А если я смотрю прямо на нее, она начинает двигаться и поворачивается ко мне острым концом, из которого высовывается проволочка. В наушниках же в это время раздаются отрывистые звуки. Так повторялось неоднократно. Что это могло значить? Не хотело ли загадочное создание связаться со

мной таким способом? А те, что застыли в стеклянной массе, — мертвые они или нет? Я стоял, совершенно беспомощный. О, если бы в этот миг со мною был кто-нибудь из товарищей! Меня доводила до бешенства моя беспомощность. Я достал нож и положил его рядом с горошинкой. Она, казалось, не обратила на него внимания. Я отвернулся, поглядывая уголком глаза. Она не двигалась. Отошел на несколько шагов. Она не шевельнулась. Стал снова приближаться, не сводя с нее глаз. Она высунула свою блестящую проволочку, спиралька заплескала, и в наушниках снова раздалась звуки.

— Черт возьми!

Протянул руку — звук в наушниках усилился. Несмотря на это, я поднял горошинку. Ничего не случилось. Поднес ее к самому окошку шлема: звук в наушниках стал еще громче. Неужели она выражала таким способом свое недовольство?

Я достал из кармана плоскую металлическую коробочку и вложил в нее горошинку. Звякнуло: она, несомненно, металлическая. Захлопнул крышку, и писк в наушниках сразу прекратился. Это, по крайней мере, было мне понятно: металлические стенки коробки не пропускали электромагнитных волн. Я двинулся в обратный путь с таким чувством, будто нес в кармане что-то вроде бомбы замедленного действия, заведенной на неизвестный мне час. Минут через двадцать я был уже у самолета и прежде всего подсел к радиоприемнику. Но эфир молчал, слышались только частые близкие потрескивания. С момента посадки прошло четыре часа. Я уселся в кабине, намереваясь поесть, и уже хотел было закрыть ее, как мне захотелось еще раз посмотреть на жителя Венеры. Открыл коробочку и заглянул внутрь: крохотное существо дрогнуло, высунуло свою проволочку, а в наушниках, как и раньше, послышались отрывистые сигналы. Сам не знаю почему (и это одно из самых неприятных мест в моих воспоминаниях), мне не хотелось есть, так сказать, «у него на глазах». Я положил коробочку на крыло самолета, заперся в кабине и, очистив ее от ядовитой атмосферы сжатым кислородом из баллона, принялся за свои запасы. Я ел с удовольствием и аппетитом, как вдруг откуда-то донесся медленный звук, то усиливавшийся, то стихавший. Ну да, это был «Космократор»!

Я сбросил с колен развернутый пакет и посмотрел вверх, включив одновременно контакт. Двигатель тотчас же заработал. Я ничего не видел, но равномерный гул усиливался с каждой секундой. Потом ослепительно белая пелена туч разорвалась, и на их фоне показалась ракета. Крича в микрофон, я дал полный газ. Мне казалось, что прошла целая вечность, а самолет все еще не отрывается от земли. Наконец-то! Он круто поднимается в воздух, и я ставлю его как можно отвесней, на волос от штопора. Несмотря на это, я только еще начинаю подниматься, а «Космократор», пролетев стороной, уже далеко. Еще минута, и он исчезнет в тучах! Широко раскрытыми глазами я вглядываюсь в ракету. Она летит по прямой, тучи клубятся и рвутся в струе газов. В наушниках опять только редкие потрескивания. Судорожно сжимаю рукоятки управления. Двигатели работают на пределе. Но бесполезно! «Космократор» уменьшается, тонет в молочных клубах пара, мелькает еще раз в облаках и совсем исчезает. Почти в ту же минуту в наушниках раздается звук, словно от распрямившейся упругой пластинки, и в уши сразу ударяет волна звуков: короткие, отрывистые позывные сигналы ракеты, шум токов и голос Солтыка, такой явственный и близкий, словно он стоит в двух шагах от меня:

— С какой стороны излучение меньше?

— Слева, — отвечает Арсеньев. — Километрах в восьми отсюда.

— Инженер Солтык! — кричу я так громко, что в ушах у меня звенит. — Алло, «Космократор»!

— Есть, есть! — кричит Арсеньев, а голос Солтыка, более близкий, заполняет всю кабину:

— Пилот! Я вас слышу! Пилот! Что с вами?

— Все в порядке!

Я испытал внезапное чувство облегчения. Пришлось взять себя в руки, чтобы добавить:

— Я на высоте двух тысяч метров. Иду за вами.

И тоном как можно более спокойным сообщаю:

— Я нашел неплохое место для посадки.

— К черту место для посадки! — кричит Солтык. — Где вы пропадали, дружище?..

В первую минуту я не знаю, что ответить, но он уже переходит на официальный тон:

— Подать вам курс?

— Не надо, я лечу по вашему пеленгу.

— Слушайте, пилот, — кричит Солтык, словно вдруг вспомнив что-то важное, — следите за гирокомпасом! Вы километрах в шести за нами — не переступайте восьмого градуса! Лучше держитесь немного дальше, с полминуты на восток!

— Почему?

— Там этот проклятый радиоактивный лес!

— Радиоактивный лес? — повторяю я, глядя на компас. — Ну и что?

— Он гасит радиоволны! Гасит радио...

Мне хочется покрепче ударить себя по лбу. Какой же я идиот! Ведь над лесом находится толстый слой ионизированного воздуха. Очевидно, все это пространство недоступно для радиоволн. А я, осел, и не подумал об этом! «Осел! Осел!» — повторяю я про себя и спрашиваю в то же время Солтыка:

— А почему вы недавно кружили над лесом? Примерно час или полтора назад?

— Вы нас видели? — удивляется Солтык. — Вы там были? Ну, не говорил ли я? — обращается он к кому-то. Потом снова ко мне: — Мы слышали пеленг самолета, когда пролетали там. Мы вызывали вас, кружили с четверть часа, но слышимость там очень плоха, и я подумал, что ошибся.

— Вы не ошиблись... — сказал я тихо, словно сам себе.

Теперь я все понял. Радио моего самолета сигнализировало все время, даже тогда, когда я блуждал по Мертвому Лесу. Самолет стоял, вероятно, на самой границе ионизированного слоя, и потому Солтык услышал сигналы. Одно только мне неясно...

— Вы видели самолет? — спрашиваю я.

— Нет. Вы приземлялись?

— Да.

Это удивительно! Летели на высоте каких-нибудь пяти тысяч метров и не увидели машины? Потом взгляд мой падает на крылья, и мне все становится понятно. Какой-то умник инженер велел окрасить корпус и крылья самолета в светло-коричневый цвет, обосновав это научными доводами о свойствах атмосферы Венеры, о поглощении, об излучении

и так далее... Машина так слилась с почвой, что ее невозможно заметить.

— А пеленгатор тоже не помог? — спрашиваю я снова. — Помехи, да?

— Да.

Теперь я должен быть особенно внимательным, ибо в центре экрана появляется светлый кружок. Это означает, что я уже недалеко от ракеты. Самолет не может попасть внутрь таким же образом, как он оттуда вылетел.

Солтык снова заговорил:

— Вы видите нас, пилот?

— Нет, — напрягаю зрение, но вокруг клубятся только молочные пары.

— Тогда переходите на радар. Как вы себя чувствуете?

— Отлично.

На экране радароскопа вскоре появляется маленькое продолговатое веретено. Солтык продолжает:

— Начинаю подавать. Восемь, пятнадцать.

— Восемь, пятнадцать, — повторяю я и слегка нажимаю рукоятку газа, поднимая в то же время нос машины кверху. Я стараюсь удерживать изображение ракеты на скрещении белых линий в радароскопе. Самолет и ракета должны сблизиться по меньшей мере на пятнадцать метров — маневр довольно легкий, нужно только тщательно следить за показаниями приборов.

— Шесть, шесть!

— Шесть, шесть, — повторяю я.

Еще минута — и туча надо мной темнеет. Я отрываю глаза от ненужного уже радароскопа. Из белой глубины вынырнул корпус корабля.

— Вас вижу! — кричу я, проверяя показания стрелок. — Один, восемь!

— Один, восемь, — отвечает Солтык. — Внимание! Переходим на «ВГ»!

«ВГ» означает вспомогательное горючее. Принимая самолет, ракета выключает двигатель, так как при неудачном маневре самолет может попасть в струю атомного выхлопа, а это равносильно катастрофе. Поэтому в таких случаях применяется «вспомогательное горючее» — смесь водорода с кислородом.

Рокот двигателей меняется. Равномерный гул становится

высоким, прерывистым: это воют компрессоры турбореакторов. Я осторожно передвигаю рычаг управления. Огромное выпуклое брюхо «Космократора» уже бросает на меня свою холодную тень.

— Ноль шесть!

— Есть ноль шесть!

Теперь направление и скорость обеих машин должны совпасть возможно точнее. Я напряженно слежу за отступающей стрелкой указателя и по миллиметру передвигаю рычаг.

— Ноль! Внимание, ноль!

— Есть ноль.

«Космократор» висит прямо надо мной. Кажется, вытянув руку, я мог бы коснуться темных ребристых пластин его панциря. Раздается глухой скрежет. В обе стороны расходятся створки, открывается грузовой люк, и самолет, притянутый магнитным полем, летит кверху. В тот момент, когда дневной свет сменяется темнотой, я выключаю мотор. Створки с шумом закрываются. Еще один удар металла о металл — это эластичные опоры принимают на себя тяжесть машины. Слышен пронзительный свист сжатого воздуха, вытесняющего из шлюза ядовитую атмосферу планеты. Потом все стихает, и лампы загораются спокойным светом.

ПРАВИЛО ШТОПОРА

Меньше чем через час ракета была уже над озером. Мы снижались, а горы становились все больше и выше, водная гладь расстилалась все шире. Вдруг ее темная поверхность забурилась в пламени газов, а «Космократор», оставляя за собою белый пенный след, проплыл несколько сот метров и остановился, слегка покачиваясь на волнах.

Когда двигатели умолкли, Арсеньев вызвал меня в каюткомпанию и в присутствии всех членов экспедиции потребовал отчета о моем полете. Я был уверен, что мое открытие изменит направление исследований и что мы немедленно отправимся в Мертвый Лес на поиски металлических шариков. Своего маленького пленника я по неосторожности потерял: в момент взлета ветер сбросил его с крыла вместе с коробочкой.

Когда я окончил рассказ, наступило короткое молчание. Арсеньев его прервал:

— Вы разочаровали меня. Кто может сказать, окончилось ли благополучно ваше путешествие? Ведь мы не знаем, сколько излучений поглотил ваш организм. Вылазка в глубь Мертвого Леса не только непростительное легкомыслие, а и провинность. Вы не имели права рисковать своей жизнью. Вы хотели удовлетворить любопытство, невзирая на опасность, хотя смерть после нескольких часов одиночества была неизбежной. То, что вы сделали, доказывает вашу храбрость, но безрассудная храбрость немногого стоит. Если каждый из нас пустится в какие ему вздумается разведки, наша экспедиция закончится плохо... Вы хотите возразить?

— Нет.

— Я говорю все это в присутствии товарищей, — продолжал Арсеньев уже спокойнее, — чтобы в будущем мы не совершали подобных ошибок. Рисковать можно только в случае необходимости, и если таковая появится, то будьте уверены, что я и от вас и от себя потребую все, что будет нужно. Так. Больше мы об этом не будем говорить. Теперь, коллеги, я хотел бы услышать ваши предложения. С чего, вы думаете, нам надо начинать?

— Мы находимся в положении человека, — заговорил Лао Цзу, — перед которым открылась книга, написанная на незнакомом языке. И к тому же подозреваю, что она открылась на середине и вверх ногами. Мы пока не знаем, что является первоочередным, что второстепенным, что существенно и что нехарактерно, — боюсь, что и поведение наше может быть продиктовано случайными открытиями и ложными гипотезами. Поэтому я предлагаю вообще не ломать себе голову, являются ли существа, найденные Смитом, металлическими насекомыми, а если да, то основные ли они обитатели планеты. Мы должны приступить к исследованию окрестностей вблизи «Космократора», составить карты озера, создать базу для дальнейших вылазок. Я не хочу никому навязывать своего мнения, но мне кажется, что сначала нам нужно собрать как можно больше фактов, а их исследованием заняться позже.

— Одним словом, *hypotheses non fingo*, или — гипотез не измышляю, — произнес Чандрасекар.

— Да, — ответил Лао Цзу, — начнем наши исследования, строго придерживаясь этого замечательного принципа Ньютона.

Четыре дня прошли в неустанной работе. Каждое утро я поднимался на вертолете в воздух и производил тщательные аэрофотосъемки и теодолитные измерения. По возвращении мы с Солтыком проявляли снимки, составляли стереоскопическую карту и наносили рельеф местности на картографические сетки. Так возникала карта местности в радиусе шестидесяти километров вокруг «Космократора». Тем временем другая оперативная группа, в состав которой входили Райнер и Осватич, производила геологические бурения, закладывая в прибрежные скалы заряды взрывчатки. Когда я висел однажды в вертолете над вершиной, которая была основанием триангуляционного треугольника, лощина внизу гремела, как кузница циклопов. Взрывы гулко грохотали под покровом тумана. Ученые вызвали искусственное землетрясение и, регистрируя сейсмические волны чувствительными приборами, узнавали строение глубинных слоев скалы.

Арсеньев и Лао Цзу плавали в моторке по озеру, исследуя строение дна ультразвуковым зондом. Все работы сильно затруднял туман, из-за которого видны были только самые высокие скалы. Физики пытались рассеять его с помощью радиоактивных излучений. Пучки лучей ионизировали пар, он опадал мелким теплым дождем, но не проходило и двадцати минут, как клубы пара снова затягивали все вокруг.

На следующий день Арсенев и Осватич, блуждая по озеру, заметили, что зонд иногда дает двойные показания. Этот аппарат посылает в глубь воды звуковые волны. Отразившись от дна, они возвращаются, а по разнице во времени между посланным сигналом и отраженной звуковой волной рассчитывается глубина. В некоторых местах эхо было искажено как бы двукратным отражением. Тщательное исследование показало, что над самым дном озера проходит длинный, подвешенный в воде предмет, имеющий вид большой трубы. Диаметр ее был определен метров в шесть. Труба шла совершенно прямо на северо-восток, достигала берега, входила в него на глубине шестидесяти метров, пробивала скалистый массив у перевала, над которым я побывал в первом разведывательном полете, и шла далее под рав-

ниной. Проследив ход трубы в противоположном направлении, ученые достигли другого края озера, имеющего совсем иной вид. Вместо огромных серовато-белых скал, покрывающих повсюду берег, здесь над водой стоял черный вал, похожий на корпус перевернутого корабля. Под коваными каблуками он издавал короткий громкий звук. Без труда было видно, что это глыба железа, покрытого толстыми слоями чешуйчатой ржавчины. Вызвали меня с вертолетом. С помощью радароскопа и индукционного прибора я определил размеры этой глыбы. Она занимала площадь в шесть квадратных километров, а ее толщина нигде не превышала четырех метров. Неровные, словно изрезанные края глыбы упирались в скалистые осыпи. Оставив вертолет на воде, я принял участие в исследовании железного пласта. Зонды показали, что в нескольких метрах под поверхностью воды он резко обрывается. Дальше звуковое эхо было искаженным и нечетким. Так как в наших скафандрах можно находиться и на суше и в воде, я попробовал нырнуть. Вода оказалась очень теплой. Скользя по гладкому откосу берега, я спустился метров на пять: так глубоко шла железная глыба. Ниже лежал очень мелкий темный гравий. Попробовал руками разрыть его, чтобы узнать толщину железного края, но не смог, хотя и вырыл яму с полметра. Дальше глубина озера увеличивалась. Когда достаточно яркий у поверхности свет сменился темно-зеленым отблеском, мои руки ударились о твердую выпуклость. Железо здесь имело форму вертикальных булавообразных шпилей, поднимавшихся с невидимого дна. Похоже было, что в воду влился расплавленный металл и застыл в ней.

Как только я вышел на берег, Арсеньев вызвал меня по радио на ракету. Едва я посадил вертолет на палубе ракеты, появились Арсеньев и Лао Цзу в металлических скафандрах, защищающих от излучений. Меня попросили доставить их в Мертвый Лес. На мой вопрос, не нужно ли и мне взять камексовый панцирь, Арсеньев ответил, что они пойдут одни. Мне ничего не оставалось, как запустить двигатель. Полет прошел спокойно. Сохранять направление мне помогли радиосигналы ракеты, направлявшие на нужный курс каждый раз, когда вертолет от него отклонялся.

Через сорок пять минут показалась большая, светло-

оливковая равнина у края Мертвого Леса. Мы опустились близ обрыва, находившегося в конце ее. Ученые, взяв аппараты и заряд фульгурита, ушли, и я остался один.

В эти дни работа велась систематически и кропотливо, словно не на чужой планете, а в самом обычном уголке на Земле. Ученые, казалось, не замечали таких удивительных явлений, как загадочная труба или железный берег. Никто даже не вспоминал о моих металлических «муравьях». Должен сознаться, что это меня иногда злило, и тем не менее я чувствовал, как мои мысли все больше и больше поглощает составление карты, как, корпя над вычислениями, я забываю, что нахожусь в преддверии огромной, превышающей человеческое понимание тайны. Когда я пробовал заговорить об этом, все, словно уговорившись, отвечали: «С этим нужно подождать», «По этому поводу ничего нельзя сказать». А где же взлет, где романтика научной работы? В течение нескольких дней, предоставленный только собственной фантазии, я создал с десятков гипотез: что металлический берег произошел от удара железного метеорита о скалы, что труба — это один из тоннелей, по которым передвигаются под землей металлические создания, и еще несколько подобных. Когда я заговорил об этом с Чандрасекаром, он разбил все мои предположения в пять минут.

— Вот видите, к чему приводят неточные индуктивные рассуждения, — закончил он.

— Мои домыслы, возможно, ничего не стоят, я согласен, — возразил я, — а ваши? Мы обнаружили трубу, но вместо того чтобы проникнуть в ее тайну, я сегодня весь день брал пробы воды с различных глубин. Я уже и в самом деле ничего не понимаю! Вы становитесь еще более таинственными, чем обитатели Венеры!

— Ах, вот что! Значит, мы для вас загадка? — улыбнулся математик. Потом он вдруг стал серьезным и, взяв меня за руку, произнес: — Мы только осторожны. В своем поведении мы не можем руководствоваться только желанием скорее проникнуть в лес тайн, окружающий нас. Есть кое-что несравненно более важное.

— Что же? — изумленно спросил я.

— Земля. Подумайте о ней, и вы поймете, что мы не имеем права делать ошибки.

Эти слова убедили меня. Он был прав, но правдой было и то, что разговор с ним не погасил внутреннего огня, который сжигал меня. Я решил запастись терпением, не теряя надежды на то, что мы скоро окажемся участниками больших открытий. Мне не пришлось долго ждать.

Арсеньев и Лао Цзу вернулись к вертолету, нагруженные обломками кристаллов. В обратном полете мы не обменялись ни словом. Только в шлюзовой камере, когда помещение наполнилось кислородом, астроном, снимая с головы черный шлем, сказал:

— Через час совещание. Прошу вас тоже присутствовать.

В кают-компании стол был завален фотографиями и вычерченными картами, кинолентами, образцами минералов и радиоактивных веществ в свинцовых кассетах. Металлических «муравьев» не было: физикам не удалось их найти.

— Друзья, — начал Арсенев, — через двое земных суток наступят сумерки и начнется ночь, наша первая ночь на планете. Есть приказ, чтобы все мы в это время находились на борту ракеты. Но до наступления ночи у нас остается еще пятьдесят часов, а подготовительные исследования мы уже заканчиваем. Я думаю, что за это время мы успеем сделать небольшую вылазку. Наша цель — завязать отношения с жителями планеты. Из того, что мы до сих пор открыли, самым важным я считаю искусственное сооружение, которое мы называем трубой. Это металлический проводник, насколько можно полагаться на сейсмические и электромагнитные исследования, что-то вроде силового кабеля. Правда, этот кабель, по-видимому, не работает, так как за все время нашего пребывания на озере нам не удалось обнаружить в нем ни малейшего количества энергии. Несмотря на это, он заслуживает внимания. Один его конец находится под железной глыбой на берегу. Подумаем, нет ли смысла поискать другой.

Рано утром створки шлюза открылись, и вертолет, напоминающий на своих широко расставленных «ногах» шагающего кузнечика, выехал на палубу ракеты. Мы вчетвером сели в застекленную со всех сторон кабину, большой трехлопастный винт закрутился, превратился в прозрачный диск, и машина, зажужжав, как волчок, взмыла в воздух. Туман, сдуваемый свежим ветром, сползал с озера. Види-

мость улучшалась. Пролетев метров двадцать над черной водой, я повел машину к железному берегу. Когда ветер усиливался, холмы летучей ржавчины дымились, окрашивая туман в рыжий цвет. Под вертолетом был подвешен чувствительный, реагирующий на присутствие металла индукционный прибор, соединенный кабелем с моими наушниками. Над железным берегом в наушниках слышался пронзительный скрежет и визг. Как орел в поисках добычи, я начал описывать все более широкие круги, пока не услышал характерный прерывистый высокий звук. Это было электрическое эхо от железной трубы. Найдя верный след, мы полетели сначала над озером, потом над осыпями скал, все время по прямой линии. Ни один знак на поверхности не выдавал присутствия подземной трубы, но по звуку, раздававшемуся в наушниках все время, я вел машину уверенно. Близ теснины по вертолету ударил порыв ветра. Утесы поднимались с обеих сторон, касаясь туч своими темными громадами. Облака сгущались белыми клубами у гребней скал, как пенящиеся волны у волнореза. Дальше теснина расширялась, и вертолет, подгоняемый ветром, вылетел на равнину. Борясь с воздушными вихрями, я потерял акустический след, и мне в поисках его пришлось лавировать несколько минут. Когда я замыкал круг, в разрыве скалистых стен еще раз мелькнуло далекое зеркало озера со спускающимися к нему облаками. Волны пенились, ударяясь о берег. Потом скалистый барьер закрыл его.

Больше часа летели мы над волнистым взгорьем. Так как мне нужно было следить за электрическим эхом, радиосвязь с «Космократором» держал Солтык; время от времени он давал мне знак, что все в порядке. Арсеньев делал снимки с телеобъективом, а Райнер следил за приборами, показывавшими интенсивность космической радиации. Светящийся диск винта, с виду неподвижный, стоял над нами наискось; его монотонный свист то слабел, то усиливался. Сначала мы летели в сторону Мертвого Леса, потом труба повернула и пошла широкой дугой на северо-запад. Поверхность земли медленно, но непрерывно повышалась. Изредка поднимались острые, странных форм скалы, смыкаясь в гранитные массивы. Все чаще я терял след и вынужден был кружить, чтобы найти его. Внизу проплывали каменные, усеянные

валунами склоны, лощины и ущелья. Акустический след вел вдоль отлогого горного хребта на обширное плоскогорье, покрытое волнистыми тучами. Иногда белые пары окутывали всю кабину, порой в них погружался только винт, и тогда его блестящий диск мутнел.

Потом тучи расступились. Под нами зиял черный кратер, словно выбитый в скалах кулаком гиганта. Вертолет приближался к темному, остекленевшему, покрытому сеткой трещин краю обрыва. Дальше, за нависшими базальтовыми плитами, была пустота; над ней плавали легкие завитки пара, оседая по краям пропасти и ниспадая по стенам длинными трепещущими щупальцами. Здесь след исчезал. Я обернулся к Солтыку. Он покачал головой, указывая на аппарат. Радио давно уже умолкло, так как между нами и «Космократором» лежал Мертвый Лес. Мы были предоставлены самим себе.

Я перевел рычаг управления. Вертолет повис над пропастью. Тучи были совсем под нами, ветер от винта приводил их в легкое волнообразное движение. Машина колыхалась, как пробка на волнующейся воде, винт вращался все быстрее, не находя опоры в воздушных ямах. И вдруг мы полетели вниз. За стеклами плясали и мчались разрезы геологических слоев. Двигатель пронзительно выл. Я с трудом преодолевал страшные толчки рычага, вырывавшегося у меня из рук. Постепенно мы начали набирать высоту. За окнами пятились, отступали книзу в клубах пара острые скалистые ребра. Нельзя было без головокружения смотреть на эту картину. Ничего похожего на обычный горный пейзаж, в течение сотен лет подвергавшийся действию воды и ветра. Среди туч мелькали стены, гладкие, как черный лед. Взор, невольно устремленный вперед, скользил по этим страшным обрывам. Мы поднимались, описывая, подобно горному орлу, широкие круги, пока весь кратер не оказался внизу — черный котел, наполненный тучами.

— Я потерял след, — сказал я Арсеньеву. — Это вулкан? Может быть, тут и кончается труба?

— Не похоже на вулкан. Мы не можем снизиться?

— Нет.

Он придвинул мне карту, на которой красной линией был обозначен проделанный до сих пор путь.

— Труба подходит к пропасти сбоку, как раз по касательной. Надо искать ее по другую сторону, там, где сахарными головами стоят над тучами эти скалы. Видите?

Я кивнул. Вертолет рванулся и полетел над пропастью к указанному месту. Черные скалистые конусы выплывали из белой как снег тучи. По мере нашего приближения стена кратера словно расширялась. В ней появлялись ниши, впадины, расщелины. Потом в наушниках зазвучал отдаленный тон, а между двумя скалами, образовавшими как бы развалины ворот, открылось большое ущелье. Звук в наушниках был теперь совсем другой: мембрана гудела басом.

Я переглянулся с астрономом: он тоже это слышал, но кивнул мне, чтобы я держался взятого направления. При попытке подняться мы тотчас же утонули в такой густой туче, что контуры скал на экране радароскопа исчезли. Пришлось перевести рычаг, и мы полетели между стенами ущелья, на несколько метров ниже их краев. Рокот двигателя усиливался, отдаваясь в замкнутом пространстве. Справа обрыв нависал огромным, наполовину отделившимся от скалы балдахинном. Сверху на нас упала неподвижная холодная тень. Когда я миновал опасное место, звук изменился. В нем появился новый тон, похожий на очень отдаленное гуденье. В каких-нибудь ста метрах впереди ущелье круто поворачивало, и высокие стены закрывали все впереди.

— Вы могли бы приземлиться здесь, на дне? — спросил Арсеньев, напряженно следивший за стрелкой индукционного прибора. — Тут, кажется, есть что-то интересное.

— Попробую, — ответил я.

Мотор заработал тише. Мы медленно спускались. Дно ущелья, усеянное темными теньями, выползало из-за изгибов и уступов и плыло под нами, словно в замедленном фильме. Его покрывали наклонные, надвигающиеся друг на друга каменные плиты с острыми краями, усеянные очень темным щебнем. У самого поворота ущелья я заметил полосу почти ровной голой скалы без всякого щебня. Казалось, будто кто-то нарочно сгреб весь щебень в стороны, чтобы осталось пустое пространство, окаймленное грудами черного камня. Но тогда я не задумывался над этим странным явлением и только радовался, что мне удастся посадить машину. Я выключил мотор. Винт начал работать как парашют. Рассекая пронзительно свистя-

щий воздух, вертолет спланировал и сел у самой груды черных камней. Звук в наушниках стал таким невыносимым, что я сдвинул их. Арсеньев, первым наладив свой шлем, вышел из кабины; за ним последовали Солтык, Райнер и я.

— Магнетит, — сказал Райнер, подняв кусок камня. — Высокопроцентная железная руда.

— Ага, вот почему аппарат так гудел! — заметил я.

Арсеньев наклонился, вошел под широко расставленные шасси вертолета, снял индукционный аппарат и воткнул вилку его кабеля в розетку на своем скафандре, затем, подняв прибор, начал описывать круги его узким устьем. Поймав след, он большими шагами, легко перепрыгивая с камня на камень, двинулся в ущелье тем путем, которым мы летели. Я бросился за ним. С обеих сторон поднимались отвесные стены. Тучи оседали на краях пропасти, окутывали их и наполняли ущелье странным рассеянным светом.

— Этот звук давала руда, мы на ложном пути, — сказал я Арсеньеву, догоняя его.

— Тут есть еще кое-что, кроме этого проклятого магнетита, — возразил он, потом резко свернул в сторону и начал карабкаться на огромную каменную глыбу, загораживавшую путь. Дальше глыба ниспадала отвесно.

— Там не пройти, — сказал я, но Арсеньев шел все дальше. Я сделал еще шаг и увидел в тени выступа, заслонившего нам половину неба, что-то вроде узкой площадочки. Едва очутившись на ней, я почувствовал, что здесь теплее. Еще несколько шагов, и появилось как бы устье огромного тоннеля. Среди хаотически нагроможденных камней можно было только догадываться о его округлых очертаниях. Здесь был полумрак; Арсеньев достал ручной фонарик и включил его. В просветах между глыбами что-то заблестело. Я навалился на ближайший камень, а когда его удалось сдвинуть, начал откатывать и другие, пока не обнажился изломанный, смятый пласт волнистого железа. Арсеньев переложил фонарик в левую руку, правой взял индукционный аппарат и приблизил его к скалистой преграде.

— Сюда бы нужно прийти со специальным оборудованием, — заметил Солтык, — чтобы отвалить камни.

— Может быть, это дорога?.. Их дорога? — спросил я.

— Это не дорога, — сказал астроном.

Он вскарабкался наверх по осыпающимся камням и осветил расщелины в скале.

— Это труба... — добавил он.

— Труба?

— Да. Разорванная каким-то катаклизмом. Разрушенная.

— Разрушенная? — повторил я, ошеломленный. Я стоял среди хаотически нагроможденных глыб. Контур тоннеля терялся в них. Только отойдя на несколько шагов, я увидел в этих угловатых обломках тоннель, который шел здесь в виде прерывистой овальной линии. Арсеньев спустился к нам с аппаратом, перекинутым через плечо.

— Труба, по следу которой мы летели, обрывается где-то здесь, в стене кратера. Она совершенно глухая, мертвая... В ней нет даже самого слабого тока. Акустический след, который мы слышали в полете, это только электрическое эхо, отраженное металлическими стенками. А вот эта часть, — он указал на каменную баррикаду, — работает. Хотите послушать? — и он подал мне конец кабеля, направив в то же время аппарат ко входу в тоннель.

— Да ведь это... — начал я, но Арсеньев прервал меня:

— Пожалуйста, не говорите!

Он подал кабель Солтыку, чтобы тот тоже услышал идущие из глубины звуки.

— Ну, теперь скажите, что это вам напоминает.

— Лампы под током! — вскричали мы в один голос, словно уговорившись. Некоторое время мы смотрели друг на друга. Свет фонаря отбрасывал на мрачную скалистую стену наши тени — силуэты сгорбившихся великанов с треугольными головами — и отражался в металлических шлемах.

— Да, — произнес астроном. — Это звук, издаваемый катодными лампами, когда в них идет ток.

— Но что тут могут делать лампы и где они? В трубе?

Арсеньев пожал плечами. Сев на корточки, я приподнял несколько плоских глыб, на которых мы стояли. Нижняя часть их была погружена в темный ил. Я прикоснулся к нему: пальцы утонули в вязкой массе. Мне стало противно, и я хотел уже подняться, как вдруг рука наткнулась на какой-то большой и твердый предмет. Я напрягся и вытащил из-под камня что-то вроде обломанной ветки. Но это, собственно говоря, было мало похоже на обыкновенную ветку.

Это был короткий, довольно толстый цилиндр, из которого выступали три более тонких, а каждый из них, в свою очередь, тоже разветвлялся, так что в конце концов получался пучок тонких, гибких прутьев. Все вместе весило килограммов пятнадцать и было с метр длиной, а у основания самого толстого из цилиндров виднелись концентрические слои металла, попеременно серые и желтые.

— Какая-то алюминиевая верба, — сказал я. — Посмотрите, профессор.

Арсеньев осматривал мою находку с величайшим любопытством: брал в пальцы каждую веточку, подносил к ней электрометр, — но все безрезультатно. Потом он огляделся вокруг.

— Полетим дальше над ущельем по следу трубы.

— Этот чертов магнетит будет сильно мешать, — заметил я.

— Ничего, зато труба теперь отзывается собственным голосом.

Мы вернулись к вертолету. Тут Арсеньев остановился и влез на высокую глыбу.

— Подождите, я должен это исследовать...

Включив аппарат, он начал обходить место посадки.

— Труба лежит здесь совсем неглубоко... и это пустое пространство... Не знаю почему, но все это мне не нравится... Не понимаю... — Он говорил отрывисто, словно только себе самому. — Доктор, — обратился он вдруг к Райнеру, — как вы думаете, может ли вот та пропасть быть погасшим вулканом?

— На Земле, судя по горным породам, я ответил бы, что это исключено... Обвалы тоже дают совсем другую картину... Но здесь я могу сказать только одно: не знаю.

— Почему труба подходит к поверхности? Случайно ли это?

— Кажется, я понимаю, что вас удивляет, — сказал Солтык. — Труба должна лежать глубже, не правда ли? Если бы мне как инженеру пришлось устанавливать такой крупный силовой проводник, я заложил бы его на глубине не менее шести метров.

— Я думал не только об этом, — произнес Арсеньев, — но и это странно... Странно... — повторил он. — Невольно приходит в голову предположение, что сначала была проложена труба, а потом рельеф местности изменился...

— Вы хотите сказать, что труба была проложена, когда не было еще ни кратера, ни ущелья? — спросил я.

— Вот именно. Знаете что, пойдете к тому большому валу; может быть, оттуда будет виднее.

Мы прошли несколько сот шагов по темным камням. Я шел быстрее других и первым очутился в суживающемся каменном горле. Ниже, еще метров через двести, ущелье кончилось. В рамке темных скал светлела обширная долина, в центре которой лежало озеро. Черная неподвижная поверхность воды с торчащими довольно далеко от берега острыми утесами шла вдаль, затянутая легким, как дымка, туманом. Со всех сторон спускались осыпи, окружая озеро огромной крутой воронкой. Среди каменных глыб и изломов группами торчали зубчатые скалистые шпили. Справа на темном фоне склонов выделялся белый кружок. Кто-то подошел так близко, что задел меня за плечо, но я не обратил внимания. Это оказался Арсеньев, и мы почти одновременно с ним поднесли к глазам бинокли.

Я несколько раз зажмурился, так как мне показалось, что я ошибся. Но нет, резкость была прекрасная, и бинокль в порядке...

Среди крутых обрывов стоял Белый Шар. Точнее, это был гладкий свод, возвышавшийся среди каменных глыб математически точной линией, сплошной и четкой, без всякого следа неровностей. Он очень резко выделялся в этом хаосе каменных обломков.

— Удастся вам посадить там машину? — спросил Арсеньев.

Я ответил не сразу, определяя расстояние в бинокль. Повсюду утес на утесе, торчащие острые края, повсюду тянутся нескончаемые ряды глыб, входящие темными осыпями в ущелье. Кое-где одни обломки торчали на других в таком необычном положении, что стоило отвести от них глаза, как начинало казаться, что они теряют равновесие и падают.

— Приземляться здесь опасно, — сказал я. — Если глыбы поползут, машина перевернется. Винт может погнуться. А если пойти туда пешком? Это недалеко — не больше трех километров.

— Не знаю, не лучше ли вернуться на ракету, — медлен-

но проговорил Арсеньев. — Жаль, что у нас нет гидропланного шасси... Можно было бы сесть на озеро.

Он думал о надувных резиновых шарах, на которых вертолет может опускаться на воду. Мы оставили их в ракете, чтобы не брать лишнего груза.

— Возвращаться сейчас на ракету? — воскликнул я. — Сейчас, когда мы так близки к решению загадки?

— Решение загадки вовсе не кажется мне таким близким...

Остальные собрались вокруг нас и оглядывали в бинокли огромную каменную пустыню. Арсеньев опустил индукционный аппарат к земле и водил вокруг себя его устьем.

— Труба, кажется, действительно опускается туда, к этому шару, — сказал он. — Но слышимость очень плохая, мешает магнетит...

Высокие осыпи железной руды, начинаясь от ущелья, покрывали склон суживающимся книзу клином. Далее камни становились светлее, как и по всей долине. Арсеньев вскинул аппарат на спину и прикрепил его к широкому плечевому ремню.

— Ну что ж, пойдете... Ведите, пилот!

Чем ниже мы спускались, тем хаотичнее становилось окружение. Камни, выскальзывая из-под ног, увлекали с собою другие. Оглянувшись, я уже не увидел вертолета: он скрылся в глубине ущелья.

Склон становился круче, и идти было все труднее. Камни летели вниз от одного прикосновения. Один раз большая груда их стремительно рухнула вместе со мной, но я успел отскочить в сторону, на плиту, опирающуюся о ребро склона. Утомительный спуск затягивался. Мы уже миновали нижнюю границу магнетитов, и вся поверхность осыпей мерцала теперь мелкими кварцевыми искорками, словно шевелилась.

— Пойдите-ка, — сказал Арсеньев и снова взялся за аппарат, направляя его вертикально к земле. — Труба недалеко, но... — Не договорив, он подошел и подал мне кабель.

Я включил его — и вздрогнул: таким близким и сильным было это равномерное гуденье. Арсеньев взглянул вверх, словно определяя расстояние, отделяющее нас от ущелья, и

двинулся вперед. Белый Шар постепенно приближался. Трудно было определить его высоту: слева торчали четыре скалистых шпиля, справа сгрудились остроконечные обелиски, окруженные выветрившимися обломками. Между нами и шаром темнел узкий залив. Воды озера вдавались тут в сушу черным языком, вонзавшимся в крутые осыпи. Противоположный берег был покрыт растрескавшимися каменными глыбами и мрачно сверкавшими, вставшими почти дыбом плитами. Вдруг астроном остановился.

— Белый Шар говорит... — глухо произнес он.

Индукционный аппарат больше был не нужен: радиоприемник в шлеме гудел низким нарастающим звуком. Я поспешил вслед за Арсеньевым. Он, карабкаясь по глыбам, первый достиг залива и, не колеблясь, вошел в воду. Он шел все дальше, но вода доходила только до груди. Достигнув противоположного берега, покрытого покатыми плитами, мы помогли друг другу выйти. Поднявшись на возвышенность, мы снова увидели Белый Шар; его куполообразные сводчатые стены отбрасывали на поверхность осыпей легкую тень. Склон привел нас к полуразрушенным каменным шпилям. За последним из них было ровное, усыпанное мелким щебнем пространство. Белый Шар уже нельзя было охватить взглядом: он стоял над нами, как выпуклая гладкая стена. Мы подошли вплотную, и я прикоснулся к белой поверхности. Сердце у меня сильно билось. Поднял голову: шар высылся, как безмолвная, неподвижная масса. Я прислонился к нему спиной. Вертолета не было видно: далеко, над осыпью, по которой мы спускались, темнело среди скал устье ущелья.

— Гуденье все усиливается, — заметил Райнер. — Не лучше ли отойти?

Арсеньев взглянул на указатель радиоактивности.

— Излучений нет, но думаю, что...

Он не договорил. Черное устье ущелья, на которое я как раз смотрел, вдруг ярко вспыхнуло. Оттуда донесся протяжный грохот. Снова блеснуло и загремело, потом из ущелья густыми клубами повалил дым. Он медленно поплыл над склоном.

Никто из нас не сказал ни слова. С минуту мы стояли, вглядываясь в дымящее устье ущелья. Наконец астроном

перебросил аппарат через плечо и оглядел всех нас поочередно.

— Кажется, мы будем ночевать не в ракете, — произнес он и направился к заливу.

Обратный путь занял почти два часа. С колотящимися сердцами, задыхаясь, обливаясь потом, мы почти бегом кинулись в ущелье, встретившее нас глухим молчанием. Здесь было гораздо прохладнее, чем в долине. Один за другим мы карабкались на глыбы, пробегали по зыбким пластам, перескакивали с камня на камень, пока не вышли к месту своей посадки. Стены ущелья были закопчены, еще тлели обугленные куски, обломки конструкций, капли расплавленного необыкновенным жаром металла. У самой моей ноги блеснуло что-то серебристое: опора шасси вместе со своим болтом, разорванная на клочки, как бумажка...

Арсеньев окинул быстрым взглядом эту картину уничтожения, потом опустил индукционный аппарат и долгое время вслушивался.

— Вот как приходится расплачиваться за глупость, — сказал он, закинул аппарат на спину, отвернулся и начал спускаться вниз. Мы шли по крутым камням, не обменявшись ни словом. Шаги гулко отдавались в тишине, нарушаемой только шорохом осыпающегося щебня.

Невдалеке за устьем ущелья Арсеньев остановился у большой ровной плиты, подпертой несколькими острыми глыбами. Получался как бы созданный самой природой стол.

— Пятнадцатиминутная остановка и совещание, — объявил он. — Отдаете ли вы себе отчет в том, что произошло?

С этими словами он достал карту из внутреннего кармана скафандра и разложил ее на камне. Что касается меня, то я не понимал ничего. В голове был полнейший хаос. Я знал одно: произошла катастрофа, последствий которой нельзя себе даже представить. Мы потеряли вертолет, аппараты, провизию. У нас остался только скудный рацион консервов на каждого, небольшой запас воды и столько кислорода, сколько помещается в баллонах скафандров. Кроме того, у Солтыка был ручной излучатель, а у меня моток веревки. Вот и все.

— Не допускаете ли вы, профессор, что это было... нападение? — медленно спросил Солтык.

— Нет. Думаю, что в значительной мере виноваты мы сами.

— Но как, почему? — вскричал я.

Арсеньев не ответил.

— Взорвалось горючее в баках, — размышлял вслух Райнер. — Но это было только началом. Если связать катастрофу с этим гудением, которое было слышно возле шара... Да, да, труба!

— Значит, магнитное поле? — спросил Солтык.

— Да, и огромной силы... За доли секунды должны были развиться миллионы гауссов!

Что-то начало для меня проясняться, но я еще не мог объединить эти обрывки высказанных мыслей.

— Эти камни... магнетит... Профессор, не связано ли это с тем местом, на котором мы приземлились?

— Вот именно! — ответил Арсеньев, и, несмотря на трагизм положения, в его голосе прозвучало торжество ученого, нашедшего разгадку проблемы. — Пустое пространство!

Придерживая края бумаги, трепетавшие на ветру, он показал нам путь, проделанный до места катастрофы.

— Вопрос ясен, так ясен, что его понял бы и ребенок, а мы вели себя как глупцы! Труба, лежащая везде на глубине более десяти метров, здесь поднимается и проходит под самой поверхностью скалы. По одну ее сторону — свободное пространство, по другую — груда камней. Это не простые камни, а магнетит, железная руда! Когда в трубе идет ток, вокруг нее образуется магнитное поле. Пока напряжение тока не изменяется, оно остается неподвижным. Когда ток усиливается, поле начинает вращаться по закону Эрстеда...

— Черт возьми! — вскричал я. — Правило штопора!

— Да. Оно гласит, что если ток идет в направлении, указываемом острием, то поле вращается параллельно виткам штопора. В лабораторных опытах проводником служит медная проволока, а телами, которые поле перемещает, железные опилки. Здесь же — подземный проводник и магнетитовые камни. Когда напряжение достигает большой величины, магнитное поле перебрасывает камни с одной стороны трубы на другую. Так и получилось: с запада — пустое пространство, а с востока — груда камней.

— Но труба прерывается выше этого места, — заметил я.

— Это ничего не значит. Она просто заземлена, и ток идет в скалу. Вы должны помнить, что там есть «железный грунт», который не оказывает почти никакого сопротивления.

— А, верно! Значит, вертолет тоже был переброшен на эти камни?

— Да.

— И горючее взорвалось? Но ведь я выключил зажигание...

— Вследствие индукции в металле должны были возникнуть вихревые токи, настолько мощные, что металл тотчас же начал плавиться, — пояснил инженер.

Я опустил голову.

— Это пустое, ровное место было ловушкой... — прошептал я подавленно. — А я там приземлился. Хорошо приземлился... Но как можно было это предположить?

— Можно было! — резко ответил Арсеньев. — У нас были все данные: мы видели, что эта часть трубы находится под током... правда, слабым в то время, когда мы там были, но ток этот мог каждую минуту усилиться. Кроме того, мы выяснили, что эти камни — железная руда. Мы видели, что пустое пространство окружено грудой нагроможденных камней... Почему? Кто их туда сдвинул и зачем? Для нашего удобства? Нужно было думать! Думать!..

— Правильно, — подтвердил Солтык. — Но довольно об этом. Необходимо решить, что делать сейчас.

Четыре шлема склонились над картой.

— По прямой линии от ракеты нас отделяет девяносто — сто километров очень пересеченной местности. Думаю, что я не преувеличиваю. Воды у нас мало, припасов тоже, а кислорода... — Арсеньев взглянул на манометр кислородного аппарата.

— Хватит часов на сорок, — сказал я.

— Даже меньше, так как потребуются большое напряжение сил. Вы знаете, как мы условились с товарищами. Если мы не вернемся до восьми вечера, Осватич полетит на самолете по акустическому следу. Будем надеяться, что он не потеряет его и долетит до кратера... где след обрывается.

Астроном взглянул на меня.

— Можно ли ввести самолет в ущелье?

Я закрыл глаза. Передо мною всплыли черные, раздробленные скалистые стены.

— Ввести можно, — сказал я, — но...

— Но что?

— Но повернуть нельзя. Самолет не может повиснуть неподвижно, как вертолет.

— Значит, любая такая попытка должна кончиться катастрофой?

— Да.

— Будем надеяться, что Осватич окажется... более рассудительным, — сухо произнес астроном. — Хорошо. В лучшем случае он сможет сбросить нам баллоны с провизией над краем обрыва.

То, о чем говорил астроном, было частью спасательного плана, разработанного перед нашим вылетом. Если Осватич не сможет нас найти, он сбросит на парашюте баллоны с провизией и кислородом, снабженные специальными радио-аппаратами, автоматически подающими сигналы, так что разыскать их нам будет нетрудно.

— Ущелье мы прошли бы часа за два, — продолжал Арсеньев, — но стены кратера непроходимы. Независимо от выбранного маршрута мы не сможем добраться до ракеты раньше наступления сумерек, а до них осталось каких-нибудь двадцать шесть — двадцать восемь часов. Вы помните все эти ущелья и пропасти, над которыми мы летели? Я обозначил их лишь схематически, по фотографиям, которых больше нет. Итак, что вы предлагаете?

Наступило молчание; только свистел ветер, проносившийся над краями каменных глыб, и беспокойно трепетали углы карты, придерживаемые рукой астронома.

— Делая в час по четыре-пять километров и не останавливаясь, то есть теоретически, мы могли бы дойти до «Космократора» за сутки, — заговорил Солтык. — Но этот расчет нельзя принимать во внимание, ибо неизвестно, на сколько нас задержат все эти ущелья и удастся ли вообще перейти или обойти их. Поэтому я предлагаю идти не на юго-запад, по направлению к ракете, а на восток, перпендикулярно тому пути, по которому прилетели...

Я с изумлением взглянул на инженера, а он спокойно продолжал:

— Радиус действия у наших передатчиков большой, но излучаемая волна идет только прямолинейно. Мы можем связаться с товарищами, только поднявшись на такую большую возвышенность, чтобы на местности не было никаких преград между нами и ракетой. Идти на плоскогорье в ту сторону, откуда мы прилетели, незачем, так как там находится Мертвый Лес со своим слоем ионизированного воздуха, отражающим радиоволны, как зеркало. Зато если мы дойдем вот сюда, — он повел по карте пальцем к восточному берегу долины, — и поднимемся на одну из этих вершин, быть может, нам удастся наладить связь...

— Быть может, — подчеркнуто повторил Райнер.

— Другого выхода я не вижу.

— Уверенности у нас, конечно, нет.

— Определить расстояние трудно, но нас от этих скал отделяет, пожалуй, не более пяти-шести километров. Прибавим к этому еще восемь... пусть девять, даже десять часов на подъем, и мы окажемся в точке, возвышающейся над всей местностью.

— Но озеро, на котором лежит ракета, окружено скалами, — напомнил я. — Вы учли это?

— Да. Перевал идет к северо-востоку, то есть прямо к этой группе вершин.

— Этот план кажется мне подходящим, — сказал я. — Если удастся наладить связь, то ракета долетит до нас, и нам не придется ночевать...

— Мысль хорошая, — подтвердил Арсеньев, — хотя выполнить ее нелегко. Вы все согласны с планом?

Мы ответили утвердительно.

— Только теперь, когда у нас нет средств технической помощи, какими вооружила нас Земля, станет ясно, чего стоим мы сами, — произнес Арсеньев и, встав, обратился ко мне: — Вы самый опытный в альпинизме. Мы рассчитываем на вас.

— Выходим немедленно? — спросил я.

— Я хотел еще исследовать воду в озере, — может быть, она годится для питья.

— Ну что ж, идите, а я пока осмотрюсь и поищу дорогу. Дайте мне свой бинокль, — попросил я Арсеньева, — он сильнее моего.

Товарищи начали спускаться, а я направился к группе стройных каменных башенок. Еще во время совещания я заметил, что две из них стоят очень близко друг к другу, напоминая раздвоенный каменный обелиск. Я втиснулся в щель между ними и, работая то ногами, то спиной, отталкиваясь руками, быстро выбрался наверх. Вначале мне еще были слышны обрывки разговора между Солтыком и Арсеньевым, потом, когда они исчезли за скалами, голоса в наушниках утихли.

Верхушка шпидля была не очень острая: там свободно можно было усесться, свесив ноги в пропасть. Я приложил бинокль к глазам: над обрывом торчали две вершины. Редкий туман, висевший в воздухе, придавал им свинцовый оттенок и стирал подробности рельефа. Я обнаружил скалистый гребень, поднимавшийся от осыпей и подходивший к главному массиву. Один раз мне показалось, что беловатое облако, двигавшееся по одной из замеченных мною вершин, вдруг исчезло. Это могло означать, что между нами и этой вершиной лежит еще одна долина. Я всмотрелся внимательно, но не увидел ничего, что могло бы возбудить подозрения, и решил товарищам об этом не говорить. Вскоре их голоса снова послышались в наушниках.

— Ну, как вода? — спросил я, пряча бинокль в сумку и обвивая сложенную вдвое веревку вокруг выступа скалы.

— Не вода, а скорее раствор формалина, — ответил Арсеньев.

Его голос, доносившийся до меня через радиоприемник, звучал отчетливо, и это странно не вязалось с видимостью: мои спутники еще только приближались к подножью шпидля, на котором я сидел, и с высоты, равной многоэтажному дому, были похожи на серых, большоголовых муравьев.

Сильно оттолкнувшись ногами, я помчался вниз, энергично натягивая веревку, проходившую под левой рукой. Секунд через пятнадцать я был уже с товарищами и потянул веревку за конец: она слетела сверху свободными петлями.

— Надеюсь, дорога, которую вы для нас выбрали, не такая, как эта? — заметил Райнер, несколько подозрительно глядя, как я свертываю веревку. Я решил, что он, из всех нас наименее опытный в альпинизме, побаивается восхождения.

— Дорога у нас отличная, — успокоил я его и предложил свой план: — Сначала по склону вдоль границы пояса магнетитов до самой стены, потом немного левее, а дальше по гребню к горам. Кажется, в одном месте есть обрыв... Нам или придется свернуть, или мы перейдем через него...

— Как это «или — или»? — спросил Райнер. — Может быть, подойдем ближе?

— Конечно, потому что другой дороги нет.

Мы двинулись в выбранном направлении. Над озером лежали глыбы камня, такие крутые и растрескавшиеся, что по ним приходилось ползти на четвереньках. Потом показались длинные шероховатые плиты, по которым идти было совсем хорошо.

— Одного только не понимаю, — сказал я Арсеньеву, шедшему рядом со мной, — почему ток в трубе появился именно тогда, когда мы приземлились? Действительно ли это случайность, совершенно не связанная с нашим присутствием?

— А почему бы и нет? Труба, по-видимому, — часть большой энергетической сети, в которой периодически появляются мощные токи. Начинается это с медленного роста напряжения. Вы помните звук, который мы называли «лампы под током»? Потом появляются более мощные волны, как гуденье под шаром. И наконец, предельная мощность. Такое явление может повторяться раз в несколько часов или раз в сутки.

— А камни были переброшены предыдущими импульсами тока, да?

— Очевидно.

Крутизна склона увеличилась, и мы умолкли. Под сапогами скрипел голый камень. Мы приблизились к гребню отрога, опоясывавшего долину. Я отвернулся, чтобы в последний раз поглядеть вниз.

Скалистая глубина, сбегаящая к мрачным водам озера, лежала мертво и пусто под тучами, лениво ползущими на восток. Белый Шар превратился в маленькую точку, еле видимую на сером фоне камней.

Я вздрогнул — кто-то положил руку мне на плечо. Это был Арсеньев. Он, как и я, хотел взглянуть на место нашего поражения. Мы молчали, кровь сильно билась в висках,

сверху доносился приглушенный шум ветра, разбивающегося о края обрывов.

— Мы еще вернемся сюда! — глухо проговорил Арсеньев. Он постоял немного, потом двинулся дальше. Его скафандр порой исчезал из глаз, сливаясь с серовато-коричневым цветом скал, и тогда только металлический шлем блестел среди камней. Высоко над нами возвышалась увенчанная тучами вершина, которая была целью нашего пути.

ЧЕРНАЯ РЕКА

Мое предположение оказалось верным. Поднявшись на гребень гор, мы увидели еще одну долину, застланную морем волнующегося тумана. Она была расположена выше долины Белого Шара и представляла собой скалистую котловину, окруженную черными, заостренными зубцами стен. После краткого совещания мы решили обойти долину с южной стороны, где склон, постепенно снижаясь, примыкал к большой горе. Рыхлые, зыбкие ключья тумана клубились, распластывались и медленно, безостановочно поднимались, затопляя склоны. Связавшись веревкой, мы двигались по острому хребту, залитому с обеих сторон молочной мглой. Иногда легкое облако, подхваченное ветром, поднималось кверху, задевало за скалу и проплывало между нами. Тогда я видел только темную, увеличенную тень шагавшего впереди Арсеньева. От напряжения кровь прилиwała к голове и к глазам, в поле зрения, казалось, появлялись туманные, светлые пятна, очертания звездных призраков. Но стоило раза два закрыть глаза, и все исчезало — оставался только туман.

Я взглянул на часы. Мы шли уже девять часов. То, что мы долго не тренировались, давало себя знать. Пот стекал по шее, по груди, со лба на лицо.

Вершина, неподвижная среди скрещивавшихся полос тумана, оставалась все время на одном и том же расстоянии от нас. К нам был обращен ее огромный складчатый склон, изрезанный оврагами. Ребро хребта снижалось. Его черная линия исчезла в плывущих облаках. Это место было похоже на длинный узкий мыс, со всех сторон омываемый белым

океаном. Когда мы достигли его конца, я предложил отдохнуть. Все были измучены. Райнер спотыкался даже в сравнительно легких местах. Мы расположились под выступом хребта. К счастью, здесь не было мороза — самого, пожалуй, страшного врага горных вылазок на Земле. Скала была теплая, словно нагретая солнцем. Я услышал, как химик что-то говорит о шоколаде.

— Хотел взять плитку и забыл. Она бы сейчас пригодилась.

— Не ворчите, коллега, — сказал Арсеньев. — А надолго мы здесь остановимся? — обратился он ко мне.

— Кому удастся, пусть поспит, — сказал я. — Это самое лучшее, что сейчас можно сделать. Четырех часов для отдыха хватит. Я разбудю вас, я умею просыпаться в нужное время.

— Ценное свойство, — отозвался кто-то. Эти слова дошли до меня уже откуда-то издалека: я погрузился в блаженный покой.

...Я шел, а за мной следовало множество серебряных «муравьев». Я не боялся их, нет, мы были в самых лучших отношениях. Вдруг я увидел, что один из них сидит у меня на руке и кричит: он требовал, чтобы я немедленно поднялся в воздух и полетел к ракете, так как товарищи беспокоятся о нас. Другие «муравьи», стоя на земле, вторили ему пискливым хором. Напрасно я объяснял им, что не умею летать. Наконец, рассердившись, я махнул рукой и взлетел. Помню, что трепыхался над самой землей, как курица, и вдруг что-то потянуло меня вниз с такой силой, что я сел и проснулся. Ко мне приближался конусообразный металлический пузырь с огромным стеклянным глазом. В первое мгновение я подумал, что это какой-то призрак, и только спустя некоторое время узнал шлем Арсеньева.

— Вы хотели нас разбудить?

Я взглянул на часы: прошло почти пять часов. Смутившись, я поспешно вскочил.

— Это, вероятно, случилось потому, что мы на другой планете, — пробормотал я.

Арсеньев разбудил Солтыка и Райнера. Подкрепившись последними таблетками витаминного концентрата, мы двинулись дальше. Воздух был спокоен, и туман лежал неподвижно. Там, где грань понижалась, мы шли по колено в

молочных испарениях, а порой и вовсе исчезали в них. Каждый шаг был опасен. Мы двигались очень медленно, и прошли долгие часы, пока под ногами закрипел щебень осыпи, — это было устье большого оврага, глубоко врезавшегося в склон вершины. Подниматься было нетрудно, но очень мучительно. Скафандр становился все тяжелее. Мне хотелось сорвать с головы шлем, чтобы хоть раз глотнуть свежего воздуха. Я невольно оглянулся. Товарищам, менее опытным в горных восхождениях, очевидно, было еще тяжелее. Сгорбившись, они медленно двигались в тумане, ползущем вверх по склону низко нависшими ключьями. Вершина давно уже исчезла из виду: склон расступился на обе стороны потрескавшимися скатами, словно здесь прошел лемех гигантского плуга. Дно оврага было усыпано беловатым сухим щебнем, а высоко над краями обрыва торчали желтоватые, серые, бурые башни. Из-под их грозно нависших сводов расходились конусы осыпей. В восемь часов утра, через семнадцать часов после катастрофы, мы взобрались по большим обветренным глыбам на вершину.

Горная цепь ниспадала к востоку мертвыми, окаменелыми волнами. Под нами — бесконечное море тумана, исполосованное тонкими линиями теней, переходящих вдали в бурый и лиловый цвет. И до самого конца горизонта — только туман, распадавшийся на узкие полоски. В него погружался склон нашей вершины, прорезанной на середине скалистым ущельем. Через этот пролом ползли облака, сквозь которые просвечивала поверхность скал, лежавших в глубине.

Арсеньев разостлал на камне карту, определил с возможно большей в этих условиях точностью направление, в котором находился «Космократор», и расставил нас метрах в пятнадцати друг от друга в самых высоких точках. Мы пытались вызвать товарищей по радио. Среди отдаленных шорохов, доносившихся словно со всех сторон сразу, в наушниках иногда раздавались мерные сигналы. Это автоматический передатчик ракеты через каждые пятнадцать секунд посылал по два прерывистых звука. Мы слышали ракету, но она не откликалась на наши вызовы. Быть может, расстояние было слишком велико, или же от Мертвого Леса тянулись радиоактивные облака, гася слабые волны наших приборов. Во всяком случае, через час мы собрались вокруг

Арсеньева в унылом молчании. Арсеньев разложил карту и задумался.

— Нам, как видно, придется все же заночевать, — сказал он. — Сумерки начнутся сегодня, через каких-нибудь восемь — десять часов. Мы должны встретить их в укрытии... Надо ожидать сильной бури.

Он взгляделся в туман, расстилавшийся несколькими сотнями метров ниже.

— Дорогу выбирать мы не можем, — прибавил он, — поэтому пойдем вот так. — Он начертил прямую как стрела линию, направленную к ракете.

— Но нам нужно подождать, — заговорил я, — по крайней мере с час. Спускаться, как известно...

— Спускаться будет легче, чем подниматься, — быстро проговорил Арсеньев, а когда я удивленно взглянул на него, он многозначительно положил мне руку на плечо. Я умолк.

Вскоре Райнер отошел, и профессор приложил свой шлем к моему — соприкосновение металлических шлемов позволяло слышать голос без помощи радио. Выключив свой прибор, Арсеньев сказал:

— Не обо всем нужно и можно говорить.

— Из-за Райнера?

Он кивнул головой. Химик вернулся, и мы не обменялись больше ни словом. Прислонившись к шероховатым скалам, мы вглядывались в туманную пропасть почти не видящими от усталости глазами. Через некоторое время наверху начало что-то твориться. Тучи густели, как рыбий клей, брошенный в кипящую воду, расплывались кольцами, скручивались, делались все легче и светлее, и вдруг в них показался просвет. Он быстро исчез, но рядом появился другой. В нем засияло небо.

Ветер все сильнее раздувал пушистые клубы.

— Черт возьми!

— Чего вы ругаетесь? — спросил астроном.

— Небо, профессор, небо!

Небо было зеленое. Это был прозрачный, чистый смарагд, словно расплавленный в стекле цвет первых трав, пронизанных солнцем. Очень высоко плыли перистые, совершенно золотые облака.

— Очевидно, углекислота, — заметил Райнер. Меня по-

радовало то, что он заговорил; значит, апатия еще не вполне овладела им.

Между тем туман в долине кое-где осветился, потом ярко запылали края большой тучи, и из-за нее выплыл огромный пламенный диск, уже сильно склонившийся к закату. Мгновенно вспыхнуло страшное зарево. Поверхность тумана засверкала, словно залитая кипящим металлом. Вслед за тенью, убегавшей с неслыханной быстротой к горизонту, неслась оргия света. Из бездны вставали горы раскаленной меди, красно-красные пропасти, пещеры и гроты с зыбкими стенами, а солнце пронизывало их блеском, прорезая в подвижной, словно живой, массе золотые трещины. Весь этот океан беззвучного пламени дышал: над ним носились лиловые и розовые дымки, в которых трепетали полосы многократно повторенных радуг. Но вот туча снова надвинулась на солнце, и вся цепь облаков погасла, покрывшись бесконечной серой тенью.

— Дорого мы заплатили за то, чтобы увидеть это зрелище, — горько произнес Райнер.

Я опоясался веревкой и подал другой конец Солтыку. Он, заложив веревку за пояс, направился к склону. Арсеньев шагал первым, я за ним, потом Солтык; Райнер, тяжело ступая, шел последним. Так началось наше возвращение.

Долго спускались мы в тумане. Иногда он густел настолько, что силуэт астронома, шедшего впереди, исчезал в нем. Взор тонул в серой массе: контуры дороги, ближайших скал, даже вытянутой руки становились неясными. У меня было ощущение, будто я весь растворяюсь в этой мгле, будто это кошмарный сон, в котором теряешь ощущение реальности существования. Тогда я окликал товарищей, и их голоса на время разгоняли гнетущее чувство одиночества.

Какое-то время скала звонко отзывалась под ударами топориков, потом зашуршал щебень осыпей, а после трехчасовой ходьбы шаги наши стали приглушенными, и ноги начали вязнуть в рыхлом грунте.

Мы не знали, равнина это или куполообразная возвышенность, так как на показания анероидов нельзя было полагаться — они уже некоторое время вели себя как-то беспокойно. Давление воздуха росло медленнее, чем можно было ожидать по темпам нашего движения: вероятно, при-

ближался период низкого давления, связанный с надвигавшимися сумерками.

Вскоре ровная местность снова начала понижаться. Мы спускались все ниже и ниже. Насколько можно было судить в таком густом тумане, мы находились в крутом овраге, напоминающем русло высохшей реки, и спускались по его изгибам. Вдруг под ногами почувствовалась сплошная скала. По ней можно было идти, как по тротуару, — такая она была ровная и гладкая.

Я изумленно осмотрелся, но ничего не увидел. Солтык, ведший нас по компасу, остановился.

— Там что-то есть, — указал он на большое пятно, темневшее в сером тумане. Я наклонился и провел рукой по камню.

— Вот что, — сказал я, — возможно, я ошибаюсь, но это, по-моему, квадратные плиты. Я чувствую стыки под ногами... Это самый настоящий тротуар!

— Тротуар? А может быть, здесь найдется и ресторан? — спросил Райнер. За время пути нам уже не раз пришлось выслушивать его шуточные высказывания с некоторой примесью горечи. Арсеньев направил индукционный аппарат в сторону пятна овальной формы, маячившего перед нами не вдалеке.

— Времени у нас мало, — произнес астроном, — но... Кто из вас пойдет туда со мной?

Вызвались мы с Солтыком, химик, поколебавшись, тоже присоединился к нам. Гладкая полоса, которую я назвал тротуаром, поворачивала и поднималась не очень круто. Пройдя шагов двадцать, мы очутились перед зияющим отверстием. Туман здесь был реже, и лучи наших фонарей скрещивались в нем светлыми полосами. В их свете обрисовалась большая пещера. В глубине под стеной виднелось что-то. Я побежал к этому предмету по осыпающемуся гравию. Это был металлический цилиндр, частично погруженный в грунт и закрытый металлической крышкой. Я нажал плечом. Между диском и цилиндром появилась узкая черная щель. Она быстро расширилась, и крышка с лязгом соскочила. Внутри было пусто.

— Резервуар! — крикнул я.

Товарищи спускались по осыпи. Я отошел в сторону. Пе-

щера была удивительно правильной формы, несколько продолговатая, со слегка наклонными стенами и вогнутым потолком. В глубине ее висела какая-то черная бахрома, словно непомерных размеров паутина. Подойдя поближе и потрогав ее рукой, я убедился, что это исковерканный, как бы обожженный металл — рыже-черный, мятый, покрытый сажей, которая тут же посыпалась на меня крупными хлопьями. Вдруг в луче фонарика, метавшегося белым кружочком среди переплетенных металлических лохмотьев, отбрасывавших прыгающие тени, мелькнуло что-то красноватое. Я направил туда фонарик. На стене виднелся красный рисунок, по-видимому, очень старый, так как краска во многих местах потрескалась и осыпалась. Это были концентрические круги. Я обернулся, чтобы позвать товарищей, и тогда увидел, что стою вовсе не на щелке.

Эта дрожащая в луче света масса блестящих камешков была целой россыпью серебряных созданий. Но они уже не были серебряными. Матовые, покрытые пленкой окиси, словно оловянные, они напоминали моего маленького пленника только формой. Я невольно отскочил, но они лежали повсюду. Их россыпи, шуршащие от малейшего прикосновения, устилали всю пещеру. Потревоженная металлическая бахрома медленно покачивалась в воздухе. Теперь я заметил, что за ней расположены как бы огромные пчелиные соты: их отчасти закрывали фестоны металла, соединившиеся, как содранная и опаленная кожа. Впечатление сот создавали правильно размещенные в стене отверстия, образовавшие словно прямоугольную мозаику. Там видны были серые, когда-то серебряные, «муравьи». Под стеной их была целая гряда.

— Смотрите! — сдавленно крикнул я. — Смотрите!..

Товарищи окружили меня. Приподняв бахрому свисавшей с потолка сети, они брали в руки легких, почти невесомых «муравьев». При этом «муравьи» тихонько шелестели и звякали, как металлические чешуйки. На каждом шагу они хрустели и лопались целыми сотнями. Все молчали, взволнованные, как и я. Я вспомнил о рисунке и, подняв фонарик, осветил его.

— Что-то вроде гелиоцентрической системы... — прошептал Райнер. — В центре Солнце, потом орбита Венеры, а дальше... Земля... Это наша планетная система!

— Но тут есть еще кое-что, видите?

От изображения Венеры прямо к Земле шла пунктирная незакрашенная линия, соединявшая обе планеты. Меня обуял непонятный страх. Я быстро обернулся, но грот был пуст — только медленно колыхалась металлическая паутина, роняя легкие хлопья сажи.

— Здесь были люди... — прошептал я, не отваживаясь говорить громко.

— Нет, это создано не человеческой рукой, — возразил Арсеньев.

— Как странно блестит эта скала, — сказал я немного погодя, — словно глазурь.

Поверхность стены была покрыта сеткой тоненьких голубоватых, блестящих, как стекло, жилок.

— Что это может быть, доктор Райнер?

— Не знаю, никогда не видел... Как будто авантюрит, но оплавленный крайне высокой температурой... Не знаю, — повторил он.

Арсеньев спрятал пригоршню металлических шариков в карман скафандра.

— Друзья мои, сейчас мы не можем задержаться здесь, чтобы определить значение нашего открытия. Нам нужно идти дальше, да еще как можно быстрее. Через четыре часа начнутся сумерки.

Мы покинули грот, не произнеся больше ни слова. Туман уже слегка потемнел, окрасился в голубоватые тона и в то же время поредел. Когда мы спускались по отлогому склону, я уже без труда мог увидеть последнего из идущих товарищей.

Мы быстро прошли не меньше десятка километров по сравнительно ровной местности. Потом грунт, казалось, начал повышаться, но это могло быть и иллюзией, так как глазу не на чем было остановиться. Вдруг впереди меня послышался приглушенный крик и глухой отзвук. Я кинулся вперед.

Арсеньев лежал, упираясь руками в почву.

— Остановитесь, остановитесь! — кричал, он, поднимая топорик.

Я подошел еще на шаг. Прямо под ним разверзлась мрачная пропасть, дно которой тонуло в тумане. Другого края не

было видно даже с помощью радароскопов. Райнер пробормотал, что, быть может, другого берега нет и что мы, вероятно, стоим над обрывом, которым плоскогорье спускается к равнине.

— А ведь от ракеты нас отделяет едва тридцать километров, — сказал Арсеньев, стараясь ориентироваться по карте, хотя она была очень неточная и уже несколько раз в пути обманывала нас.

— Попробуем спуститься. Чем ниже мы будем, тем лучше, и нам, быть может, удастся найти какое-нибудь укрытие.

Через несколько сот шагов обрыв не был уже таким отвесным; на экранах радароскопов порой мелькали зеленоватые изображения удобных для спуска откосов. Я пошел первый. Вокруг вились легкие струйки пара. Мрак сгущался. Туман окрашивался в синие, пепельные, даже фиолетовые тона. Иногда приходилось помогать себе руками, так как подкованные носки сапог скользили по гладким пластикам. Не обошлось, конечно, и без того, чтобы кто-нибудь упал. Ниже уклон стал более покатым, но скалы были прорезаны глубокими пересекающимися канавками. Каждый неверный шаг грозил переломом ноги.

Кто-то, кажется Арсеньев, опередил меня. Я увидел белое, окруженное многократной радугой пятно света от его фонарика. Луч терялся в тумане. Свет слегка колебался при ходьбе, потом ослаб вдруг и застыл неподвижно. Ослепленный светом, я не заметил широкой трещины и провалился в нее чуть не по колени. Очевидно, я растянул сустав и сел, чтобы осмотреть ногу. Моя веревка прошуршала по камням и натянулась.

— Алло, профессор, не двигайтесь, подождите меня! — крикнул я.

Никто не ответил. Я поднялся и, слегка прихрамывая, пошел в сторону света, в котором мелькали какие-то неясные тени. Взглянув вверх, я увидел между краями ущелья небо, показавшееся мне широкой светлой рекой: так выглядит поверхность воды, если, нырнув, посмотреть на нее снизу. Свет фонаря вдруг погас.

— Ничего не поделаешь, придется лезть, — говорил Райнер.

— Погодите!

Это был голос Арсеньева. Снова вспыхнул фонарь, рассыпаясь разноцветным блеском в трепещущем сиянии зыбкого пара. Я увидел, что они оба стоят наклонившись. У их ног грунт неожиданно обрывался, и дальше шла темная мгла.

В это время в матовом электрическом луче заблестел шлем Солтыка, поднимавшегося из глубины. Райнер помог ему выбраться на край.

— Можно спускаться, — сказал инженер, — крутизна меньше, но становится все жарче.

— Поднимается температура? Неужели мы так будем спускаться все время до самого центра планеты? — заметил Райнер.

Получилось так, что мы собрались все вместе. Фонарик освещал четырех черных великанов в измятых комбинезонах. В стеклах шлемов дрожали голубые искры.

— Придется пожертвовать магниевым патроном, — сказал Арсеньев и достал из кармана плоскую коробочку. Это были заряды для ракетницы, которая погибла в вертолете.

— Нет ли случайно у кого-нибудь носового платка в наружном кармане?

Райнер протянул платок. В центре платка астроном прорезал ножом отверстие, а к углам нитками привязал патрон. Я понял: профессор нашел выход, как обойтись без сигнального пистолета. Он сильно ударил ручкой ножа по капсюлю раз, другой, а когда раздалось шипенье, бросил патрон в обрыв.

Мы наклонились над пропастью. Туман озарился ослепительным магниевым светом. Показались склоны: тот, на котором мы стояли, и противоположный, удаленный от нас метров на шестьдесят. Потом облако пара заслонило пылающий патрон. Это продолжалось долго. Светлые клубы разошлись, из-под купола импровизированного парашюта снова полился свет, хотя и быстро слабевший. Свет обманчиво дрожал, переливаясь в туманной дымке. Под ним, в глубине, показалась черная продолговатая масса, блестящая, словно волна застывшей лавы. Когда свет ослабел, мне показалось, что масса набухла, а потом сократилась, как туловище змеи, проглатывающей крупный кусок.

Потом все исчезло.

Мы медленно отошли от края обрыва. Арсеньев засунул обе руки за пояс.

— Здесь всегда так: чуть покажется, что все затруднения преодолены, как появляется десяток новых... Что вы скажете об этом? — Он указал на ущелье.

— Я видел движение, — начал осторожно Райнер. — Не знаю, может быть, мне показалось, но...

— Нет, вам не показалось, — прервал его астроном. — Хорошо бы израсходовать еще один патрон, но не стоит.

Он подошел к краю и направил луч своего фонарика вниз. Свет растаял в тумане.

— Что же это такое, черт возьми?

— Поток лавы? — нерешительно высказался Райнер. — У меня было впечатление, что там что-то течет.

— Температура слишком низкая.

— Так, может быть, канал?

— Каналы на Венере?

— До дна не более тридцати метров, — вставил я.

— При таком освещении определить трудно. Ну что ж, все равно надо спускаться. Идите за мной.

Арсеньев первым спустился по краю. Мы молча последовали за ним: сначала шли лицом к обрыву, а потом повернулись и двинулись быстрее. У скалы, похожей на базальт, тянулись гряды камней с острыми краями. Внезапно Солтык крикнул:

— Внимание, вот оно!

Фонарь застыл неподвижно. В светлом круге показался высокий вал, исчезающий по обе стороны за пределами света и блестящий черно и жирно, как спина кита. Эта масса заполняла все неглубокое скалистое русло и даже поднималась над каменными берегами, отстоявшими метров на пятнадцать друг от друга. Ее поверхность медленно волновалась, и периодически чередовавшиеся расширения и сокращения перемещались справа налево.

— Перистальтика, — прошептал кто-то.

Арсеньев шел по ребру длинной плиты прямо к черной массе. Он остановился на самом конце и теперь мог дотронуться до нее ногой. Клейкая капля прилипла к его сапогу, а вокруг все заволновалось. Мерный ритм, в котором до сих пор двигалась черная масса, вдруг нарушился. Воздух дрог-

нул, вдоль стен ущелья пролетело дуновение, а поблескивающая масса стала медленно нагромождаться и собираться неуклюжими наростами — то полужидкими, то застывающими, — пока не вылезла широким расплзающимся языком на конец плоской плиты, где стоял Арсеньев.

— Осторожнее, профессор! — крикнул я.

Он не двигался, ожидая, что будет дальше. Черная масса прикоснулась к его сапогу, отпрянула и вдруг одним броском облепила его ноги, а из тумана уже надвигалась большая выпуклость, словно идущая к берегу волна. Тут кто-то еще, кажется Райнер, зажег свой фонарь. Профессор неожиданно вскрикнул и рванулся прочь, но черная масса залила его почти до колен. По всей массе пробежало новое мощное содрогание.

— Уходите, профессор, уходите! — кричал я, не понимая, почему он стоит словно вросший в камень.

Он сгорбился, плечи у него дергались, как будто он поднимал большую тяжесть. Стоявший ближе всех Солтык схватил его и потащил, но, споткнувшись, оказался в черной бурлящей каше почти по пояс. У него вырвался сдавленный крик.

Я обеими руками изо всех сил потянул за веревку. Райнер ухватился ниже. В свете фонарика я увидел лицо Солтыка — оно было искажено судорогой. Черная река широким фронтом надвигалась на берег, но мы действовали быстрее. Я схватил Солтыка за руку, другой рукой ухватил Арсеньева, а Райнер помог мне выбраться на склон. Оба спасенных почти не двигали ногами и опирались на меня всей тяжестью своего тела. Один из них прерывисто дышал.

— Вы ранены? — спросил я, испуганный их молчанием.

— Скорее, скорее наверх! — кричал Райнер.

Я двинулся дальше, таща обоих товарищей. Они едва переступали, словно их ноги превратились в деревянные чурки. Наконец Арсеньев заговорил.

— Удар... электрический, — пробормотал он, словно борясь с судорогой, сдавившей ему горло.

Мы поднялись еще на несколько метров. Арсеньев потерял фонарик. Я достал свой, направил отверстие металлического цилиндра вниз и нажал кнопку.

Это было похоже на грязевое извержение, но в черной

массе не было спокойного движения, послушного силе тяготения. Она вздувалась огромными пузырями, взбухала, а из глубины вздымались все новые волны, заливая берег.

— Все назад! — раздался вдруг громкий голос.

Я и сейчас вижу эту сцену. Арсеньев оторвался от моего плеча. Широко расставив ноги, он передал сумку Солтыку, схватил лучемер и выстрелил.

Белая молния с ядовитым шипеньем ринулась вниз. Грудь обдало страшным жаром. Арсеньев снова нажал спуск, и вторая молния, словно осколок солнца, вонзилась прямо в центр черной, набухшей массы. Потом настала тьма. Я знал, что нельзя смотреть на дуло ружья при выстреле, но не мог справиться с собой, и теперь перед глазами у меня плясали черные и золотые круги. Я долго ничего не видел, хотя судорожно нажимал кнопку фонаря. Наконец это прошло.

Каменное русло было пусто. Насколько хватал луч света, догорали вздрагивающие остатки массы, груды побелевшего шлака, кучки липкой золы. Клубы бурого дыма смешивались с туманом. С камней стекала грязная, как бы помутневшая от ила вода. Кое-где еще отвратительно шипели недогоревшие остатки массы. Мы спустились и, войдя в русло, направили свет фонарей в обе стороны. Черная масса исчезла. Мы поднялись на противоположный склон. Арсеньев осмотрел свои ноги: на штанинах комбинезона блестящие какие-то слизистые пятна, а сапоги стали пепельно-черными.

— Профессор, вы упомянули об электрическом ударе? — накинулся я с вопросами. — С вами случился удар? И с вами, инженер? Как это могло произойти?

— Вперед, вперед, — ответил астроном, счищая со скафандра остатки липкого вещества. — Нам надо торопиться, разговаривать будем потом.

Другая стенка черного ущелья была менее крутая, и мы, одолев ее за полчаса, очутились на равнине, затянутой беспокойно волнующимся туманом. Теперь на ходу можно было разговаривать.

— Счастье, что наши скафандры обладают изолирующими свойствами, — сказал Арсеньев, — а то бы мне плохо пришлось, да и вам, Солтык, не лучше!

— У меня началась судорога, и я не мог открыть рта, — признался инженер. — А потом получился такой удар, что меня совсем парализовало. Думал, задохнусь! Все мускулы сделались какими-то деревянными.

— К счастью, эти существа не имели дела с хорошим синтетическим волокном, — вставил Райнер.

— Какие существа? Неужели вы считаете, что эта черная каша — живая? — удивился я.

— Я думаю, что это река живой протоплазмы. Вы видели, как она двигалась, как реагировала на прикосновение, стараясь поглотить то, что ее раздражало? И это ей чуть было не удалось!

— Значит, вы думаете, что он... что оно... — Я не мог подобрать местоимения. — Что это какое-то животное? Вроде угря или ската?

— Скаты живут на Земле, а мы на Венере. Это не животное и не растение, а просто живая протоплазма.

— В голове у меня не укладывается, чтобы это могло быть живым, — сказал я. — Ведь и вода в реке движется, а ее никто не называет живой.

— Тут уж дело в словах, — заметил Арсеньев. — У этой черной массы есть некоторые черты живой субстанции, но мне не кажется, чтобы у нее был... Погодите, что это за свист?

Сумерки сгущались все быстрее. Становилось темно. Мне уже давно казалось, что вокруг творится что-то странное, но только после слов Арсеньева я услышал свист, источник которого должен был находиться поблизости.

На левой руке у меня был магнитный компас, которым я не пользовался, так как гирокомпас Сперри был гораздо надежнее. Теперь я взглянул на свое запястье, и у меня перехватило дыхание: я увидел, что светящаяся, словно натертая фосфором стрелка моего магнитного компаса превратилась в туманный светлый кружок. Она вращалась с невероятной скоростью, издавая тихое, но отчетливое звяканье.

— Профессор, посмотрите...

В тучах появились летучие отсветы. Серебристые облака висели во тьме тяжело и неподвижно. Зловещий, без теней, отблеск лежал на всем вокруг. Вся окрестность как бы плавила и растворялась. Атмосфера приняла какой-то стран-

ный вид: наверху появились складчатые драпировки, зыбкие столбы, испускавшие мутно-серебристый свет. Все вокруг нас поочередно светилось: то верхние, то нижние слои пара беззвучно вспыхивали, и в этом трепете искр, серых теней и перламутровых вспышек то здесь, то там порхали огненные бабочки и шарики, очень медленно опускаясь в блеске фиолетовых огоньков. Мы невольно замедлили шаг. Я слышал, как Арсеньев объяснял Райнеру, что это разновидность электромагнитной бури.

— Обратите внимание на ритмическое угасание света.

Да, это было так. Обороты компасной стрелки ускорились еще больше, но каждую минуту или две изменяли направление, и каждый раз при этом зловещий свет на время тускнел. Высоко в небе плыли облака, видимые даже сквозь туман — так ярко они блестели. Мне было тревожно от царившей вокруг полной тишины: казалось, она предвещает что-то недоброе. Арсеньев перестал разговаривать с Райнером об ионизации, фотонах и электронных орбитах. Мы остановились. Рассеянный свет медленно угасал, иногда вдруг опускался, как бы падая на землю, а тем временем в высоких слоях атмосферы сгущалась черная мгла.

Окружающий нас воздух еще сохранял полную неподвижность, но оттуда, с огромной высоты, начал доноситься очень отдаленный, глухой шум, переходивший в завыванье.

— Боюсь, что нам придется вернуться в ущелье, — сказал Арсеньев.

Мы стояли в нерешимости, не зная, что делать. И вдруг воздух разорвал вой, похожий на вой пикирующего самолета. Туман закольхался и поплыл. Последние разбросанные источники электрического блеска угасли. Из мрака несся могучий вихрь. Мы едва устояли на ногах, схватившись за руки. Кто-то зажег фонарь; туман в луче света уже не клубился, а быстро мчался, как струи мутной воды, выпущенной из шлюзов.

Никто из нас не произнес ни слова. Мы повернули и, подталкиваемые страшным ветром, побежали, спотыкаясь и шатаясь, обратно к ущелью. Вихрь пронзительно свистел в антеннах шлемов, воздух, набухший и твердый, как надутый парус, бил в спину, хлопая складками комбинезонов. Не знаю, долго ли мы мчались так, но вот в темноте замаячило

как бы неподвижное облако, вращавшееся на месте с головокружительной быстротой. Это был вихрь ступившегося тумана, образовавшийся между краями ущелья. По мере того как мы спускались, давление ветра ослабевало. Порывы ветра вызывали здесь, у краев обрыва, эхо, как от паруса, лоящего ветер. Двигаясь ощупью, мы собрались под нависшей скалой. В белом столбе света фонаря, зажженного одним из товарищей, туман бурлил, словно кипяток. Над нами, на погруженной во мрак равнине, раздавались пронзительные завыванья, визг, писк и хохот. Казалось, там сражаются целые стада гиен и шакалов. Потом тьма на миг озарилась, словно туман наполнился пылающей ртутью. Загремело. Гром накрыл нас, как крышей, и вдруг что-то стало часто ударять меня по плечам и рукам, а в луче света заблестели косо летящие капли.

Дождь!

Гул усиливался. Ветер наверху уже не завывал, а оглушительно выл. Дождь хлестал сильно бьющими волнами. Мы плотно прижались к скале.

Вода, стекая по шлемам и скафандрам, блестела в свете фонаря. Вокруг образовалась пенящаяся от дождя лужа. Потом скала загудела, как барабан, и я услышал звонкий стук по шлему. Пошел град.

«Этого только не хватало», — подумал я. Град, крупный, как фасоль, падал на шлемы, не причиняя нам вреда, но ослепляя ледяными брызгами.

— Идите сюда, ко мне! — крикнул Арсеньев.

Действительно, несколькими шагами дальше, в неглубокой впадине, град чувствовался меньше. Все громче шумела вода, стекая по канавкам на склонах. В луче фонарика, повешенного астрономом себе на грудь, все вокруг блестело мутным блеском раздробленного льда.

Склон защищал нас сверху, но я чувствовал, как по ногам сотнями мелких иголок ударяют осколки градин, разбивавшихся о камни.

В непрестанный шум урагана все время врвался протяжный грохот. Молнии озаряли неистово клубящийся туман, потоки дождя и облитые водой скалы. С трудом удалось нам притащить и установить в нише несколько плоских камней. Мы уселись на них под бичующими ударами воды,

заливавшей стекла шлемов, и, съжившись, прижались друг к другу.

Ночь тянулась, проходил час за часом, а буря все не унималась. Град прекратился, зато в полосе света запорхали, кружась, снежные хлопья. Мы сидели неподвижно: по спокойному дыханию товарищей я понял, что они уснули. Я чувствовал сильную усталость, но заснуть не мог, хотя и понимал, что необходимо набраться сил для дальнейшего пути, сжимал веки, стараясь не вслушиваться в шум и вой бури, но под покровом темноты в памяти все время проносилась картина за картиной. То на нас круто надвигался берег, залитый черной трепещущей массой, то валил дым из пылающего вертолета, то снова возникала в свете фонарей таинственная пещера. Иногда я видел горный пейзаж с обрывистыми зубцами вершин и полными тумана долинами, а высоко в зеленом, как толстое стекло, небе пылало огромное солнце. Мышцы дрожали от усталости, от скалы тянуло пронзительным холодом, но я не включал электрического обогревателя, так как нужно было беречь батарею, питавшую радиоаппарат. Мне не удавалось уснуть, и, прислушиваясь к глубокому дыханию товарищей, я старался обдумать последние события. Действительно ли катастрофа была случайной? А может быть, вокруг существуют непонятные силы, которые подстерегают нас, в то время как мы думаем, что никто не стесняет нас в наших действиях? Мне не удалось объяснить и соединить воедино все случившееся с нами. Если обитателями планеты были металлические создания, то что означала река черной протоплазмы? А пещера? Не была ли она неким необычным кладбищем? А как образовался огромный кратер и почему подземная труба разорвана надвое?

Сам не знаю, когда я погрузился в тяжелый, глубокий сон. Проснулся я совсем ооченевший. Часы показывали шесть. На Земле в наших краях был бы уже день, но здесь царил мрак, такой глубокий, что я не мог даже различить, где кончается металлическая каска и начинается окошко в шлеме. Бледный, днем едва видимый, экран радароскопа наполнял внутренность шлема зеленоватым, фосфорическим свечением. Вой ветра ослабел, дождя не было слышно. Я осторожно вылез, стараясь не потревожить спящих товарищей.

Комбинезон покрылся тонкой пленкой льда, при малейшем движении трескавшейся, как стекло. На минуту я зажег фонарик и увидел неподвижные, скорчившиеся у скалы фигуры. Медленно плыл редкий туман, подгоняемый холодным ветром.

Я начал усиленно делать гимнастику, хлопая руками по плечам и бедрам. Это вначале разбудило только Солтыка, но вскоре проснулись и остальные, жалуясь на холод.

Мы тотчас же двинулись в путь. На равнине дул порывистый ветер. Его пронизывающий холод чувствовался сквозь все изолирующие слои скафандров. Под ногами трещал тонкий лед, которым были затянуты лужи, иногда почва становилась вязкой, и ноги погружались в мягкий ил. Обернувшись и осветив фонарем тащившихся за мною спутников, я увидел затуманенные стекла шлемов, а за стеклами — лихорадочно блестящие глаза и обросшие за два дня лица. Глядя на них, я ясно представил себе, как выгляжу сам.

Еще в начале сумерек у края ущелья мы услышали радиосигналы ракеты. Потом электрическая буря заглушила их, и только теперь они снова послышались в наушниках. Поэтому мы смело продвигались вперед в густом мраке, не боясь заблудиться. Ряды невысоких холмов один за другим оставались позади. Райнер шел вслед за Арсеньевым, сгорбившись и словно став на голову ниже. Он уже давно едва переставлял ноги, а теперь вдруг сел. Астроном повернулся к нему и сказал, как маленькому ребенку:

— Ну, Генрих, вставай!

Тот не ответил. Он полулежал, тяжело дыша. Я подошел, чтобы помочь, но Арсеньев жестом остановил меня:

— Нет, он сам.

И химик, упираясь руками в камни, поднялся; выпрямлялся он очень медленно, словно поднимая огромную тяжесть, но все же в конце концов двинулся за нами.

Дальнейший наш путь я помню очень смутно. У меня содалось впечатление, будто мой мозг окаменел; я, вероятно, дремал на ходу, то и дело просыпаясь. Давление в кислородных баллонах упало до тридцати атмосфер, но нужно было идти, идти, не останавливаясь, чтобы добраться до «Космократора», пока не опустели баллоны. Мы шли, собрав последние силы. У меня появилось какое-то непонятное ощу-

щение, будто за нами кто-то крадется. Удивительнее всего то, что оно передалось и остальным; Райнер, который шел последним, несколько раз падал из-за того, что все время оглядывался. Мы поочередно шли впереди, так как вглядываться в темноту было очень утомительно.

Однажды, идя первым, я увидел высоко в тучах туманный белый столб. Местность повышалась. Каменистая почва переходила в шершавые плиты. Белый столб медленно двигался среди облаков. Сначала мне пришло в голову, что это очередное непонятное явление, но возглас астронома вывел меня из заблуждения. Под сапогами заскрежетали каменные глыбы; еще несколько сот шагов — и мы очутились на перевале. Далеко внизу светлело море тумана, а из его глубины бил в небо белый светящийся столб. Это был прожектор ракеты.

ОПЫТ

Лао Цзу поддерживал связь с вертолетом до той минуты, пока Мертвый Лес не преградил путь радиоволнам. Целый день все были заняты исследованием дна озера. Когда прошел срок нашего возвращения, Осватич вылетел на самолете и, отыскав акустический след, бросился искать нас. Самолет не мог лететь так низко и медленно, как вертолет. Поэтому Осватич то и дело терял след и часа два нырял в тучах, пока не очутился над кратером. Он упорно пытался ввести машину в глубь пропасти, и все это чуть не кончилось катастрофой, так как предательские воздушные течения повлекли его вниз. Потом он кружил в тучах, все время вызывая нас по радио, но и это не дало результатов. Тогда он сбросил у кратера баллоны с провизией и полетел обратно: в баках у него осталось так мало горючего, что ему едва удалось долететь до озера. Беспокойство товарищей все возрастало. Они совещались, не поднять ли в воздух «Космократор», хотя разработанным перед нашим полетом планом это не было предусмотрено. Тем временем надвигались сумерки, ожидалась буря, и надо было закрепить ракету. Ее нос привязали к береговым скалам стальными канатами. Ураган налетел внезапно. Воздушные массы, скопившиеся в узком ущелье,

врывались в котловину со скоростью больше трехсот километров в час. «Космократор», швыряемый бурными волнами, яростно дергал канаты. Чтобы противостоять необыкновенно сильному давлению воды и воздуха, Осватич запустил двигатель и пытался держать ракету носом против ветра. Вдруг один из канатов лопнул, и «Космократор» начало сносить к берегу. Казалось, что единственный выход — улететь с озера, но товарищи этого делать не хотели, так как думали, что мы, по всей вероятности, находимся поблизости и что вернуться на ракету нам помешал ураган.

Непрерывно взбивая воду газовым выхлопом, «Космократор» в течение шести часов старался уменьшить силу натяжения еще не лопнувших канатов. Когда самая сильная волна урагана прошла, товарищи включили большой прожектор, и его свет указал нам дорогу.

На следующее утро я встал поздно. Все мускулы еще были налиты ощущением усталости, но это постепенно исчезало. Когда я вошел в Централь, там никого не было. Взглянул на аэрометрические приборы: давление росло, а температура упала до минус девяти. Корпус ракеты едва заметно приподнимался и опускался, как грудь спящего великана. Иногда слышался скрежет льдины о корпус. Я уселся перед главным экраном. Его наполняла черная беззвездная ночь. Я откинул голову и, полузакрыв глаза, сидел так, наслаждаясь покоем, словно ожидая, что продолжится сон, прерванный пробуждением. Кто-то вошел в каюту. Это был Чандрасекар.

— Ну что, — спросил он, остановившись передо мною, — вы утолили свою сильную жажду?

— Нет, — ответил я. — Жажда знаний только увеличилась, а жажда приключений... Разве ее когда-нибудь можно утолить?

Накануне мы были так измучены, что лишь в нескольких словах описали товарищам свои приключения. Теперь я принялся рассказывать обо всем по порядку. Не знаю, было ли вызвано мое настроение ранним утренним часом — к тому же голубоватый свет ламп создавал иллюзию предрассветного неба — или улыбкой Чандрасекара, но я говорил так, словно поверял все своему лучшему другу. Под конец я добавил:

— Мы не избежали ошибок, хотя мне кажется, что в этом никто не виноват. Но Арсеньев изменил своим обычным правилам, задержавшись там, в этой пещере с металлическими созданиями. Разумнее было бы идти дальше, потому что кислород кончался, но мы не всегда руководствуемся только велением рассудка, и это, конечно, хорошо. Наши открытия могут иметь огромное значение. Арсеньев принес горсть этих металлических насекомых... Вы их видели, профессор?

— Да, они лежат в лаборатории. Арсеньев просил не начинать исследований без него. Возвращаюсь к нашему разговору. Подумали вы о том, что из-за этих литров кислорода, которые вы истратили в пещере, вам могло бы не хватить его на остаток пути?

— Так могло случиться.

— Какая же цена была бы тогда вашему открытию?

— Но мы не знали, хватит нам кислорода или нет, и я думаю, именно поэтому Арсеньев поступил так же, как я в Мертвом Лесу.

— Вы так думаете?

— Да. Будь я уверен, что нам не удастся добраться до «Космократора» из-за остановки в пещере, я первый остановил бы профессора. Но дело в том, что этой уверенности у меня не было.

— Вы так думаете... — тихо повторил Чандрасекар. Опустив голову, он вглядывался в светившиеся темным блеском панели «Предиктора», словно искал в них свое отражение. Я с любопытством ждал, что он скажет, но в эту минуту в Централь вошел Солтык, и разговор принял другое направление.

— Эта подземная труба, эта открытая Смитом металлическая вежа, наконец, этот Белый Шар — между ними должна быть какая-нибудь связь, — начал инженер. — А это переменное магнитное поле! Если бы я знал, каким образом они получают электричество, я знал бы все!

— Ошибаетесь, — возразил Чандрасекар. — Попади в какой-нибудь концертный зал на Земле марсианин, что дало бы ему самое тщательное исследование геометрии здания, химический анализ кирпича, штукатурки, позолоты или знакомство с физическими свойствами скрипок и роялей? Он

все равно не имел бы ни малейшего представления о том, для какой цели построено это здание. Он не знал бы самого важного.

— Музыки, не так ли? — произнес Солтык.

— Нет, истории человечества. Знать, кто это построил, гораздо важнее, чем знать конструкцию.

— Я уверен, что эти металлические «муравьи» хозяева планеты, — вставил я. — Сначала мне казалось странным, что такие крохотные существа могут построить огромную электрическую сеть, но разве на Земле наши постройки не превосходят нас по размерам в сотни и тысячи раз? Взять хотя бы океанские плотины или Полярное атомное кольцо...

— Не знаю, что вы называете металлическими «муравьями», — ответил математик, — но я уверен, что здесь должны находиться существа, гораздо больше похожие на нас.

— Откуда вы это можете знать?

— Из того, что вы мне рассказали, — спокойно ответил Чандрасекар. — Вы обнаружили в этой пещере надпись — вернее, рисунок на стене, правда?

— Ну да, но...

— А как могли бы его сделать эти так называемые «муравьи», у которых, насколько я видел, вовсе нет глаз?

— Черт возьми, вы правы! — воскликнул Солтык.

Я был ошеломлен.

— В самом деле, но... Погодите, профессор, а может быть, они сделали этот рисунок случайно... то есть это был не рисунок, а...

— А что?

— Сейчас я не могу вам сказать. Может быть, он тоже имеет какое-нибудь отношение к электричеству?

Чандрасекар улыбнулся:

— Не торопитесь. Вы, я вижу, хотите во что бы то ни стало отстоять свою славу открывателя металлических «муравьев». Пожалуйста, не притягивайте факты к вашим гипотезам. Нет ничего хуже... — Вдруг он нахмурил брови. — Извините. Мне пришла в голову одна мысль.

Он прошел между мной и Солтыком так быстро, что мы еще некоторое время смотрели на дверь, за которой он скрылся.

До обеда у меня, собственно говоря, не было никаких

дел. Работы, не относящиеся к ракете, планом не предусматривались. Ученые заперлись в лаборатории, откуда доносилось резкое гудение трансформатора. В Централі у «Предиктора» сидел Осватич. Ракета, зажатая льдом, покрывавшим озеро все более толстым слоем, перестала колыхаться. Мороз крепчал. Я взглянул на книгу, которую читал Осватич: это были «Начала» Евклида. Отчаявшись найти какое-нибудь занятие, я вышел в коридор.

Дверь лаборатории открылась.

— Конец легенде о разумных металлических существах! — увидев меня, воскликнул Арсеньев. Он был в белом халате с засученными рукавами, биноклярная лупа была сдвинута у него на лоб. — Жаль мне вас, ведь вы ее автор, но все решают факты. Впрочем, действительность, пожалуй, еще более загадочна!

В лаборатории каждый свободный уголок был уставлен аппаратами. Большие дроссельные катушки пришлось даже подвесить к потолку. Со стола на стол были перекинута пучки разноцветных проводов. Под большим рефлектором сидели Тарланд, Райнер и Лао Цзу, рассматривая в увеличительные стекла что-то такое, чего я не мог увидеть, стоя у двери. Я подошел ближе и, наклонившись, увидел на темном стекле какие-то мелкие искорки. Рядом с пустой металлической скорлупкой лежало несколько миниатюрных спиралек, проволочка тоньше волоса и маленький, не крупнее булавочной головки, кристаллик, полупрозрачный, как капелька дымчатого стекла.

— Вот внутренности металлического «муравья», — сказал Арсеньев. — Это что-то вроде крохотного радиопередатчика, работающего на сантиметровых волнах, но передатчика совершенно необычного устройства. Вы видите этот кристаллик? — Он приподнял пинцетом поблескивающую капельку. — Это конгломерат нескольких элементов, кристаллизованных так, что они составляют словно «связку» окаменевших электрических колебаний. Если кристаллик «разбудить», он отдает их, как граммофонная пластинка.

— Что вы говорите? Погодите, погодите, профессор! — вскричал я. — Это невозможно, я сам видел, как «муравей» реагировал на мое присутствие, как двигался и замирал, и больше всего это было заметно, когда я приближался...

— Совершенно верно, — с удовлетворением ответил астроном. — Пожалуйста, мы сейчас оживим одного «муравья».

Физик положил «муравья» на эбонитовую пластинку перед экраном большого радара и, манипулируя рычагами, направил на него пучок невидимых лучей.

— Они порядочно заржавели, — говорил тем временем Арсеньев, — в них получились разные спайки и замыкания. Сначала они не хотели работать, но когда мы их почистили, то отозвались почти все. Вот смотрите!

Он сказал это совершенно спокойно, а я был ошеломлен.

«Муравей» дрогнул и приподнялся, высывая тоненькую проволочку. Физик поворачивал радарный экран, поднимал его, опускал, описывал им круг, и «муравей» послушно повторял все движения, направляя заостренный конец с проволочкой к экрану.

— В каждом таком приборчике есть, как я уже сказал, кристаллик с пучком записанных колебаний, — объяснял Арсеньев. — Пока его не возбуждают, он лежит неподвижно. А возбудить его можно как раз с помощью радиоволн сантиметрового диапазона, в котором работают наши радары. Когда там, в Мертвом Лесу, вы приблизились к своему «муравью», волны, испускаемые экраном в вашем шлеме, возбуждали его. «Муравей» ожил и начал передачу. А когда вы от него отдалялись или только отворачивались, волны больше не попадали на него, и приборчик выключался. В этом приборчике есть устройство наподобие вариометра, с помощью которого он устанавливается точно в направлении пучка радиоволн. Ясно?

Последняя моя гипотеза разбилась вдребезги. Я молча кивнул и решил, что никаких гипотез никогда больше строить не буду.

— Значит, это не существо? — спросил я через минуту.

— Очевидно, нет.

— А что это может быть?

— Мы не знаем. Коллега Лао Цзу думает, что таким способом обитатели Венеры записывали различные сведения.

— А, так это что-то вроде книги?

— Или пластинки, фильма, письма... Во всяком случае, это какой-то документ, содержание которого можно будет, если потребуется, воспроизвести.

— А разве колебаниями... Хотя, правда, «отчет», знаменитый «отчет» тоже был записан колебаниями. Может быть, эти такие же, как те?

— Как видите, профессора Чандрасекара здесь нет. В течение двух часов он старается с помощью «Маракса» ответить на этот вопрос. Пока что мы должны вооружиться терпением.

Возвращаясь в Централь, я прошел мимо кабины «Маракса». Мне хотелось заглянуть туда, но меня удержала большая красная надпись «Тихо!», светившаяся над дверью. Оставич все еще сидел в Централли со своим Евклидом. Я пошел наверх, в шлюзовую, надел скафандр и вышел на палубу ракеты. Ночь была темная и морозная.

Включив ручной фонарик, я увидел, что туман исчез. Белый световой кружок пробежал по палубе, бросая светлые блики, пока не затерялся среди неясных очертаний, запорошенных тонким слоем снега.

Я погасил фонарь и уселся на палубе. Некоторое время ничего не было видно, и я выключил внутри шлема радар, так как его зеленоватый экран ослепительно светился. Постепенно глаза начали привыкать к темноте. Мрак вокруг меня был различной степени насыщенности; чернее всего он был низко над горизонтом, где, по моему мнению, находились горы. Небо было лишь чуть-чуть бледнее их. На нем не было даже того отсвета, какой отбрасывают на Землю тучи, освещенные сверху Луной. Снизу, с ледяной поверхности, доносилось тихое потрескивание: лед утолщался и выдавливал корпус корабля кверху.

До сих пор я смотрел на север, в сторону перевала. Повернувшись к югу, я увидел пепельный, мигающий отблеск. Сначала я подумал, что это мне показалось, но потом удалось различить вершины гор на сером, неясном фоне. Там был какой-то свет, но настолько слабый, что, поглядев на него какое-то время, я стал сомневаться, действительно ли вижу что-нибудь. Пришлось закрыть глаза. А когда я снова открыл их, то убедился, что это не ошибка, что там действительно тлеет какой-то очень слабый, но все же настоящий свет.

Я вернулся внутрь ракеты, оставил скафандр в шлюзовой и спустился в нижний коридор. Красного света над кабиной

«Маракса» уже не было. Я приоткрыл дверь. Возле пульта, похожего очертаниями на колокол, стояли подвезенные на тележке аппараты. Это были каскадные усилители и обыкновенный громкоговоритель. В кабине находилось четверо ученых. Физик, согнувшись, сидел у аппарата; астроном сидел несколько поодаль, спиной ко мне, в такой позе, словно рассматривал что-то в темноте между приоткрытыми изолирующими стенками «Маракса». Чандрасекар стоял в углу. Рядом с ним, закрыв руками лицо, облокотился на трубы конструкции Райнер.

Все молчали. Тишина эта показалась мне такой странной, что я не решался нарушить ее. Лао Цзу первый заметил меня и пошевелинулся; Арсеньев поднял голову и, мигая, словно ослепленный, спросил:

— Это вы?

Я все еще стоял в дверях.

— Войдите, — сказал Арсеньев.

Мне показалось, что китаец смотрит на меня как-то особенно, но это был только отблеск света в его очках.

— Вам удалось?.. Вы что-то открыли? Что? — спросил я.

Лао Цзу покачал головой:

— Нет, но профессор Чандрасекар сделал один опыт... один эксперимент, который дал странные результаты.

Он произнес это так тихо, что по телу у меня пробежали мурашки.

— Что это значит?

— Можно еще раз? — спросил китаец.

Никто не ответил. Тогда он повернул ручку усилителя на тележке. Раздался глухой шум, потрескивание, потом неприятный, резко снижающийся свист. И вдруг из рупора полилась мелодия — мрачная, напряженная, стремительная и полная смятения. Она не вызывала ужаса, ибо сама была ужасом; он был в ней, как в огромных скелетах юрских ящеров, застывших в чудовищных судорогах, когда их залил поток расплавленной лавы и навеки оставил в позе, полной несказанных мук и страха. Эта мелодия была как огромные кости, которые, перестав быть позвонками и ребрами, уже не принадлежат живому существу, но еще не превратились в известковую скалу, не стали частью мертвого мира. Как они, она была страшна, отвратительна и в то же время близ-

ка. Я хотел крикнуть: «Довольно, довольно, остановите!» — но не мог раскрыть рта и слушал, пораженный, словно мне довелось через стекло в оцепенении наблюдать за конвульсиями обитателя бездны, странного и непонятного чудовища, о котором я не знаю ничего, кроме того, что оно умирает.

Нестройный хор еще раз прогремел и утих. Теперь слышалось только равномерное шуршанье токов.

Я молчал. Молчали все. Только где-то внизу слышался легкий шорох работающего механизма. Я долго не решался, но все же спросил:

— Что это было?

— Так звучит кристалл одного из этих приборчиков, — произнес Чандрасекар и, подойдя к аппарату, вынул из держателей металлический кусочек. — Мне пришла мысль превратить электрические колебания в звуковые. Мы совершенно не знаем, таково ли действительно предназначение этого странного прибора. То, что в переводе на звуковые частоты колебания прозвучали как музыка, может быть чистой случайностью.

— А другие? — спросил я, указывая на рассыпанные серебряные зернышки.

— Ничего, хаос звуков, раздражающий уши, — ответил математик. — Я сам не знаю, почему это сделал, — прибавил он, помолчав. — Не думаю, чтобы это была музыка, чтобы они тоже...

— Что с тобой, Лао? — спросил Арсеньев.

Физик встал и поднял голову с таким выражением, словно вглядывался, в отдаленный свет. Он не слышал вопроса Арсеньева и, медленно наклонив голову, несколько раз коснулся пальцами стеклянной доски аппарата, словно поглаживая ее. Потом обратился к Райнеру:

— Доктор, давно ли, по-вашему, существует на берегу эта железная глыба? Вы делали анализы?

— Да, делал еще перед нашим злосчастным полетом. Принимая во внимание низкий процент кислорода в воздухе... Хотя, с другой стороны, присутствие воды должно действовать каталитически... Я думаю, что железо существует в такой форме лет сто пятьдесят, ну, скажем, даже сто шестьдесят.

— А может быть... девяносто?

— Едва ли. Разве в том случае, если температура была гораздо выше. А о чем вы думаете, профессор?

— Если температура была гораздо выше, — повторил китаец очень медленно и снова сел.

— Вы думаете... — обратился к нему Райнер, но Арсеньев жестом остановил его:

— Не мешайте ему. Он сейчас нас не слышит.

Эта история произвела на меня такое сильное впечатление, что я забыл о далеком отсвете, который видел во мраке, когда стоял на палубе. Наутро и в последующие дни небо мерцало тихими электрическими разрядами, и далекого отблеска уже не было видно.

БОЛЬШОЕ ПЯТНО

Шестнадцать дней продолжались исследования высоких слоев атмосферы. Говорю «дней», ибо хотя долина была наполнена мраком, наши организмы сохраняли двадцатичетырехчасовой ритм сна и бодрствования. Вместе с физиками я устанавливал на палубе ракеты радарные приборы и ультрафиолетовые прожекторы. Мы выпустили также несколько шаров-зондов, записывающих напряжение ионизации, а помещенные в них передатчики сообщали нам результаты измерений. Райнер возился в лаборатории, делая анализы минералов, собранных в Мертвом Лесу. Чандрасекар сидел в кабине «Маракса», поглощенный какими-то сложными вычислениями. Я с нетерпением ожидал рассвета, до которого были отложены наиболее важные работы. Погода все время стояла морозная, лед расстилался на озере удивительно гладкой поверхностью. Этому способствовал полнейший покой. В темноте среди туч мерцали беглые отсветы, напоминая пробывавшееся сквозь тучу полярное сияние. На двадцатые сутки над долиной прошла мощная электрическая буря. Лед скрипел и трескался, подпираемый волнами, стенки ракеты дрожали, крупный град стучал по бортам и палубе, но внутрь ракеты не проникало ни малейшее содрогание воздуха. На следующий день все утихло, и при уменьшившемся морозе — ртуть в термометре поднялась до минус четырех — барометр начал падать. Приближался рассвет, а с ним новая

сильная буря. Арсеньев дал распоряжение взлететь. Когда мы в последний раз стояли на палубе ракеты, небо наливалось тяжелым свинцовым серым светом. Тусклый отблеск лег на льдины, сковавшие озеро. Потом шлюзы закрылись, и загудели двигатели. Лед трескался с оглушительным грохотом, распадался на куски, высоко взлетая над носом «Космократора». Корабль взметнул воду и, оставив за собою белую бурлящую полосу, круто поднялся в воздух. Из мрака, разорванного пламенем выхлопов, вынырнули призрачные силуэты гор и полные синих теней пропасти. Мы поднимались по винтовой линии все выше сквозь толстые слои облаков. И вдруг все стоявшие в Централи закрыли лица руками: в телевизорах запылал раскаленный белый диск, низко нырявший в тучах. Летя на восток, мы встретили солнце на несколько часов раньше, чем оно взошло над долиной.

«Космократор» направился носом к Земле, словно намереваясь ринуться в бездну, разделявшую обе планеты, но навигаторы только ввели его в поток радиоволн, который нес нам вести из дому. Несколько часов летели мы в пустоте под черным небом, полным так давно не виденных звезд. Потом «Космократор», как пловец, ищущий дна, нырнул в тучи. Время от времени открывались маленькие люки на дне и на длинных кабелях опускались вспомогательные радарные антенны. Индукционные аппараты искали в тумане залежи металла. В обеих лабораториях анализаторы колебаний записывали и расщепляли волны, отражавшиеся от невидимой поверхности грунта. По инструкции, данной мне, когда я принимал навигационное дежурство, было ясно, что мы направляемся к долине Белого Шара.

В одиннадцать часов в Централи появился Арсеньев. Он был какой-то рассеянный, не сразу отвечал на вопросы и, казалось, думал о чем-то своем. Проверив приборы, он приказал мне особенно внимательно следить за показаниями гравиметра.

— Если что-нибудь изменится, прошу сейчас же сообщить мне, — сказал он.

— Не изменится, профессор, — ответил я, — потому что мы будем делать не больше трех четвертей километра в секунду.

— Это не имеет никакого отношения к скорости корабля.

Я не мог удержаться от замечания:

— Как это? Ведь гравиметр отмечает напряжение гравитации, а сила, с которой притягивает Венера, всегда одинакова.

— Речь идет не о притяжении планеты, — нетерпеливо возразил Арсеньев. — Прошу выполнять распоряжение.

Я пожал плечами и взглянул на гравиметр. Стрелка стояла неподвижно. Я знал, однако, что Арсеньев никогда не говорит ничего на ветер, и, хотя не мог понять, каким образом сила притяжения может измениться, время от времени взглядывал на шкалу прибора. За полчаса до конца дежурства по внутреннему телефону пришло распоряжение увеличить высоту до восьмидесяти километров. Судя по компасу и радароскопам, долина Белого Шара была уже близко. Двигатели запели громче, и через несколько минут «Космократор» взлетел над тучами. Выпуклость планеты была ясно заметна; до самого горизонта тянулись пушистые облака, распадаясь на длинные гряды, словно пашня под снегом.

Раздался тонкий треск: это перегорел один из предохранителей сети во второй лаборатории. Виноват был кто-то из ученых. Я снова включил автоматически выключившийся ток и вернулся к «Предиктору». Подходя к экранам, я заметил, что свечение их несколько ослабло. Тучи потемнели. Они были большие, с плоским основанием и выпуклой серебристой вершиной. Вытянувшись в ряд, они шли в одном направлении с «Космократором». Еще минута — и в них открылась воронка. Огромная, гладкая, она опускалась словно в самые недра планеты, а ее устье вбирало пушистые облака, и они исчезали там. Я отвернулся, так как от вида колышющегося горизонта у меня закружилась голова. Бесчисленные перистые облака, плывшие на уровне «Космократора», исчезали одно за другим. Они летели вниз с такой быстротой, что казалось, их тянула незримая рука. Внизу тучи, слившись в гладкую, похожую на расплавленный металл массу, головокружительно вращаясь, падали в пропасть. Я почувствовал, как тяжесть моего тела растет; в то же время шум двигателей становился все напряженней и громче: это «Предиктор», борясь с силой, тянувшей его вниз, увеличивал их мощность. «Космократор» мчался напрямик по хорде гигантского круга, диаметр которого я определил в сто с лишним километров. Гравиметр показывал, что тяготение все

возрастает. Я не сообщал об этом Арсеньеву, так как и без прибора он, конечно, чувствовал, что руки и ноги наливаются свинцом, а самое простое движение требует огромных усилий. Мы мчались над грозным бушующим вихрем. Ракета ни на волос не отклонилась от прямой, только двигатели ее издавали острый свистящий звук, как при торможении на большой скорости. В Централь вошел Арсеньев, а с ним Солтык и Райнер.

— Смотрите, — сказал он, — это Большое Пятно!

— Большое Пятно?

— Да. Вы помните, что незадолго до прибытия мы заметили на поверхности Венеры пятно, которое потом исчезло? Сейчас оно появилось опять, только мы видим его с несравненно меньшего расстояния.

— Где-то поблизости должна быть долина Белого Шара, — заметил я.

— Не поблизости, а под нами. Там, — указал астроном на вогнутую, погруженную во мрак часть воронки, оставшуюся уже позади ракеты и похожую на огромное зияющее отверстие. Тучи мчались туда разорванными волнами со всех сторон горизонта. — Кто сейчас на дежурстве? — спросил Арсеньев.

— Мое кончается, — ответил я. — Принимает инженер Солтык.

— Хорошо. Сейчас мы удаляемся от центра притяжения. Когда сила тяготения упадет до 2 g, начнем описывать над долиной круги.

Он оторвался от экрана и взглянул на нас.

— Все, кроме дежурного, к «Мараксу».

Я сдавал дежурство Солтыку. Это заняло несколько минут. Когда я вошел в кабину «Маракса», там собрались уже все остальные. Арсеньев просматривал какой-то чертеж, стоя у пульта, за которым сидел Лао Цзу. Райнер хлопотал у большого проекционного аппарата.

— Теперь мы кружим над Большим Пятном, — сказал астроном, откладывая свои бумаги. — Его образует вихрь облаков, втягиваемый искусственным полем притяжения. Пожалуйста, коллега Райнер, можно начинать.

Лампы погасли, и на стене засветился четырехугольный экран. На нем появилось зеленоватое изображение, напоми-

нающее спицы колеса, сбегающиеся к центру. Некоторые из них были слегка волнистыми.

— Это сеть подземных труб, доставляющих энергию Белому Шару, — раздался в темноте голос астронома. — По аналогии с магнитным полюсом его можно назвать полюсом тяготения, так как он создает искусственное гравитационное поле. Изображение на экране — это что-то вроде рентгеновского снимка. Мы сделали его четверть часа назад с высоты восьмидесяти километров сквозь кору планеты.

Взгляд постепенно привыкал к фосфорическому свечению экрана, и я увидел, что линии труб не везде выступают одинаково четко. Это было вызвано разным сопротивлением участков почвы просвечивающим лучам. Горные цепи темнели неподвижными полосами вокруг долины. Озеро было почти невидимо, и в центре, где экран светился слабее, с трудом можно было догадаться о его существовании. Темное, почти черное пятно в той точке, где трубы сходились, обозначало Белый Шар.

— Мы предполагаем, — продолжал астроном, — что эта огромная энергетическая система тесно связана с опасностью, грозившей Земле. Не будем подробно останавливаться на этом, так как сейчас нас интересует исключительно техническая сторона исследований. Сделаю лишь маленькое вступление. Приближаясь к Венере, мы заметили на ее поверхности темное пятно. Оно продержалось несколько часов и постепенно рассеялось. Потом, три недели тому назад, когда мы были в долине, Белый Шар отдыхал. Правда, он вызвал катастрофу с нашим вертолетом, но по сравнению с режимом максимальной активности тогдашнюю его деятельность можно назвать покоем. Сейчас его активность опять нарастает. Вероятно, она проходит или уже прошла свой максимум.

Как видно из сопоставления этих трех фактов, напряжение силового поля, создаваемого Белым Шаром, изменяется. Для нас очень важно узнать, имеют ли изменения периодический характер, то есть составляют ли колебания между максимумом и минимумом замкнутый повторяющийся цикл, или же это совершается беспорядочно. От решения этого вопроса зависит все наше дальнейшее поведение. Будем ждать в воздухе, пока деятельность Белого Шара зна-

чительно ослабеет. Тогда мы опустимся на озеро и установим на берегу измерительные приборы.

Как видите, к Белому Шару сходятся одиннадцать труб, подающих ему энергию для создания поля. Токи в них могут взаимно суммироваться или погашаться, в зависимости от частоты импульсов, сдвига фаз, напряжения и всего прочего. Трубы, как вы знаете, лежат глубоко в почве. Над каждой трубой мы поставим осциллограф, который будет записывать изменения тока. Анализ полученных записей позволит решить нужную нам задачу. Можно зажечь свет, доктор.

Экран погас, и одновременно вспыхнули лампы. Мы зажмурились. Астроном, подойдя к пульту, продолжал:

— Задача нетрудная, но опасная. Усиление деятельности Белого Шара может заставить нас врасплох. Мы не знаем, как влияют на человеческий организм быстрые изменения в гравитационном поле. Вероятно, резкие колебания в известных пределах могут оказаться для человека опасными. Кроме того, могут возникнуть различные неизвестные нам явления, вроде быстрого разогревания грунта, изменений движения воздуха, перемен в преломлении света и так далее. В таких условиях легко потерять ориентацию, особенно на такой трудной горной местности, как район Белого Шара. Из осторожности мы будем работать по трое. Двое будут обходить аппараты, а третий в это время наблюдать за ними с некоторого расстояния и держать связь с ракетой.

Арсеньев раздал нам напечатанные листки.

— Это план работ с разбивкой на тройки. Первыми идут Осватич, Солтык и Смит, чтобы приготовить...

Зазвонил внутренний телефон. Лао Цзу взял трубку.

— Напряжение поля слабеет, — обратился он к Арсеньеву, — и к тому же быстро. Солтык говорит, что собираются грозовые тучи.

Арсеньев собрал бумаги с пульта.

— Это сходится с предположениями. Падение силы тяготения должно сопровождаться грозами. Вопросы есть?

— Да, — сказал я. — Должен ли я готовиться к разведывательному полету?

— Нет, не надо. Мы сразу спустимся на озеро. Еще вопросы?

— Белый Шар построен обитателями планеты, — произнес Осватич. — Можем ли мы встретить их здесь?

— На это я ответить не могу. Белый Шар, по-видимому, управляется на расстоянии. Но такая возможность не исключена. Обитатели планеты, несомненно, высокоразумные существа. Больше о них пока ничего не известно, и потому трудно сказать, что нужно делать в случае встречи с ними. Я могу только напомнить то решение, которое мы приняли перед отлетом: знакомство с обитателями планеты и устранение угрозы для Земли надо ставить превыше вопроса о нашей личной безопасности. Другими словами, мы не только не должны нападать, но даже и обороняться сильнейшими средствами. И нужно стараться, чтобы наши технические приспособления были в полном порядке. Вот и все.

Райнер и Осватич вышли. Тарланд спросил меня о чем-то. Отвечая ему, я слышал, как Чандрасекар говорил Арсеньеву:

— Вы не должны были мне отказывать.

— И не отказал бы, имей я на это право, — возразил астроном. — Но кто-то должен работать с «Мараксом», а вы это умеете лучше всех.

— Вы его называете моим джинном, — сказал Чандрасекар, — а оказывается, что я его раб!

В кабине уже никого не было. Мне тоже нужно было уйти, но я остался. Оба ученых, казалось, не замечали моего присутствия.

Чандрасекар сел за пульт. Арсеньев двинулся к дверям, но вдруг остановился.

— А о том, что я должен остаться...

Он вышел, не договорив. Чандрасекар сидел, положив руки на клавиатуру «Маракса» и слегка наклонив голову, — казалось, он вслушивался в доносившийся из недр корабля шум двигателя.

— Он прав, — тихо сказал он, — но и я тоже.

Хотя Чандрасекар не смотрел в мою сторону, я понял, что он обращается ко мне.

— Вы тоже хотели идти на берег, профессор?

— Да. Мы оба правы — так часто бывает в жизни. Потому-то она и сложнее математики.

Он прикоснулся к одной, к другой клавише. На экране появились зеленоватые змейки; они начали трепетать, раздваиваться, извиваться. Я тихо вышел. В кабине все громче раздавался глухой шум токов.

Мы опустились на воду в три часа, когда буря кончилась. Скалы над озером потемнели от влаги, еще падал мелкий дождь, и десятки струй шумели среди осыпей, свергаясь водопадами с отвесных выступов. «Космократор» остановился довольно далеко от берега. Белого Шара не было видно: даже когда ветер рассеивал туман, его заслоняла громада каменных шпилей, торчавших из воды и из береговых осыпей. Горы то появлялись, то исчезали в тучах, словно размываемые облаками, висящими в воздухе, как белые столбы. Между «Космократором» и заливом начала курсировать моторная лодка. Мы перевозили приборы, аккумуляторы, катушки кабеля, а также стальные звенья конструкции, из которых предстояло построить на берегу небольшую пристань. Она должна была облегчить выгрузку тяжестей.

Когда приготовления закончились, Осватич отправился вместе со мной в обход Белого Шара на поиски подземных проводников. Мы пользовались индукционными аппаратами. Электрическое эхо первой трубы слышалось ниже большого каменного ребра над заливом. Это была та самая труба, которая, проходя на юго-восток через ущелье, кратер и плоскогорье, достигала долины озера с железным берегом. Обозначив ее место наскоро набросанной кучкой камней, мы пошли дальше. Я заметил, что каменистая почва была суха, хотя все еще моросил мелкий дождь. Падая на скалу, капли испарялись: такая она была горячая. Все трещины в грунте были заполнены летучим песком. Крупнозернистый и твердый, он трескался под сапогами и поднимался маленькими облачками, а когда налетал ветер, все вокруг покрывалось серой пылью. Спустившись с возвышенности над заливом, мы потеряли Белый Шар из виду: его заслонили громады каменных шпилей, доходивших иногда метров до тридцати в высоту. Эти толстые гладкие столбы торчали среди предательских каменных глыб, которые, несмотря на свою величину, были очень зыбкими и уходили из-под ног, как лопушки. Мы по очереди искали места для установки осциллографов над остальными трубами. Дождь прекратил-

ся, и в тучах кое-где появились зеленые просветы. Туман снизу все густел, зато наверху воздух становился прозрачней. Наконец ветер согнал туман на озеро и показались склоны долины. Примерно в километре от берега среди камней зеленым пятнышком виднелась палатка наблюдательного пункта, откуда Лао Цзу следил за нашей работой.

Поставив последнюю каменную пирамидку там, где под щебнем проходила одиннадцатая труба, мы вернулись на ракету. Солтык и Райнер поплыли к берегу. Погода устанавливалась: по небу, сиявшему чистой зеленью, плыли прозрачные белые облака; солнце появлялось каждые несколько минут, и в его блеске окрестность как бы разрасталась — в позолоченных скалах показались синие полосы оврагов и ущелий; свет был такой яркий, что невооруженным глазом виден был каждый камень на другом берегу озера. В большую подзорную трубу на треноге мы видели с палубы ракеты, как Солтык и Райнер входят в залив и поднимаются на возвышенность. У каменного ребра Лао Цзу задержал их, а нам сообщил, что гравиметр указывает на колебания силы поля. В ту же минуту воздух над берегом начал переливаться, как гнутое стекло; в нем повисали разноцветные плоские радуги, медленно опускавшиеся на поверхность воды, а контуры дальних скал трепетали, как копящееся пламя, и их окружала светлая каемка. Через некоторое время все успокоилось, и наши товарищи смогли приступить к работе. То один, то другой спускался к пристани и, нагруженный тяжелым прибором, карабкался вверх, исчезая в лабиринте выветрившихся обломков. Через четыре часа место на наблюдательном пункте занял Райнер, а в глубь местности пошли Лао Цзу и Тарланд. Солтык, приплыв в моторке, сообщил, что вблизи Белого Шара радиосвязи мешает сильный гул токов. Все работавшие на берегу были вооружены сигнальными ракетницами для связи с наблюдательным пунктом, если радио откажет.

В шесть часов вечера все аппараты были расставлены, опоясывая Белый Шар почти полуторакилометровым кругом. Каждые два часа их нужно было обходить, вынимать пленки с записью токов и закладывать новые. В восемь часов мы привезли первую партию и тотчас же отправили их в кабину «Маракса». Через два часа на берег поехали Райнер и

Солтык. Они выполнили свое задание без всяких помех и привезли следующую партию пленок. Если Арсеньев не сидел с Чандрасекаром у «Маракса», он выходил на палубу, чтобы проверить показания главного гравиметра. Кончался десятый час земного вечера. Солнце просвечивало сквозь легкие перистые облака, а вода в озере стояла так неподвижно, что внутри ракеты не ощущалось ни малейшего колебания. Когда очередь снова дошла до нас с Осватичем, высоко среди каменных шпилей, повыше невидимого с озера Белого Шара, в воздухе образовалось размытое мутное облачко, словно перед началом смерча. Лао Цзу, находившийся на наблюдательном пункте, задержал нас у берега, выпустив три красные ракеты и одну дымовую. Похоже было, что Белый Шар начинает пробуждаться: от озера долетали все более сильные порывы ветра, а температура береговых скал за несколько минут поднялась градусов на двадцать. В то же время гул токов мешал радиосвязи на расстоянии свыше нескольких метров. Напряжение поля поднялось несколькими небольшими скачками, но потом установилось. Физик сигнализировал нам, что можно идти. Мы взобрались на скалистое ребро. У самой его грани стоял первый аппарат, укрытый маленьким парусиновым шатром; сменив пленку, что заняло несколько минут, мы двинулись дальше. С вершины возвышенности открывалось большое пространство. Воздух был очень прозрачный, только самые дальние вершины были окутаны легкой дымкой. Вдруг я остановился: на лежавшей у наших ног изрезанной складчатой каменной равнине ничего не было — торчали только каменные шпили, виднелись груды песка и выветренные глыбы.

— Осватич, смотрите! — крикнул я. — Белый Шар исчез! Он посмотрел прямо вперед.

— Что за черт!

— Погодите, погодите, — говорил я. — Мне помнится, что вон та большая глыба под тремя шпилями была справа от Шара, а те конусы — слева. А теперь глыба совсем рядом с конусами, там нет свободного места... Где же стоял раньше Белый Шар? Если бы даже он упал, то осталась бы яма!

Мы беспомощно переглянулись.

— Что делать? — спросил я.

Мы повернулись к дальнему склону, где на сером фоне

зеленела палатка гравиметра, казавшегося отсюда не более спичечной головки. Я попытался вызвать физика по радио, но услышал только частые, как пулеметная пальба, потрескивания. Тогда я выпустил одну белую ракету и две дымовые, что по условленному коду означало: «Можно ли идти дальше?» Прошла добрая минута, пока вдали поднялась зеленая звездочка, повисла в воздухе и медленно опустилась, сдуваемая ветром на озеро.

— Все в порядке, — сказал Осватич.

Мы одновременно повернули голову, и оба удивленно вскрикнули: Белый Шар стоял среди скал огромным светлым куполом, окруженный широкой полосой.

— Это, наверное, был мираж, — вымолвил я наконец, не совсем веря в сказанное, и стал спускаться.

Все осциллографы были соединены между собою тонким кабелем, синхронизировавшим их показания, и мы пошли вдоль белого провода, то поднимаясь на груды камней, то спускаясь с них. У каждого аппарата мы задерживались: я вынимал барабан с заснятой пленкой, а Осватич закладывал новый из запаса, который был у него в рюкзаке. Меньше чем за час мы обошли девять аппаратов. Путь к десятому вел по верху каменной возвышенности. Слева поднималась над кремнистыми шпильями вершина Белого Шара, справа склон оказался вдавленным, как корыто: это углубление было наполнено грудями камня и походило на заброшенную каменоломню. Я случайно взглянул туда — и остолбенел. Внизу, метрах в ста от меня, на большом камне сидел кто-то — темная, коренастая, совершенно неподвижная фигура. Осватич, шедший впереди меня, отделился шагов на двадцать. Я окликнул его; он обернулся и тоже остановился, как бы растерявшись. Перепрыгивая через наваленные камни, не задумываясь, кинулся я вниз. На миг я потерял фигуру из виду, а когда приблизился к ней настолько, что смог разглядеть ее как следует, то убедился, что это вовсе не человек. Большая, продолговатая глыба неправильной формы упиралась в плоский валун. Свет ярко отражался от ее блестящих темных граней. Странно, что даже издали я принял ее за человека, — только если смотреть сверху, она немного напоминала склоненный торс.

— Это сгусток лавы! — крикнул я.

Осватич, стоявший на возвышенности, смотрел в мою сторону. Конечно, он меня не слышал, так как электрические помехи были очень сильны. Я махнул ему рукой, показывая, что ошибся. Он повернулся и пошел дальше. Неподалеку из-за каменной пирамидки торчала верхушка палатки над десятым осциллографом.

— Подождите! — крикнул я и побежал вверх по склону.

Осватич замедлил шаг, но не остановился. Его темный силуэт выделялся на светлом фоне Белого Шара.

— Подождите! — крикнул я еще раз.

Вдруг все пространство передо мною искривилось и присело, словно я увидел его отражение в неожиданно согнувшимся блестящем жестяном листе. Потом все заволновалось и вернулось в прежнее положение. Я стоял как вкопанный. Осватич исчез. Только что я видел его движущуюся спину, блеск его шлема; он ступил на большую плоскую глыбу серебристого камня, сделал шаг или два и... исчез, словно растворился в воздухе. Несколько секунд я стоял окаменев, потом пустился что было сил к этому месту.

— Осватич! — кричал я. — Осватич!

Никакого ответа...

Стараясь не терять из виду отличавшуюся по форме и цвету плиту, я полез по каменным глыбам, наваленным у гребня возвышенности, и наконец очутился наверху. Поверхность этой большой плиты, наклоненной в мою сторону, была покрыта как бы крупным инеем и потому так блестяла. Она вся заросла мелкими хрустящими кристаллами. В одном месте я увидел на ней длинную беловатую черту. Камень был довольно мягкий, и шип башмака оцарапал его. Я подумал, не прыгнул ли Осватич на другую сторону. Там находилась ниша, образованная двумя опиравшимися друг на друга скалами; она была совсем светлая и внутри усыпана мелким гравием, на котором валялось несколько крупных, совершенно черных валунов величиной с буханку хлеба.

— Осватич! — позвал я, но не очень громко. Ведь я видел его стоящим на этой плите. Он не пошел прямо и не мог скрыться в нише: путь туда вел через одну из высоких глыб, и я непременно увидел бы, как он на нее взбирается. Я ни на миг не спускал глаз с этого места, могу поклясться! И все-таки его не было. У меня опустились руки — искать по-

просту было негде, но я все же бегал среди камней и звал его. В ответ раздавался только треск электрических разрядов. Я вернулся на гребень, чтобы подать сигнал. Поднимая пистолет, я заметил, что Белого Шара тоже нет: он снова исчез, как в тот раз, когда мы с Осватичем стояли над долиной. Раньше он заслонял вид на склоны, в которых открывалось большое ущелье. Теперь устье ущелья было ясно видно.

Я чувствовал себя, как боксер, поднимающийся с пола после сильного удара в челюсть. Мне хотелось бежать на помощь Осватичу, бороться с опасностями, которые ему угрожали, но не было ни Осватича, ни какой-либо явной опасности. Я выпустил красную ракету, чтобы оповестить, что произошел несчастный случай, а потом сел на край серебряной плиты и, свесив ноги, следил, как на холмах появились два черных медленно ползущих пятна: два человека в скафандрах. Они быстро поднимались, где могли, бежали, потом исчезли за кремнистыми шпильями и только через сорок минут очутились около меня. Это были Лао Цзу и Солтык. Узнав, что случилось, инженер вскочил на край плиты и закричал:

— Осватич! Ян! Ян!

— Это бесполезно, — сказал я. — Он никуда не ушел. Вот его след на камне.

Солтык наклонился, разглядывая камень. По блестящей поверхности наискось шла белая черта. И только...

— Он наступил здесь сильнее, — пояснил я, — и оцарапал камень. Иначе не могло быть.

— Но куда он девался?

Заметно было, что Солтык очень расстроен. Я пожал плечами.

Лао Цзу стоял на камне. Не отнимая бинокля от окошка шлема, он спросил:

— У кого из вас были заснятые пленки?

— У меня.

— Они у вас в рюкзаке?

— Да.

— А из десятого аппарата вынимали пленку?

— Нет. Осватич как раз шел туда, чтобы...

— Хорошо.

Физик сошел с глыбы и направился к палатке, темнев-

шей внизу, в нескольких десятках шагов от нас. Тем временем Солтык сбежал к нише.

— Господи! Господи! — бормотал он, оборачиваясь во все стороны. — Что это может быть? Он стоял здесь? — спросил он меня снова.

— Да, здесь.

— Идемте же! — крикнул он. — Общем как следует это проклятое место.

Я посмотрел на него: он поднимал большие черные камни. Это было бы смешно, если бы не случившееся несчастье.

Лао Цзу окликнул меня. Я подошел и заметил, что китаец стоит как-то странно, — сильно наклонившись, словно сейчас потеряет равновесие, но не падая. Я уже хотел спросить его, что это значит, как увидел, что и сам, совершенно того не замечая, стою так же наклонно.

— Профессор, — вскричал я, — смотрите, как мы ходим!.. Что это такое?

— Сейчас не время для объяснений. — Он подал мне вынутый из аппарата барабан и закрыл крышку. — Остался еще один, за той скалой. Подержите-ка. — И протянул мне свой электрометр.

Подошел Солтык. Он остановился и с минуту смотрел на нас.

— Профессор... — заговорил он дрожащим голосом, — сейчас... Что вы делаете? Сейчас — пленки?!

Лао Цзу не ответил. Он, как и я, понимал, что от Солтыка сейчас нельзя ждать никакой помощи. Я не двигался с места, поглядывая то на удалявшегося профессора, то на Солтыка. Порывистый ветер трепал на инженере складки комбинезона, который был ему чуть-чуть широк. Слобно оцепенев, он всматривался в каменную плиту, на которой я в последний раз видел Осватича. Через несколько минут вернулся Лао Цзу. Он подал мне катушку.

— Идите скорее к берегу и отправляйтесь в моторке на ракету. Профессор Чандрасекар ждет пленки. Это очень срочно.

— А... вы?.. — спросил я.

— Мы останемся здесь.

— Вы будете его искать?

— Идите, пожалуйста, поскорей, — сказал Лао Цзу, и что-то твердое как сталь прозвучало в его обычно мягком голосе.

Я побежал, стараясь не задерживаться даже там, где камни лежали неустойчиво и скользили при каждом прикосновении. В воздухе слышался неопределенный далекий гул. Сквозь скафандр чувствовались горячие порывы ветра. С поверхности озера, лежавшего за длинной песчаной косой, медленно поднимались клубы пара.

На бегу я услышал странное шипение. Взглянув под ноги, я увидел, что подошвы сапог дымились. Почва нагревалась, словно под ней пылал невидимый огонь. Я остановился. Что делать? Вернуться к Солтыку и Лао Цзу? Становилось все темнее, с озера плыли густые клубы пара, порывы ветра обдавали жаром, словно огромная горящая печь. Но надо было отнести эти проклятые пленки, и я побежал дальше. Перепрыгивая с камня на камень, задыхаясь, обливаясь потом, я достиг наконец лодки, прыгнул в нее с такой силой, что она закачалась и зачерпнула воды, и помчался к «Космократору», прожектор которого оранжево светился в тумане.

На палубе ракеты расхаживал, заложив руки за спину, человек в скафандре. У меня мелькнула безумная мысль, что это Осватич. Я кинулся к лестнице и в один миг был уже наверху. Там стоял Арсеньев. Свет прожектора позади него озарял нас ярким сиянием и отбрасывал во мглу большие размытые тени.

— Где остальные? — спросил он.

— Они там... — ответил я. — Осватич... исчез.

— Как это исчез? — сердито спросил Арсеньев. — Упал куда-нибудь?

— Нет, не упал. Просто исчез. Я видел, как он стоял на большом камне, это было неподалеку от десятого аппарата. Потом в воздухе замелькало, и когда я подбежал туда, его уже не было. Там нет никаких трещин, ровное место, и лишь с одной стороны неглубокая впадина.

— А Белый Шар?

— Что?..

— Я спрашиваю, вы видели Белый Шар?

— Нет. Он тоже исчез.

— Так... — произнес астроном. Он помолчал, потом поднял голову: — Пленки у вас?

— Да. Профессор... — Я не мог больше сдерживаться. — Мы должны ехать на берег! Они сгорят там! Когда я возвращался, скалы становились все горячее, я...

— Лао Цзу там?

— Да. И Солтык тоже.

— Отнесите, пожалуйста, пленки к «Мараксу».

— А товарищи?

— Они и без вас справятся.

— Но я могу сейчас...

— У берега стоит еще одна моторка. Вы там не нужны.

Можете идти.

Я спустился по железной лестнице в шлюзовую. Как только сжатый воздух вытеснил ядовитую атмосферу Венеры, я прямо в скафандре, только сняв шлем, прошел в кабину «Маракса» и отдал пленки. Потом, стоя у двери, смотрел, как Чандрасекар надевает катушки на длинную горизонтальную ось, как всовывает концы пленок в прорези на пульте и передвигает рукоятки контактов. Пленки быстро разматывались и исчезали в глубине аппарата. Чандрасекар перевел еще несколько рычагов. Экраны загорались один за другим, словно огромные светящиеся глаза: красные и синие контрольные лампочки мигали, разгорались и вскоре засияли так ярко, что затмили зеленоватое свечение экранов. Как зачарованный смотрел я на пальцы Чандрасекара, бегавшие по клавишам. Каюта наполнилась певучим жужжанием. На экранах мелькали зеленые молнии, слышалось короткое, частое щелканье контактов, стрелки измерителей приближались к границам перегрузки, а математик нажимал все новые и новые кнопки. Несколько раз под ударом тока громко гудел трансформатор или шипела электрическая дуга, разрываясь на клеммах переключателей. Некоторое время Чандрасекар стоял неподвижно, наклонив набок голову, и, прищурясь, смотрел на трепещущие огни. Потом отошел от пульта. Еще раз он окинул взглядом все экраны и повернулся ко мне.

— Ну вот, теперь «Маракс» должен показать свои возможности. Вы понимаете, в чем дело? Поле тяготения образуется вследствие наложения отдельных импульсов тока друг на друга. С помощью анализа Фурье эти десятки миллиардов колебаний, записанных осциллографами, должны...

Для меня это было уже слишком.

— Оставьте меня в покое! — крикнул я. — Осватич исчез!..

Чандрасекар вздрогнул.

— Что? Что случилось?..

Мне пришлось еще раз рассказать обо всем. Слушая, Чандрасекар не спускал глаз с экранов. Я невольно следил за его взглядом. Светлые линии, змеившиеся на боковых экранах, постепенно бледнели, сливаясь с фосфоресцирующим фоном. Зато на среднем экране светлая полоса проступала все ярче.

— Лао Цзу там? — спросил Чандрасекар, когда я кончил. Жужжание аппарата прекратилось. Контрольные лампочки погасли, боковые экраны посветлели, а на среднем появилась неподвижная, дважды изогнутая кривая. Глаза у Чандрасекара сузились и засверкали.

— Так она периодическая! — вскричал он. Потом на губах у него проступила слабая, немного виноватая улыбка. — Вам кажется бесчеловечным, что я в такую минуту...

Голос у него прервался, он покачнулся, отступил на шаг и прислонился к блестящей боковой стенке пульта. Падавший сверху свет подчеркивал глубокую впалость его висков и щек. Только сейчас я понял, что он в последнее время не отходил от «Маракса». Днем и ночью горела красная лампочка над дверью кабины.

Математик закрыл глаза и слегка шевельнул плечами, словно желая сбросить невидимую тяжесть.

— Это ничего, — сказал он. — Они вернуться, если... — Он не окончил. — Где Арсеньев?

— Наверху.

— Могли бы вы позвать его? Скажите — очень важно.

Я нашел астронома на палубе. Склонившись над гравиметром, он напряженно следил за его стрелкой. Рядом с ним красновато расплывался в густом тумане яркий и толстый, как колонна, луч прожектора.

— Напряжение пока не растет... — отозвался Арсеньев тихо, словно не слыша меня. Я повторил, что Чандрасекар просит его спуститься. Он вдруг выпрямился. — Что, уже? Ну, какая она?

Я не понял, о чем он спрашивает, но, вспомнив восклицание математика, ответил наудачу:

— Периодическая.

Арсеньев, не говоря больше ни слова, кинулся к шлюзу.

— Ехать мне на берег? — крикнул я ему вслед.

Он остановился.

— Нет! Вы ничем не можете помочь! Следите, пожалуйста, за радаром и за прожектором. Ракетница вон там, рядом.

Он исчез в колодце шлюза.

Долина была наполнена горячим, лениво клубившимся дымом. Корпус ракеты чернел в нем, как плавающая по волнам мертвая туша кита. Рядом с прожектором стоял портативный радароскоп с двумя эллиптическими антеннами, направленными в сторону берега. Обеими руками я вцепился в металлическое кольцо штурвала. На экране виднелась бухта, по которой должны были вернуться товарищи. Сейчас она была пуста, только тянулись облачка дыма, более темного, чем туман. Я взглянул на фотоэлемент, расположенный под экраном. Он показывал температуру береговых скал: двести шестьдесят градусов. Руки мои сжали металлические рукоятки прибора. Двести шестьдесят градусов! Температура воздуха тоже сильно поднялась; он нагревался, как в печи: восемьдесят, восемьдесят пять, девяносто градусов... Долго ли может выдержать человек, даже в защитном скафандре?

Минуты шли, и каждая казалась вечностью. Явственно слышалось шипенье воды, закипавшей от соприкосновения с раскаленными береговыми скалами. Я поворачивал антенны то в одну, то в другую сторону и хотел уже перестраивать их, как вдруг в поле зрения что-то мелькнуло: шел человек!

У прожектора стоял внутренний телефон. Не снимая трубки, я включил длинный звонок и снова припал к радару. Темное пятно медленно двигалось среди скал... исчезло ненадолго... снова появилось... потом распалось на два меньших, странно искаженных...

И вдруг я отчетливо увидел: двое несли третьего. Они старались добраться до моторки по камням у берега, но между последним камнем и моторкой лежала темная полоса воды. Они остановились, очевидно совещаясь. Как я жалел, что не отправился туда, несмотря на приказание астронома! Я мог бы им помочь. Я кричал, давал им советы, не созна-

вая, что они не могут меня услышать. И вдруг один из них сделался меньше. Я понял: он наклонился, чтобы подтянуть моторку за канат, которым она была привязана к берегу. Но это было невозможно, так как мешали подводные рифы. Будь они одни, им легко бы удалось перескочить через эту полутораметровую полосу воды, но третий... Было мгновение, когда я хотел уже бежать к фалрепу, но тут человек, тянувший за канат, оставил свои попытки, повернулся к своему спутнику и сделал знак. Оба подняли неподвижное тело и, держа его высоко над головой, вошли в кипящую у берега воду. Погрузившись в нее по пояс, окутанные клубами пара, они перебросили своего товарища через борт в лодку и вскарабкались туда сами. Прошло еще несколько бесконечно долгих секунд, и мотор зашумел. Лодка двинулась.

— Почему вы кричите? Почему вы так кричите? — вот уже несколько раз повторял мне Арсеньев. Позади него стояли в скафандрах еще двое — Тарланд и Чандрасекар. Я совсем не замечал, что смеюсь и кричу от радости.

Когда лодка подошла к трапу, мы втроем кинулись к ней.

— Меня не надо, я сам, — простонал Солтык, когда с последней ступеньки лестницы я протянул руку, чтобы помочь ему. — Я сам... Скорее профессора Лао... У него разорван скафандр...

ПРОФЕССОР ЛАО ЦЗУ

Мы внесли Лао Цзу и Осватича в шлюзовую камеру. Они оба были без сознания. Я задержался на палубе, чтобы втащить моторку, а когда спустился в коридор, Райнер и Тарланд укладывали их на носилки: скафандры с них еще не сняли, и только шлемы лежали на полу. Восковые лица покрывал пот. Я хотел помочь, но Арсеньев велел мне идти в Централь. Нужно было немедленно взлететь.

Из-за всех этих волнений я совсем забыл о том, что происходит в долине. На экранах телевизоров вились желтоватые клубы, словно дым горящей серы. Ракета взлетала и падала на волнах. Все вокруг превратилось в кипящий котел, в котором раздавались глухие шумы, шипенье, свист. Когда

я вошел в Централь, в тучах загрохотали первые раскаты грома.

Я включил атомный двигатель и, не ожидая, пока он заработает на полную мощность, перевел рычаги «Предиктора» на старт со вспомогательным горючим. Раскаленные газы ринулись в воду. В глухом бурлящем кипении «Космократор» рванулся, потом некоторое время двигался боком, поднимая огромную волну, затем разогнался, уже не чувствуя, как бьют в него водяные горы, и под острым углом взвился в просторы бушующего ветра. Береговые скалы изгибались и искривлялись на экране, словно в судорогах: боясь столкнуться с ними, я все форсировал работу турбореакторов и вздохнул свободнее только тогда, когда заработали главные двигатели. Они загудели так мощно, что заглушили плеск волн и шум ветра. На экранах мелькали голубовато-белые струи дыма. Потом мы попали в тучу, черную, как густой лес. Я волновался, так как впервые стоял у «Предиктора» один в опасную минуту взлета. Но пока все шло хорошо. Ветер свистел в оперении, двигатели работали равномерно, скорость возрастала. Между тучами все время взлетали струи фиолетового огня, рассыпаясь с протяжным грохотом.

В кабину вошел Солтык. Не спуская глаз с приборов, я засыпал его вопросами. Он не сразу ответил мне. Оказалось, что перед тем как войти в воду, он надул свой комбинезон воздухом, и этот изолирующий слой предохранил его от ожогов. С профессором было хуже. Он не мог этого сделать, так как его скафандр был разорван возле шлема. Всю дорогу он придерживал разрыв рукой, но когда переносили Осватича в лодку, ему пришлось освободить обе руки. Этих нескольких секунд было достаточно, чтобы пары формальдегида и углекислоты проникли в воздух, которым он дышал. Отравленный, он потерял в лодке сознание.

— А что с Осватичем? — спросил я. — Где вы его нашли?

Солтык медлил с ответом. Он стоял перед щитом с указателями торможения, пристально вглядываясь в них, хотя они ничего не показывали, так как были выключены.

— У Осватича тепловой удар, — сказал он наконец. — Но кажется, ничего страшного. Он шевелился, когда мы его несли.

— Ну хорошо, а где же он был?

— Не знаю.

— Что вы говорите?

На экране светлые волнистые облака прорезали темные тучи. Создавалось впечатление, что мы летим над архипелагом гористых островов.

— Профессор дал мне веревку... Мы связались, и он велел мне идти за ним так, чтобы она была все время натянута, а сам пошел вперед. Так он нашел Осватича.

— Где?

— Не знаю. Он вдруг исчез.

— Кто? Профессор?

— Да. Исчез, словно провалился сквозь землю. Но я чувствовал его движения, потому что мы были связаны веревкой. Вы понимаете? Нет, этого понять нельзя. Я говорю вам: как вы видите сейчас меня, так я видел эту веревку. Конец ее висел в воздухе, натянутый, — и больше ничего не было.

— Ничего?

— То есть были камни, воздух, но ни профессора, ни Осватича... Потом, может быть через минуту, веревка дернулась: это был условный знак. Я потянул и вытащил обоих. У профессора был разорван скафандр.

— Он упал?

— Не знаю. Очевидно.

— Но где же он был?

— Я сказал вам, не знаю.

— Как? Вы его не спросили?..

— Нет... Да и вы бы не спросили после того...

Он вдруг повернулся, и я увидел его потемневшее, ожесточенное лицо.

— После вашего ухода... я вел себя, как щенок! Я скулил, кричал на него, потому что он преспокойно расхаживал со своим аппаратом, как в лаборатории... Я не понимал, не мог понять, зачем он это делает!

Через некоторое время Солтык продолжал уже спокойнее:

— Еще на Земле кто-то говорил, что Лао Цзу похож на подвергнувшееся закалке стекло: прозрачное, гладкое, самое обыкновенное, но кто попробует откусить, поломает зубы. Я хотел оправдаться. Он ответил мне какой-то поговоркой...

Камни горели у нас под ногами, я думал, что мы расплавимся, а он... Вы знаете, какие были его первые слова, когда он очнулся в каюте? Он спросил у Чандрасекара, готовы ли результаты расчетов!

«Космократор» достиг своей крейсерской скорости. Я отошел от экранов, но старался не смотреть на Солтыка: так ему было легче. Я понимал, что слова утешения не помогут. Лао Цзу дал ему хороший урок, да еще в каких условиях! Я вспомнил о своем приключении в Мертвом Лесу...

— Если хотите, идите к нему, — сказал Солтык. — Я сменю вас. Не могу смотреть ему в глаза.

Я не заставил повторять это дважды. Когда я вошел в каюту, Тарланд как раз снимал с койки Осватича целлофановую палатку, под которой устраивали искусственную кислородную атмосферу. У больного, лежавшего высоко на подушках, щеки уже порозовели. Ученые сидели за столом, и среди них я, к величайшему своему изумлению, увидел китайца. Впервые я увидел его не в обычном темном костюме, а в длинном шелковом вишневом халате, расписанном сказочными драконами. Он был по пояс укрыт одеялом, из-под которого виднелись белые забинтованные ноги. Лао Цзу был спокоен, как всегда, но несколько бледнее обычного. Арсеньев подвинулся. Я сел. Осватич только что начал рассказывать о своем приключении. В нескольких словах он обрисовал наше путешествие вокруг Белого Шара и дошел до того момента, когда я, обманутый контурами черного камня, отошел от него. По его словам, он не слышал моего оклика и потому пошел дальше. И вдруг все вокруг него исчезло.

— Мелькнули один за другим все цвета радуги — от ярко-желтого до темно-фиолетового. Мне показалось, что-то сильно пригнуло меня к земле. Я потерял равновесие, проковылял несколько шагов, и вдруг брызнул такой яркий свет, что я вынужден был закрыть глаза. А когда открыл их, то оказалось, что нахожусь внутри огромного, освещенного белым светом шара. Совершенно гладкие, выгнутые стены окружали меня со всех сторон. Я подумал, что отверстие, через которое я попал сюда, находится позади меня. Обернулся, но там не было никакого выхода — такая же гладкая стена. Почва, на которой я стоял, была усеяна камнями. По-

нятно ли я объясняю? Казалось, кто-то срезал нижнюю часть громадного полого шара и накрыл меня им, как муху стаканом. Я постоял под огромным шарообразным куполом у стены, а потом медленно направился, разглядывая каждый камень, к центру шара.

И вдруг произошло что-то странное. Не сделал я и четырех-пяти шагов, как выгнутая стена, к которой я приближался, стала свертываться и отступать. Еще два шага, и я стоял уже перед отвесной, совершенно плоской стеной. Я обернулся. Шар исчез. Позади был непроглядный мрак. Я пошел к этой плоской светящейся стене, и чем ближе я подходил, тем выпуклой она становилась, словно ее надували сзади. Я был уже совсем близко, мог бы дотронуться до нее рукою... и вдруг увидел, что стою под стенами огромного шара, но на этот раз снаружи.

Я обежал вокруг. Он был величиной с Белый Шар, совершенно гладкий, без следов каких-либо щелей или отверстий. Сознание, что позади нет стен, успокаивало. Я подумал, что теперь сумею выбраться, но когда направился туда, в эту темноту, шар, оставаясь позади меня, начал изменяться: вытянулся в высоту и ширину, разросся во все стороны и вдруг накрыл меня, так что я опять оказался внутри. Тогда я начал бегать во все стороны. Стоило мне направиться к середине, как стены передо мной раскрывались, выравнивались, сворачивали в другую сторону и превращались в выпуклый шар, окруженный глубочайшим мраком. А когда я направлялся в этот мрак, шар позади расширялся, становился плоским, изгибался и снова охватывал меня со всех сторон. Сначала мне казалось, что это какой-то механизм, но механизм не мог бы так вести себя. Потом я пробовал выбраться несколькими быстрыми прыжками, кидался вправо, влево, прямо, но всюду натыкался на гладкую стену.

Это слишком страшно, чтобы можно было описать. Совершенно черный, непроницаемый мрак, посредине шар, который то запирал меня, то снова выбрасывал. Я был то внутри, то снаружи, и при этом никакого намека на щель или отверстие. Куда бы я ни шел, всюду натыкался на гладкую стену. Эти огромные белые поверхности кружились у меня перед глазами, сжимались, вытягивались и то накрывали меня, то словно выплевывали. Не знаю, долго ли это

продолжалось — может быть, час. Вскоре стало невыносимо жарко. Почва под ногами пылала. Мне казалось, что мой шлем раскалился докрасна. Дышать становилось все труднее, воздух в скафандре жег, как огонь. Охладитель не действовал. Задыхаясь, я упал. Кажется, ударился головой... Что было дальше, не знаю...

Осватич снова опустился на подушки.

— Вот и все. Я ничего не понимаю. Во всем этом нет ни капли смысла.

— Я бы этого не сказал, — возразил Арсеньев.

— Вы думаете, что у меня были галлюцинации?

— Ничуть не бывало. А что касается «бессмысленности» того, что вас окружало, то так мог бы сказать и муравей, попавший внутрь пипшущей машинки. Мир не вращается вокруг нас. Мы случайно оказались в поле действия неизвестных нам сил.

— Хотя мы еще всего не знаем, — произнес Лао Цзу, — но то, что случилось с нашим товарищем, вполне объяснимо. Я могу ответить на вопрос, каким образом все это происходит. Но меня беспокоит, что нельзя ответить на другой вопрос: с какой целью это делается?

— Вы можете объяснить, как я попал внутрь замкнутого шара?

— Да.

— И почему я был то вне, то внутри его?

— И это тоже.

— И откуда там взялся свет, хотя вокруг была полная тьма?

— Да.

— Так говорите же!

— Ключ загадки — в двух словах, — ответил физик. — Вы были в *сферическом пространстве*.

Он придвинулся к столу.

— Почему мы видим какой-нибудь предмет? Только потому, что отраженные от него лучи света попадают в наш глаз. Но если все световые лучи замкнуты в ограниченном пространстве и остаются там все время, то это пространство становится для внешнего наблюдателя невидимым. Однако у такого наблюдателя не создается впечатления, что на этом месте находится просто черное пятно. Световые

лучи либо огибают это место, либо остаются в нем. В обоих случаях сферическое пространство — настоящая «ловушка» для света — остается невидимым. Наблюдателю кажется, будто из пейзажа вырезан кусок, а края выреза непонятным образом соединены вместе. Еще у первого аппарата, на возвышенности, вы остановились, не зная, что делать, так как потеряли из виду Белый Шар. Он исчез. Так и было, не правда ли?

Мы с Осватичем кивнули.

— А он был на своем месте, только невидим для вас. И вот вам объяснение. Когда Белый Шар действует, вокруг него возникает гравитационное поле, которое искривляет пространство. Когда это искривление переходит известный предел, пространство словно свертывается и замыкается в себе. Получившееся таким образом сферическое пространство может расширяться и сжиматься, как пузырь, в зависимости от силы поля. Когда Осватич подходил к десятому аппарату, гравитационный потенциал вдруг увеличился, сферическое пространство расширилось и поглотило то место, где он стоял. В следующую минуту тяготение уменьшилось, и сферическое пространство сократилось, но в это время Осватич стоял уже вблизи Белого Шара, и поэтому Смит увидел только пустое место. Вот разгадка первой загадки — загадки исчезновения.

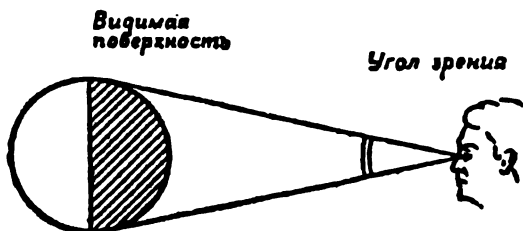
Далее. Вы видели радужные цвета, — обратился физик к Осватичу. — Это очень интересно. В тот момент через место, где вы стояли, проходила граница между обычным пространством и сферическим. Вследствие интерференции световых лучей, а также вследствие особых условий преломления белый солнечный свет на границе обоих пространств разложился, как в призме. Откуда взялся яркий свет, ослепивший вас? Пока Белый Шар действует достаточно интенсивно, сферическое пространство вокруг него днем и ночью освещено падающим светом, ибо световые лучи идут там по круговым орбитам: пойманные днем, они не могут больше вырваться и кружатся бесконечно.

Идем дальше. Очевидно, шар, который вы видели, и был Белый Шар. Однако вы все время находились вне его, а впечатление, будто вы попали внутрь, создавала перспектива сферического пространства, отличная от линейной перспек-

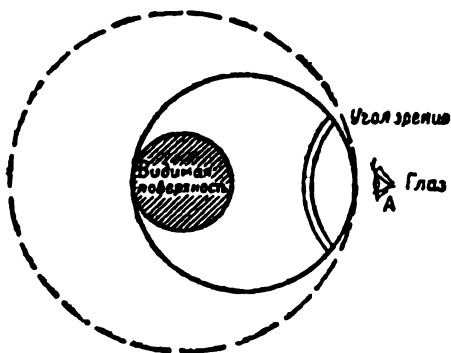
тивы окружающего нас мира. Вы вели себя так же, как — простите за сравнение — пьяный, бегающий около круглой будки и жалующийся, что его в ней заперли. Ваше вынужденное пребывание внутри шара было мнимым.

— Это невозможно!

— Вы ошибаетесь. — Лао Цзу взял листок бумаги и, рисуя, продолжал говорить. — В обычном пространстве, глядя на шар, мы видим его вот так:

Это происходит потому, что свет распространяется прямолинейно, по кратчайшему расстоянию между предметом и глазом. В сферическом же пространстве свет распространяется по дугам кругов. Очутившись перед Белым Шаром, вы видели его вот так:

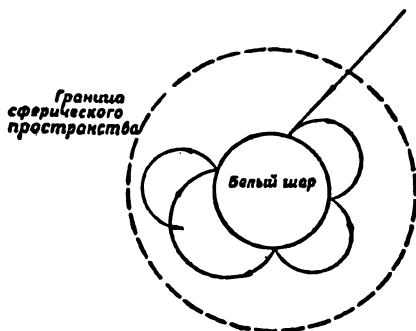
Глаз, расположенный в точке А, видит не только переднюю часть шара, находящуюся перед ним, но и заднюю, в обычных условиях невидимую. А когда в нормальных условиях мы можем видеть всю поверхность шара сразу? Только находясь внутри него. Вот почему вы увидели себя внутри

шара. И еще человек может увидеть шар таким же образом, находясь близ внутренней границы сферического пространства. Входя в глубь пространства, он увидит, как шар изменяет форму, становится сначала плоским, а потом выпуклым. Этот обман зрения вызван свойствами сферического пространства. Когда в обычном пространстве предмет отдален от нас, мы видим, что он постепенно уменьшается. Однако никто не думает, что он на самом деле уменьшается, так как известно, что это вызвано законами перспективы. Линейной перспективой, прибавлю. Теперь учтите, что в пространстве, окружающем Белый Шар, свет распространяется криволинейно и там перспектива сферическая. Предмет (в данном случае шар), видимый вблизи, кажется выпуклым телом. С большего расстояния — бесконечной плоскостью. С еще большего — вогнутой поверхностью. Я мог бы легко доказать это, построив модели этого изображения в сферической перспективе при помощи стереографической проекции тангенциальных световых пучков. Для этого достаточно знать радиусы дуг, описываемых световыми лучами. Однако сейчас я предпочитаю воспользоваться для объяснения аналогией. Если мы смотрим на железнодорожные рельсы, то видим, что на горизонте они сходятся. Но, несмотря на это, мы отлично знаем, что они остаются параллельными. Впечатление, что они сходятся, только кажущееся, и вызвано оно перспективой. Таким же кажущимся было и впечатление, будто шар становится то плоским, то выпуклым. Живи мы постоянно в сферическом пространстве, то не принимали бы наши впечатления за действительные изменения формы предметов и научились бы по ним определять расстояния. Ведь, живя в обычном пространстве, мы по опыту знаем, что предметы кажутся нам меньшими по мере удаления от нас.

— А почему я не мог уйти оттуда, если, как вы говорите, я все время оставался вне шара? — спросил Осватич.

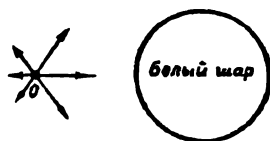
Физик слегка улыбнулся.

— Если бы вы отошли от шара, закрыв глаза, то вам удалось бы миновать границу сферического пространства. Но вы руководствовались своим зрением, а зрение повиновалось законам криволинейного распространения света. Вы ходили вот так:

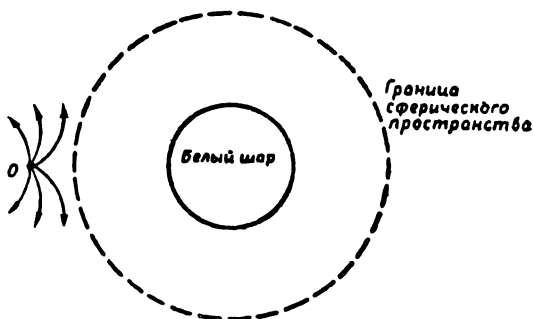
— А почему я не попал в сферическое пространство, — спросил я, — хотя тщательно обшарил всю местность?

— Потому, что вы подверглись такому же обману зрения, как и Осватич. Обозначим точку, в которой исчез Осватич, буквой «О». Покажите, пожалуйста, в каком направлении вы его искали?

— В этом и в этом, — ответил я и пририсовал стрелки к точке, поставленной физиком.

— Так вам казалось, — возразил он, — но это был обман зрения. В действительности вы двигались вот так:

— Но почему же?

— Потому что так вам подсказывало зрение, а зрение — раб света. Световые лучи близ границы сферического пространства изгибаются, как показывают нарисованные стрелки.

Я поднял глаза на физика.

— Вам все это было известно, когда вы туда пришли, профессор?

— Нет. Я знал только, что тяготение увеличилось. Вы помните, как мы ходили, наклонившись набок, словно падая?

— Да! В самом деле! Я даже спросил вас...

— Мы наклонялись потому, что к нормальному тяготению, направленному вертикально вниз, прибавилось влияние тяготения Белого Шара. Это навело меня на разгадку.

— И этого было достаточно?

— Я в конце концов физик, — произнес Лао Цзу.

— А как вы нашли Осватича?

— Чтобы войти в сферическое пространство, нужно было пользоваться не зрением, а другим проводником.

— Каким? Я не могу догадаться.

— А это как раз нечто очень важное. То, чему была посвящена вся наша работа. Вы все еще не догадываетесь? Труба! С помощью индукционного прибора я отыскал ее эхо и пошел по этому следу. Он и привел меня к Белому Шару. Сферическое пространство искривляет только световые лучи, но не материальные предметы.

— Как это просто!

— Верно? Мы связались веревкой с инженером. Он остался снаружи сферического пространства, а я вошел в него и обнаружил там Осватича. Любопытное было зрелище, — прибавил Лао Цзу, помолчав. — Веревка тянулась от меня и вдруг в воздухе оборвалась посередине.

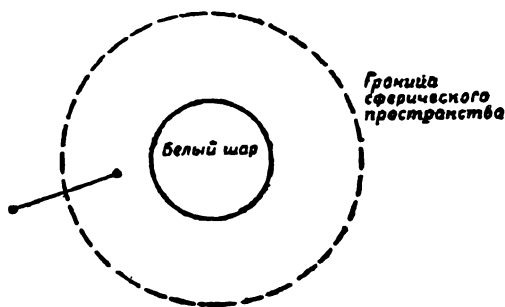
— Как посередине?

— Ну, а где же, по-вашему?

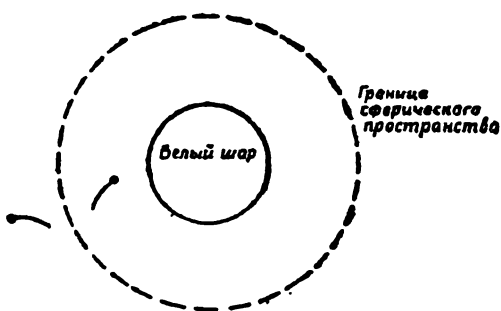
— На границе...

— Границу сферического пространства нельзя увидеть. Сейчас нарисую еще и то, что увидели мы с Солтыком, когда соединявшая нас веревка пересекла в какой-то точке границу сферического пространства. Вот так было в действительности:

а так видели ее мы: он извне, а я изнутри.

— Поразительно! — заметил я.

— Дело привычки. Это не удивительнее, чем увидеть ложку как бы преломленной, если опустить ее в стакан с водой.

— А зачем вы связались веревкой с Солтыком? — спросил я. — Разве труба не могла вас вывести так же, как и привела?

— Могла, — равнодушно отозвался физик, — но я боялся потерять сознание. Температура все время повышалась.

— Где вы разорвали скафандр? И, профессор, — вырвалось вдруг у меня, — я видел вас — входящим в воду! О, это было!.. — У меня не хватило слов.

— Конечно, она была горячая, — произнес Лао Цзу. — Итак, мы обсудили кое-какие явления, которые нам пришлось наблюдать. Позволю себе воспользоваться примером

профессора Арсеньева. Он сравнил нас с муравьями, попавшими внутрь пишущей машинки. То, о чем мы до сих пор говорили, было только некоторым объяснением действий самой машинки, но мы ничего не узнали о гораздо более важной вещи: о том, кто пишет на этой машинке и что он пишет. Я был бы рад, если бы профессор Чандрасекар поделился с нами своими выводами, так как именно он завершил это дело.

— Которое начали вы, — заметил математик.

— Которое мы выполнили вместе, — возразил Арсеньев, — ибо каждый из нас делал то, что ему положено.

Чандрасекар стал перебирать лежавшие перед ним снимки и бумаги, пока не нашел дважды изогнутую кривую, ту самую, которую несколько часов назад я видел на экране «Маракса». Глядя на нее, он заговорил:

— В основе Белого Шара должен лежать вакуумный ускоритель, в котором атомы приобретают почти световую скорость. Согласно закону преобразования Эйнштейна создаются огромные массы — они-то и служат источником гравитационного поля. Для получения этих масс нужна энергия в количестве миллиардов киловатт. Она поступает в Белый Шар по одиннадцати трубам, в каждой из которых ток имеет свой особый ритм. Я напоминаю об этом, чтобы подчеркнуть, что без «Маракса» мы не разобрались бы в анализе колебаний. Теперь мы знаем, что каждый цикл деятельности Белого Шара длится двести девяносто шесть часов и состоит из двух основных фаз. В первой, положительной, возникшее тяготение прибавляется к тяготению планеты. Во второй фазе, отрицательной, тяготение Белого Шара вычитается из тяготения Венеры. Как видите, каждая фаза складывается из целого ряда меньших зубцов... Мы прибыли сюда в то время, когда напряжение поля было положительным, но уже значительно ослабело, а неприятности, испытанные нами, были вызваны вот этим небольшим подъемом кривой.

Все склонились над столом, вглядываясь в место на снимке, указанное математиком, а он продолжал:

— Хуже было бы, подлети мы к Венере в период отрицательной фазы. Человек, например, приближаясь к шару, перестал бы притягиваться планетой, мог взвиться кверху, как воздушный шар, и улететь в межпланетное пространство.

во. Но не в этом дело. Все это, по словам коллеги Лао, относится лишь к объяснению работы машинки. Самое важное сейчас — ответить на вопрос: что может означать этот сложный цикл изменения гравитации, продолжающийся двести девяносто шесть часов, по окончании которого все колебания и пики начинают повторяться с самого начала? Каково может быть назначение, какой смысл скрывается в этих мощных толчках энергии?

Математик остановился. Затем, постукивая при каждом слове пальцем о стол, продолжал:

— Сами по себе явления, вызванные Белым Шаром, не могут поразить или удивить нас, исследователей и ученых. Поражает и удивляет нечто совсем другое: все это не имеет никакого смысла и ни для чего не предназначено.

Я почувствовал, как у меня сжимается сердце.

— Что... что вы хотите сказать, профессор? — спросил я, невольно понижая голос.

— Только то, что сказал. Я не могу добавить к этому ни единого слова.

— Но позвольте, я не понимаю, почему создание такого полюса тяготения не имеет никакого смысла? Может быть, мы на Земле не соорудили их, но...

— Вы меня не поняли, — заметил физик. — Мы знаем, для какой цели можно создать полюс тяготения. Я подразумеваю взлет космических кораблей.

— Но ведь Белый Шар...

— Позвольте мне закончить. Мы на Земле пользуемся ракетами, которые движутся атомной энергией. Возможно, что после катастрофы, постигшей высланный на Землю корабль, обитатели Венеры решили использовать другой способ: они захотели бороться с тяготением с помощью тяготения же!

— Каким образом?

— Объяснения завели бы нас слишком далеко. Достаточно сказать, что их метод можно фигурально назвать «высверливанием дырки» в поле тяготения, окружающем планету. Вы знаете, что электрический заряд можно нейтрализовать другим зарядом, обратным по знаку?

— Конечно.

— Так вот, они уничтожали в одном месте силу тяготения

планеты с помощью искусственно созданного тяготения, направленного в противоположную сторону. Благодаря этому для взлета в межпланетное пространство достаточно было минимальной энергии.

— Ну вот видите, — сказал Осватич, а я добавил:

— Значит, у Белого Шара была цель, да еще самая определенная! Почему же профессор Чандрасекар говорит, что...

— Может быть, когда-нибудь и была, — ответил математик, выразительно подчеркивая каждое слово, — но теперь ее нет.

— Но почему же, ради Бога?

— Мне понятен автомат, который переводит стрелки и переключает семафоры перед приближающимися поездами, — произнес Чандрасекар, устремив на меня пристальный взгляд, — но мне непонятен автомат, который не служит никому и ничему.

— Что?... Как это понять?

— Очень просто. Шар периодически создает поле тяготения, которым нейтрализуется притяжение планеты... и больше ничего. Это совершенно бесполезно. Совершенно. Нет никаких межпланетных кораблей, нет ни малейшего признака, что их собираются высылать. Есть только мощная катапульта, которая, затрачивая огромные количества энергии, периодически открывает пространство и... не выбрасывает ничего!

— Это не так просто, — возразил Осватич.

Наморщив лоб и сжав губы, он невидящими глазами всматривался в пространство.

— Это не просто, согласен, — с легким вздохом ответил Чандрасекар. — Я обдумывал это с разных сторон. Может быть, вы теперь выскажете свои соображения?

— Возможно, корабль или корабли уже посланы и сейчас Белый Шар работает, ожидая их возвращения, — заметил Осватич. — Может быть, его легче заставлять работать все время, чем приводить в действие только тогда, когда корабль прилетает или отлетает...

Чандрасекар кивнул головой:

— Я думал и об этом, но такое предположение не выдерживает физико-математического анализа. Белый Шар можно без труда привести в действие буквально за несколько

секунд; и расточительная трата огромного количества энергии просто необъяснима, когда думаешь о таких блестящих конструкторах, какими являются обитатели планеты, ибо это не пустяк — построить машину, развивающую, по самому приблизительному подсчету, мощность около ста миллиардов киловатт.

— Может быть, это опыты, — предположил я.

— Опыты!

Это сказал Арсеньев. Он встал, опираясь кулаками о стол.

— Опыты? Опыты, которые продолжаются долгие месяцы? Сколько времени уже прошло с тех пор, как мы прибыли сюда, а шар все время делает одно и то же. Какие это могут быть опыты? Не верю! Кроме чисто логических предположений, у меня есть еще инстинкт физика и математика. И вот, когда я смотрю на схему действия Белого Шара, все во мне закипает. Эти приливы и отливы, это медленное нарастание токов, эти внезапные подъемы и спады напряжения — что они могут означать?..

Он стукнул кулаком по разложенным бумагам.

— Я бился над этим три часа. Какая-то нелепость, бесполоводщина, ни капли здравого смысла. Ни капли, понимаете? И потом... Что означает эта разорванная труба в ущелье? И кратер? Это тоже, может быть, следы «опытов»? — Он махнул рукой и сел.

— Еще одно нужно принять во внимание. Может быть, над этим следует задуматься, — сказал Осватич. Он говорил очень тихо, словно сам не был убежден, должен ли говорить то, о чем думает. — Я хочу сказать о плазме Черной Реки. Разве не может быть, что она... она создала все это, а потом подверглась дегенерации, вырождению?

— Так вы считаете, что эта плазма — единственный обитатель планеты? — вскричал я. Я был поражен необычностью вдруг представившейся мне картины: глубоко под поверхностью планеты струится мутный слизистый студень — живое, дышащее существо. Он сотрясает материки, выходит на поверхность, разрушает горы. Вся планета — русло для него. Неподвижная сеть каналов и труб, наполненных дышащей слепой материей, создающей станции космических кораблей и живые реки...

Лао Цзу наклонился над столом.

— Это, разумеется, еще не окончательный вывод. Я думаю, что плазма это не «кто-то»: она только служит «кому-то». То есть она нечто вроде орудия или продукта, как для нас дрожжи или пенициллиновые грибки.

Мне было жаль необычайной картины, которую вызвало в моем воображении предположение Осватича.

— А разве она не способна обладать высоким разумом? — начал я, но китаец остановил меня жестом:

— Нет, не способна. Не способна, потому что ее возможности слишком ограничены. Она умеет только одно: создавать электричество.

— Но это именно и может служить признаком высокого развития, — настаивал я, — а разум...

— Разум здесь ни при чем, — пояснил китаец. — Разве на том только основании, что Солнце так экономно расходует атомную энергию, вы скажете, что оно обладает разумом? Разум означает не узкую специализацию, а, напротив, как можно большую разносторонность.

— Но тогда, — вскричал я, — где же они, эти настоящие обитатели планеты? Почему мы не можем их найти? Где они скрываются?

— Боюсь, что... нигде! — ответил китаец. Он встал, плотно закутался в яркий шелковый халат и, прихрамывая, вышел из каюты, оставив нас взволнованными предчувствием чего-то страшного, таившегося в его словах.

ГОРОД

Я принял дежурство у Солтыка. «Космократор» летел на высоте сорока километров, описывая большие круги. За ним оставалась полоса сконденсировавшихся в разреженной атмосфере горячих выхлопных газов. Образовавшееся таким образом облачное кольцо висело неподвижно над тучами и сверкало под низким солнцем ослепительной радугой, когда мы, сделав круг, поворачивали по собственному следу. Мы мчались таким образом много часов; каждые несколько минут Солнце появлялось на экранах, отбрасывало яркий свет на стены Централы и исчезало; двигатели тихо жужжали, а внизу простиралась неподвижная белая как снег полоса

туч. В свободное от дежурства время я видел несколько раз Арсеньева: он мрачно расхаживал по центральному коридору, заложив руки за спину. Я пытался заговорить с ним, но он не ответил и исчез в кабине «Маракса». Над дверью кабины горел красный огонь. Потом я увидел Райнера, несущего из лаборатории кассеты с пленками. Проходя мимо, он окинул меня невидящим взглядом.

Спустя час, проходя мимо лаборатории, я услышал музыку и заглянул туда. Из рупора неслись торжественные звуки Пятой симфонии Бетховена. Чандрасекар неподвижно стоял у аппарата. Я ждал у двери, пока закончится музыка. Математик стоял поодаль, слегка приподняв голову, словно вслушиваясь в тишину.

— Профессор... — сказал я.

Только теперь он меня заметил.

— Я вас слушаю.

— Я хотел узнать, что вы сейчас делаете?

— Он играет с нами, как кошка с мышью, — пробормотал Чандрасекар и направился мимо меня к двери.

— Кто, Арсеньев? — не понял я.

— Да нет! «Маракс»!

Больше мне ничего не удалось узнать, и я пошел в Централь. Была черная ночь: лампочки всех указателей пульсировали, бросая на стены тусклые блики. Контрольные приборы «Маракса» выделялись на их фоне яркими огнями, словно он один бодрствовал в недрах уснувшего корабля. Но это спокойствие было кажущимся. Вернувшись в коридор, я услышал, как ученые о чем-то горячо спорят. Загудел баритон Арсеньева, потом тихим, бесстрастным голосом ему ответил Лао Цзу. До дежурства у меня оставалось еще четыре часа, но идти в каюту не хотелось. Я вернулся в Централь. Солтык сидел около «Маракса» и при сильном свете, падавшем с его панели, всматривался в огромный лист бумаги. Это был, как мне показалось, план какого-то города.

— Что это? — спросил я.

— Варшава, — ответил он, не поднимая головы. Он продолжал медленно водить пальцем по плану, ошибаясь и возвращаясь обратно, словно в воображаемом путешествии по улицам города.

— Это ваш родной город? Расскажите мне о нем, я никогда его не видел.

Солтык рассеянно взглянул на меня, потом вернулся к плану.

— Вы никогда не были в Варшаве? — спросил он таким тоном, словно говорил: «Вы никогда не видели солнца?»

Я сел в кресло и через его плечо взглянул на цветные многоугольники. Солтык медленно складывал лист.

— Когда я думаю о Земле, — сказал он, — то всегда вспоминаю Варшаву. — Он приостановился. — Есть много городов более красивых... — Он опять замялся. — Но она... она прекрасна!

Это было признание. Робкое, нуждающееся в поддержке. Мы оба замолчали. Каким-то непонятным образом я увидел вдруг белые стрельчатые стены над зеленью деревьев.

Раздался громкий сигнальный звонок. Я вздрогнул.

Солтык взглянул на указатели «Маракса».

— Видите? Он остановился. Впервые за шестнадцать часов. — И взял телефонную трубку. Звонил Арсеньев.

Он просил меня прийти с инструментом в кабину, так как холодильные устройства «Маракса» испортились.

В кабине, кроме астронома, были Чандрасекар и Лао Цзу. Пахло перегретыми проводами. Длинными линиями пылали красные сигналы на переключателях. Арсеньев ходил взад и вперед в промежутке между отодвинутыми распределительными щитами.

Оказалось, что насос холодильного устройства остановился и температура ламп поднялась выше предела безопасности.

Несмотря на это, ученые продолжали работать с «Мараксом», пока не кончили расчеты. С четверть часа возился я с трубками посреди огромных конденсаторов, потом лазил по узким колодцам в нижний ярус кабины, где находятся центробежные насосы, и там, в невыносимой жаре и страшной тесноте, среди кабелей, переплетенных, как корни дерева под землей, сменил износившиеся подшипники. Когда авария была устранена и я собрался уходить, Арсеньев остановился возле меня и спросил:

— Вы знаете, что мы кружим над Мертвым Лесом?

Я ответил утвердительно.

— Что вы думаете о его происхождении?

— Я не специалист, не геолог, так что...

— Это ничего не значит. Но вы что-то предполагали.

— Я думал, что это могло быть дном высохшего моря.

Растворенные в воде соли по мере высыхания выкристаллизовывались в таких странных формах...

— Словом, вы считали его геологической формацией?

— Да.

— Да... — задумчиво повторил астроном и снова заходил по кабине. Я стоял с инструментами в руках. — Такие кристаллы не могли образоваться естественным путем.

— Значит, это искусственное образование?

— Искусственное, но не сделанное намеренно.

— Не понимаю.

— Мы тоже долгое время не могли понять... Когда мы сталкиваемся с чем-нибудь созданным живыми существами, мы всегда прежде всего стараемся додуматься, для чего оно предназначено. Когда-то Мертвый Лес не был мертвым. Это развалины гигантского аккумулятора лучистой энергии, вероятно одного из многих.

— Известно ли, для чего служил этот аккумулятор?

— Много раз мы задавали этот вопрос «Мараксу». Ему были сообщены структура, размеры и виды материалов, из которых состоит Мертвый Лес, а он, как бы поступил инженер, получивший задание, пытался соединить эти технические данные в логическое целое. Пока мы не ознакомились с делом поподробней, у «Маракса» в его попытках синтеза, если можно так выразиться, было много степеней свободы. Он отвечал, например, что это мог быть и огромный химический реактор для регулирования состава атмосферы и устройство для преобразования климата. Но по мере того как мы узнавали новые факты, гипотезы отпадали одна за другой. Проектная мощность Мертвого Леса в тысячи раз превышает потребности тех устройств, о которых я говорил. Значит, не в них разгадка. Тогда «Маракс» все свои предположения стал подгонять к определенному ответу. Мы не разрешили ему это и старались направить его рассуждения к другим решениям. В ходе этой работы он выдвигал самые запутанные гипотезы, исследовал, возможны ли они, и каждый раз отвечая нам: «Нет!»

Арсеньев остановился перед погасшим катодным экраном и, повернувшись ко мне спиной, продолжал:

— Я не скоро забуду это время. «Маракс» упорно возвращался все к тому же ответу: мне казалось, что это попросту озлобление мертвого механизма, мстящего нам за свою долгую покорность. Как вы знаете, «Маракс» отвечает не словами, а начертаниями. Но они были так ясны... — Он не договорил и обернулся к физику, проверявшему каким-то маленьким прибором ход кривой на диаграмме. — Я завидовал твоему спокойствию, Лао, — сказал он.

— Завидовать было нечему, уверяю тебя, — возразил китаец. — Как видно, путь от разума к сердцу пролегает у меня на большом расстоянии от лица, но и мне было не легче.

Арсеньев смотрел в гладкую поверхность экрана, как в зеркало, и вдруг отвернулся от него.

— Когда мы наконец услышали объяснение, то оказалось, что все мы догадывались о нем с самого начала, но никто не решался произнести эти слова.

— Какие же это слова, профессор?

— Уничтожение жизни на Земле, — прямо сказал астроном и, выждав немного, снова принялся шагать в полном молчании. — Мертвый Лес — это остатки излучателя, который должен был выбросить на Землю радиоактивный заряд.

Тишина была такая, что я слышал шорох, с которым катилось по бумаге колесико прибора в руках у физика. Шаги Арсеньева раздавались в этой тишине равномерно, спокойно, как стук маятника.

— Я приказал Солтыку изменить курс, — добавил астроном немного приглушенным голосом. — Сейчас мы летим туда, откуда к Мертвому Лесу ведут силовые трубы...

Ничто не изменилось. Инструменты оттягивали мне руки, я не двигался с места, только сердце начало биться медленно и сильно, как перед битвой.

— Профессор, разве они...

— Не спрашивайте. Сейчас еще ничего нельзя сказать. Пойдемте в Централь, мы пролетели уже семьдесят километров. Цель должна быть близко.

Мы прошли через коридор. Арсеньев осмотрел приборы «Предиктора» и обернулся к Солтыку:

- Мы снизимся сейчас до шести тысяч метров.
- Он проверил курс, которого мы должны были держаться.
- Когда появится свет, позовите меня.
- Какой свет, профессор? — спросил я.
- Сами увидите.

С этими словами он вышел вслед за китайцем. Солтык передвинул рычаги «Предиктора». Корабль начал снижаться. Звезды исчезли, и экраны телевизоров потемнели. Мы переключились на радар. Экраны позеленели, но их свечение только обманывало нас. Некоторое время мы летели вслепую. Потом в этом непроглядном мраке появился серый отсвет, словно перед рассветом, хотя ночь настала всего часов двадцать тому назад. Когда мы сообщили об этом Арсеньеву, он велел еще больше снизиться. Мы теряли высоту, спускаясь до четырех, трех, наконец двух километров. На востоке в тумане проступал неподвижный серый свет; под нами проносилась большая, окутанная мраком равнина. Я стоял у экранов между Арсеньевым и Солтыком. Мы спускались, чтобы приземлиться. Несколько минут «Космократор» падал наискось, словно летящий к земле нож, потом сильно дрогнул. Темноту разорвало пламя. Сотрясая воздух гулом тормозящих двигателей, корабль летел над самой поверхностью. Пучки разлетающихся во все стороны магневых ракет освещали нескончаемые ряды холмов, волнующихся, как вода, в мигающем, трепещущем блеске. Люки на дне раскрылись. Два ряда широко расставленных гусениц со свистом рассекали воздух. Еще раз загудели носовые сопла, и в пламени выхлопов показали ряды песчаных бугров. Легкое, но явственное содрогание пронеслось по всему корпусу: передняя пара гусениц на миг прикоснулась к вершине холма, потом мощный толчок швырнул нас кверху. Ракета мчалась с пронзительным скрежетом, все тяжелее оседая на шасси. Струи песка стегали по корпусу, осыпаясь по нему с глухим шумом. Пол под ногами дрожал и подскакивал на неровностях, словно корабль снова хотел взвиться в воздух. Эта дрожь постепенно сменялась все более спокойным колыханием. Корабль еще раз накренился, выпрямился и остановился. В тишине слышалось только шипенье воздуха, наполняющего цилиндры амортизаторов.

Не прошло и получаса, как нижние дверки раскрылись,

и по спущенной наклонной плоскости съехал гусеничный автомобиль. Я занял место за рулем, рядом со мною сел Арсеньев, установив индикаторы излучения на расстоянии вытянутой руки. Солтык и Райнер поместились сзади: опираясь на перекладины вертикальной колонны, служившей штативом излучателю, они могли осматривать местность через верхние стекла, не теряя из виду аппаратов, размещенных по стенам.

Автомобиль выкарабкался из глубокого рва, пропаханного «Космократором» в рыхлом песке. Мы направились на восток. В лучах фар видна была мрачная, однообразная местность до самого горизонта плоская, пересеченная низкими волнами мелкого, буровато-желтого песка. Лишь кое-где торчали менее поддающиеся выветриванию глыбы, отполированные, как стекло. Дул сильный попутный ветер, он двигал перед собою летучие пески, поднимал с вершин холмов развевающиеся клубы пыли и швырял их на панцирь нашего автомобиля. Изредка попадались одинокие известняковые скалы, окруженные глыбами поменьше, обветренные и побуревшие. В лучах фар от них падали длинные плоские тени, убегавшие в противоположную нашему движению сторону.

Через некоторое время мы заметили длинный низкий вал, тянувшийся как раз в том направлении, в котором двигалась наша машина. Подветренный склон вала был твердо укатан. Поднявшись на него, мы увидели, что по верхнему гребню вала идет неглубокий желобок, который мог служить довольно удобной дорогой, так как по устилающему его дно щебню, смешанному с сухой темной глиной, ехать было легче, чем по песку.

Серебристое, поднимающееся до облаков зарево занимало уже полнеба.

Вал все понижался, пока не сровнялся с поверхностью почвы. Еще десять минут быстрой езды — и на горизонте появилась яркая белая полоса. Над ней видны были светлые выступы. Когда мы въехали на гребень одного из последних холмов, нам открылся широкий вид.

До самого горизонта простиралось море голубоватых силуэтов. Разделенные полосами полумрака, светились предметы, чуждые глазу, как буквы незнакомого алфавита: звездообраз-

ные, многочисленные корпуса, сталагмитоподобные башни, ротонды с вогнутыми, покосившимися стенами, террасообразные бастионы, — и все это сияло голубоватым светом, который где-то вдалеке сливался, в туманные неподвижные силуэты, опоясывающие горизонт огромным серпом. Над всем этим пространством дугами шли белые арки.

— Город... — прошептал я.

Рука сама невольно уменьшила обороты двигателя, и автомобиль остановился у склона холма. Волны песка за пределами света фар были озарены далеким призрачным светом. Я взглянул на астронома:

— Поедем?

— Мы для того и прилетели с Земли, — ответил Арсеньев.

Я отпустил тормоз — автомобиль тихо съехал вниз. Потом двигатель заработал, и я прибавил газу. Арсеньев дотронулся до моего плеча и велел уменьшить скорость. Я наклонился к переднему стеклу, чтобы охватить взглядом большее пространство. Теперь мы делали не более двадцати километров в час. Двигатель утих, только гусеницы визжали и скрежетали, давя какие-то громко трескавшиеся осколки. Один раз под нами что-то загремело, словно мы ехали по пружинящим железным листам. Я бросил сноп света подвижным фонарем: автомобиль шел по длинной светлой полосе, прямой как стрела; она была покрыта слоем песка, из-под которого проглядывали плоские темные пластины.

С обеих сторон появились первые здания. Сначала это были длинные, змеевидно расходящиеся блоки на конусообразных подпорках. Под их светящимися стенами по самой земле ползли черные тени. Проезжая близко, я разглядел растрепанный пучок труб, выходящий из колодца, окруженного светящимся кольцом. Далее стояли здания: одни — поднимавшиеся ступенчатыми ярусами, другие — совершенно гладкие, как уставленные в ряд книги, стены третьих были разделены на узкие, попеременно вогнутые и выпуклые секции. Я заметил, что некоторые формы зданий повторяются. В памяти у меня запечатлелись расставленные на одинаковом расстоянии цоколи, из которых поднимались блестящие пластины вроде плавников с концами, напоминавшими изогнутые клювы.

Дорога начала разветвляться. По сторонам мелькали круглые устья спускавшихся вниз тоннелей. Все чаще над головой проносились вторые и третьи ярусы улиц. Мы проехали ворота: они вверху шире, чем внизу, подковообразные, с волнистыми двойными опорами. Далее, посреди трех пилонов, соединенных стрельчатыми карнизами в треугольник, дорога разветвлялась. Влево она поднималась по спирали и дальше шла высоко, как воздушный мост, темнея на голубоватом светящемся фоне; направо сворачивала, образуя широкую аллею между вертикальными светильниками. Я свернул вправо.

Здания становились все больше и выше; в них не было даже следов окон или дверей — всюду только светящиеся стены, то плоские, то вогнутые. Снова появились огромные трубы; они выходили из мостовой и крутыми дугами перекрывали улицу во всю ширину, чтобы исчезнуть в кольцеобразных колодцах. Ехать становилось все труднее. Гусеницы хрипели, хрустели, скользили, весь автомобиль содрогался, подминая какие-то черепки, красновато-поблескивающие в свете фар. Порой мы проезжали по обломкам, трескавшимся, словно стекло. Иногда гусеницы на протяжении нескольких сот метров барахтались в тяжелом сыпучем песке.

Аллея окончилась. Мы выехали на площадь, окруженную белыми великанами. Мне показалось, что они опираются на длинные колоннады, но, подъехав ближе, я увидел, что эти огромные столбы вовсе не подпирают их, а висят в воздухе, словно ряды огромных ледяных сосулек. Появился перекресток, заваленный грудami темных обломков. Левая гусеница зацепилась за какие-то тянувшиеся, как паутина, провода, автомобиль дернулся, и двигатель умолк.

Несколько секунд стояло глухое молчание. Мы все придвинули шлемы к окнам. Вокруг стояли голубоватые великаны, внизу лежала глубокая тень, в которую свет наших фар врезался двумя желтыми полосами. Эти полосы упирались в грудy щебня, загородившую нам путь. Я запустил двигатель и начал отводить машину назад. Воя на заднем ходу, автомобиль съехал под огромную отвесную стену. Свет, исходивший от нее, ударил в окна, и на секунду в наших шлемах задрожали голубоватые огоньки. Пришлось вернуться и

ехать другой дорогой. По широкой спирали мы поднялись на верхний ярус улицы. Двигатель работал ровно и тихо, только под звеньями гусениц все время трескались и разлетались осколки стеклянной массы. Мы ехали метрах в двадцати над нижним ярусом. С обеих сторон двигались яйцеобразные купола. Иногда попадался плоский диск, стоящий на огромных колоннах и слегка наклонный, как циферблат апокалиптических солнечных часов. Встречались подковообразные пролеты, сооружения с вертикальными рядами полукруглых выступов, окруженные пучками гладких труб. Двигатель шумел, мы проезжали улицу за улицей, а картина была все та же: бесконечный, безмолвный, без конца и края город светился в темноте; в глухой тишине потрескивал щебень под гусеницами; одни кварталы отступали и скрывались, а на их место выплывали новые, такие большие и высокие, что холодный блеск их верхушек прятался в тумане, плывшем с невидимого неба.

На перекрестке дорога, по которой мы ехали, спустилась отлогой спиралью на середину площади. Здания, казавшиеся с высоты верхнего яруса еще более монументальными, вблизи представляли мрачное зрелище и были покрыты тонкой сеткой трещин. Кое-где стены осели, как пласты воска, опаленные жаром, и с них свисали толстые сплетения застывшей стекловидной массы. Миновав площадь, мы попали в узкий промежуток между двумя крыльями огромного здания, поднимавшегося, казалось, до облаков. В глубине мелькали хоромы огней, то высоко, то низко, а мимо нас плыли контуры зданий, все более текучие, одни странно изуродованные, словно вздутые, другие с сорванными и скрученными в трубки кусками светящейся массы, сверкавшей, даже будучи раздробленной в мелкую пыль. Мы заметили, что гусеницы нашего автомобиля тоже начали светиться.

Иногда во время этой бесконечной езды мне казалось, будто все плывущее мимо нас — лишь беспорядочное нагромождение самых разнообразных минералов или образовавшиеся в течение целых эпох залежи гигантских кристаллов, опаленных вулканическим огнем, потрескавшихся и выветрившихся в ураганах пустыни. Но вдруг из-под щебня появлялся участок гладкой как стекло мостовой или мелькал на углу кусок трубы со следами швов на выпуклой поверхнос-

ти — несомненное доказательство работы каких-то живых существ. Тогда я шире открывал глаза и прижимал шлем к стеклу, чтобы увидеть наконец хоть одного из обитателей этого безмолвного, хотя и ярко освещенного города.

Тем временем здания, мимо которых мы ехали, становились все более странными и причудливыми. То здесь, то там среди светящихся плит темнели клубки как бы оборванных щупальцев, змей или кабелей. Потом, когда сверху дороги пересек темный силуэт моста, мне показалось, что под опорами лежат огромные звериные туши, от которых свет отражается серебристыми бликами, как от громадных рыб. Вблизи я разглядел висячие воздушные конструкции, а под ними лежащие грудой длинные сплюснутые сигары, словно корпуса ракет или самолетов, окруженные спиральными поясами, погнутыми и разорванными. Мы въехали под развалины моста, на миг погрузились в полный мрак, который фары прорезали надвое желтыми полосами, и вынырнули по другую сторону. Тут не было и следа мостовой, а грунт превратился в какую-то полустеклянную, полушлаковую заскорузлую массу, по которой гусеницы скользили, ломая тонкую корку, попадали в пустоты и начинали буксовать со страшным лязгом.

Кое-где торчали обломки конструкций, скелеты, на которых застыл стекловидный строительный материал. Они поднимались над грудками развалин, развороченные, черные, отсвечивающие ржавыми пятнами в свете фар. Ночная темнота, отгоняемая на улицах к небу высокими зданиями, лежала здесь у самой земли. Вдруг, когда машина, объезжая неглубокую воронку, повернула вбок, в полосах света наших фар мелькнули две скрюченные фигуры. Я тотчас же затормозил и дал задний ход, одновременно направив в ту сторону сноп света. На тлеющем голубоватом фоне выделялись фигуры двух карликов. Я усилил свет — это были два обломка столбов, наполовину погрузившихся в грунт.

Дальше здания исчезли словно выкорчеванные и теперь видны были только в отдалении. Неподвижно светясь, они опоясывали пространство широким кольцом.

Здесь, где мы ехали, весь грунт светился мутным, словно проходящим сквозь фильтр, светом: фосфоресцирующий шлак был смешан с темным щебнем. Ехать становилось все

труднее: равнина переходила в небольшой, но крутой склон. Двигатель захлебывался от рева, гусеницы, напрягаясь, пронзительно скрежетали, зарываясь временами чуть ли не по самые оси. Вдруг двигатель взвыл от перегрузки. Мы достигли вершины склона, и я затормозил.

Под нами зиял неглубокий кратер. От него исходил мутный колеблющийся неровный свет с грязно-фиолетовыми, желтоватыми и зелеными оттенками, как от гнилья. Дно было гладкое, вогнутое, пустое, но в глубине образующей его стекловидной массы маячили какие-то вплавленные в нее, как в янтарь, жилистые скрюченные тени, корпуса машин, фигуры.

«Что это значит?.. Где мы?» — хотел я спросить, но горло сжала спазма, и мне не удалось произнести ни звука. Кто-то коснулся моего плеча и дал знак повернуть. Я молча кивнул, запустил двигатель, и мы медленно двинулись вокруг кратера. За стеклами плыли черные, погрузившиеся в грунт развалины, словно корпуса огромных машин, слившиеся в бесформенную, оплывшую массу. Наконец мы вернулись на нижний ярус улицы, где ехать было легче.

Автомобиль, подскакивая на неровностях, двигался у подножья больших зданий. Я стиснул руки на руле и, вслушиваясь в шум двигателя, смотрел вперед, а улицы вились и вились без конца. Сверху отбрасывали отсвет огромные гладкие стены, опоры, колонны; над нами проплывали черные навесы других ярусов. Я не мог оторвать взгляда от этого зрелища — такого величавого, словно все, что здесь находилось, должно было стоять вечность, озаряя ночь все тем же голубоватым сиянием. От обилия впечатлений я был словно в тумане и иногда забывал даже, что рядом сидят товарищи; мне казалось, будто это путешествие во мраке продолжается не часы, а целые годы. Случайно обернувшись и увидев, что Райнер с Арсеньевым записывают показания приборов и сравнивают положения стрелок на индикаторах излучения, я удивился, как может их занимать еще что-нибудь, кроме этих безмолвных светящихся контуров, проплывающих за окнами.

В течение последней четверти часа астроном несколько раз дотрагивался до моего плеча, приказывая сворачивать то вправо, то влево; я не сразу понял, чем он руководствуется

в выборе пути, но потом заметил, что он следит за шкалой индукционного аппарата.

Когда мы выехали на более широкую улицу, астроном приказал мне остановиться. Двигатель умолк. Мы инстинктивно плотнее затянули герметические затворы шлемов и вышли через откидную дверцу. Мостовая была усыпана мелкими опилками, светившимися так, словно в каждый стеклянный осколок была вплавлена серебряная искорка. Шум шагов гулко раздавался в тишине.

Над нами из амбразуры остекленевшей конструкции торчал изогнутый книзу пучок оборванных проводов толщиной в руку. Дальше виднелся дугообразный фасад большого здания. В глубине улица расходилась на три стороны: две ветви шли вверх, третьей был тоннель, обращенный к нам огромным светящимся устьем. Внутри он суживался, как конусообразная, закрученная в виток раковина.

Арсеньев некоторое время смотрел на индикатор; потом взял у Райнера индукционный аппарат, повесил его через плечо и вызвал нас. Мы собрались возле него. Последним подошел Солтык: он долго стоял у машины, пытаясь направить свет фар в глубь винтового тоннеля.

— Нам понадобятся инструменты, — сказал Арсеньев.

Как только мы вышли из машины, наушники наполнились мелкими, надоедливymi потрескиваниями. Чтобы лучше слышать друг друга, мы должны были сблизжать шлемы.

— Нам нужен кран с клещами, ломы и заряды фугюрита, — продолжал астроном.

Он оглядел нас поочередно, потом решил:

— Смит останется со мной, а вы возвращайтесь на ракету. Посылаю вас обоих, потому что Осватич еще лежит, а Лао Цзу чувствует себя лишь немногим лучше. — Он взглянул на часы. — Дорога туда и обратно должна занять не более трех часов, включая время, нужное для погрузки материалов.

— Ехать сейчас же? — спросил Солтык, делая шаг к машине.

— Да.

Инженер сел первым, за ним влез Райнер. Двигатель зашумел, и машина двинулась, слегка покачиваясь. Мы сле-

дили за ней глазами. Она скрылась за поворотом, и некоторое время еще слышался громкий рокот двигателя — очевидно, машина пробивалась через кучу песка или щебня, — потом все утихло, только высоко над нами свистел ветер.

— Профессор... — сказал я.

Он не услышал. Мелкие, частые потрескивания раздавались в наушниках все время, словно на натянутую пленку тонкой струйкой сыпался мак.

— Профессор, — повторил я громче, — где... они?

Он понял, подошел ко мне. Окошко его шлема было в тени, и каска с торчащими сетками радароскопов, к виду которой мы уже привыкли, сейчас вдруг поразила меня. Мелькнула безумная мысль: «Действительно ли это Арсеньев, мой товарищ, человек?..» Но в следующее мгновение я увидел за стеклом шлема его ясные, светлые глаза.

— Они исчезли, — сказал он.

— Как? Каким образом? Все?..

— Этого я не знаю. Больше ни о чем не спрашивайте сейчас. Индукционный аппарат показывает, что где-то недалеко проходят подземные кабели...

— Поэтому мы остались здесь?

— Да, я ищу главный силовой кабель. Быть может, нам удастся добраться до места, откуда все началось... — Помолчав, астроном добавил: — Сейчас мы должны разойтись. Каждый отойдет на четыреста шагов и по спиральной линии вернется на то место, где мы сейчас стоим, все время стараясь обнаружить акустическое эхо. Кто найдет его первым, даст другому знать красными ракетами. На радиосвязь полагаться нельзя. Все ясно?

— Да.

Он повернулся и двинулся крупными, легкими шагами. Я постоял еще секунду, потом взглянул на гирокомпас и направился в противоположную сторону.

Свой радиоаппарат я выключил. Сапоги гулко стучали по каменным плитам. Эхо шагов раздавалось в пустоте с удвоенной силой. Приближаясь к стенам, сверкающим холодным блеском, я видел свою неясную тень на мостовой. Я шел, как мне приказал Арсеньев, поворачивая в обе стороны устье аппарата, и считал шаги. Отсчитав четыреста, повернул об-

ратно. Пока мне не удалось ничего обнаружить. Красный глазок внутри шлема — указатель радиоактивности — светился слабо, что говорило лишь о незначительных следах излучения, но его свет усиливался, когда я приближался к стенам. Я поднял голову. Там, выше, стены резко обрывались под черным небом. Я шел еще с минуту, когда вдруг услышал за собой шаги.

Это не было эхо.

Все мое лицо покрылось потом. Теперь я был уверен, что за мною кто-то идет, и этот «кто-то» — не человек. Я неожиданно остановился — шаги утихли, шагнул вперед — они раздались снова.

Меня охватил гнев. Обернувшись, я сорвал с плеча лучевое ружье, навел его и, наклонившись, как для прыжка, принялся вглядываться в глубь улицы. Она была пуста. С минуту я тщетно напрягал глаза, потом перекинул ружье через плечо... и услышал звук шагов... Поднял ружье — шаги раздались снова... Ну да! Звук, который я принимал за шаги, издавала пряжка ремня, ритмично постукивавшая о складки комбинезона, а я принимал этот близкий, у самого уха, шелест за эхо шагов.

Пристыженный, я повернулся. В этот момент над зданием один за другим появились три красных огня. Они вспыхнули и начали медленно спускаться, таща за собою хвосты пурпурных искр. Я прибавил шагу и вскоре увидел Арсеньева: он стоял на эллиптической возвышенности.

— Кажется, здесь, — сказал он.

Мы свернули в сторону. Там открывался неглубокий тоннель; вход в него был похож на выгнутую книзу, разверстую пасть кита. Сходство усиливалось висевшими над входом короткими стеклянными шипами или клыками. Внутри было темно. Арсеньев включил фонарик и вошел, я — за ним. Дорога вела вниз по наклонной поверхности, извивавшейся спиралью.

Мы спускались долго. Иногда в стенах открывались овальные отверстия других тоннелей. Тогда Арсеньев бросал взгляд на стрелку индукционного прибора: мы шли все время по следу невидимого кабеля. Вдруг мы услышали совсем другой звук — под ногами был металл. Путь преградили три большие трубы, идущие от стены к стене. Между ними

струился колеблющийся свет. Мы с трудом протиснулись под самой нижней трубой. Я влез первым и зажмурился, ослепленный.

Перед нами была залитая светом наклонная дорога. Еще шагов двадцать, и появился большой зал. Потолок его переливался рассеянным зеленоватым блеском, как поверхность моря, освещенная солнцем. Свет то усиливался, то ослабевал. Зал был круглый, с двух сторон ограниченный выступающими откосами. Тонкая пленка глазури на каменных стенах, хорошо заметная при ярком освещении, доказывала, что здесь когда-то пылал небывалый жар. Под откосами лежали не расплавившиеся до конца цилиндры из белого вещества, похожего на фарфор. С потолка из отверстий, откуда торчали обломанные, оплавленные трубки, свисали десятки оборванных проводов. Но не этот хаос загадочных устройств так поразил нас, что мы, окаменев, остановились у входа.

В дальней стене виднелась большая вогнутая поверхность, по которой двигались змеевидные линии — длинные кривые линии, светившиеся синим и белым светом. Иногда они соединялись в пучки, колебались и снова расходились в разные стороны. Это были словно ожившие участки огромной карты. Это и была своеобразная карта.

Присмотревшись к ней внимательно, я увидел, что за стекловидной поверхностью простирается глубина, полная огней, мелких искр и больших, как лампы, шаров, которые вращались, удалялись, приближались, скрещивали свои пути и проходили друг мимо друга.

Я услышал дыхание Арсеньева: он стоял рядом со мной. Перед нами двигались эклиптики, рассыпались букеты звезд, а черная густая туманность покрывала, словно туча, группы пульсирующих светил. Иногда пространство прорезывал яркий луч, словно гоня одну из планет, а она, вращаясь медленно, тяжело и спокойно, показывала нам контуры неизвестных материков. Там, где свет только брезжил, поднимались и опускались архипелаги звезд.

Было очень жарко. На потолке пульсировал свет, и наши укороченные тени на освещенном полу то расплывались, то вдруг заострялись.

— Где мы находимся? — спросил я недоуменно. — Это какой-то планетарий?

Арсеньев молча направился вперед. Мы миновали середину зала. За одним из откосов открывался круглый коридор, лишь слабо освещенный падавшим из зала светом.

Арсеньев дошел до середины зала, когда я обернулся, чтобы еще раз полюбоваться необычайным планетарием.

— Там словно небо... звезды... — сказал я. — Но что означают эти светлые линии? — И вдруг я задрожал от волнения. — Там... Земля.

Я подбежал к прозрачному экрану. Из темноты вынырнул шар в перламутровом блеске далеких облаков. Он медленно вращался. Над ним темнела Луна в начальной фазе. В пространстве, усеянном звездами, Земля, матово светящийся шар, подходила все ближе и ближе. Ее путь уже искривлялся. Тут я увидел, что в глубине идет Венера. Я узнал ее по мягкому блеску, более светлому, чем земной. Из нее вырывался луч, доходивший до Земли и заливавший поверхность облаков ярким светом.

— Что это? — прошептал я, хватая Арсеньева за плечо.

Он молча поднял руку и указал на что-то, чего я до сих пор не замечал: два вырезанных на камне круга, перечеркнутые в одном месте прямой линией.

— Что это значит?

— Теперь уже ничего, — ответил Арсеньев. — Уже ничего... Инертное движение однажды запущенного механизма, которое будет продолжаться...

Он не кончил, повернулся и вошел в темный тоннель. Тоннель был не очень широкий, так как, раскинув руки, я мог дотронуться до обеих стен. Несколько раз пришлось нам переступать через невысокие пороги, состоявшие из ряда конусообразных выступов. Дальше тоннель шел горизонтально. Потом в глубине появился свет, направлявшийся к нам: это было отражение нашего фонаря. Дорогу преграждала стекловидная плита, плотно вставленная в круглое сечение тоннеля. Арсеньев попробовал приподнять ее. С одной стороны в стене был выступ, словно там скрывалась ось этого стеклянного клапана. Но плита не поддавалась — то ли механизм не работал, то ли нам не удалось привести его в действие. Астроном на минуту задумался и направил луч света на преграду. Стекловидная масса частично поглощала свет. В тусклом ослабленном блеске вид-

нелась остальная часть тоннеля: он расширился в виде воронки.

— Придется прибегнуть к ружью, — сказал Арсеньев.

Мы отступили к повороту. Арсеньев пригнулся и жестом приказал мне сделать то же. Я встал позади него, стараясь не терять преграду из виду. Астроном посветил себе, установил прицел, потом навел ружье и нажал спуск. Грудь обдало жаром. По тоннелю промчалась желто-фиолетовая молния. Стекло мгновенно покраснело, по нему разбежались трещины, как от удара ножом. Слепленный, я зажмурился, а когда открыл глаза, Арсеньев выстрелил еще раз. Пронзительно зазвенели осколки. Мы подождали еще секунд тридцать — сорок, чтобы они остыли. Путь был открыт. Арсеньев первым вошел в расширяющуюся часть тоннеля и вдруг остановился, предостерегающе подняв руку:

— Осторожно...

Изнутри до нас доходило слабое дуновение. Потом полный покой, после которого воздух снова начинал плыть, но уже в обратную сторону.

— Дыхание... — невольно шепнул я.

Движение воздуха в ту и другую сторону повторялось регулярно. Арсеньев постоял, соображая, что делать, потом тихо проговорил:

— Ружье в руку...

Я спустил плечевой ремень, обвил его вокруг кисти. Арсеньев шел так близко, что я мог бы дотронуться до его спины. Вдруг в коридоре потемнело.

— Наклонитесь, — донесся до меня его приглушенный голос. — Тут тесно.

Вокруг нас все громче шумел струящийся воздух. Сейчас он как раз делал медленный теплый выдох. Арсеньев зацепился рюкзаком за стены, повозился чуть-чуть, потом попятился и загородил плечами весь проход. Я протянул руку. Он что-то делал с ремнями.

— Снимите мой рюкзак, — сказал он, — возьмите его у меня, иначе я не пройду. — И я почувствовал тяжесть в руке.

Стало светлее. Я сделал шаг вперед. Глухой шум усиливался. В двух метрах от меня открылось широкое пространство, озаренное фиолетовым светом. Мы стояли высоко в углублении, обрывающемся отвесной стеной.

Это была внутренность огромного шара. Ровными кольцеобразными рядами, словно ложи необыкновенного театра, чернели круглые углубления, а от них к верхней точке шара шли стеклянные колонны. Эти колонны светились фиолетовым пульсирующим светом, переходившим от слабого блеска к самому яркому сиянию. Едва взглянув вниз, я невольно ухватился за плечо Арсеньева, так как едва не потерял равновесия. Обычно на меня не действует притяжение глубины, но здесь дна не было. Внизу копошились какие-то темные, мокрые, блестящие тела с серебристыми бликами, словно тысячи тюленей в бассейне, из которого выпущена вода. Это была густая, вязкая жидкость, покрытая черноватой пленкой. Жидкость вылезала из отверстий, лежавших ниже нашего, и вливалась в резервуар на дне. Иногда она образовывала что-то вроде отростков, цеплявшихся за края отверстия. Когда ее уровень опускался, отростки, или струи, утончались, даже рвались; но потом вся масса набухала, вздувалась, в воздух взлетали брызги, восстанавливались оборванные перемины.

Мы долго стояли на краю. Воздух струился то вверх, то вниз, подчиняясь движению черной массы. В том же ритме изменялся и фиолетовый свет.

— Плазма... — прошептал я. — Плазма Живой Реки...

— Да, — ответил астроном, — та самая. Но это только орудие....

— Что вы хотите сказать?

— Наше представление о получении электричества мы связываем всегда с металлическими машинами — динамо или атомными котлами. Но его можно получать и иначе... В клетках этой плазмы образуются электрические заряды; передаваемые на расстояние, они действуют на основу Белого Шара...

— Профессор, вы... вы искали это место? Вы надеялись, что здесь?.. Вы знали?

— Да, вы помните, что я говорил о бессмысленных токах? Вот их источник: источник электрической и гравитационной энергии.

— А они? Почему они погибли?

Астроном молчал, глядя в глубину, волновавшуюся черными приливами и отливами.

— Профессор!

— Вы видите, теперь это движение свободно. Оно никому не служит. Плазма будет волноваться вот так, пока хватит накопленных запасов: быть может, сто, быть может, двести лет, быть может, пятьсот...

Голос у него сделался хриплым. Я уже не спрашивал ни о чем и, последовав его примеру, наклонился над самым краем. Черная, блестящая масса заливала ряды отверстий один за другим, мягко скользила по стенам, окутывала их непроницаемую поверхность, напрягалась, как огромный мускул, и начинала опадать.

— Здесь для нас нет ничего интересного. Вернемся, — сказал Арсеньев.

Включив фонарь, мы тем же путем двинулись обратно и через десять минут очутились в большом зале. Проходя мимо планетария, где все еще двигались светящиеся шары, я невольно взглянул на черный знак двойного кольца, вырезанный на камне, и остановился на полушаге. В голове мелькнуло воспоминание. Такой же рисунок я видел в горной пещере. Венера и Земля, вращающиеся вокруг Солнца... Но эта сплошная линия не соединяла их, она начиналась на поверхности Венеры, устремлялась сквозь пространство к Земле и проходила через нее, словно зачеркивая планету.

— Профессор! — крикнул я. Мысли неслись, как в водовороте. — Профессор! — окликнул я еще раз.

Астроном уже вышел из зала, и в глубине коридора раздавались его удалявшиеся шаги.

ПЕТР АРСЕНЬЕВ

Когда автомобиль вернулся, мы попробовали проникнуть в глубь одного из наиболее сохранившихся зданий. Поиски какого-либо входа оказались безрезультатными, тогда мы заложили в нишу бокового крыла хороший заряд фульгурита. Взрыв развалил часть стены, и через образовавшийся пролом можно было войти внутрь. Но ни здесь, ни в других зданиях, толстые стены которых нам удалось проломить, мы не нашли ничего, что хоть немного напоминало внутренность

жилища на Земле. Здания были похожи на наши только внешним видом. Голубоватый отсвет не проникал внутрь домов: там стоял почти полный мрак, лишь кое-где разорванный тонкими лучиками, просачивающимися сквозь трещины в стенах. В свете фонарей перед нами вставали ряды погнутых труб, тоннели, плоскости, обширные покосившиеся залы, усыпанные металлическим и стеклянным щебнем. Много раз мы натыкались на конструкции, назначение которых было для нас совершенной загадкой. Большие залы разделялись перегородками на секции, у потолка широкие, а внизу сузившиеся настолько, что человек едва мог туда влезть. В этих нишах находилось множество наклонных выступов, похожих на полки.

Под поверхностью улиц раскинулась сеть замкнутых артерий. Они шли ярус за ярусом, одни погруженные в темноту, другие озаренные зеленоватым свечением потолков, кое-где соединяясь по пяти и шести и образуя площадки, напоминающие огромные барабаны, разделенные на два этажа. От верхнего этажа отходили круглые тоннели. Осмотрев их, мы убедились, что они ведут внутрь различных зданий. Многие проходы были загромождены горами обломков, к которым мы не прикасались, опасаясь, как бы висящие над нами десятки этажей не рухнули от сотрясения. Кое-где остались обломки вертикальных рельсов, по которым, наверное, некогда двигались какие-то поезда. Но теперь только груды оплавленного металла висели между закопченными стенами.

В одном из самых крупных зданий, вершина которого растрескалась и поднималась в небо разорванными арками, в нескольких десятках метров под поверхностью улицы мы нашли зал, огромный, как соборный неф, а в нем маленькие камеры с окошками из прозрачной массы. Многие окна потрескались. Все здесь было покрыто густой серебристой пылью. Лучи фонарей увязали в ее клубках, поднимавшихся при каждом шаге, окутывавших нас мерцающим облаком и оседавших на шлемах и скафандрах. Далее открывалось воронкообразное углубление, похожее на открытый вентиляционный колодец шахты. Несколькими этажами ниже, посреди поваленных друг на друга кронштейнов и лебедок, на каменных плитах лежали обуглившиеся корпуса машин. Их

было несколько десятков; расположенные по прямой линии друг за другом, они чернели, как позвонки какого-нибудь чудовища. По бокам у них выступали оплавленные сегменты, похожие на поломанные крылья.

Мы медленно двигались от одного здания к другому, пока не пришли к пустырю, окружавшему кратер. Здесь ученые принялись исследовать радиацию с помощью ионизационных камер и счетчиков Гейгера. От кратера отходило несколько глубоких рвов, загроможденных грудями шлака и металлических натеков. Удаляясь все больше от центра взрыва, мы дошли до первых частично уцелевших зданий.

Здесь, очевидно, когда-то была температура, равная температуре Солнца. Всю поверхность отлогого склона покрывали мелкие пузыри стекловидной массы, застывшей в момент кипения. Мы обратили внимание, что в двух местах стена была гладкой и слегка вогнутой. В лучах мощного фонаря, направленного так, чтобы свет падал почти параллельно поверхности, на шершавом фоне проступали два стертых силуэта, заостренных кверху, словно тени людей в высоких капюшонах. Один сильно наклонялся вперед, как бы падая, другой скорчился, словно присев и втянув голову в плечи. Ростом обе тени были чуть выше метра. Сравнение с человеческими существами вызывалось, очевидно, больше игрой воображения, чем тем, что мы видели на поверхности откоса: попросту там было два пятна, которые могли вовсе и не являться чьими-либо тенями, но ученые занялись их подробным исследованием. Они фотографировали пятна в различном освещении, измеряли радиоактивность в пределах их контуров и вокруг них. Арсеньев даже послал Солтыка на ракету за пластичным материалом для оттисков, но и после пятичасового ожидания мы не получили никаких результатов. Возможно, что в момент взрыва у откоса стояли два существа: перед тем как испариться при температуре миллион градусов, их тела заслонили часть стены от непосредственного действия жара. Но так как мы не могли представить себе даже очертаний или роста этих существ и не знали, на какой высоте произошел взрыв, в нашем распоряжении не было никаких данных для решения этой загадки.

Чтобы не слишком затягивать наше пребывание в мертвом городе, мы разбились по двое, и каждая двойка должна была подробно исследовать хотя бы один район.

Арсеньеву и мне досталась большая площадь, покрытая лесом потрескавшихся колонн, стоящих дыбом плит, опор, исковерканных мостовых конструкций, с путаницей узких, засыпанных грудами песка дорог, проложенных в выемках среди крутых гладких куполов. Все это светилось слепым блеском и было погружено в полное безмолвие, только в огнях наших фонарей в полумраке у самой земли оживали клубки теней.

Взобравшись на высокую насыпь, покрытую волнами застывшего металла, мы увидели что-то похожее на огромные грибы с плоскими шляпками — несомненно, остатки каких-то машин. В глубине на освещенном фоне темным силуэтом выделялось высокое здание. Оно привлекло наше внимание, так как, в противоположность всему вокруг, было погружено во мрак. Мы обошли его и, не найдя никакого входа, высверлили в фундаменте шпур, чтобы заложить заряды фульгурита. От взрыва получился звездообразный пролом, через который мы проникли внутрь. Поднявшись по обломкам разбитой колонны, мы очутились в обширном зале. Он был усыпан металлическими черепками, смешанными с чем-то похожим на куски меха. Это были перегоревшие остатки, которые при первом же прикосновении превращались в пепел. Посреди зала стояла четырехгранная колонна с двумя круглыми отверстиями: внутри она была пустая и напоминала что-то вроде шахты. На стенах торчали короткие, загнутые книзу крючки. Мы спустились по этой шахте на несколько метров и, пробившись сквозь груды обломков, очутились в настоящем лабиринте низких и узких коридоров: одни шли лучеобразно, другие спиралью, пересекаясь с первыми под углом. Здесь было совершенно темно. При свете фонарей мы увидели на стенах вертикальные ниши. В них торчали наклонные треугольные полки с частыми мелкими отверстиями. В этих отверстиях, на перегородках ниш и под ними лежали груды серебристых зернышек, таких же, как и те, которые я когда-то принял за металлических насекомых. Арсеньев предположил, что это помещение — нечто вроде архива или библиотеки. Следуя его примеру, я тоже

наполнил себе карманы металлическими зернышками, и мы пошли дальше.

Мы не боялись заблудиться, так как гирокомпасы безошибочно отмечали каждый поворот, каждое изменение в направлении пути. Некоторые коридоры были настолько узки, что мы не могли пройти по ним, другие расширялись куполообразно, образуя шарообразные камеры, напоминающие выдутые из металла пузыри. Проблуждав по подземелью почти час, мы возвращались на поверхность сначала по крутому коридору, потом по просторному залу. Пол его был выложен гладкими черными плитками, покрытыми тонким слоем пыли. Случайно направив свет в сторону, я увидел на серой поверхности полосу темных пятен, и мы тотчас же свернули туда.

На запыленных плитах виднелись эллиптические отпечатки диаметром сантиметра по четыре. Они были похожи на отпечатки ходуль, заканчивавшихся овальными подковами. Арсеньев измерил расстояние между двумя следами: оно равнялось шести сантиметрам. Мы пошли за ними по длинной, спускавшейся вниз галерее, которая постепенно суживалась, пока не превратилась в подобие коридора с наклонными друг к другу стенками. Пыль иногда исчезала, след терялся, но другой дороги не было, и мы шли дальше. Вдруг коридор круто повернул. Гладкие стены упирались в скалу. Внизу, среди ее складок, открывался черный зев. Перед самым зевом грунт был покрыт слоем затвердевшего серо-коричневого ила. Следы, отмеченные овальными углублениями, вели в глубь темного отверстия. Мы решили идти дальше, пока это будет возможно.

Пришлось двигаться на четвереньках. Стены естественного коридора состояли из монолитной скалы со слабым рельефом. Когда-то здесь, вероятно, струился подземный родник; в более узких местах, где струя била с большой силой, стены были словно отполированы. На твердом, как кость, дне то здесь, то там виднелись овальные отпечатки. Раз-другой застучали по шлемам мелкие камешки, осыпавшиеся с потолка. Наконец стало так тесно, что нельзя было двигаться даже на четвереньках. Потолок состоял из темного камня вроде базальта, прорезанного глубокими трещинами. Арсеньев, который был впереди, осветил коридор в том месте, где он суживался.

— Там просторней, — сказал он и попробовал пролезть, но тотчас же попятился, так как едва не застрял между глыбами. Ему удалось втиснуться с моей помощью только тогда, когда он снял рюкзак и лучевое ружье. Я пролез вслед за ним, оставив рюкзак под плоским скалистым выступом.

Мне, как более худому, пролезть удалось легче. Некоторое время было совсем темно. Вдруг почва заколебалась, что-то больно ударило меня по ноге. Я с силой рванулся вперед и попал в пространство пошире. Раздался негромкий протяжный гул, потом шум от падения груды камней — и снова наступила тишина.

Вспыхнул свет. Здесь было столько места, что мы могли стоять рядом. Арсеньев осветил отверстие коридора. В глубине чернела каменная стена. Произошел обвал, мы были засыпаны.

— Фульгурит, — приказал Арсеньев.

У меня в кармане было несколько зарядов этого взрывчатого вещества. Я подал их астроному. Он, в свою очередь, сунул руку в карман за капсулями и подрывным кабелем. Фонарь он повесил себе на грудь. В отраженном от скалы свете мне было видно его лицо за стеклом шлема. Вдруг он вздрогнул и остолбенел. Ощупал один карман, другой, потом взглянул на меня. В глазах у него я увидел то, чего до сих пор не замечал за этим смелым человеком: обыкновенный страх.

Это продолжалось лишь секунду. Он опустил глаза.

— У вас нет капсулей? — спросил он.

— Нет.

— У меня тоже. Должно быть, выпали, когда я полз.

Фульгурит — вещество, совершенно безопасное в обращении. Без специальных капсулей он не взрывается, даже если бросить его в огонь. Четыре наших заряда были теперь бесполезны: немного сероватого теста — вот и все.

Арсеньев молча повернул, и мы пошли в глубь коридора. Коридор шел извилисто. Я считал шаги: двадцать, потом резкий поворот, и коридор расширился. Свет ударил в скалу.

Мы стояли в небольшой пещере, сплюснутой, как змеиный череп. В ширину она была шагов восемь. Я ударил топориком. Замурованное пространство не дрогнуло. «Это русло подземного родника, — лихорадочно думал я, — вода должна была уходить куда-то, нужно поискать лучше».

Тут я увидел, куда уходила вода. Когда-то подземное русло шло дальше, но сверху сполз отвесный обломок скалы и вклинился в коридор с такой силой, что по стенкам вокруг него разбежалась тонкая сетка трещин. Под страшным давлением сверху обломок плотно слился с окружающей породой и теперь отличался от нее только несколько более темным цветом. Там, где он уходил в дно пещеры, было немного песка, и я увидел на нем неглубокие овальные отпечатки: это были последние следы, приведшие нас сюда. Дальше они исчезали под преградой, которую мы не могли одолеть.

— Этого я не предвидел... — тихо, сквозь сжатые зубы проговорил Арсеньев словно себе самому и сел на камень. — Погасите фонарь, батарея иссякнет. Она еще пригодится.

— Мы заперты.

— Знаю. Погасите фонарь.

Я послушался, и темнота наступила так внезапно, словно на лицо села черная птица. Я судорожно замигал, в глазах закружились желтые звезды. Потом взглянул на светящийся циферблат часов. Прошло только четыре минуты, а я думал — не меньше получаса.

Темнота рождала во мне тревогу. Я зажмурился, потом открыл глаза, но ниоткуда не проникал даже слабый отсвет. Вдруг Арсеньев встал; я слышал, как он ощупью обходит пещеру. Потом зажег свет и начал простучивать стены острым концом топорика. Они везде отзывались каким-то однотонным тупым звуком.

Мы вернулись в коридор и там тоже простучали стены и потолок. Еще раз обследовали место обвала. В отверстие мог вползти только один человек, да и то лишь по пояс. Я попробовал сдвинуть завалившие проход глыбы. Жилы у меня напряглись, кровь зашумела в висках, но глыбы даже не дрогнули — они сидели крепко, словно цементированные. Потом попробовал Арсеньев. В тишине слышалось только наше ускоренное дыхание. Мы молча вернулись в пещеру и сели у стены, погасив оба фонаря. Потом я вспомнил о топорике Арсеньева: мой остался вместе с рюкзаком. Я зажег фонарь и кинулся в коридор. Крепко упершись ногами, я начал бить в каменную баррикаду. Мелкие осколки кварцита со звоном отскакивали от шлема.

— Перестаньте, — лениво промолвил Арсеньев. — Это бессмысленно.

Я описывал круги блестящей сталью, бил изо всех сил. Камень взвизгивал, но не поддавался. Осколки летели в воздух. Я стал ударять сильнее — меня обуяла ярость — и замахнулся так, что чуть не упал. Вдруг рукоятка выпала у меня из рук. Никому не нужное острое звякнуло о камень и упало. Топорик сломался у самой головки.

Я вернулся к Арсеньеву.

— Глубоко мы? — спросил я, когда дыхание немного успокоилось.

— Метров пятнадцать.

Мы молча сидели во мраке. Минут через двадцать мне стало казаться, что я недостаточно тщательно обследовал одну из стен коридора; быть может, там, за тонкой перегородкой, найдется какой-нибудь проход, дорога, ведущая на свободу... Я вскочил и зажег фонарик. Его блеск ослепил меня и тут же разбил последние надежды: мы хорошо обследовали скалу — в ней нет никаких отверстий, никакой щели, ничего, ничего!

— Садитесь, — вяло произнес Арсеньев. — Садитесь. — Он прирос к стене большой неподвижной тенью. — И погасите фонарь... он уже бледнеет.

Действительно, свет несколько ослабел. Нужно было сменить батарею, но она была там, в рюкзаке.

Я внимательно посмотрел на пылавшую в лампочке вольфрамовую нить, погасил фонарик и тяжело опустился на камень. Было шесть. Вот уже полтора часа, как мы засыпаны.

Я прижался шлемом к скале. Глухая, щемящая тишина...

Понемногу мы привыкли к темноте. Все кругом, казалось, замерло, и меня постепенно начало клонить ко сну. Утомленные мускулы требовали покоя. За последние сутки я очень много работал и даже глаз не сомкнул: откапывал щепень, вел автомобиль по гудам развалин...

...Вдруг я проснулся с мыслью, что мне нужно что-то сделать: сменить батарею в фонаре. Окончательно очнувшись, снова подумал об этом и рассердился сам на себя. Решил взять себя в руки: закрыл глаза и улегся поудобнее на плоских камнях. Я дома, стоит темная октябрьская ночь. Прохладно, но мне всегда нравилось спать с открытым окном.

Тихо, даже ветер уснул в ветвях сада. В восемь утра я должен лететь в Каир. До рассвета можно спать.

Я говорил себе так, но это не помогало. Снова взглянул на часы: без четверти семь. Вдруг я стал вспоминать, как зовут Арсеньева. В последнее время мы с ним не были так близки, как во время перелета.

— Петр... — сказал я.

Он тотчас же отозвался:

— Что?

— Ничего, — тихо ответил я. — Я хотел узнать, спите ли вы.

Так прошла ночь. Под утро я уснул, но сон не принес мне облегчения. Проснулся я внезапно, вспомнив, что произошло что-то страшное. Руки наткнулись на холодный камень. Было холодно. Я зажжет фонарь.

Арсеньев лежал вытянувшись. Серый комбинезон был измят и покрыт известковыми пятнами. Он не спал и взглянул на меня сквозь окошко шлема.

— Пять часов, — сказал он. — Пять утра.

— Ночью ничего не было слышно?

Я знал, что нас не найдут, если даже будут искать, но все же спросил.

— Нет.

Арсеньев встал.

— Куда вы идете?

— Осмотреть скалу.

Раздались постепенно затихавшие шаги. Потом наступила тишина. Она тянулась долго. Я не выдержал, окликнул Арсеньева. Он вернулся.

— Что случилось?

Я не ответил. Просто он долго не возвращался, и меня обуял страх.

В неподвижном круте света — узкий каменный коридор, видимый до самого поворота. Вверху большие плоские тени, как засохшие нетопыри. Я перевел дыхание, встал и принялся ходить взад и вперед. На каком-то повороте Арсеньев окликнул меня:

— Садитесь, утомляться не нужно. И потом, вы расходуете больше кислорода.

— А я и хочу расходовать больше! — ответил я. Его спокойствие раздражало меня. Я с трудом овладел собой и сел.

Арсеньев методично оправлял скафандр, разглаживал складки, подтягивал и отпускал ремни. Потом он выложил из карманов все, что там было: таблетки витаминного концентрата, записную книжку, спички, электрометр и револьвер, маленький, как игрушка. Он всегда носил его с собой — кто-то принес ему в подарок перед отлетом: «Для охоты на венерианских диких зверей». Еще раз обшарив карманы, он взвесил на ладони немного сахара.

— У вас тоже есть?

— Нет, я свой уже съел.

— Жаль.

Меня удивило, что он жалеет о горсточке сахара. С языка едва не сорвались язвительные слова, но я промолчал. Арсеньев вынул заряд из револьвера. Я понял, о чем он думает.

— Бесплезно, — сказал я. — Обычный капсюль не воспламенит фульгурита. Его ничто не воспламеняет, кроме специальных капсюлей.

Арсеньев зажег фонарь: он горел слабо.

— Мой тоже, — сказал он. — Погасите фонарь.

Я повиновался. Темнота стояла стеной, и я, казалось, совершенно слился с ней. В глазах мелькали зеленые пятна — яркие, дрожащие пятна. Тихонько тикали часы. Время шло: девять часов, десять, одиннадцать...

Арсеньев заговорил так неожиданно, что я вздрогнул:

— Кто у вас на Земле?

На секунду я задумался — так это было сейчас далеко.

— Отец.

— Больше никого?

— Никого.

— У меня жена... — И, вероятно, из опасения, как бы я не подумал, что он говорит это, рассчитывая вызвать жалость, продолжал: — Я сейчас делал в уме один расчет и вспомнил о ней. Когда мы познакомились, то долго не могли говорить ни о чем, кроме математики. Я готовился тогда к диплому, все мои мысли были сосредоточены на одном — на теории пульсирующих звезд, и я рассказывал ей об этом.

Он умолк на минуту, словно сам удивляясь, что так много говорит.

— Однажды в саду обсерватории мы сидели и читали

Фламариона, «О многочисленности обитаемых миров». Вы, вероятно, не знаете этой книги, она очень старая. Был июнь, вечер, спускались сумерки... Мы читали вместе, вместе переверачивали страницы, становилось все темнее, бумага делалась серой, а мы все читали. Так бывает только в юности... Когда слова окончательно расплылись, мы подняли головы — над нами было небо, полное звезд, темнота и миры, которые вставали со страниц... — Он остановился.

— Петр?

Мне показалось, что он продолжает говорить, но так тихо, что до меня долетает только непонятный шепот.

— Что вы говорите, Петр?

Он сказал тихим, чуть певучим голосом:

— Если бы я мог еще раз коснуться ее щеки...

— Перестаньте! — с ненавистью крикнул я. — Перестаньте!

Он умолк.

В течение последующих часов в голове не было никаких мыслей, образов или воспоминаний. Я не ощущал ни тревоги, ни отчаяния, только непрестанно растущее внутреннее напряжение, словно мне пришлось тащить на себе какую-то тяжесть, грозившую раздавить меня. Представьте себе человека, придавливающего своим телом мешок, наполненный какими-то чудовищными тварями: он судорожно держит его, а мешок все вырывается и вырывается. Так и я накрепко последние силы, чтобы держать себя в руках, ибо знал, что если мне это не удастся, то произойдет что-то страшное — я уже не смогу владеть собой. Я же больше всего боялся не смерти, а того обезумевшего существа, в которое могу тогда превратиться. То, что говорил Арсеньев, действовало на меня, как удары ножа. Какую-то долю секунды я боролся с собой, потом покорился. Мне вдруг почудился — ибо это нельзя было назвать воспоминанием — непередаваемый запах вспаханной земли, словно я стоял среди обнаженных, ждущих весны полей, на холме, вдыхая ошеломляющий, опьяняющий аромат, в котором таится ожидание жизни и самая жизнь. Это был кризис. Меня охватило невозмутимое железное спокойствие. И тогда пришло решение. Я наклонился, нащупал спину Арсеньева, его могучие мускулы под холодной тканью комбинезона. Как вор, я залез ему в карман. В

первое мгновение он не мешал мне, но когда сквозь ткань мне удалось нащупать рукоять револьвера, он понял. Мы вдруг схватились в полной тишине. Слышалось только наше затрудненное дыхание. Он был сильнее и придавил меня к стене, потом включил фонарь у меня на груди. Желтый свет клином вбилась между нами.

— Дайте, — прохрипел я. — Дайте... только один заряд...

Он не отвечал и все сильнее прижимал меня к стене.

— Дайте револьвер, — задыхаясь, говорил я. — Не будьте глупым!

Я уже не вырывался.

— Канченджонга, — шепнул он мне на ухо.

— Дайте револьвер. Все кончено...

— А тогда...

— Тогда была надежда. Дайте, Петр!

— И теперь есть.

— Неправда!

Он вдруг отпустил меня и сделал шаг назад.

— Вы хотите оставить меня здесь одного? — медленно произнес он, огромный, с гигантской тенью над головой.

Что-то стиснуло мне горло с такой силой, что я едва мог перевести дыхание. С минуту я трясся, словно бился в судорогах. Потом хлынули слезы. Я опустился на колени. Он сел рядом со мной. Большая тяжелая рука обняла меня за плечи.

— Ну, ну... — говорил он. — Ну, ну...

— Слушайте, — сказал я спокойнее, — они не знают, что мы препали. Впрочем, они все равно нас не найдут. Надежды нет. Зачем ждать? Если бы у нас была взрывчатка...

— Взрывчатка есть, — ответил он и коснулся баллона на моем кислородном аппарате.

— Кислород?!

— Да, жидкий кислород.

Я вскочил и снова опустился.

— Нет, это ни к чему, я уже думал об этом. Кислород сам по себе не взрывается: его нужно смешать с горючим материалом.

— Правильно.

— А у нас ничего такого нет.

— Есть.

— Что?

Он достал из кармана два маленьких плоских кусочка: это был прессованный сахар. Я начал понимать.

— Петр!

— Вы знаете, как делаются оксиликвиты: жидкий кислород смешивается с порошком угля или сажи. При воспламенении кислород соединяется с углем и дает взрыв. Сахар — это углеводород, в нем есть углерод и водород, он горюч, а этот как раз мелкий и сыпучий.

— Потому-то вы меня и спрашивали раньше?

— Да.

— И ничего не сказали?

Он сильной рукой привлек меня к себе.

— Послушайте. Я рассчитал, какую ударную силу может развить заряд, который у нас есть. Мы не знаем, на каком протяжении рухнула кровля. Если в самом узком месте, то у нас есть надежда. Меньше всего у нас горючего — сахара, кислорода много, так как мы взяли двойной запас, и если нам удастся выбраться, то хватит его и на обратный путь. Но есть еще одна трудность. Чтобы такой заряд взорвался, его нужно поджечь электрическим запалом.

Я понимающе кивнул головой.

— У нас есть батареи.

— У нас есть батареи, и потому я берег свет, но у нас нет кабеля. Вот все, что есть. — Он показал трехметровый кусок провода. — Я вынул его из электрометра. Из скафандров вынуть нельзя, потому что нельзя снять шлемы, так что...

Он запнулся на секунду.

— Кто-то должен подорвать заряд вручную, на месте.

— И потому вы об этом не говорили?

— Да.

Вдруг у меня блеснула мысль.

— Петр, вы не спали?

— Нет.

— Всю ночь?

— Да. Я искал другой способ.

— И нашли?

— Нет. Мы не можем снять шлемы, — повторил он. — Мы тотчас же отравимся.

— А если бы фитилем, — начал я. — Вытрясти порох из патрона.

— Взрыв или совсем не произойдет, или будет слабый. Впрочем, порох необходим, его нужно подсыпать на концы проводов. Это вызовет детонацию. Но запал должен быть электрическим.

— Погодите... а если выстрелить в заряд из револьвера?

— Я думал и об этом. Нужно пять выстрелов, да еще одновременных. Так получается по расчетам. Иначе мы не только не откроем себе пути, но вызовем еще более сильный обвал.

— Так, — произнес я. — Вы правы. Один из нас должен пойти туда. Бросим жребий?

— Не хочу полагаться на случай. В этом есть что-то унизительное.

— Значит?..

Он молчал.

— Может быть, все-таки есть другой выход?

— Есть. Во-первых, как физик, я хорошо знаю, в каких условиях взрывная волна действует сильнее всего, а во-вторых, как руководитель экспедиции...

— Понимаю, можете не договаривать. Я не согласен...

— Я уверен, что это мне удастся. Не хочу приказывать...

— И не имеете права!

— Не имею права?

— Нет, и вдвойне... после того, что я хотел сделать. Пойду я.

Арсеньев достал из кармана коробку спичек и подал мне.

— Чет — пойдете вы, — сказал он. — Нечет — я.

Я начал выкладывать спички на камень. Это было похоже на игру; я клал одну белую палочку за другой, а губы двигались, считая: восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать... Последней была семнадцатая.

— Пусто, — сказал Арсеньев.

Я потряс коробочку. Еще одна спичка, притаившаяся под крышкой, скатилась по камню и упала на землю.

Арсеньев отвернулся и отскочившим лезвием топорика начал дробить сахар и ссыпать его в пакетики, сделанные из листков записной книжки. Потом в полном молчании мы вытащили ножом патроны из револьвера, высыпали порох из гильз и вдвоем пошли по коридору к месту обвала. Арсеньев обозначил пять щелей между камнями; я расширил их

острием топорика, а Арсеньев в это время наливал кислород в пакетики. Бледно-голубая, почти бесцветная жидкость шипела и вскипала, стекая тонкой струйкой. Пакетики, только что мягкие, затвердели, как камень: не будь рукавиц, их нельзя было бы взять в руки, но и сквозь ткань ладони обжигало страшным холодом.

Готовые заряды мы втиснули глубоко в шпурь. Арсеньев соединил их проводами и вывел концы в сторону. Когда шпурь были заложены осколками камня и забиты глиной, он сказал мне, прислонясь к скале:

— Станьте вот так. Тогда вы будете защищены от лобовой волны. Соедините провода и ложитесь ничком. Вот и все.

Секунду он стоял неподвижно возле меня, потом вдруг схватил меня за плечи, прижал к себе изо всех сил и быстро, словно отталкивая, отпустил. Когда его шаги стихли за поворотом, я взял батарею.

Один полюс был уже присоединен. Я прижался к скале, стараясь слиться с нею.

— Внимание! — крикнул я. — Готово!

Маленькая искорка проскочила под проводом. Раскаленный молот ударил мне в грудь. Оторвавшись от земли, я полетел в грохочущую огненную тучу.

КОМАНДА КОРАБЛЯ

Разбудил меня яркий свет. Прямо надо мной горела лампа с зеркальным отражателем. Я лежал на чем-то прохладном и мягком. Мне хотелось заслонить глаза рукой, но ее что-то держало.

— Спокойно, — сказал чей-то голос.

Я повернул голову. Тарланд в белом халате наклонился над тележкой, где стояли стеклянные цилиндры и аппараты. Трубки переливались светлыми бликами. Моя левая рука лежала на резиновой подушке, из вены торчала игла, а к ней шел резиновый шланг. По стеклянной трубке, соединявшей его с аппаратом, текла светло-красная жидкость. Я чувствовал, как в жилы проникает щекочущая, теплая струя.

— Что это? — удивился я. — Переливание крови?

Мне становилось теплее. Все вокруг было удивительно спокойным и каким-то нереальным. Тарланд отодвинул аппарат, быстро вытащил иглу и зажал ранку кусочком марли.

— Кто это поет? — спросил я, услышав высокую нежную мелодию.

Мне было хорошо. Мысли плыли медленно, вставали какие-то смутные картины: путешествие по мертвым, освещенным ущельям, потрескавшиеся кристаллические стены, темные коридоры, галереи... Где все это было? На леднике? В Гималаях? Во сне? Вдруг в памяти всплыли последние минуты перед потерей сознания: пещера, черные, слабо освещенные глыбы, глухая тишина и два провода, над которыми я наклонился, чтобы...

Я закрыл глаза. Когда я снова открыл их, взгляд упал на экран телевизора, находившийся на противоположной стене. На черном фоне виднелись мелкие искры.

— Звезды?

Пение оказалось шумом двигателей. Мы летели. В каюту вошли два человека: Райнер и Арсеньев.

— Как вы себя чувствуете? — спросил астроном.

— Хорошо.

Не знаю, почему мне в голову пришел вопрос, который я тотчас же задал:

— Почему тот город светился? Разве это был люцит?

Стоявшие у койки переглянулись.

— Нет, это барисво-натриевый сплав, не имеющий ничего общего с люцитом. Он светится потому, что был облучен в момент взрыва, — сказал Райнер, очень довольный, что может ответить так обстоятельно.

— Взрыв? Ах, верно... этот кратер... — заговорил я. — Послушайте...

Тарланд прервал меня:

— Вам нельзя разговаривать. Время у нас есть, позже все узнаете.

Он попросил обоих ученых уйти из каюты. Я слышал, как в дверях он говорил что-то о сотрясении мозга и о том, что мне нельзя волноваться.

— Но что было дальше? — слабо протестовал я, когда он вернулся. — Открылся ли проход?

Тарланд нащупал мой пульс.

— Профессор Арсеньев вынес вас из темноты на свет, а я — я создал вас заново. — Он улыбнулся.

Я хотел спросить еще о чем-то, но все спуталось, перемешалось, уплыло куда-то далеко. Я увидел голубое небо... пели птицы... Я уснул.

Прошло много времени, пока из сдержанных бесед, все время прерываемых наблюдавшим за мной Тарландом, я узнал, как Арсеньев вынес меня из-под земли, когда открылся проход, как он старался зажать разрывы на моем скафандре, как ему показалось, что я в агонии, как потом приехал вызванный ракетами автомобиль и увез нас на «Космократор».

Бесчувственного, отравленного ядовитой атмосферой, проникшей в разрывы скафандра, с переломами ребер положил меня биолог на операционный стол. Прошло тридцать часов, прежде чем я впервые открыл глаза. Но потом я начал быстро поправляться, почти все время спал и только когда приходило время поесть, просыпался и с волчьим аппетитом набрасывался на еду. Скоро я уже начал вставать, и Тарланд лечил мне легкие искусственным горным воздухом и кварцевой лампой. Но мне все еще не разрешали расспрашивать товарищей о мертвом городе и обитателях Венеры. Биолог объяснял это тем, что у меня было сотрясение мозга и что мне нельзя волноваться. Напрасно я твердил ему, что неудовлетворенное любопытство — самое сильное волнение, — в ответ на это он советовал мне сидеть в Централь перед большими экранами, так как считал, что в период выздоровления нет ничего более успокоительного, чем зрелище звездного неба. После случая со мной «Космократор» еще с неделю кружил над планетой, потом, удалившись от нее по расширяющейся спирали, повернул к Земле.

Понятно, что созерцание звезд вовсе не успокаивало меня и уж наверняка не могло утолить мою жажду узнать все, что знали товарищи. Я долго мучил Тарланда и наконец так измучил его, что он разрешил рассказать мне обо всем.

Ученые работали в кабине «Маракса». Некоторое время я ходил по коридору. В этот день двигатели с утра были выключены и ракета летела, притягиваемая Солнцем. Стояла глубокая, словно исторгнутая из вечности, тишина. Когда я

вошел в кабину, ученые стояли у центрального пульта «Маракса». Верхний свет был погашен. Люди вырисовывались темными силуэтами на фоне зеленоватых экранов. Монотонно шумели электродвигатели. Из недр «Маракса» вываливались клубы металлической проволоки; проволока бежала по желобчатым плитам к электромагнитам и снова наматывалась на катушки, подвешенные к штативам. Чандрасекар перевел рычаги. Конец проволоки еще некоторое время извивался на скользкой поверхности пульта, как металлический червяк, потом задрожал и исчез в наматывающем механизме. Шум токов умолк. Все экраны покрылись сероватой тенью, и рой неподвижных зеленоватых иероглифов на них постепенно таял. Вспыхнула трубчатая лампа на потолке.

Арсеньев прошелся по кабине, тыльной стороной ладони потер себе лоб, остановился и взглянул мне в глаза.

— Хотите узнать?

Я кивнул.

— Не так легко восстановить по уцелевшим остаткам историю чуждых нам существ. Тем более если это история гибели.

Последний отсвет, тлевший на экранах, исчез. Они стояли теперь серыми, мертвыми кругами.

— Отрывки из хроник, имеющиеся в нашем распоряжении, охватывают период в сто восемьдесят лет. Первый отрывок, который нам удалось разобрать, касается плана захвата Земли. Сначала я думал, что овладение Землей является для них следованием религиозному мифу и что изображение двойного перечеркнутого прямой линией круга, которое мы встретили в развалинах, — всего лишь символ. Но хроники дают совершенно иную картину. Планета была населена холодными расчетливыми существами. Полтора столетия назад, приступая к осуществлению своего плана, они прежде всего обсудили, могут ли им для чего-нибудь пригодиться люди. Увидев, что использовать нас не удастся, они решили уничтожить все население Земли. Средство, которое они хотели применить для этого, не должно было разрушить ни наших городов, ни дорог, ни заводов, чтобы потом их можно было использовать. Они хотели бросить на Землю радиоактивную тучу, а потом, когда

напряжение ионизации снизится, Белый Шар должен был выслать тысячи кораблей, которые опустятся на поверхность вымершей Земли. Они хотели уничтожить жизнь, сохранив все, что не было жизнью; они все добросовестно рассчитали, приняли во внимание все факторы, но забыли включить в расчеты одно обстоятельство: себя самих. Когда большие излучатели и Белый Шар были уже почти готовы, на последнем этапе реализации плана у них началась междоусобная война. Им удалось осуществить поставленную цель... на своей собственной планете!

Все вокруг Арсеньева расплывалось и исчезало в сумраке. Я старался разглядеть его лицо, но видел только белое пятно на темном неясном фоне. С невозмутимым спокойствием он продолжал:

— Какое значение имели для них машины, неясно. Быть может, машины были у них чем-то вроде высшей государственной власти. Во всяком случае, они разработали подробный план захвата Земли. Они готовили также планы войны.

— За что они воевали?

Арсеньев приподнял пучок проволоки со стола, словно взвешивая его на ладони.

— Это неясно. Быть может, за право колонизовать Землю. Это было общество с высокой цивилизацией, раса превосходных конструкторов и строителей, воодушевленная далеко идущими замыслами уничтожения и владычества. Такое общество должно было рано или поздно обратиться против себя самого, но прежде, чем окончиться катаклизмом, война длилась десятки лет. Некоторые этапы ее, очевидно, недоступны нашему пониманию, даже если бы не было больших пробелов в хрониках подземного архива. Укрывшись под поверхностью планеты, они наносили друг другу удары зарядами концентрированной энергии, засыпали тучами ядовитой пыли, вызывали искусственные тектонические сдвиги и обвалы грунта. Они затратили в войне такое количество энергии, которое могло бы превратить всю планету в цветущий сад.

Среди обитателей планеты выделилась группа существ с высокоразвитым интеллектом. Их задачей было создавать и обслуживать мыслящие машины. Эти существа некоторое время оставались как бы нейтральными, так как служили

обеим воюющим сторонам одновременно — снабжали их планами уничтожения.

— Но это абсурд!

— Однако так и было. По мере того как война затягивалась, уровень цивилизации падал. Процесс шел неравномерно: в нем наблюдались периоды подъема, вызываемые, по-видимому, временным затишьем, после которого начинались еще более страшные битвы. В зависимости от их результатов большие энергетические центры неоднократно меняли своих хозяев, и были периоды, когда они не функционировали, так как временные победители не обладали техническими знаниями и не умели привести их в действие. Вероятно, в эти периоды группа «нейтральных» существ попыталась спасти творения цивилизации, документы и хроники в тайниках, построенных среди гор, в необитаемых пустынях. На развалины такого тайника мы и натолкнулись во время экспедиции к Белому Шару. Потом одна из воюющих сторон начала одерживать верх. Она была уже так уверена в победе, что выслала на Землю корабль, полет которого закончился катастрофой. Тут хроники обрываются. О дальнейшем ходе событий мы можем только догадываться. Быть может, катаклизм наступил во время борьбы за овладение всей энергетической системой. Быть может, вызвавшие катастрофу существа плохо разбирались в действии аппаратов. А может быть, именно те, кому грозило поражение, применили последнее средство — заряд дейтронов, предназначенный для уничтожения Земли...

— Когда это произошло?

— В апреле 1915 года один молодой бельгийский ученый опубликовал статью, в которой сравнил средние годовые температуры Венеры на протяжении четырнадцати лет. Все они колебались около сорока градусов, и только в последний год наблюдений температура поднялась до двухсот девяноста по Цельсию. Это повышение держалось около месяца. Но это были годы великой войны, и никого не интересовали тогда астрономические фантазии. Решили, что это ошибка начинающего исследователя, и дело предали забвению...

Зазвонил телефон. Осватич вызывал астронома в Центральный, так как с ним хотела говорить Земля. Арсеньев вышел.

— И все погибли? — обратился я к физику, который,

склонившись над пультом, все еще рассматривал в большое увеличительное стекло чертежи на фотоснимках. — Неужели все? Разве это возможно? Почему не уцелел никто, даже в самых глубоких подземельях, там, где эта черная плазма... А может быть, где-нибудь в отдаленной части планеты они еще живут?

— У нас, собственно говоря, нет никаких оснований считать, что никто из этих существ не остался в живых, — ответил китаец, — а если мы так думаем, то только потому, что увиденное здесь убедило нас в их гениальности. Это звучит издевательски, но это так.

Я промолчал.

— Уничтожить себя, стремясь уничтожить другой мир, — это большая и страшная катастрофа...

Китаец смотрел на меня из-под прищуренных век. Через минуту в кабину вошел Арсеньев. Он был взволнован.

— Вы помните, — сказал он, — то место в «отчете», которое так удивило нас, где говорится о поисках чего-то или кого-то, кроме обитателей Земли? Мы думали, что пассажиры межпланетного корабля не обращают внимания на людей, так как ищут каких-то других, «настоящих» творцов цивилизации... Теперь все выяснилось! На Земле еще раз проверили перевод «отчета», используя материалы, переданные нами, и вот результат: они вовсе не искали «творцов цивилизации», они вообще не искали живых существ... они высматривали, нет ли у нас таких устройств, которые могли бы поймать губительный заряд и отбросить его обратно к ним!

— Да, это возможно, — сказал Лао Цзу вставая. — Полный текст передали?

— Пока нет, Дюбуа обещал передать его через полчаса. Пойдем со мной, Лао, и вы тоже, коллега Чандрасекар, мы должны передать дальнейшие вычисления.

Математик, работавший до сих пор возле «Маракса» за изолирующей стенкой, появился между двумя распределительными панелями, приоткрытыми, как двери. Я все еще не двигался с места. Ученые разговаривали, их голоса доносились до меня, словно издали.

— Так вот как все это кончилось, — сказал я. — Они хотели уничтожить нас... Но это как-то непонятно. У меня не

укладывается в голове: неужели они действительно были воплощением зла?

После этих слов наступило молчание. Чандрасекар, работавший у пульта, опустил руку с инструментом.

— Не думаю, — сказал он.

— А как вы считаете?

Чандрасекар отбросил оголенные концы кабеля на крышку «Маракса».

— Что мы знаем о жителях планеты? Ничего. Мы не знаем, как они выглядят, и даже не можем представить себе этого, не знаем, как они жили, а из тысячи вещей, которые могли бы охарактеризовать их жизнь, знаем только одну: план, по которому нас собирались истребить.

Он помолчал несколько секунд.

— Мы знаем, что материя слепа и что над ней нет никакого провидения, которое указывало бы ей путь. Порядок в бесконечные просторы Космоса вносит человек, ибо он творит ценности. Существа, посвятившие свою жизнь уничтожению, являются причиной собственной гибели, будь они даже самыми могущественными. Какое мы можем составить мнение? Воображение отказывается, разум отступает перед размерами страданий и количеством смертей, которые заключены в словах «уничтожение планеты». Должны ли мы осудить ее обитателей? Разве обитателями Венеры были чудовища? Я этого не думаю. Разве на Земле не велись чудовищные войны между обществами, состоявшими из гончаров, крестьян, служащих, плотников, рыбаков, маляров? Разве миллионы и миллионы, погибшие в этих войнах, были хуже нас? Или они больше, чем мы, заслужили смерть? Профессор Арсеньев считает, что жителей Венеры посылали на войну машины. Думаю, это не совсем так, но предположим, что так и было. А разве людей на смерть посылала не машина — обезумевшая, хаотически действующая машина общественного устройства, капитализма? Разве мы можем знать, сколько Бетховенов, Моцартов, Ньютонов погибло под ее слепыми ударами, не успев совершить свои бессмертные деяния? Разве на Земле не было таких, кто делал то, что вам, пилот, показалось совершенным безумием, не было торговцев смертью, которые служили обеим воюющим сторонам, продавая им оружие?

Аналогию можно найти не только в этом. И здесь нет ничего случайного, ибо должны существовать общие законы, которым подчиняется история разумных существ. Разумных... как горько звучит это слово в такую минуту! Но между нами есть разница — такая же большая, как разница между жизнью и смертью.

Энергия, которая должна была обрушиться на Землю, встала над всеми городами этой планеты в виде атомных солнц — солнц, заблеставших не навеки, чтобы творить и улучшать жизнь, а лишь на мгновение, чтобы уничтожить ее. При температуре в миллион градусов кипели и растворялись их великолепные здания, пылали машины, взрывались подземные трубы, по которым текла черная плазма. Так возникли картины, которые нам довелось увидеть через много десятков лет после катастрофы: развалины, пепелища, пустыни, леса сконденсированных кристаллов, реки ферментирующей плазмы в диких ущельях и этот Белый Шар, последний свидетель катастрофы, механизм которого, разладившийся, но все еще действующий, продолжает работать, бессмысленно и хаотически освобождая накапливаемую энергию, и будет работать, пока в подземных резервуарах еще пульсируют запасы черной плазмы... Это может тянуться сотни лет... если на этой планете не появится человек!

— Страшное наследство! — прошептал я.

— Да, — ответил Арсеньев, — но мы имеем право принять его. Когда люди начали понимать, что они товарищи по судьбе, что одна и та же звезда несет их в пространстве, что они являются экипажем корабля, как вот мы, например, и что жизни их соединены, как наши, ибо направлены в одну и ту же сторону, — они остановились перед пропастью. Империализм, видя неизбежную гибель, которую несла ему история, пытался увлечь за собой все человечество. Борясь с ним, мы боролись за нечто большее, чем просто за нашу жизнь. Формы материи приобретают красоту и смысл лишь тогда, когда отражаются в глазах, которые смотрят на них. Только жизнь придает смысл миру. Поэтому у нас хватит смелости, чтобы вернуться на эту планету. Мы навсегда запечатлеем в памяти ее трагедию — трагедию жизни, которая восстала против жизни и поэтому была уничтожена.

Арсеньев подошел к телевизору.

— Друзья мои, Венера — только этап. Наша экспедиция — это лишь первый шаг по пути, конца которого никто из нас не может даже представить себе. Я верю, что мы перешагнем границы Солнечной системы и пойдем дальше, что мы вступим на тысячи небесных тел, обращающихся вокруг иных солнц... и что настанет час — быть может, через миллион, быть может, через миллиард лет, — когда человек побывает на всей Галактике и огни ночного неба станут для него такими же близкими, как огни окон далеких домов. И хотя мы не можем ясно представить себе это время, я знаю, что любовь доживет до него, ибо она есть подтверждение красоты мира в глазах другого человека.

Арсеньев говорил это, стоя у экрана. Во мракеплыли рои звезд. Мне показалось, что их слабый отблеск падает на его лицо. Долгое время мы молчали, словно вслушиваясь в зовы далеких, разделенных безднами миров.

Зазвонил телефон. Лао Цзу взял трубку, потом положил ее и взглянул на Арсеньева:

— Нас вызывает Земля.

Содержание

ЧЕЛОВЕК С МАРСА

Повесть. Перевод Е.Вайсброта 5

КОНЕЦ СВЕТА В ВОСЕМЬ ЧАСОВ

Американская сказка

Перевод Е.Вайсброта 107

АСТРОНАВТЫ

Роман. Перевод З.Бобырь 151

Литературно-художественное издание

Станислав Лем
ЧЕЛОВЕК С МАРСА

Редактор *В. Генкин*
Художественный редактор *И. Сауков*

Изд. лиц. № 063402 от 26.05.94

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.01.98.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 20 000 экз.

Зак. № 56.

Набор и оригинал-макет подготовлены
издательством «Текст», 125190, Москва, А-190, а/я 89.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

ISBN 5-04-000670-5

9 785040 006700 >

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Тульской типографии,
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ
ЧЕЛОВЕК
С МАРСА

